

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

За семь дней она убьет семерых.
Ни слова о том, кого и за что.
Это странная женщина предлагает
узнать лучшему комиссару полиции.
И времени у него в обрез, ведь
кровавый счет уже открыт...

МЕТКА СМЕРТИ

Annotation

Комиссар уголовной полиции Сабина Немез крайне удивлена, встретив в главном здании БКА в Висбадене женщину в монашеской одежде, которая заявляет о желании признаться в преступлении. И не кому-либо, а исключительно коллеге Сабины Мартену С. Снейдеру. Но после бурной дискуссии с новым руководителем БКА он уволился, поэтому заменить его приходится Сабине. От услышанного у нее перехватывает дыхание: безобидная на первый взгляд женщина заявляет, что в следующие семь дней совершит семь убийств – о мотиве и способе она хранит молчание. Пожилую монахиню задерживают, а в БКА начинается суматоха – особенно после того, как Сабине, несмотря на все усилия, не удастся предотвратить первое убийство. Очень скоро становится ясно, что за всем этим скрывается исключительно изощренный план, который заинтриговывает и Снейдера. Он возвращается в БКА и вместе с Сабиной ввязывается в игру монахини, не подозревая, в какие темные бездны вовлечет его в этот раз непредсказуемая соперница...

-
- [Андреас Грубер](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [День первый](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [День второй](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [День третий](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
- [День четвертый](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
- [День пятый](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)

- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [День шестой](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
- [День седьмой](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
- [День восьмой](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
- [Эпилог](#)
 -
 - [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

Андреас Грубер

Метка смерти

Copyright © 2019 by Wilhelm Goldmann Verlag, München, in der
Verlagsgruppe

Random House GmbH

«Метка смерти»

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

* * *

*Для Трауде и Франца,
Вольфганга, Ули, Софи, Якоба и Терезы,
а также для Мартина, Катарины, Феликса и
Беньямина*

Нет врага хуже, чем враг по рождению.

Поговорка

Пролог

– Помофите! – промычал мужчина с кляпом во рту. Несмотря на жару, в старом фабричном цехе было еще прохладно в эти утренние часы. Спина и руки мужчины покрылись мурашками.

Он балансировал на цыпочках на двух стоящих друг на друге пустых металлических баках, пытаясь избежать судорог в икрах. Рот его заполняла пропахшая машинным маслом скрученная тряпка, туго зафиксированная застегнутым на затылке кожаным ремешком. Руки были скованы над головой, а оба наручника крепились к подвесам трубы, протянутой под потолком.

Какого черта со мной это делают? Он – пожилой полуслепой мужчина, у которого от подагры ноют суставы, во рту шатаются почти все зубы, а в заднице кровоточит геморрой.

Зачем меня так мучить?

Проклятая сука!

Без сомнения, все это устроила женщина. Та самая, которая заманила его на эту заброшенную фабрику. Оглушила и усыпила хлороформом. Затем натянула ему поверх рубашки какой-то дурацкий свитер, втащила его на баки и приковала под красной полимерной трубой.

Почему именно старый скатавшийся свитер? В такую жару? У бабы точно не все в порядке с головой.

Он пришел в себя с мерзким вкусом во рту, повиснув всем весом на наручниках, которые, судя по ощущениям, едва не перерезали ему запястья. В полузабытьи он еще уловил, как женщина откатила от него металлическую конструкцию. Баба должна быть чертовски сильной. Кроме нее, он никого не видел.

И все равно он пытался звать на помощь сквозь тряпку. Но кляп был забит так глубоко, что ему то и дело приходилось глотать все, что поднималось к горлу.

Бесполезно! Здесь тебя никто не услышит.

Окна были покрыты темными, уже потускневшими граффити, поэтому в помещение проникало мало дневного света. Он мог разглядеть ряд металлических баков, старый вилочный автопогрузчик,

деревянные поддоны и несколько бочек. И еще широкие и узкие трубы, которые, многократно изгибаясь, проходили по всему цеху.

Сам он висел в центре цеха, где уровень пола заметно понижался – видимо, в прошлом здесь был своего рода сток. Теперь же собрался толстый слой пыли и грязи. На внешнем крае углубления еще можно было разглядеть желтую разметку для автопогрузчиков, а также свежие следы ног и волочения. Волочения *его тела!*

– Помофите! – попытался он еще раз.

– Не старайтесь.

Он замолчал. Его сердце бешено колотилось, и он прислушался. Черт, незнаком ли ему голос этой женщины? Мягкий и немного надтреснутый? Наверняка старуха за шестьдесят или уже под семьдесят. Может, бывшая возлюбленная, которая решила за что-то отомстить?

Или речь о том старом деле?

Но я к тем бабам даже не прикасался!

И как старуха затащила его сюда в одиночку?

– Фто эфо фнафит? – выдавил он.

Его руки и плечевые суставы ныли. Он посмотрел вверх, на железную штангу, к которой крепились наручники. *Какого черта она подвесила меня именно здесь?* Он накренился и едва не сорвался с баков. Тогда бы он повис как говяжья полутуша на крюке.

Он попытался успокоиться и опять уставился вверх. Приглядевшись, заметил, что полимерная труба толщиной с руку изгибалась вниз над его головой. Прямо над ним находилось отверстие.

Медленно его начала охватывать паника. Все это было не просто злой шуткой.

Шаги приблизились к нему сзади, и как он ни старался повернуть голову, все равно не сумел разглядеть, кто там стоял.

– Только один человек может тебя спасти, – произнесла женщина мягким голосом.

– Сфасфи? – подал он голос.

Шаги стали удаляться, гулкий стук башмаков разлетался по всему помещению.

– Да, Мартен Снейдер, – сказала женщина. – И на это у него меньше тринадцати часов.

Железная дверь с лязгом открылась и тяжело захлопнулась. Дважды щелкнул замок.

В тишине, которая воцарилась в старом фабричном цехе, он снова поднял глаза. Широкое отверстие трубы выглядело как черная пасть ада.

Кто такой, черт возьми, Мартен Снейдер?

День первый

Висбаден, федеральная земля Гессен

Пятница, 12 мая

Глава 1

Дирк ван Нистельрой стоял у окна в своем кабинете и сквозь жалюзи смотрел на внутренний дворик здания. Пока что май был чертовски жарким и душным. Не таким жарким, как в прошлом году, но лето уже отчетливо ощущалось, а вместе с ним и предстоящие грозы.

Почти год ван Нистельрой был президентом БКА Висбадена и прямым преемником Дитриха Хесса. Поэтому у него вообще-то была уйма дел. И как назло, именно сейчас Снейдер попросил уделить ему время для разговора.

Ван Нистельрой взглянул на часы. Без пяти восемь. Насколько он знал Снейдера, тот наверняка будет сверх-пунктуальным. И конечно, почти сразу же уйдет. Он еще никогда долго не выдерживал в его кабинете, и сегодня точно не будет по-другому, когда речь пойдет об условиях его восстановления в БКА. А их нужно прояснить, потому что Снейдер уже несколько месяцев как был на службе. Тут ван Нистельрой услышал стук двери и быстрые шаги в кабинете своей секретарши.

Он отошел от окна, подхватил пиджак со спинки рабочего кресла и быстро надел. В следующий момент дверь распахнулась.

Снейдер, как всегда в дизайнерском костюме, буркнул «*Goedemorgen*»^[1], захлопнул за собой дверь и подошел к письменному столу, перед которым остановился.

Ван Нистельрой тоже остался стоять. Беседовать со Снейдером сидя было вряд ли возможно. Разговор с ним либо проходил в рекордное время и безо всякого смолтока, либо был таким эмоциональным, что клочья летели. Среднего не дано.

Ван Нистельрой ослабил узел галстука.

– Доброе.

– Ты обдумал мои требования?

– Да, и мой ответ: *нет!*

Брови Снейдера сошлись на переносице. Господи, его полированная лысина и лицо казались еще бледнее, чем обычно, а вместе с узкими черными бакенбардами, которые шли от висков к

подбородку, представлялись кадром из какого-то контрастного драматического черно-белого фильма. Мужчина срочно нуждался в отпуске и отдыхе. Но ван Нистельрой знал – единственное, что могло вернуть лицу Снейдера здоровый цвет, были охота на убийц и преподавание молодым зеленым коллегам в Академии БКА. При любой иной деятельности он погибнет самым жалким образом.

– Нет? – повторил Снейдер. Его веко дернулось.

– Я обсудил твое предложение с обоими вице-президентами, мы одного мнения.

– *Vervloekt*^[2], это не было предложением, – пробурчал Снейдер.

Ван Нистельрой сделал глубокий вдох и выдох. Он был уже готов вышвырнуть Снейдера из своего кабинета, но ввиду их старой дружбы – хотя, дружбой это нельзя было назвать, скорее многолетним перемирием – решил сначала попробовать дипломатический путь. Кроме того, многие опытные коллеги со стажем были мертвы, почти год назад стерты с лица земли в течение нескольких дней, и он нуждался в Снейдере. Но не любой ценой, и уж точно не на условиях Снейдера. Работа в БКА не концерт по заявкам.

– Ты получишь свой прежний кабинет, – сказал Нистельрой и на пальцах перечислил следующие пункты: – Две комнаты. Твое массажное кресло уже стоит там, а твоя массажистка – как ее зовут, Акико? – снова может приходить. Сними детектор дыма и кури свои самокрутки с марихуаной, без которой ты, очевидно, не в состоянии работать, выкини все растения из кабинета, если они лишают тебя кислорода, необходимого для мыслительного процесса, и пей сколько угодно ванильного чая, пока весь этаж не будет пахнуть как тропический остров, но на этом мое терпение заканчивается.

– Насрать на массажное кресло и чай! – резко отреагировал Снейдер. – Не об этом речь.

– А о чем тогда?

– Нам нужна команда, которая...

– С каких пор *ты* работаешь в команде?

– Я не работаю *в* команде, мне *нужна* команда!

– С чего это вдруг? И кому эти люди должны подчиняться? Руководству БКА, как и все остальные пять тысяч сотрудников? Или они будут работать во вселенной Снейдера?

Снейдер смерил его взглядом, словно это он, президент, вдруг обкурился.

– Мартен, ты не можешь просто так игнорировать все существующие правила! – продолжил ван Нистельрой.

– *Verdomme!*^[3] – Снейдер уперся руками в стол и наклонился вперед. Тыльные стороны его ладоней были исколоты иглами, которые он во время приступа кластерной головной боли вводил в акупунктурные точки, пытаясь облегчить состояние. Очевидно, в последнее время эти приступы участились. – Ты отправляешь меня в мой кабинет, ежедневно заваливаешь новыми бюрократическими заданиями и думаешь, все в порядке?

– Такова жизнь. Правила придумал не я.

– Да, все время новые заявки, протоколы, сертификации и все более строгие положения о защите персональных данных – меня уже тошнит! – презрительно выкрикнул Снейдер и смахнул пачку бумаг со стола. – Из-за всех этих онлайн-формуляров, новых компьютерных программ и прочего офисного дерьма я больше из четырех стен не выбираюсь!

– Времена меняются. Так всегда было. Это *офисное дерьмо*, как ты его называешь, часть действующей демократии – а после событий прошлого года за нами следят пристальнее, чем когда бы то ни было. И мне очень жаль, если из-за этого ты чувствуешь себя ограниченным в твоей... – он нарисовал пальцами в воздухе кавычки, – *креативной свободе творчества*.

Глаза Снейдера сверкнули.

– Считаешь, что это смешно?

– Нет, не считаю! – повысил голос ван Нистельрой. – Но я не могу иначе.

– Пока преступники организуются все лучше, наши бюрократические барьеры становятся все выше. Взгляни на отчеты о последних операциях.

Ван Нистельрой кивком указал на экран монитора:

– Спасибо, у меня их десятки.

– Мы отставали, потому что нас тормозил регламент. Наши методы уже давно не оптимальны. Наемные убийцы, тягачи^[4], наркоторговцы, сутенеры, торговцы оружием работают все быстрее и изощреннее, в то время как наши операции становятся все медленнее.

Мы даже не можем организовать прослушку офиса без вмешательства судей, прокуратуры и служебного надзора. Нам пора научиться бегать быстрее.

– И как ты себе это представляешь?

– Начнем с маленькой действенной команды, у которой будет возможность не считаться с запретами, чтобы реагировать быстрее.

– И эту команду соберешь ты?

– А кто еще?

– И ты будешь держать ее под контролем, чтобы проект не коллапсировал?

– И не сомневайся.

Ван Нистельрой помотал головой:

– Я не могу тебе этого разрешить.

– Почему?

– Господи, потому что это нелегально! – воскликнул ван Нистельрой. – Да кто утвердит такое? Даже у Службы внешней разведки, Военной контрразведки и Федерального ведомства по охране конституции нет такой свободы. Но великий Мартен Снейдер, разумеется, ее требует.

– Мартен С. Снейдер, – холодно уточнил его собеседник.

– Да плевать! – Ван Нистельрой вздохнул. – Мой ответ: *нет!* С волками вой по-волчьи или ищи другую работу. На мой взгляд, у тебя и так слишком много привилегий.

– Ты не оставляешь мне выбора.

Ван Нистельрой молчал. Он уставился на Снейдера и пытался понять, что происходит в его голове. *Он наверняка просто блефует.*

Снейдер сунул руку под пиджак, вытащил служебное оружие, «Глок-17», извлек магазин, вытряхнул патрон из ствола и с грохотом положил все это на стол ван Нистельроя.

– Как насчет повышения до *первого* главного комиссара уголовной полиции? – предложил ван Нистельрой, не взглянув на пистолет.

Снейдер сморщил лоб, будто ослышался.

– Ты отлично знаешь, что мне плевать на дополнительные пятьсот евро или два ранга, личный автомобиль или несколько дней к отпуску. – Он положил на стол служебный телефон, за которым последовали связка ключей, электронная карта доступа, магнитный

ключ от его кабинета и заламинированное удостоверение БКА с интегрированным чипом.

– Значит, ты не шутишь? – спросил ван Нистельрой.

Снейдер молчал.

– И чем же ты собираешься заниматься?

– У нас достаточно людей и организаций, которые наймут меня, – ответил Снейдер. – Мое массажное кресло можешь оставить себе. Считай, что это подарок. Так как ты больше заботишься о регламентах и бумажках, чем о том, чтобы поймать преступников и предотвратить убийства, то наверняка найдешь пару часов, чтобы расслабиться.

Это не может быть всерьез, старик!

Снейдер застыл на мгновение.

Ну вот, пожалуйста, – подумал ван Нистельрой. Он уже хотел улыбнуться.

Но тут Снейдер молча развернулся и покинул кабинет.

Глава 2

Сабина Немез прошагала через дверь-вертушку в фойе здания БКА, кивнула Фальконе, вахтеру, и прошла через сканер тела. Ее служебное оружие лежало в шкафчике, поэтому металлодетектор среагировал только на связку ключей и монеты в карманах брюк.

На настенном мониторе над ней крутили информационно-рекламный ролик. «Мы вносим достойный вклад в поддержание внутренней безопасности». Рядом висели камера и табличка: «Эта зона находится под видеонаблюдением». Фойе выглядело так же душевно, как зона досмотра пассажиров в аэропорту, куда только что поступило предупреждение о планируемом теракте.

Хотя Сабину здесь все знали, она показала свое удостоверение. Она не могла вещать молодым комиссарам-стажерам в академии о регламенте и потом сама же его нарушать. Занятия ее модуля начнутся полдевятого, но ей еще нужно было заскочить в свой кабинет, чтобы взять документацию. После занятий у нее оставалось немного времени на давно просроченную бумажную писанину. Без нового уголовного дела пока что было спокойно, но стресс и суматоха не за горами, на этот счет она не питала иллюзий.

Ожидая лифт, Сабина услышала громкие голоса на входе и взглянула в сторону сканера. Несколько коллег из внутренней службы безопасности стояли с автоматами у контрольно-пропускной системы и громко разговаривали. Звучал приглушенный смех. Вскоре она поняла причину.

Да это шутка какая-то!

Женщина в черной монашеской одежде только что прошла через систему персонального досмотра. На монахине было длинное, в пол, платье с широкими рукавами и белым воротником, туфли на плоской подошве и черное головное покрывало, ниспадающее на плечи. Лицо пока находилось в тени от потолочного светильника, но женщина в сопровождении двух сотрудников БКА уже направлялась в сторону лифтов к Сабине. На плоской груди худой высокой монахини висел тяжелый серебряный крест на цепочке, к поясу крепились четки.

Двери кабины, звякнув, открылись, но Сабина осталась стоять перед лифтом и наблюдала за женщиной. Такие посетители приходили сюда не каждый день. Наконец Сабине удалось бросить взгляд под головной убор монахини. Это оказалась пожилая женщина, лет шестидесяти пяти или даже старше. Несмотря на суровое сухощавое лицо, изрезанное морщинами, взгляд ее был добрым и мягким.

Двери лифта закрылись, и кабина уехала без Сабины.

– Я пройду здесь в комнату для приемов? – спросила монахиня сопровождающих. Ее голос звучал с легким австрийским акцентом. Она повторила вопрос, но оба мужчины молчали. Люди из внутренней службы безопасности не отличались разговорчивостью, к тому же обычно у них были дела поважнее, чем сопровождать какую-то монахиню на встречу.

– А к кому вы хотите попасть? – решила помочь Сабина. Здание БКА такое огромное, что и с Божьей помощью в нем можно блуждать несколько дней.

– К... – монахиня опустила взгляд и посмотрела на пожелтевшую и сильно помятую визитку, – комиссару уголовной полиции Мартену Снейдеру. – От женщины исходил нежный аромат мятного масла.

– Мартену С. Снейдеру, – поправила Сабина женщину. – Он уже главный комиссар уголовной полиции, но это можно опустить. Снейдеру все равно. Только не забудьте в его присутствии про С.

Оба мужчины переглянулись, но и бровью не повели.

– Ему это важно? – спросила женщина.

– Да, – вздохнула Сабина. Скоро монахиня сама это выяснит, и Сабина ей не завидовала. Она знала, что Снейдер был убежденным атеистом и в общении со священниками и монашками имел опыта не больше, чем папа с миссионерской позой.

Тут открылась дверь лестничной клетки, оттуда, сопя, вышел мужчина в темном дизайнерском костюме и широким шагом направился в сторону выхода. *Снейдер!*

Сабина указала на него.

– Между прочим, это он. – Она заметила, что монахиня с интересом разглядывает Снейдера, а в ее серых глазах появился странный блеск.

– Похоже, он в плохом расположении духа, – заметила монахиня.

– В хорошем не бывает. – Сабина невольно поморщилась. Одна лишь мысль о Снейдере в хорошем настроении раздражала.

Тут Снейдер поравнялся с ними.

– С каких это пор вы ходите по лестнице? – спросила Сабина.

Снейдер ненадолго остановился.

– Я надеюсь, вы не собираетесь навязать мне разговор, Немез. Я не расположен к пустой болтовне.

А когда такое вообще было?

Сабина кивком указала на монахиню:

– Эта дама хотела бы с вами поговорить.

Взгляд Снейдера скользнул по черному монашескому одеянию. *Немез, позвоните в зоопарк, мы нашли сбежавшего пингвина,* – казалось, говорил его взгляд.

– Слишком поздно, с этого момента я больше не на службе.

Сабина удивленно подняла брови.

– Неужели собрались в отпуск? У вас, наверное, недель пятьдесят или...

– Немез! Больше никогда не пытайтесь шутить в моем присутствии, – перебил ее Снейдер. Затем посмотрел на монахиню: – Обратитесь к кому-нибудь другому. Я уволился. – Без дальнейших комментариев он подошел к турникету, миновал его и покинул здание.

Сабина с открытым ртом смотрела ему вслед. *Уволился? Снейдер?* После всего дерьма, которое они вместе пережили в прошлом году, и после того, как Снейдер вернулся на старую работу, простив отстранение от должности?

Слова монахини вернули ее в реальность.

– Э... что? – переспросила Сабина.

– Я сказала, что он скоро вернется.

Сабина с сожалением посмотрела на монахиню.

– Если он принял решение, то не изменит его.

– Я совершенно уверена, что вы ошибаетесь.

– Вряд ли.

Монахиня улыбнулась.

– Поверьте мне.

Глава 3

Сабина непринужденно сидела на своем столе-кафедре в лекционном зале академии и болтала ногой. Рукава блузки она закатала до локтей, а длинным каштановым волосам позволила свободно падать ей на плечи.

– Во время моего последнего дела, которое мы с коллегой смогли закрыть несколько дней назад, нам пришлось съездить в Берлин.

– Ваша коллега Тина Мартинелли?

Сабина кивнула. Она заметила, как студенты подались вперед, перегнувшись через ноутбуки, и следили за ее губами. Она приучила себя начинать каждое занятие с забавного эпизода. Для разогрева. А так как комиссары-стажеры все равно подписывали соглашение о конфиденциальности и неразглашении информации, могла без колебаний говорить о текущих реальных делах. Так сказать, делиться личным опытом.

А вот метод Снейдера заключался в том, чтобы регулярно унижать студентов. С первой минуты. Все равно до конца дойдут только тридцать процентов, а по его мнению, оскорбления помогали лучше отсеивать *материал*. Сабина и Тина испытали это несколько лет назад на собственной шкуре – и да, все верно, его метод подготовил их к практике и, возможно, даже помог справиться с какими-то смертельно опасными ситуациями. Но Сабина хотела сформировать молодых коллег собственного принципа, который гласил: поддерживать коллегальность и быть примером!

– Итак, мужчина был частный детектив и держал контору на Курфюрстендамм. Элитный район, богатая клиентура. Его подозревали в похищении, изнасиловании, а возможно, и убийстве молодой женщины. В берлинской квартире мы его не застали, поэтому попытались счастья в его детективном агентстве. Но, приехав на Курфюрстендамм, обнаружили там один только почтовый ящик.

Студенты еще сильнее наклонились вперед.

– Адрес его детективного агентства был всего лишь почтовым адресом. Как мы выяснили позже, он его намеренно выбрал, чтобы произвести впечатление на клиентов и, прежде всего, на собственных

родителей, которые никогда не ценили его работу. А его реальная контора находилась в скверном районе на окраине Берлина. Будь у нас быстрый и простой доступ к земельно-кадастровой книге, договорам аренды и данным счетов, мы бы быстрее оказались в его конторе с ордером на обыск. Где и нашли улики, указывающие на похищенную женщину.

– И где она была?

– Улики привели нас в домик в Бранденбургском лесу. Там мы нашли женщину – к сожалению, опоздав на час.

В аудитории воцарилось молчание, пока один молодой человек наконец не задал вопрос:

– Почему этим случаем занималось БКА, а не берлинская уголовная полиция?

– Подозреваемый уже в течение нескольких месяцев убивал в Детмольде, Зулингене, Нидернхаузене, Дитценбахе, Швайг-Нюрнберге и у Брокена в Гарце. Все эти случаи были связаны. Завтра вы прочтете подробности в прессе. Я...

Звонок мобильного прервал ее. Сабина хотела было сбросить его, но увидела, что звонят из приемной Дирка ван Нистельроя.

Надеюсь, это не связано с увольнением Снейдера.

– Извините, – коротко сказала она и ответила на звонок.

Это был ван Нистельрой лично.

– Немез, немедленно в главное здание. Минус второй этаж, комната для допросов 2В.

– Но у меня занятие и...

– Вам показалось, что меня это интересует? Вы нужны нам здесь. Это срочно!

– А о чем речь? – спросила она, но ван Нистельрой уже положил трубку.

Спустя десять минут она покинула территорию академии, пересекла улицу и снова вошла в здание БКА. На втором подземном этаже не было окон и даже световых шахт, он освещался одними лишь люминесцентными лампами.

Войдя в смотровую комнаты для допросов 2В, Сабина наткнулась на группу людей: коллег, сотрудников внутренней службы безопасности и техников, которые в спешке настраивали приборы и

пульт управления для звуко- и видеозаписи. И на Дирка ван Нистельроя.

Похоже, все и правда серьезно.

Ван Нистельрой тут же подозвал ее к себе.

– Вы дипломированный специалист по допросам и профайлингу, – коротко сказал он. – Я хочу, чтобы вы допросили одного человека.

– Я? – Вообще-то она работала в отделе по расследованию убийств, а специалистом по допросам был Снейдер. Хотя верно, он ведь сегодня утром уволился. – И о чем речь?

Свет потолочной лампы отражался в очках ван Нистельроя в тонкой стальной оправе, его угловатое обветренное лицо со следами постакне на щеках частично находилось в тени.

– Одна женщина добровольно явилась к нам и призналась в семи убийствах.

Семь убийств! Сабина пожала плечами.

– Ну тогда все и так ясно.

– Нет. – Ван Нистельрой отошел в сторону, техники, стоявшие вокруг, расселись по местам.

И Сабина смогла посмотреть через стеклянную стену, с другой стороны к которой крепилось зеркало-шпион.

Комната для допросов была ярко освещена, в центре стоял стол и два стула. На одном сидела уже знакомая Сабине монахиня в черном одеянии.

– Эта женщина призналась в семи убийствах? – вырвалось у Сабины. – Как ее зовут?

– Мы не знаем. Ее отпечатков пальцев нет в базе данных. Все, что нам пока известно: у нее шрамы на шее и кистях и баварский акцент.

– Австрийский, – поправила Сабина. – Я говорила с ней сегодня утром. – Уроженка Мюнхена, она умела различать диалекты.

– Как угодно, – буркнул ван Нистельрой, – тогда у вас уже есть хорошая база для разговора. Выясните, в чем дело.

Сабина разглядывала монахиню, которая неподвижно сидела на стуле, положив руки на стол, и отрешенно смотрела в угол. *Хорошая база!* Помимо Снейдера в БКА работало еще несколько отличных специалистов по допросам. Почему ван Нистельрой выбрал именно ее? Не важно, она еще выяснит причину.

– Мы готовы! – сказал один из техников.

Ван Нистельрой требовательно взглянул на нее. Но когда Сабина уже хотела открыть дверь и войти в комнату для допросов, он ее задержал.

– Вам следует знать еще одну маленькую деталь...

Глава 4

Через несколько минут Сабина вошла в комнату и снова уловила нежный запах мятного масла. Она села на свободный стул, тоже положила руки на стол и наклонилась вперед.

– Хотите стакан воды?

Монахиня помотала головой.

– Чай? Может, чашку кофе? У нас хороший кофейный автомат. Для гостей кофе со вкусом лесного ореха либо миндаля. Или амаретто, шоколада, марципана?

Монахиня улыбнулась.

– Очень мило с вашей стороны, но нет, спасибо.

У женщины были длинные ресницы, узкий нос и полные красиво очерченные губы. Щеку украшала родинка. О цвете волос монахини можно было лишь догадываться, но Сабине показалось, что она разглядела белоснежную прядь под головным покрывалом. Последнее было закреплено обручем для волос, благодаря которому, очевидно, лучше держалось и напоминало чепец.

– У вас есть адвокат? – спросила Сабина.

– Нет.

– Вы нуждаетесь в его услугах? Мы могли бы...

– Не беспокойтесь.

– Хорошо. – *Так, это мы выяснили.* – Меня зовут Сабина Немез, – представилась она. – Я криминалист-аналитик и судебный психолог.

– Профайлер?

– Да, можно и так сказать. И работаю в отделе по расследованию убийств. Поэтому я здесь, – ответила Сабина. – Вы признались в семи убийствах?

– Нет, это неверно.

Сабина быстро взглянула на зеркальную стену, потом снова перевела глаза на монахиню.

Та постукивала пальцами по столешнице. Как и сказал ван Нистельрой, на тыльной стороне ладоней, у запястья, были видны уродливые шрамы. В верхней части шеи тоже проглядывали шрамы,

полуприкрытые воротником монашеского платья. Как глубоко они уходили, можно было только догадываться.

– Я всего лишь призналась, что буду совершать по одному преступлению следующие семь дней! Умрут семь человек.

– По вашей вине?

Монахиня кивнула.

– Зачем вам это делать? – спросила Сабина.

– В общей сложности у вас есть семь дней, чтобы это выяснить, – ответила монахиня.

– И как вы собираетесь все устроить? Пока что вы застряли в этой комнате для допросов, а от лучшего возможного здесь предложения – ароматизированного кофе – только что отказались.

Монахиня молчала.

– Вы можете сообщить мне детали? – спросила Сабина. – Имена жертв, где они живут и причину вашего поступка?

– Этого я не могу вам сказать.

– В каком монашеском ордене вы состоите?

– Это вы сами должны выяснить.

– Как вас зовут?

– Тоже выясните сами.

Проклятье! Эта женщина издевалась над ней?

– Так мы с места не сдвинемся, – вздохнула Сабина.

– Именно. Вероятно, вас не проинформировали, на каких условиях я сдалась.

– Проинформировали, – ответила Сабина, но ван Нистельрой не дал ей возможности поговорить с коллегами и вникнуть в дело. – Не могли бы вы повторить ваши слова? – попросила она.

– Конечно, но это не *мое* драгоценное время утекает, а ваше. – Монахиня убрала руки со стола, скрыв их в широких рукавах платья, и откинулась на спинку стула.

Черт! Если Сабина правильно интерпретировала такую позу, то она только что потеряла связь с собеседницей.

– Итак, вы сказали, что хотели бы поговорить с криминалистом-аналитиком. Так вот, я...

– С главным комиссаром уголовной полиции Мартеном Снейдером, – перебила ее монахиня. – Только *он* узнает все, что я хочу рассказать.

– Хорошо, это мне уже известно, но почему именно Снейдер? – спросила Сабина.

– Больше я никому не доверяю, ни единой душе.

– Мне придется вас разочаровать, но, как вы уже сами слышали, он больше недоступен для подобного рода разговоров. Вам придется довольствоваться мной. Или другим сотрудником, – предложила Сабина.

– Не утруждайтесь напрасно. – Монахиня сделала глубокий вдох. – Как я уже сказала, буду говорить только с ним!

Сабина долго на нее смотрела, но женщина не отвела взгляда. Ее серые глаза блестели. В этом взгляде читалось большое милосердие, но и самоуверенность, которая росла с каждой секундой. Однако Сабина все равно выдержала этот взгляд. В итоге глаза отвела монахиня.

Вот почему ван Нистельрой потребовал именно ее для этой работы. Снейдер ее обучал, они работали вместе, и из всех коллег в БКА она знала его лучше других. Но очевидно, сейчас ей это не особо помогало.

Пришло время завершить разговор и покинуть комнату для допросов. Монахиня отказывалась говорить, но Сабина еще не хотела сдаваться.

– Вы сказали, что доверяете только Снейдеру? – повторила она.

Монахиня молчала.

– Все же меня это удивляет, – продолжила Сабина, – потому что час назад вы еще не знали, кто такой этот Снейдер. Вы не знали ни как он выглядит, ни про букву С его второго имени, и держали в руке его старую визитку.

Монахиня сжала губы.

– Если вы собираетесь совершить семь убийств, хотя задержаны и находитесь здесь, вам необходим как минимум один сообщник, который будет помогать. Так как *вы* не знакомы со Снейдером, я полагаю, что ваш сообщник его знает. Вероятно, вы получили визитку Снейдера от него. – Сабина задумалась, не переставая наблюдать за эмоциями на лице монахини. Она была на правильном пути, потому что на переносице монахини пролегла морщинка, а веко задергалось.

– Так как визитка старая и потрепанная, я полагаю, что ваш сообщник давно знает Снейдера. А раз вы сказали, что никому больше

не доверяете, значит, ваш сообщник хорошо знаком с запутанными структурами БКА.

Монахиня плотнее сжала губы.

– Позвольте еще раз взглянуть на визитную карточку? – попросила Сабина. – Я хочу, чтобы ее проверили на наличие отпечатков пальцев.

Монахиня помотала головой.

Хорошо, – подумала Сабина. – *Это подтверждает мое предположение! Других отпечатков там все равно уже не обнаружить.*

– Вероятно, вы считаете себя очень умной, – сказала женщина.

– Вы не оставляете мне другого выбора, кроме как делать собственные выводы, – парировала Сабина. – Судя по вашему акценту, вы из Австрии, его легко перепутать с южнобаварским... из какого-то региона на границе с Германией. Может, Верхняя Австрия?

Монахиня молчала.

– Сколько у меня времени, чтобы предотвратить убийство? – спросила Сабина.

По-прежнему молчание.

– Раз вы хотите за неделю совершить семь убийств, я полагаю, что первое... – она взглянула на часы, – произойдет через неполные пятнадцать часов, то есть незадолго до полуночи, так как завтра по плану уже вторая жертва, верно? – Сабина прищурилась и задумалась. *Что еще?* – По опыту я знаю, что серийные убийцы, следуя инстинкту, обычно начинают в ближайшем окружении и лишь затем расширяют радиус своих преступлений. Поэтому я также полагаю, что из-за сегодняшней нехватки времени первое убийство случится в Висбадене или его окрестностях.

Уголок рта монахини дернулся. Во взгляде появился скепсис, словно она разгадала ход мыслей Сабины.

– Вас обучал Снейдер? – спросила она.

Сабина не ответила на вопрос, а подалась вперед.

– Значит, Висбаден, – заключила она. Это была лишь догадка, но реакция женщины подтвердила, что Сабина на правильном пути.

Внезапно женщина тоже наклонилась вперед над столом. Ее руки показались из рукавов, и она ухватилась за столешницу с обеих сторон.

– Забудьте свои психоштучки, – прошептала она. – Я ничего не скажу, можете выдвигать сколько угодно предположений. Я буду говорить только с Мартеном Снейдером.

Сабина разглядывала ее. За секунды она зафиксировала каждую деталь. Любой обрывок информации мог быть важен. Ногти монахини были грязные и обломанные. Возможно, навязчивый аромат мятного масла служил лишь одной цели – заглушить другой, предательский запах. Но какой? Сабина втянула воздух, но ничего не почувствовала.

Затем вместе со стулом подвинулась в сторону и принялась изучать наряд женщины. Подол платья лежал на полу. Даже мысков туфель не было видно, но на ткани собралась пыль и волокна – внизу и сбоку на бедре. И запылилась монахиня точно не во время визита в БКА. Здесь ежедневно убирались, отчего постоянно пахло чистящими средствами.

– Скажите мне хотя бы, откуда у вас шрамы на руках? – Сабина попыталась добыть еще одну подсказку.

Непроизвольно монахиня подняла рукав и посмотрела на свою кисть. Как будто хотела свериться с наручными часами. Но часов не было, только маленькая татуировка на левом запястье.

– Нет, не скажу. – Быстрым движением она снова опустила рукав.

Сабина пыталась скрыть удивление. *Монахиня с татуировкой?* Сабина разглядела черную розу с расцветшим бутоном и покрытым шипами стеблем.

Возможно, напротив нее сидела вовсе не настоящая монахиня, а просто пожилая женщина, которая взяла костюм напрокат. Хотя Сабине в это не верилось – женщина казалась аутентичной, как и ее одежда. В любом случае Сабина узнала достаточно. Она не хотела больше терять время, поднялась и направилась к двери.

– Это все? – спросила монахиня.

– Да. – Сабина постучала, взялась за ручку, дождалась щелчка и открыла дверь.

– Вы сдаетесь?

– Я выяснила достаточно.

– Что бы вы там ни выяснили, – крикнула монахиня ей вслед, – есть кое-что еще, что вы должны знать!

Сабина обернулась.

– Вы мне доверяете? – спросила монахиня.

- Как можно доверять тому, кто хочет совершить семь убийств?
Монахиня улыбнулась:
– Пройдите через главный вход!

* * *

После того как дверь закрылась и Сабина оказалась в смотровой, к ней подскочил ван Нистельрой.

– Вы спятили? Провоцировать эту женщину и обрывать разговор, когда мы, возможно, получили первую важную зацепку? Она не скажет больше ни слова.

– Может, эта таинственная подсказка с главным входом просто ложный след. – Сабина разглядывала монахиню через стеклянную стену. Женщина уставилась в зеркало. Наверняка она догадывалась, что за ней наблюдало несколько человек. – Я знаю достаточно.

– Отлично. – Ван Нистельрой поднял руку. – Если произойдет хоть одно убийство и станет известно, что мы могли его предотвратить, но не сумели толком допросить старую монахиню, нам конец!

Репутация БКА! Единственное, что его интересовало. А ей прежде всего было важно спасти человеческую жизнь.

– Мне нужны Тина Мартинелли и специальная группа.

– Вы получите все, что хотите, – фыркнул ван Нистельрой и повернулся к коллегам: – Отведите монашку в одиночную камеру.

Широкоплечий сотрудник внутренней службы безопасности поднялся и уже было направился к двери.

– Подождите! – остановила его Сабина. – Оставим ее в этой комнате. Никакого контакта с внешним миром и полное аудио- и видеонаблюдение.

Ван Нистельрой кивнул:

– Хорошо.

– У нас есть незрячие коллеги? – спросила Сабина.

– А это зачем? – Ван Нистельрой оглядел присутствующих.

Один из техников кивнул:

– В отделе криминалистической экспертизы работает слепая женщина, которая владеет шрифтом Брайля. А что?

– Отведите монахиню в отдел криминалистической экспертизы, чтобы еще раз взять отпечатки пальцев. Или придумайте какой-то другой повод. Но пусть ее отведет эта коллега. И при этом постарается держаться к ней как можно ближе.

– Зачем? – спросил ван Нистельрой.

– У слепых очень развиты остальные органы чувств. Монахиня пытается перебить мятным маслом какой-то запах, и я хотела бы знать, какой.

Глава 5

Через час, в одном из конференц-залов на первом этаже здания БКА, Сабина встретила с коллегами из отделов криминалистической техники и экспертизы, архива данных и информационных технологий, которые вошли в состав специальной группы.

По ее предложению среди них была и Тина. Обе учились вместе и единственные из своего потока окончили курс Снейдера по криминальному анализу и судебной психологии, с тех пор работали вместе и за это время стали близкими подругами, хотя, на первый взгляд, у них было немного общего. У Тины, родом из Сицилии, были иссиня-черные волосы – с одной стороны головы длинные, с другой сбритые, – пирсинг в носу и вместо бровей перманентный татуаж в виде изогнутой линии. Кроме того, на шее у нее была набита довольно эксцентричная татуировка в виде скорпиона. Кто не знал Тину, мог решить, что она работает под прикрытием с наркодилерами. Но на самом деле в БКА она занималась случаями похищения людей.

– Мы ищем человека, которого, возможно, уже похитили и который с большой вероятностью будет убит в течение следующих четырнадцати часов в Висбадене или пригороде, – начала Сабина, после того как все расселись. – У нас нет ни данных о личности жертвы, ни информации, *как* или *где* это произойдет. Но мы знаем убийцу. Она сидит несколькими этажами ниже в комнате для допросов 2В.

По залу пробежал рокот, но Сабина пресекла все возникшие вопросы.

– Я прошу вашего терпения – вы сейчас все поймете. – С помощью пульта управления она затемнила жалюзи, включила видеопроектор и вывела на экран запись разговора с монахиней. В тот же миг наступила тишина.

Видео с разделенным экраном показывало одновременно съемки с трех разных точек. Изображение было четким, звук хорошим. Было видно каждую реакцию монахини и слышно каждый вздох и шорох в комнате.

Когда видео закончилось, Сабина открыла жалюзи, и в помещении снова стало светло. Все, кроме одной коллеги, были согласны, что речь идет о настоящей монахини, которая не просто блефовала, а действительно собиралась кого-то убить. Мимика, жесты, поведение и выбор лексики указывали на то, что заявление о семи предстоящих убийствах нужно воспринимать всерьез.

– Пока мы тут сидим, с монашкой беседуют психолог и специалист по допросам, – быстро пояснила Сабина, прежде чем коллеги успели атаковать ее вопросами. – Как только появятся новости, нам тут же сообщат, но пока она не сказала ни слова.

– У нас есть другие зацепки?

– Да, нам известно кое-что еще, – ответила Сабина. – Слепая сотрудница отвела монашку в отдел криминалистической экспертизы и за ароматом мятного масла уловила еще два запаха. Слабые следы хлороформа и лака или растворителя.

– Хлороформа? – переспросила Тина. – Он же улетучивается.

– Коллега прикасалась к рукам монахини, и, похоже его остатки сохранились под ногтями.

– О'кей, и ты теперь считаешь, что монашка усыпила свою жертву хлороформом? И возможно, удерживает ее... – Тина помахала рукой, – в лакокрасочном магазине?

– А может, на складе или лакокрасочной фабрике, – добавила Сабина. – Я заметила пыль и волокна на ее одежде, что может указывать на давно пустующее помещение.

Сабина воспользовалась пультом управления и вывела на экран лицо монахини крупным планом.

– С этим фото, – продолжила она, – нужно сравнить все записи с камер дорожного наблюдения, находящихся рядом с ангарами, подвалами, сараями или складами.

– Иголка в стог сена, – пробурчал один коллега.

– Я знаю, – вздохнула Сабина. – Но в настоящий момент это одна из двух зацепок, которые мы можем проверить.

– За какой период должен быть видеоматериал? – спросила одна из женщин.

Сабина пожала плечами.

– Какие будут предложения?

– Монашка на видео выглядит не слишком уставшей, – начала вслух размышлять Тина. – Полагаю, она не работала всю ночь напролет, а спала сладким сном.

– И что это означает? – спросила Сабина.

– Монашка похитила свою жертву либо сегодня утром, либо вчера вечером. Поэтому я бы начала со вчерашнего вечера, – предложила Тина.

– Хорошо, – приняла решение Сабина. – Проверим последние двадцать часов.

– А вторая зацепка? – напомнила коллега из отдела криминалистической техники.

– Если у нашей монашки действительно есть сообщник, то он, возможно, тоже из Верхней Австрии и достаточно хорошо знает Снейдера. Поэтому сначала проверьте все контакты, которые были у Снейдера за последние пятнадцать лет с Верхней Австрией.

– Все?

– Да, – проскрипела Сабина. – Друзья, коллеги, знакомые.

– Короткий получится список, – съязвил кто-то.

Раздались смешки.

Несмотря на напряжение, Сабина тоже не смогла сдержать улыбку. Все знали, что у одиночки-мизантропа Снейдера практически не было друзей – за исключением Винсента, бассета, который жил с ним в здании бывшей мельницы у леса на краю Висбадена.

– Проверьте также все дела Снейдера за последние пятнадцать лет, нет ли там связей с Верхней Австрией, с какими-нибудь коллегами или людьми, которых он отправил в тюрьму.

– Почему бы нам не спросить его самого?

– В настоящий момент это непросто сделать, – вздохнула Сабина, ограничившись таким комментарием. – Но я этим займусь.

Коллеги уже собрались расходиться.

– И еще кое-что, – сказала она. – Покажите видео какому-нибудь лингвисту. Может, он точнее определит, какого региона диалект этой женщины. Возможно, так мы сможем установить ее личность. – Она взглянула на часы. – Мы снова встретимся с вами здесь в шестнадцать часов.

Пока все выходили из зала, она набрала номер Снейдера.

Ближе к вечеру коллеги один за другим стали возвращаться в конференц-зал. По их опустошенным измученным лицам Сабина поняла, что никто не успел пообедать. Поэтому она организовала свежий кофе и печенье, на которые все сразу жадно накинулись.

– Спасибо за вашу пунктуальность, – начала совещание Сабина и перелистала свои бумаги. – К сожалению, с минус второго этажа новостей нет. Монашка по-прежнему молчит. Что вам удалось выяснить?

Не теряя времени, они обменялись результатами.

– Лингвист считает, что диалект монашки можно отнести к региону Браунау-ам-Инн, – пояснила одна коллега.

Сабина подняла глаза.

– Браунау, место рождения?..

– Да, именно.

Замечательно, – цинично подумала она.

– Но пока мы не смогли идентифицировать эту женщину. К тому же ни в одном из женских монастырей в окрестностях отсутствующих нет.

Тупик!

– Кроме того, мы проверили пункты проката костюмов в городе, – добавила коллега. – Никто не арендовал и не покупал костюм монахини. За последние месяцы были три онлайн-заказа, но ни цвет, ни размер не совпадают. Заявлений о краже подобной одежды из какого-либо монастыря тоже не поступало.

Хорошая идея. Однако подлинность монахини до сих пор не была доказана. *К сожалению, это тоже тупик*. Сабина посмотрела на коллег из архива данных:

– А вы что-нибудь нашли?

– Мы обнаружили только два следа, которые связывают Снейдера с Верхней Австрией. И оба мужчины уже три года в тюрьме. Последние визиты к ним были пять недель назад.

И еще один тупик!

– Я так и думала, – призналась Сабина. – Я звонила Снейдеру. Как некоторые из вас, возможно, уже знают, он уволился сегодня утром.

По залу пробежал гул – очевидно, сарафанное радио работало в БКА не так хорошо, как думала Сабина.

– Но я все равно дозвонилась до него и отправила ему фото нашей монашки. Он случайно видел эту женщину сегодня утром у лифтов, но ее не знает. У него также нет никаких контактов с Верхней Австрией, которые могли бы нам помочь.

– Снейдер готов поговорить с этой женщиной? – спросила Тина.

– Я пыталась уговорить, но его ответ: *нет*. – Сабина с надеждой посмотрела в сторону коллег из отдела информационных технологий, потому что в настоящий момент они были ее последним шансом на успех.

– Мы не обнаружили монахиню ни на одном видео камер наблюдения.

– А как она добралась до БКА сегодня утром? – спросила Сабина.

– На такси. Водитель подобрал ее за двадцать минут до этого у опушки леса, к западу от Нидернхаузена. Там след теряется.

И это гарантированно ложный след, чтобы запутать нас.

– А что с камерами наблюдения на остановках и автобусных вокзалах? – уточнила Сабина. Постепенно у нее иссякали идеи.

– Тоже ничего – мы даже использовали программу распознавания лиц... – Он понизил голос: – Без судебного разрешения. Безрезультатно.

Проклятье!

– К тому же наши коллеги разослали фотографию по всем таксистам в Висбадене, автобусным вокзалам и билетным кассам на железнодорожных вокзалах. Ни одного попадания.

– Камеры банкоматов? – Сабина затронула щекотливую тему, потому что здесь им пришлось воспользоваться брешами в системе безопасности в собственных целях.

– Мы взломали федеральным трояном серверы операторов банкоматов – конечно, тоже без официального разрешения. – Коллега из ИТ-отдела махнул рукой. – Не важно... тоже никаких результатов.

Твою мать!

– Но это же означает только одно, – заключила Тина. – Что монашка, если она действительно удерживает свою жертву в каком-то пустом помещении, как мы предполагаем, выбрала такое место, где нет камер.

Сабина подняла бровь.

– Хорошо, дальше!

Тина разложила на столе подробный план Висбадена, где отметила все места, которые тем или иным образом были связаны с лаками или красками.

Все подошли ближе и склонились над картой.

– Какие точки отпадают из-за видеонаблюдения? – спросила Сабина.

Коллега из ИТ-отдела взял красный карандаш и вычеркнул все позиции, на которых имелась какая-нибудь рабочая камера. В конце не осталось ни одного отмеченного места.

– Но вот здесь... лакокрасочная фабрика «Понтс», – сказала Тина.

– Верно, – ответил компьютерщик. – Фасад фабрики попадает на камеру дорожного наблюдения, а тыльная сторона нет.

– Пустует уже пять лет, – пояснила коллега, выросшая в Висбадене.

«Пройдите через главный вход», – вспомнила Сабина последние слова монахини.

– Это должна быть она.

– Да, в этом есть смысл, – заметила одна коллега. – Но откуда у монашки вся информация, чтобы незаметно передвигаться по городу, словно дух?

– Это мы еще выясним.

Тина тут же схватила мобильный и нажала на кнопку быстрого набора номера.

– Мы нашли место, – коротко сказала она. – В следующие полчаса нам нужна группа быстрого реагирования для освобождения заложника.

Сабина кивнула ей. Вооруженные до зубов, они ворвутся в этот цех и задержат всех, кто будет выглядеть подозрительно.

Завершив разговор, Тина просияла:

– Ловко мы это провернули.

Некоторые коллеги зааплодировали или похлопывали друг друга по плечу. Только Сабина сохраняла скептический настрой.

Рано радоваться!

– Что с тобой? – спросила Тина.

– Не знаю, – пробормотала Сабина. – По мне, так все прошло слишком просто и гладко.

– Ты это называешь *просто*? – повторила Тина.

Сабина кивнула и взглянула на видеостену, на которой все еще светилось изображение монахини.

– От этой спокойной, умной и, очевидно, безукоризненной женщины я ожидала больше изощренности.

– Просто она недооценила нас, – возразила Тина.

Сабина молча пожала плечами.

Глава 6

Около половины шестого они стояли перед главным входом в лакокрасочную фабрику «Понтс». Черные «тойоты-лендкрузер» от БКА и автомобили подразделения быстрого реагирования перекрыли улицы в радиусе пятиста метров.

Небо уже темнело, а на горизонте стягивались черные дождевые тучи. Вероятно, в ближайшие часы над Висбаденом разразится летняя гроза.

Сабина вышла из автомобиля и буквально ощутила влажность в наэлектризованном воздухе. Быстрым движением она собрала волосы в хвост. На Сабине были джинсы, прочные кроссовки, черная футболка, пуленепробиваемый жилет, поверх которого она закрепила наплечную кобуру для своего «глока».

К ней подошла Тина. Она тоже была в кевларовом бронежилете, но «ЗИГ Зауэр» держала в кобуре на поясе.

– Спецназ готов. Группой командует Шёнфельд.

Это хорошо. Шёнфельд учился вместе с Сабиной и Тиной в академии. Он был женат на Майкснер, которая с ними и Гомезом тоже посещала курс Снейдера в академии. Правда, Снейдер скрутил их троих в бараний рог, и те после двух семестров сдались. Гомез пошел во внутреннюю службу безопасности и был убит в ходе расследования одного дела. Майкснер все еще служила в дорожной полиции, а Шёнфельд перешел в спецназ, куда отлично вписался со своей любовью к фитнесу и крепким телосложением. У них с Майкснер родилась дочка, которой сейчас было уже пять лет.

Тина сопровождала Сабину по ломкому потрескавшемуся асфальту парковки к главному входу в цех. Перед ветхой стеной вымахали полуметровые заросли бурьяна.

Как фабричный цех, так и прилегающее двухэтажное офисное здание с разбитыми оконными стеклами выглядели совсем не так, будто пустовали всего пять лет. Наверное, фирма обанкротилась уже много лет назад.

Перед рольворотами на корточках сидели два спецназовца в серой униформе. Они просверлили отверстие в металлических воротах и

ввели внутрь камеру. Монитор ноутбука показывал им, как цех выглядел внутри. Там было тихо, темно и пусто.

– Все чисто, никаких проводов, бомбы нет. Можно входить, – прошептал один из них.

Шёнфельд пересек парковку, подошел к Сабине и Тине и коротко кивнул им в знак приветствия.

– Вторая команда находится с другой стороны у заднего входа. Что?.. – Его мини-рация на наплечнике протектора щелкнула.

«Все спокойно и чисто», – донесся искаженный голос.

– Спасибо, конец связи. – Светлые волосы Шёнфельда были коротко подстрижены. Он похудел, а его лицо стало угловатым. В глазах читался многолетний опыт подобных операций. – Что делаем? Штурмуем главный вход?

Сабина задумалась.

«*Пройдите через главный вход!*» – крутился у нее в голове совет монахини. Это был совет из добрых побуждений или коварная ловушка? Могла ли она вообще доверять женщине, которая объявила о семи убийствах, – пусть у нее и был добродушный взгляд? Или все это просто ложная тревога? Хорошо инсценированный отвлекающий маневр?

– Нет, мы зайдем с черного хода, – решила Сабина в целях безопасности.

Шёнфельд кивнул своим коллегам.

– Хорошо, оставайтесь здесь в режиме готовности и ждите моего распоряжения открыть дверь и войти в здание. Мы пойдем на другую сторону.

Тина, Сабина и Шёнфельд обогнули здание. Там перед запертой металлической дверью стояли еще три спецназовца.

Сабина взглянула на ноутбук, который показывал тыльную часть цеха изнутри. Здесь тоже не было ничего примечательного.

В этот момент над их головой пролетел дрон. Рация Шёнфельда снова щелкнула.

«Все чисто. Движения нет», – сообщил коллега из автомобиля подразделения быстрого реагирования.

– Хорошо, заходим! – скомандовал Шёнфельд.

Двое коллег подняли таран, ударили два раза и с третьего выбили ручку и замок из рамы. Дверь распахнулась, и они ворвались в здание.

Третий коллега и Шёнфельд последовали за ними, Сабина и Тина вытащили оружие и тоже вошли внутрь через взломанную дверь.

Мужчины тут же распределились. Из разных сторон Сабина слышала выкрики «Чисто!», но осталась стоять у входа и осматривалась. Ей потребовалось немного времени, прежде чем ее глаза привыкли к темноте. В отличие от нее у спецназовцев на шлемах были очки ночного видения, усиливающие остаточный свет. Поэтому они решительно устремились вглубь цеха, заглядывая в каждую нишу.

Сабина услышала над собой глухое бульканье, от которого застыла на месте. Она вскинула пистолет и посмотрела вверх. Над ее головой находилась прозрачная красноватая ПВХ-труба шириной с руку, заканчивающаяся пластиковым баком. Последний висел под потолком на высоте пяти метров и вмещал в себя как минимум триста литров. Что там булькнуло?

Сабина прищурилась, чтобы разглядеть другие детали. От верхнего края двери к баку пролегал, провисая, нейлоновый трос. Ногой она чуть шире приоткрыла дверь, и трос натянулся. В следующий момент дверь автоматически качнулась обратно, трос снова провис.

Тут Сабина догадалась. Натяжение нейлонового троса привело в движение рычаг, который находился между баком и ПВХ-трубой, и открылся какой-то клапан.

Черт! Все-таки нужно было зайти через главный вход.

Сейчас какая-то жидкость вливалась из отверстия бака в трубу; отсюда и бульканье.

– Все сюда! – крикнула Сабина.

Через несколько секунд Шёнфельд, Тина и один из коллег стояли рядом с ней. Шёнфельд стянул со шлема очки ночного видения и посмотрел вверх на бак. В следующий момент он понял, что произошло.

Тина прицелилась в бак.

– Все в укрытие!

– Что ты делаешь? – спросила Сабина.

– Какой бы механизм мы ни привели в действие, нужно остановить утечку этой жидкости. – Тина хотела уже нажать на спусковой крючок.

– Подожди! – Шёнфельд схватил Тину за руку и опустил ее вниз. – Мы не знаем, возможно, эта жидкость легковоспламеняющаяся.

– Черт! – Тина сунула пистолет обратно в кобуру.

– Она права, мы должны это остановить! – крикнула Сабина. – Тогда обрубим трубу!

Так как бак висел слишком высоко под потолком, они не могли добраться до спускного клапана, чтобы переключить рычаг. Им нужна была минимум трехметровая лестница.

Шёнфельд огляделся. На стене рядом с входной дверью под стеклом находился красный переключатель пожарной сигнализации. Рядом висели огнетушитель и топорик. Недолго думая, Шёнфельд вырвал топор из опломбированного крепления и побежал к баку у стены, над которым проходила труба.

– Помогите мне забраться! – крикнул он.

Сабина поддержала его под руку, и он залез наверх. Балансируя на баке, взмахнул топором над головой, вытянулся и ударил по пластиковой трубе, в которой топор со скрежетом застрял. Пластик раскрошился, появилась длинная трещина, и жидкость потекла из отверстия.

К этому времени к ним подошли остальные спецназовцы, они держались на безопасном расстоянии.

– Вы обыскали фабрику? – спросила Сабина, не отрывая взгляда от Шёнфельда.

– Да, все, кроме цеха с красной дверью.

– С красной дверью? – спросила Сабина.

Тем временем Шёнфельд схватился за рукоятку топора, чтобы выдернуть тот из трубы.

– Осторожно! – крикнула Сабина. – Мы не знаем, что это.

В этот момент труба обломилась, жидкость вырвалась наружу – и сплошным потоком излилась на Шёнфельда. Тот сорвался с бака и со сдавленным криком упал спиной на пол. Бесцветная жидкость разъедала его шлем, наплечник, плечо и грудной протектор, который тут же пошел пузырями. Поднялось вонючее облако пара, и Шёнфельд, крича, бил вокруг себя руками.

Тина подскочила к нему и, схватив за запястья, оттащила в сторону. Она и еще один коллега сорвали с головы Шёнфельда шлем,

прежде чем кислота успела добраться до кожи.

В следующий момент Сабина справилась с шоком.

– Вызовите скорую! – крикнула она одному из коллег. Потом взглянула на Шёнфельда.

Тина оказывала ему первую медицинскую помощь. В нескольких метрах от них кислота, текущая по полу, начала разъедать бетон. Ядовитые, едкие пары поднимались в воздух.

– Вытащите Шёнфельда наружу! – распорядилась Сабина.

Пока один коллега разговаривал по телефону с санитарями, а другие выносили Шёнфельда через дверь на улицу, Сабина задержала дыхание и устояла на трубу.

Шёнфельд не полностью разрушил трубу, примерно четверть жидкости продолжала течь. Но куда?

Сабина последовала за трубой в центр помещения. Подобно старомодной пневматической почте, ПВХ-труба с небольшим наклоном тянулась вдоль цеха. Проходила через стену-перегородку и скрывалась, вероятно, в расположенном за ней цехе. Ниже находилась металлическая дверь с облупившимся лаком.

Красная дверь.

Сабина осторожно нажала на ручку, одновременно глядя вверх. Дверь открылась, и больше ничего не произошло. *Никакого механизма.* За дверью находился небольшой цех чуть ниже уровнем, бетонный пол в котором, как в ванной, был покатым. Труба шла по потолку и заканчивалась точно в центре помещения над стоком.

О господи!

Там висел мужчина, одетый в штаны и свитер, с кляпом во рту, руки над головой были прикованы к отверстию трубы. Он на цыпочках балансировал на двух стоящих друг на друге баках.

Сабина схватилась за рацию на наплечнике ее жилета.

– Мне нужно подкрепление в соседнем цехе. Срочно!

Она оборвала связь и побежала к мужчине.

Свою первую мысль – выбить из-под него оба бака – она мгновенно отбросила. Тогда мужчина беспомощно повис бы на трубе.

– Я спущу вас! – крикнула она ему, но сомневалась, что он ее услышал, так как был слишком занят тем, чтобы удержать равновесие. К тому же он был достаточно пожилым и, казалось, уже не в полном сознании.

Тут из отверстия трубы хлынула первая порция жидкости и полилась мужчине на голову и плечи. Тот вздрогнул и завыл от боли.

Сабина огляделась. Никакой лестницы поблизости. Взобраться наверх по бакам и отцепить оковы было тоже невозможно. Насколько Сабина разглядела, наручники были массивные.

Пока мужчина с криками пытался отклониться в сторону, не теряя равновесия, она вскинула оружие и прицелилась в наручники. Рискнуть и выстрелить мужчине в руку? *Плохая идея!* К тому же это никак ему не поможет. Она отвела пистолет в сторону, прицелилась в трубу и выстрелила. Один раз, второй, третий. Труба раскололась, жидкость закапала на пол и потекла в сточное отверстие.

Тут мужчина так сильно дернулся, что потерял равновесие и сорвался с баков. Теперь он всем весом повис на наручниках, судорожно забил ногами, в то время как кислота продолжала его разъедать.

Проклятье! Запаниковав, Сабина все-таки прицелилась в наручники и выстрелила. Со второй попытки она попала в один, и мужчина повис на одной руке. От него пахло паленой кожей, горелой тканью и обугленными волосами. Тем временем шерстяной свитер благодарно впитал жидкость, и она начала разъедать тело мужчины.

Он задергался в отчаянной попытке дотянуться ногами до баков. При этом случайно опрокинул верхний, и тот с грохотом упал на пол.

Сабина хотела выстрелить еще раз, но ей пришлось отскочить в сторону, потому что пустой бак рухнул рядом с ней на бетон и покатился.

Тем временем жидкость капала из отверстия уже медленно. Но этого было достаточно. Вид затылка мужчины был настолько ужасен, что Сабина не могла пошевелиться. Но и то, что осталось от его лица, плеч и рук, выглядело не лучше – как и свитер, который свисал с него дымящимися лоскутами.

На глаза у нее навернулись слезы. Сабина отвела взгляд, ее тело оцепенело от бессилия. К тому же пары были настолько едкими, что ее вырвало – так как она не могла согнуться – прямо на ботинки.

Когда Тина добралась до нее, мужчина уже перестал кричать. Последние шестьдесят секунд показались Сабине часом – а несчастному мужчине наверняка целой вечностью.

Через четверть часа Сабина сидела на улице, прислонясь спиной к стене, – и смотрела на горизонт. Угрюмые дождевые облака окончательно завладели небом над Висбаденом, и уже начало моросить. Краем глаза Сабина видела, как сухой асфальт впитывал дождевые капли, темнел и дымился. Духота была невыносимая.

Вдали на парковке светились мигалки двух карет скорой помощи и нескольких полицейских машин. Бегали и суетились люди, трещали рации. Только что подъехал фургон похоронной службы, чтобы забрать труп.

Да уж, новое дело началось отлично. В нескольких метрах от нее умирал мужчина, она застыла от страха и не смогла ему помочь. *К такой ситуации тебя никто не подготовит.* К тому же она знала, что уже никогда не сумеет выбросить эти картинки из головы.

Уволься и запишись на психотерапию, – говорил ей внутренний голос. – *Ты не создана для такой работы. Даже парни покрепче тебя – например, Снейдер – уже уволились. Это не стыдно.*

Или продолжать?

Гomez мертв, Шёнфельд пострадал. Полтора года назад Тина пять часов пролежала на операционном столе с проколотым легким, а в прошлом году ты и сама чуть не умерла. Не говоря уже о Снейдере, которому вообще доставалось каждый год.

К чему все это? Это не для тебя.

Хватит!

По щекам у нее бежали слезы.

Тут она услышала шаги. Сабина быстро вытерла рукой глаза.

Тина села рядом у стены, скрестив ноги.

– Шёнфельда лишь слегка задело. Несколько ран на щеке и шее, легкие ожоги на ключице. Пары опаснее. Его только что наизнанку выворачивало. – Она попыталась улыбнуться. – Теперь наш красавчик наконец-то выглядит как настоящий мужчина.

Сабина шутку не поддержала. Она продолжала смотреть на горизонт.

Тина толкнула ее локтем.

– Эй, что такое?

– Что такое? – резко переспросила Сабина. – Я приняла неверное решение – вот что! Операция провалилась. Если бы мы вошли с

главного входа, то с Шёнфельдом ничего бы не случилось и мы спокойно спустили бы этого мужчину.

– Он не первый, кого мы не смогли спасти. За эти годы многие умерли.

Спасибо, Тина. Какое утешение!

Сабина стиснула руки.

– Вылейся кислота на мужчину одним большим потоком, он погиб бы за секунды. Но я приказала Шёнфельду обрубить трубу, поэтому кислота капала медленно и разъедала его. Тина, он умер на моих глазах в таких муках. Он кричал и кричал, и если бы я...

– Если бы да кабы! – резко оборвала ее Тина, обняла одной рукой и притянула к себе. – Ты не знаешь, что мы только сейчас обнаружили. Сверху на баке был приклеен батарейный таймер, какой используют на Рождество, чтобы включать гирлянды.

Сабина подняла глаза.

– И что?

– Меньше чем через час небольшой поворотный двигатель был бы активирован, натянул нейлоновый трос, и рычаг переключился. В любом случае кислота потекла бы по трубе и убила мужчину. Даже если бы мы не нашли эту фабрику или нашли слишком поздно.

Сабина вытерла щеки от слез. Она ощущала их соленый вкус на губах.

– Через час? – Она взглянула на часы.

– Ровно в семь часов вечера.

– Монашка дала мне понять, что у меня есть время до полуночи, чтобы предотвратить это убийство.

– Хм, значит, она обвела нас вокруг пальца.

И не только. Сабина медленно повернула голову в сторону, так что позвонки хрустнули.

– Она манипулировала мною, ловко подкинула свою подсказку, точно зная, как я себя поведу – что я не поверю ей и решу зайти с заднего входа.

– Как ни крути... мужчина все равно бы умер.

Нет, зайти мы вовремя с другой стороны... Но эта женщина хотела, чтобы он обязательно умер.

Сабина поднялась.

– Что ты задумала?

Сабина сжала кулаки.

– Я поговорю с ней еще раз.

Она направилась к машине. И почувствовала сильное желание одним ударом стереть довольную улыбку с лица этой женщины.

Глава 7

Войдя в здание БКА, Сабина, все еще злясь на себя, прошагала к лифтам. Она не подумала сдать служебное оружие, а собиралась как есть – грязная, потная, в бронежилете – войти в комнату для допроса на минус втором этаже и обрушиться на монашку с обвинениями: из-за того, что ее коллега получил ожоги кислотой, а прикованный к трубе мужчина умер.

Но Дирк ван Нистельрой поймал ее перед лифтом. На нем была новая темно-синяя тройка, свежевыглаженная рубашка с галстуком, а вместо очков в стальной оправе – на зачесанных на пробор седых волосах красовались солнцезащитные очки. В руке он держал толстую папку. Очевидно, он как раз собирался покинуть здание в сопровождении двух телохранителей. На улице Сабина заметила его черный «Мерседес» С-класса.

– Куда? – коротко спросил ван Нистельрой.

– В комнату для допросов, – так же кратко ответила Сабина.

Он свел брови.

– Зачем?

– Чтобы поговорить с монашкой. Операция...

Он коснулся ее плеча и понизил голос.

– Мне уже сообщили, что произошло.

– Хорошо, тогда вы знаете, что...

– Замолчите! – резко оборвал он ее. Несколько человек, стоявшие между сканером и турникетом, посмотрели в их сторону.

В этот момент открылась дверь лифта. В кабине было два человека, третий хотел уже войти. Но ван Нистельрой преградил ему дорогу.

Он бросил мрачный взгляд в кабину.

– Все на выход! – приказал он.

Ошарашенные, оба сотрудника протиснулись мимо него наружу. Когда кабина опустела, он сунул папку в руку одному из своих телохранителей.

– Ждите здесь!

Затем затащил Сабину в лифт, нажал на кнопку, чтобы дверь закрылась, и, опустив тумблер, заблокировал кабину.

– Теперь слушайте меня внимательно, Немез! – Он притиснул Сабину плечом к стене и поднял указательный палец. – В вашем состоянии вы не сможете уличить и детсадовца, который украл конфету. Посмотрите на себя! Вы взбудоражены, растеряны и эмоционально раздавлены. Если вы сейчас заговорите с этой женщиной, она сразу же поймет, что случилось. Достаточно взглянуть в ваши глаза. Она будет торжествовать и уничтожит вас психологически, так что в итоге вы не сможете работать даже регулировщиком движения. Вы меня поняли?

Проклятое дерьмо! Ван Нистельрой был прав. Один раз она уже пошла неподготовленной на допрос к монашке и все запорола.

– На моих глазах умер мужчина... – сказала Сабина.

– Я знаю! И теперь мы уверены, что умрут еще шестеро, если мы потеряем голову.

– Мне это не по силам.

Ван Нистельрой отпустил ее и приподнял одну бровь.

– Я знаю вас со времен расследования дела «Сказка о смерти». Наше сотрудничество началось не очень хорошо. С тех пор я никогда не давал вам понять, какого о вас мнения. Но вы с самого начала глубоко меня впечатлили. Вы – одна из лучших.

Сабина наконец подняла на него глаза.

– Вы говорите это, чтобы просто меня поддержать.

– Вам следовало бы знать меня лучше. Я еще никогда и никому не льстил попусту. А говорю так, потому что это правда. К сожалению, на Снейдера больше нельзя рассчитывать, но он обучил вас. В этом здании вы лучше всех знаете его самого и его методы. И до сих пор держали хорошую связь с монашкой. Вам она хотя бы пару слов сказала. Выясните, почему она хочет говорить только со Снейдером и что задумала. – Он сделал глубокий вдох. – Вы все еще хотите отказаться от этого дела?

– Да.

– Заявление отклонено, Немез! Успокойтесь и соберите членов вашей специальной группы. Для всех действует запрет на отпуск. Следующие семь дней вы круглосуточно при исполнении служебных обязанностей. Понятно?

Проклятье, да! Сабина кивнула.

Через два часа они снова собрались в конференц-зале. Снаружи уже стемнело. Окна были открыты, и прохладный ночной воздух вливался в помещение. К тому же несколько термосов и дюжина чашек распространяли запах крепкого кофе, так что в воздухе содержалось достаточно кофеина, и все могли бодрствовать до полуночи, не сделав ни глотка.

Сабина приняла в БКА душ, переоделась в кабинете в свежее и не только смыла горячей водой пот и грязь с тела, но и попыталась стереть из памяти жуткое воспоминание и избавиться от скорби и сомнений. Ван Нистельрой был прав – нельзя позволить монашке одержать над собой верх.

Она сделала глоток кофе, проглотила таблетку от головной боли и посмотрела на коллег.

– Спасибо, что не ушли после окончания рабочего дня и нашли время, чтобы продолжить расследование.

Это были общие фразы, так как формально у них все равно не было выбора. Но Сабина была уверена, что и без указания ван Нистельроя коллеги согласились бы на сверхурочную работу и за это заслуживали благодарности.

Между тем первый отчет о жертве был готов. Мужчину звали Вальтер Граймс.

– Ему было шестьдесят восемь лет, – сказал сотрудник отдела криминалистической техники. – Три года на пенсии, жил рядом с Браунау-ам-Инн, в Верхней Австрии, недалеко от границы с Германией.

Все удивленно подняли глаза. Браунау. Наверняка в этом какая-то связь с монашкой.

– Как и почему он попал в Висбаден? – спросила Сабина.

– В кармане его брюк мы нашли не только портмоне с удостоверением личности, но и билет на поезд. Он прибыл сегодня утром во Франкфурт ночным поездом из Линца, затем поехал дальше в Висбаден. А вот зачем?.. – задал сам себе вопрос коллега и пожал плечами. – Этого мы пока не знаем. В настоящий момент пытаемся разыскать его друзей и родственников.

– Кем он работал? – поинтересовалась Сабина.

– Это решающий момент. – Коллега коснулся экрана своего планшета. – Он бывший садовник одного уединенного женского монастыря в Верхней Австрии.

Вот нити и начинают сходитьсь.

– Какого монастыря?

Коллега передал слово молодой женщине, которая подключила кабель видеопроектора к своему ноутбуку и вывела на экран карту Верхней Австрии.

– Не доезжая до Браунау, где Зальцах впадает в Инн, в Инн вливается и река Бругг. Я посмотрела на Ютьюбе видео про эту местность. В этой речной долине, известной как Бруггталь, почти всегда стоит туман. На горе посреди леса, в пяти километрах от Браунау, расположен монастырь урсулинок. – Она вывела фото на стену. Это был монастырь средневековой постройки, окруженный высокими елями, с острыми башенками и вытянутыми флигелями с красной черепичной крышей.

Сабина рассматривала фото. Уединенное место. Коллеги вряд ли стали бы так пристально фокусироваться на бывшем месте работы Граймса, не окажись несколькими этажами ниже в комнате для допросов женщина в монашеской одежде.

– Здание выглядит очень старым.

– Оно было построено в 1495 году, отреставрировано через двести с лишним лет в эпоху позднего барокко, в течение всего времени использовалось различными орденами, пока в 1920 году не была основана *эта* монашеская конгрегация. Затем были достроены флигели. Они называют себя сестрами-урсулинками Святейшего Сердца Иисуса в Агонии.

– Монастырь Бруггталь, – пробормотала Сабина. – Значит, пожилой мужчина работал там еще несколько лет назад. Нужно выяснить, была ли в монастыре в это время и наша монашка.

– Мы этим уже занимаемся. Контакта с монастырем пока нет, но мы работаем. Во всяком случае, форма и цвет хабита указывают на то, что она оттуда.

– Хабита? – переспросила Сабина.

– Монашеская одежда так называемых черных урсулинок.

Ага! Сабина кивнула и снова подумала о Граймсе. *Садовник.* Она невольно вспомнила татуировку на запястье монахини. Черная роза с

шипами. Мысль казалась притянутой за уши, но, возможно, эта татуировка была подсказкой о Граймсе и его профессии.

– Какие-нибудь идеи?

– Будем исходить из того, что наша монашка – сестра в этом урсулинском монастыре... или, по крайней мере, была раньше, – подала голос Тина. – Вспомните шрамы у нее на запястьях и шее. Возможно, Граймс издевался над ней. Может, мы имеем дело со случаем насилия.

– Значит, ты допускаешь месть как мотив? – спросила Сабина.

– Я задаюсь вопросом, что могло сподвигнуть женщину, которая настолько глубоко верит в Бога и его заповеди, совершить такой ужасный поступок.

– Не знаю, – призналась Сабина. – Но я по-прежнему убеждена, что у нее были сообщники, которые сделали за нее физическую работу и помогли с техническими знаниями для этой ловушки.

Глава 8

Собрав еще больше информации об урсулинках, в десять часов вечера Сабина вошла в смотровую комнату для допросов, в которой все еще сидела монашка – на стуле за столом под люминесцентными лампами, руки в наручниках.

Пока что она находилась под строгой охраной и была все еще неофициально под арестом: ее не передали судье и не определили, как положено, в камеру предварительного заключения. БКА имело право задержать ее у себя на 48 часов. Все-таки она как минимум знала о предстоящем убийстве и ничего не предприняла для его предотвращения.

Так как женщина отказалась надевать серую униформу заключенных, на ней все еще было монашеское облачение. Сабина никак не могла привыкнуть к такому сюрреалистичному виду. Монахиня и комната для допросов – все это не вязалось. К тому же лицо женщины частично скрывалось в тени от нависающего головного покрывала, и выглядела она немного мистически.

Как человек, который кажется таким мягким, может совершить столь жестокое преступление? – недоумевала Сабина.

Женщина держала в руках четки с маленьким деревянным крестом, которые до этого висели у нее на поясе, и с невероятным спокойствием перебирала их пальцами. Обычно у любого заключенного сразу же забрали бы тряпичный пояс, четки и цепочку с серебряным крестиком. Слишком легко ими можно задушиться. Но монахиня воспротивилась отдать все эти предметы. Так что ей их оставили из уважения к ее религии, правда, при условии, что и ночью она останется в комнате для допросов под постоянным видеонаблюдением, – с чем она согласилась. Поэтому комната для допросов 2В была срочно переоборудована в камеру неофициального тюремного заключения.

Сабина сидела в темноте с чашкой дымящегося кофе и через одностороннее стекло смотрела в камеру – как в террариум, где находилась опасная змея. С тех пор как она вышла от монахини этим утром, женщина не произнесла ни слова – только попросила

разрешения сходить в туалет и что-нибудь, чтобы утолить голод и жажду. Больше ничего.

Сабина потягивала кофе и просматривала на мониторе видеозаписи последних часов в ускоренной перематке; глубоко погружившись в молитву, монашка излучала почти зловещее спокойствие.

Наконец Сабина поднялась, вытащила служебное оружие из кобуры, отдала его на хранение коллеге из ночной смены и вошла в камеру.

Монахиня подняла глаза, ее лицо разгладилось и тут же приобрело дружелюбное выражение.

– Добрый вечер.

– *Congregatio Sorum Ursularum a Sacro Corde Iesu Agonizantis*, – вместо приветствия Сабина произнесла латинское название конгрегации урсулинок.

Чем заслужила полное внимание женщины. Она с интересом изучала Сабину.

– Рада вас снова видеть. Без вас было одиноко.

– Я могу сесть?

– Пожалуйста.

Сабина опустилась на стул и ждала, чтобы монахиня продолжила разговор.

– Полагаю, вы уже нашли Вальтера Граймса и выяснили связь с тем монастырем, название которого вы процитировали. Правда, это называется *Sororum*, а не *Sorum*.

Я знаю, – подумала про себя Сабина и сдержала улыбку. Тем самым у нее было подтверждение, что они двигались в правильном направлении и речь шла о настоящей монахиня.

– Спасибо, я еще не так сильна в этой теме, – небрежно бросила Сабина, не желая признаваться, что уже знает больше. *Андерстейтмент*^[5] – это оружие, – учил ее Снейдер. – Пусть подозреваемый думает, что он умнее тебя. Только тогда он ошибется.

– Граймс выжил?

Сабина сжала губы и промолчала.

Монахиня продолжала перебирать пальцами четки.

– Я не горжусь произошедшим, и мне жаль, что все так вышло, но это было неизбежно.

– Я не слышу раскаяния в вашем голосе, – ответила Сабина. – Вы равнодушны к тому, что мужчина лишился жизни, а вам предъявят обвинение в убийстве и отправят до конца жизни за решетку?

– Я знаю, живут только один раз, – улыбнулась монахиня, – но если все сделать правильно, то и одного раза достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для загробной жизни.

Сабина вздохнула.

– Что вам сделал Граймс? Он вас оскорбил, изнасиловал или унизил?

– Я, наоборот, слышу много гнева, бессилия и ярости в *вашем* голосе. Мне жаль, что ваша операция не удалась, – сказала она. – Знаете, мужчина мог и выжить, но вы меня, очевидно, не послушали. Вам нужно было пройти через главный вход, как я посоветовала.

Сабина заставила себя подавить невольное движение челюсти и дышать спокойно. *Не показывай этой женщине свои слабые точки!*

– Знаете, опыт лучший учитель, – продолжала монахиня. – И хорошее в этом то... – она улыбнулась, – что у человека всю жизнь индивидуальные занятия.

– Почему этот мужчина должен был умереть таким ужасным образом?

Монахиня перестала перебирать четки и сжала их в кулаке.

– Я вам уже сказала: буду говорить только с Мартеном Снейдером.

– Я знаю, вы доверяете только ему. Но почему вы *мне* не доверяете?

Монашка снова занялась четками.

– Что случится во второй день? – спросила Сабина. – Сколько времени у нас на этот раз? Опять только до семи часов? Сколько у вас там сообщников?

Но монахиня лишь молча опустила голову, и Сабина поняла, что этой ночью не услышит больше ни слова.

Через час Сабина стояла во внутреннем дворе здания БКА и смотрела на звездное небо. Ночь принесла приятную прохладу. Гроза прошла стороной, и лишь отдельные молнии вспыхивали на горизонте. Грома почти не было слышно.

В здании светилось всего несколько окон. Большинство жалюзи было опущено. Из-за облака показался месяц.

Сабину знобило. Она до смерти устала. Спичкой она зажгла сигарету, которую стрельнула у техника в комнате для допросов. Дрожащими пальцами поднесла тлеющую сигарету к губам, глубоко затянулась и тут же закашлялась. *Проклятье!* Она загасила сигарету в пепельнице. *Только не начинай с этим делом, а то закончишь, как Снейдер, марихуаной.*

Тут зазвонил ее мобильный. На дисплее высветился номер Тины.

– Ты где?

– Во дворе для курильщиков.

– В компании? – спросила Тина.

– Нет.

– Как все прошло с монашкой?

Сабина вкратце рассказала ей о разговоре, который абсолютно ничего не дал – кроме того, что женщина насладились своим первым успехом.

– Звучит не очень, – прокомментировала Тина. – В любом случае мы кое-что выяснили. Отдел криминалистической экспертизы только что закончил обследовать фабричный цех. На таймере, маленьком двигателе, бочке, трубах, наручниках, перекатной лестнице во втором цехе и на дверных ручках были обнаружены исключительно отпечатки пальцев монашки.

– Больше ничего?

– *No*, – по-итальянски ответила Тина.

– Значит, у нее все-таки не было сообщника, – заключила Сабина.

– Похоже, она действительно организовала все в одиночку. Маловероятно, но теоретически возможно.

– Спасибо.

– Увидимся завтра. – Тина завершила разговор. Сабина убрала телефон и посмотрела на ночное небо.

Как монашка собирается убить остальных шестерых людей?

Три года назад

Скоростной междугородний поезд только что прибыл на вокзал Иннсбрука. Лейтенант Грит Майбах натянула на плечи рюкзак, в котором находились туристический коврик, спальный мешок и боевое и альпинистское снаряжение, такое как веревка и стальные кошки, – всего сорок килограммов на спине, – и покинула купе. Ее, тридцатичетырехлетнего горного стрелка австрийских вооруженных сил, срочно вызвали на службу. Точного представления она еще не имела, но знала, что операция будет в горах.

Сойдя с поезда, Грит остановилась на перроне и подняла глаза. *Тироль. Снова здесь.* Иннсбрук, окаймленный горными цепями, располагался в долине. Хотя был только конец марта, солнце уже растопило снег в городе. Но величественные горы высотой по две с половиной тысячи метров, окружавшие город со всех сторон, были покрыты снегом почти до самой долины. Стоило посмотреть наверх, как яркий отраженный свет слепил глаза.

Воздух был чистым и обжигающе холодным. Грит сделала несколько глубоких вдохов, надела солнечные очки, пересекла платформу и через вокзальный вестибюль попала в суматоху города. Она сразу направилась в оперативный штаб расположенного рядом полицейского комиссариата.

Грит вошла в переоборудованную под конференц-зал комнату и увидела около дюжины мужчин, тоже из горнострелковых подразделений, которые сидели полукругом, – отчасти знакомые лица, – и своего бывшего наставника, полковника Айхингера.

– С лейтенантом Майбах мы в полном сборе. Садитесь. – Айхингер пошел к видеопроектору.

Грит спустила рюкзак с плеч и села на последний свободный стул.

– Нас вызвала земельная полиция, – объяснил Айхингер. – Подразделение «Кобра» упустило одного мужчину, и теперь на сцену выходим мы как специальная команда.

– Всегда одно и то же, – пробурчал один из стрелков, – сначала напортачат, а потом нам можно работать.

– Тишина! – одернул его Айхингер. – У нас мало времени и, к сожалению, очень скудная информация. – Он включил видеопроектор.

Стрелок был не так уж и не прав. Ребята из «Кобры» были обучены освобождать заложников, а горные стрелки – убивать людей, если это необходимо. Видимо, ситуация была дерьмовая.

Грит рассматривала выведенную на стену фотографию. Плохой, размытый черно-белый снимок, на котором был мужчина лет тридцати пяти, в солдатской униформе. *Немецкий бундесвер*, насколько разглядела Грит.

В комнате все тут же стихли.

– Это Томас Шэффер, немецкий солдат, служил в Афганистане. – Айхингер назвал год рождения мужчины. – Вырос в приюте в Регенсбурге, обучался в немецком БКА, а затем пошел в бундесвер. Проводил отпуск в Тироле и слетел с катушек.

Грит изучала угловатые черты лица мужчины, твердый взгляд и коротко стриженные волосы. Кроме этого, она обратила внимание на темное пятно у него под глазом. Шрам или синяк? И невольно дотронулась до красного родимого пятна на лице.

Грит легко могла поставить себя на место мужчины – и это не было связано с эмпатией или прочей психологической чепухой. Она была одного года рождения с Шэффером, сама выросла в детском доме, без родителей, и в военном образовании увидела свой единственный шанс и будущее. Может, такие профессии выбирают, когда не знают ни своего происхождения, ни почему от них отказались биологические родители, а приемные не захотели взять, и срочно нуждаются в самоутверждении. Иногда Грит задавалась вопросом, когда же она слетит с катушек.

– После того как вчера вечером в студенческом баре в центре Иннсбрука Шэффер напился почти до коматозного состояния, он хотел застрелиться из своего оружия. Несколько гостей пытались его остановить. Результат: пятеро тяжелораненых мужчин.

– И «Кобра» не может с ним справиться? – буркнул один из стрелков.

– Тихо! Шэффер крепкий парень. Он...

– Полковник Айхингер, при всем уважении, но чтобы избить пятерых студентов, не обязательно быть крепким.

Все засмеялись.

– Если еще хоть раз без разрешения откроете рот, то *вы* потащите мой рюкзак вверх! – прорычал Айхингер.

Наверх? Значит, Айхингер пойдет с нами.

С этого момента все молчали и внимательно слушали своего наставника.

– Шэффер избил до полусмерти не студентов, а трех солдат, полицейского и таксиста.

– По очереди?

– Одновременно. Он владеет рукопашным боем и был лазутчиком в тылу противника. Он ушел от «Кобры» на рассвете, отправил еще двоих мужчин в больницу и скрылся в горах. Где, вероятно, спрятался в одной из хижин, которых здесь множество.

– И мы должны его найти?

– Найти и нейтрализовать, – уточнил Айхингер. – Как одержимый в состоянии амока, он непредсказуем и может причинить вред еще большему количеству людей.

Может, он еще раз попытается покончить с собой – тогда у нас будет одной проблемой меньше, – подумала Грит.

– У него есть мобильный, который мы могли бы запеленговать?

– Ответ отрицательный! – Полковник Айхингер взглянул на наручные часы. – Мы разделимся на три команды. В шестнадцать ноль-ноль нас заберут три вертолета и отвезут наверх. Затем мы по двое проверим хижины.

Что ж, удачи. Это будет поиск знаменитой иглы в стоге сена – или, правильнее сказать, иглы в снегу.

– Лейтенант Майбах! Вы пойдете со мной, – распорядился полковник.

Вертолеты высадили их на высоте полутора тысяч метров, и они в командах по двое направились в разных направлениях, но оставались в постоянном радиоконтакте.

Грит и полковник Айхингер были последней парой, которая двинулась в путь. Их группа называлась «Песец-один».

В полной экипировке и на снегоступах, они осторожно поднялись к первой хижине. В горах стоял туман и моросил мелкий ледяной дождь. За несколько минут рюкзак и одежда намокли и стали намного тяжелее.

Первая хижина была пуста, вторая тоже. В 18 часов они наткнулись на колючую проволоку с табличкой:

Военная закрытая зона. Вход запрещен. Военный комендант.

Айхингер взглянул на карту.

– Будь я Шэффером, спрятался бы здесь, – пробурчал он.

Теперь и Грит стало понятно, почему «Кобра» запросила поддержку горных стрелков – здесь они ориентировались лучше всех.

Они вошли на территорию, включили налобные фонари и продолжили путь.

Спустя полтора часа марша добрались до следующей хижины. Сообщений от других команд по рации пока не поступало. Неужели Томас Шэффер продвинулся так далеко?

Ветер дул уже сильнее; в защищенных от ветра местах снежных заносов было наверняка минус десять градусов, на открытых пространствах и того больше. Следов Шэффера не сохранилось – если они тут вообще когда-либо были.

– Отдохнем немного в хижине, – решил Айхингер.

Они зашагали дальше. Неожиданно Грит рефлекторно сдернула с плеча винтовку и дозарядила ее. Очевидно, Айхингер увидел то же самое, потому что и он схватился за оружие. В хижине горел свет. Слабое мерцание, которое проникало через закрытые оконные ставни.

– Тихо – и выключите фонарь, – прошептал он.

Они выключили налобные фонари и вместо этого надели защитные очки с усилением остаточного света.

– Зайдите через переднюю дверь и прозондируйте ситуацию. Но с задержанием подождите, я пока запрошу подкрепление, обойду хижину и подстрахую с другой стороны, чтобы он не сбежал, – распорядился Айхингер.

Грит кивнула и направилась к хижине. Она слышала, как за спиной Айхингер остановился и передал по рации ее наблюдение остальным командам.

Наверняка это была не единственная хижина в Тирольских Альпах, в которой горел свет, – но единственная в военной закрытой зоне. А так как они находились здесь со спецзаданием, то им сообщили бы о других военных операциях в этой местности.

Голос полковника Айхингера позади нее становился все тише, и скоро она слышала его приказы коллегам из других команд только через свою рацию.

Грит подошла ближе и увидела, что поднимающийся из трубы дым относит в ее направлении. В следующий момент она

почувствовала его запах. *Встречный ветер!* И он так быстро не поменяется. Это хорошо. Ей не нужно слишком стараться не шуметь.

«...с этого момента режим радиомолчания!» – раздался из ее радиации последний приказ полковника Айхингера.

Грит все равно выключила свой прибор, чтобы Шэффера не спугнул предательский треск. После этого был слышен только свист ветра.

Добравшись до хижины, она скинула снегоступы, сняла рюкзак с плеч, не выпуская из рук винтовку, и поставила его рядом с входной дверью. Потом стянула с головы защитные очки, чтобы ее глаза привыкли к темноте. Осторожно заглянула между ламелей ставней внутрь. Стекло запотело, но она все равно смогла разглядеть прихожую. Деревянные стены, рога, комод и мощная поперечная балка, на которой висела керосиновая лампа. Больше ничего не было видно. Во всяком случае, в помещении было пусто. Очевидно, хижину построили в то время, когда местность еще не была закрытой зоной.

Грит сняла перчатки и растегнула молнию своего белого комбинезона. После того как вытащила из кобуры и дозарядила пистолет, она вдавила винтовку в снег рядом с фундаментом хижины и слегка ее прикопала. Оружие ни в коем случае не должно попасть преследуемому в руки. Грит предусмотрительно растегнула ножны на поясе, затем нажала на ручку деревянной двери.

Дверь была незаперта. Петли не закрипели, и Грит увеличила щель лишь настолько, чтобы заглянуть в прихожую. *О'кей, только прозондировать ситуацию!* На комод лежал рюкзак, рядом стояли три открытые банки энергетика.

Вот как ты проводишь вечер.

Наверняка полковник Айхингер скоро закончит свои приготовления и обогнет хижину. Грит проскользнула в комнату. Свист ветра тут же смолк. Она тихо закрыла за собой дверь. В хижине было не меньше пяти градусов тепла, пахло дровами и камином.

Грит тихо раскрыла рюкзак и медленными движениями порылась в нем. Только рулон туалетной бумаги, пара консервных банок тушенки с овощами, свитер и аптечка. В боковом кармане она нашла несколько купюр евро, паспорт, спички, компас и multifunctional складной нож.

Тающий снег стекал с шапки по вискам. Она вытерла воду с лица и затем промакнула ладони туалетной бумагой. Там, где она стояла, вокруг ее сапог образовалась лужица.

Спокойно, не торопиться, – думала она. – Айхингер наверняка сейчас появится.

Держа одной рукой пистолет, окоченевшими пальцами другой она раскрыла паспорт.

Томас Шэффер.

Это был тот же мужчина, чье фото она уже видела на оперативном совещании. И чье лицо показалось ей таким знакомым.

Гражданин Германии.

Рост метр восемьдесят шесть, голубые глаза.

Место рождения Регенсбург.

Затем она уставилась на дату рождения Шэффера. Он родился не только в один год, но и в один день с ней. *9 мая.*

Она выросла в Куфштайне в Тироле, Томас Шэффер в Регенсбурге – даже не так далеко друг от друга. *В жизни бывают совпадения. Но то, что у нас один и тот же знак зодиака, тебе не поможет, парень!*

Ей лучше покинуть хижину и снаружи дожидаться полковника Айхингера с подкреплением. Грит засунула паспорт обратно в рюкзак и уже хотела дать задний ход, как включилась ее рация.

«Белая куропатка – Песцу. Грит, на последней развилке вы направо или нале...»

Вот дерьмо!

Она отключила звук. Видимо, до этого на холоде выключатель не сработал.

Грит тут же вскинула пистолет и задержала дыхание.

Ты такая идиотка! – ругала она себя. Но еще больше злилась на коллегу, который нарушил режим радиомолчания и к тому же назвал ее по имени.

Для отступления было слишком поздно. Шэффер наверняка все слышал. Так что оставалось только рвануться вперед. Она распахнула дверь и ринулась из прихожей в хижину.

Да, Шэффер все слышал.

Он стоял в свете керосиновой лампы, в сапогах, военных штанах, с голым торсом – и с «глоком» в руке. Ствол смотрел прямо на нее.

Она взглянула Шэфферу в лицо, узнала сверкающие голубые глаза и просто обомлела.

Этого не может быть!

День второй
Бах-ан-дер-Донау,
Бавария Суббота, 13 мая

Глава 9

– Немез, видит бог, у меня есть дела поважнее, чем обсуждать с вами ваше расследование. – Дирк ван Нистельрой подошел к своему письменному столу, скинул пиджак и бросил его на спинку стула.

На столе стояла дымящаяся кружка с кофе, рядом с телефоном возвышалась башня из конвертов внутренней почты. И вероятно, к полудню там окажется уже следующая стопа.

Но Сабина не могла с этим считаться. Сцепив руки за спиной, она стояла в центре комнаты и смотрела в окно на внутренний двор. Светало, а во многих кабинетах уже горел свет.

– Я бы предложила...

– Какие бы идеи у вас ни появились, просто *действуйте!* – прорычал ван Нистельрой. Он остался стоять, словно дожидаясь, когда она наконец добровольно исчезнет из его кабинета, прежде чем ему придется ее вышвырнуть. – Похищенный погиб, коллега ранен – это плохо, но такое случается. Так как Краймса еще не...

– Вальтер Граймс, – исправила его Сабина.

– Да ради бога. – Ван Нистельрой махнул рукой. – Так как его пока не объявили пропавшим без вести, наш пресс-секретарь может придержать информацию о его смерти еще двадцать четыре часа. Но позаботьтесь о том, чтобы монашка наконец-то заговорила и следующего убийства не произошло. Тогда мы сможем уведомить общественность, что спасли жизнь шестерым людям. – Он направил на нее указательный палец. – Я понятно выразился?

– Насколько я узнала монашку, она не раскроет рот.

– Но вы ведь ее *узнали!* – крикнул ван Нистельрой. – Используйте эти знания против нее.

Сабина застонала.

– Женщина поставила четкое условие, которое мы не можем выполнить! Она хочет говорить только со Снейдером.

– Зачем БКА несколько лет вкладывало в вас деньги? – Ван Нистельрой свел брови. – Вы профайлер и получили психологическое образование! Сумеете обойтись и без Снейдера.

– Сейчас нет. – Она посмотрела на настенные часы. Было начало седьмого утра. – В этом случае есть только одна разумная вещь, которую я могу сделать.

Ван Нистельрой бросил на нее вопросительный взгляд.

Сабина повернула голову в сторону двери. В этот момент постучали.

Еще до того, как ван Нистельрой успел крикнуть «Войдите!», дверь открылась, и в кабинет вошел высокий лысый мужчина в темном костюме.

Снейдер.

К нагрудному карману его пиджака было приколото удостоверение посетителя.

Лицо ван Нистельроя будто застыло. *Похоже, он действительно считал, что его наконец-то оставят в покое.*

– Вы надо мной издеваетесь, Немез? Что это значит? Какой-то абсурдный номер «хороший полицейский – плохой полицейский»?

– Мне очень жаль, – извинилась она, – но я попросила Снейдера приехать сюда.

– Попросила? Так просто? – фыркнул ван Нистельрой. – И он сразу же примчался?

– Я его вынудила, – призналась Сабина. – Все-таки речь идет об убийстве.

Снейдер и ван Нистельрой некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Закрой дверь, – пробурчал ван Нистельрой.

Снейдер захлопнул ее.

– В ближайшие дни произойдут еще шесть убийств, если мы не выполним требование этой женщины, – сказала Сабина. – Я уверена в этом на сто процентов. Не представляю, как она это устроит, но знаю, что у нее есть такая возможность.

Ван Нистельрой застонал. В конце концов полез в ящик стола, вытащил служебное оружие, магазин, связку ключей, магнитную карту и удостоверение и грохнул все на стол.

– Твое вчерашнее увольнение отклонено!

Снейдер, который не сказал до сих пор ни слова и просто стоял рядом, взглянул на Немез.

– Ради этого вы меня сюда притащили?

– Боже мой! – не выдержала она. – Сейчас правда неподходящий момент для того, чтобы два добермана, которых распирает от тестостерона, играли своими мускулами. Мы можем начать разумно работать над этим делом?

Снейдер проигнорировал Сабину и уставился на ван Нистельроя.

– Я работаю в БКА только на моих условиях. Или эффективно, или никак.

– Чего ты конкретно хочешь? – вздохнул ван Нистельрой и опустил на стул.

Снейдер сделал шаг вперед, поднял руку и оттопырил три пальца.

– Во-первых: команду, с которой я могу вести расследование по своему усмотрению. Во-вторых: особое разрешение, чтобы действовать без бюрократических проволочек, прокуроров и судебных решений. И в-третьих: все необходимые особые полномочия, чтобы работать за границей.

Сабина одобрительно кивнула. Как-никак она проинформировала его вчера о связи с Австрией.

– А, по-твоему, у других стран вообще нет права голоса в таких вопросах? – возразил ван Нистельрой.

– У нас имеется соглашение для особых операций.

Ван Нистельрой помотал головой.

– Мартен, это ни в какие ворота не лезет и нарушает все правила.

– Монашка тоже играет не по нашим правилам, – поддержала Снейдера Сабина.

– Как и все преступники, но *мы* все равно должны соблюдать законы, – возразил ван Нистельрой, уже начиная сердиться.

Снейдер подошел ближе к письменному столу.

– Ты отлично знаешь: если кошке надеть перчатки, она не сможет ловить мышей. Поэтому я требую иммунитета во всем, что мы делаем.

Ван Нистельрой сделал большой глоток кофе, затем опустил голову и помассировал виски. Сердце у Сабины колотилось в горле. Она ненавидела нарушать законы, но, в конце концов, речь шла о спасении жизней. Она покосилась на Снейдера. Его лицо и лысина были белые как мел, глаза запали. Самое время для него поймать какого-нибудь убийцу.

– Мы теряем время. Так я получу особые полномочия? – спросил Снейдер. – В противном случае буду наслаждаться спокойствием в

моем загородном доме и прочту в газете, как вы профукаете дело.

Ван Нистельрой поднял глаза.

– При всем желании, я не могу...

– Вспомни дело Марка Дютру в Бельгии, – сказал Снейдер. – Пока он сидел в следственном изоляторе, в его подвале от голода умерли две восьмилетние девочки.

– Да, черт возьми, хватит! – Во взгляде ван Нистельрой читалась тоска. – Я не знаю, как объясню это министру внутренних дел, все-таки мы не служба разведки, но да, черт побери! – Он поднял указательный палец. – Но только для этого случая – и максимум на шесть дней. Ты понял?

Снейдер кивнул.

– И смотри, чтобы тебя не застукали, если пострадают люди... – ван Нистельрой понизил голос, – потому что этого я не одобрял, ясно?

Не моргнув глазом, Снейдер снял удостоверение посетителя с пиджака, взял свой пистолет и рассовал ключи, удостоверение и магнитную карту по карманам.

Ван Нистельрой наблюдал за ним с таким перекошенным лицом, словно после этого разговора язва желудка была ему гарантирована.

– И кому же будет позволено работать в твоей *высокоодаренной команде*? – спросил он, рисуя пальцами в воздухе кавычки.

Снейдер взглянул на него без каких-либо эмоций.

– Для начала только Немез и Мартинелли. Чем меньше, тем лучше, – сказал он. – Остальных людей я назову тебе в течение шести дней.

После того как ван Нистельрой кивнул, Снейдер покинул кабинет. Сабина хотела последовать за ним, но ван Нистельрой остановил ее коротким жестом.

Президент БКА дождался, когда дверь захлопнулась, затем поднял руку и сказал тихим, но настойчивым голосом:

– *Вы* втянули Снейдера в игру, *вы* и отвечаете за то, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Выйдя из кабинета с тревожным чувством, Сабина последовала за Снейдером к лифтам.

– Чего хотел от вас старый *Stomkop*?^[6] – спросил Снейдер.

– Сами не догадываетесь?

– Вы должны меня контролировать, верно?

Сабина ничего не ответила, но беспокойство от этого только усилилось.

– Вы в курсе этого дела? – спросила она, чтобы отвлечься.

Снейдер натянул свою знаменитую презрительную улыбку.

– Если у меня нет друзей в БКА, это еще не значит, что я не имею того или иного доступа к информации.

– Шёнфельд?

Снейдер кивнул.

– Я навестил его вчера в больнице. Его лицо выглядит как ландшафт с кратерами на обратной стороне луны.

Сабина застонала. Вчерашняя неудача не отпускала ее, так что она не спала всю ночь и в пять утра отправила Снейдеру эсэмэс со срочной просьбой прийти в кабинет ван Нистельроя в шесть часов, иначе она рехнется.

– Я... – вздохнула она.

Тут Снейдер положил руку ей на плечо. Очевидно, этот жест удивил его не меньше, чем Сабину, потому что он быстро убрал руку, когда дверь лифта открылась.

– Каждый совершает ошибки, Немез...

– Но я...

– Молчите и слушайте, когда я с вами говорю! – перебил он ее. – Запомните одну важную вещь: не ошибается только тот, кто ничего не делает. Вы это поняли?

– Поняла.

Они вошли в кабину лифта. Сабина нажала на кнопку второго подземного этажа, где находились комнаты для допросов.

– Но мой прежний опыт всегда показывал, что нужно слушать интуицию. А сейчас это и привело к ошибке.

Снейдер пожал плечами.

– В этом трагедия любого опыта, – заметил он, когда они ехали вниз. – Он всегда приходит с опозданием. – Снейдер нажал на кнопку первого этажа.

– Монахиня в комнате для допросов 2В. Вы не хотите с ней поговорить? – спросила Сабина.

Лифт остановился на нулевом уровне, дверь открылась, и Снейдер подтолкнул Сабину из кабины.

– Нет, заставим ее еще поволноваться. Второе убийство произойдет ведь не сразу к завтраку.

– Что вы собираетесь делать?

– Я возьму в столовой чайник ванильного чая. А вы пока сообщите Мартинелли. Через десять минут встретимся у меня в бюро.

– А потом?

Снейдер ухмыльнулся, как акула.

– Никогда нельзя идти на допрос неподготовленным. Сначала мы выясним пару моментов.

Глава 10

Через десять минут Сабина вошла в кабинет Снейдера.

– Тина подойдет с минуты на минуту.

– Какой godverdomde Idioot^[7] поставил эти растения в мою комнату, пока меня не было? – ругался Снейдер. – Не терпелось передать кабинет другому?

Он выкатил подставку на колесиках с пальмой юккой в коридор. Затем открыл окно. Прохладный воздух хлынул в комнату. Штора вздулась и частично закрыла большую фотографию нидерландского королевского семейства с личным автографом, которая висела на стене в раме. Настоящая гордость Снейдера.

Он всегда имел особые привилегии в БКА, так было и при бывшем президенте Дитрихе Хессе. В отличие от других следователей он занимал два больших кабинета с межкомнатной дверью. Сейчас она была чуть приоткрыта, и Сабина заметила в соседней комнате массажное кресло Снейдера.

В дверь постучали, и вошла Тина. По ее усталому виду Сабина заключила, что она тоже плохо спала сегодня ночью.

– Я не понимаю... – От удивления у Тины округлились глаза. Внезапно краска прилила к ее лицу. – Вы опять на службе? Как здорово! Я...

– Знаю, теперь ваша жизнь снова приобрела смысл, но не тратьте словеса впустую и хватит лизать мне задницу. Закройте дверь, нам нужно приниматься за работу.

– Ничуть не изменился, – вздохнула Тина и села со своим ноутбуком, пачкой документов и широкой улыбкой на лице за стол для переговоров.

Сабина заняла место рядом.

Снейдер расположился за столом напротив них.

– Вы будете против, если я закурю?

– Да, – в один голос ответили Сабина и Тина.

– Отлично, тогда договорились. – Снейдер вытряхнул самодельный косяк из упаковки и щелкнул зажигалкой. По комнате тут

же поплыл сладковатый запах марихуаны. Снейдер налил в кружку из термоса ванильный чай. – Хотите по чашечке?

Сабина и Тина помотали головой. Обе посмотрели на потолок, где между свежешпаклеванными дюбелями белел круг. Снейдер опять демонтировал новый детектор дыма и, вероятно, выбросил его в мусорное ведро.

– С настоящего момента действуют следующие правила. – Снейдер выпустил в потолок второе облако дыма, покрутил косяк между пальцами и уставился на тлеющий кончик. – Я говорю один раз и ожидаю, что вы обе обо всем позаботитесь. – Он снял табачное волокно с губы и бросил его в пепельницу.

– А именно? – спросила Тина.

– Во-первых, никакого адвоката или психологической поддержки под видом кризисного вмешательства для этой монашки.

– Но мы ведь не можем ее просто так... – запротестовала Тина.

– Нет, можем! – перебил Снейдер с непреклонным видом. – Госзащитника она получит лишь тогда, когда дело дойдет до обвинения. До процесса действуют мои правила, что будет потом, мне искренне все равно.

– Хорошо, дальше, – вздохнула Тина.

– Ей запрещается говорить по телефону, исключены радио, телевизор, газеты. С этого момента у нее не должно быть абсолютно никакого контакта с внешним миром. Она получает не обычную еду для заключенных, а безуглеводное питание без сахара. Мы снизим ее уровень сахара в крови. В результате она станет раздражительной и начнет совершать ошибки. Кроме того, вводится абсолютный запрет на передачу информации СМИ. Мы собираемся скрывать смерть Граймса в фабричном цехе до тех пор, пока преступление не будет раскрыто – даже если это продлится все шесть оставшихся дней.

Тина шумно вдохнула:

– Но...

– С сегодняшнего дня наша команда работает на особых условиях, – объяснил Снейдер. – И у этой женщины не будет никаких прав, пока я расследую дело.

Тина не переставала удивляться.

– Все хорошо, но я только что услышала слово *команда* из ваших уст?

– Полагаю, у вас нет проблем со слухом, поэтому да. Немез объяснит вам потом детали, – сказал он. – Пункт второй: Мартинелли, вы установите контакт с этим монастырем в Верхней Австрии, о котором рассказала мне Немез, и выясните личность монашки. Все очень быстро и пока без привлечения австрийской полиции. Если возникнут сложности с руководством монастыря из-за каких-нибудь правил защиты персональных данных, позвоните мне.

Тина кивнула.

– Третий шаг: мы должны узнать все про Граймса. Прежде всего, что он делал в последние две недели. Немез, этим займетесь вы. Если возникнут проблемы с банками, интернет-провайдерами или Телекомом...

– ...Я позвоню вам. – Сабина уже поняла.

– Хорошо. А я пока вчитаюсь в имеющиеся акты и протоколы дела. Через два часа встретимся у меня в кабинете.

В половине девятого Сабина снова вошла в бюро Снейдера. Она боялась, что у него особо не было времени читать, потому что она переводила на него все телефонные разговоры с партнерами, которые отказывались неофициально предоставлять БКА информацию.

Она не знала, как Снейдер это провернул, с помощью ван Нистельроя или без нее, но после последующих телефонных разговоров и мейлов у Сабины десять минут спустя появлялась вся запрашиваемая информация.

Тина уже сидела на своем месте. Ее ноутбук был открыт, и Снейдер смотрел какое-то видео.

– Возраст и описание подходят. Наша монашка действительно была сестрой в монастыре Бруггталь в Верхней Австрии. – Тина ткнула в экран. – А здесь расположена примыкающая школа-интернат сестер-урсулинок. Сгорела в конце семидесятых годов. До этого здание служило пристанищем для умственно отсталых и одиноких молодых женщин.

– Насколько я знаю, обучение и воспитание молодых женщин – цель урсулинок, – пробормотал Снейдер и задумчиво постучал пальцем по своему набору с акупунктурными иглами. Тот был еще закрыт.

– А также наставничество над девочками-сиротами, которые растут там в бедности, безбрачии и послушании, – уточнила Сабина. –

Как зовут нашу монахиню?

– Сестра Мария Магдалена. Девичья фамилия Энгельман^[8], – сказала Тина.

– Какое подходящее имя для святой, – цинично прокомментировал Снейдер. – Что еще мы о ней знаем?

– Ей шестьдесят пять лет, была замужем, но рано овдовела. После смерти мужа она в двадцать пять лет ушла в монастырь, где была сестрой, но три недели назад...

– Вышла из монастыря?

Тина кивнула.

– Я думал, это не так просто? – Снейдер наморщил лоб.

– Она запросила разрешение на выход из монашества по состоянию здоровья и, очевидно, из-за психических проблем, – объяснила Тина. – Соответствующая конгрегация Ватикана освободила ее от обета и отпустила на один год.

– И где она провела последние три недели?

Тина пожала плечами.

– Этого никто не знает. Нет никакой информации о месте жительства, и я не нашла никого, кто имел бы с ней контакт.

– Похоже, это решающий момент, – сказал Снейдер. – Что вы еще выяснили? На что она собиралась жить? На сбережения?

– Понятия не имею. У нее есть младший брат, Зено Энгельман, разница в возрасте шесть лет. В настоящий момент я еще не установила его место жительства. Это все.

– Он нам нужен, – решил Снейдер и посмотрел на Сабину: – А вы что выяснили?

– Вальтер Граймс провел последние три года на пенсии недалеко от Браунау-ам-Инн. Небольшой домик с садом, где он выращивал фрукты, овощи и зелень. Жены и семьи нет. Я разговаривала с его соседом. Он вел тихую жизнь и иногда помогал в местном цветочном магазине.

– Безупречный садовник из женского монастыря, – недовольно резюмировал Снейдер.

– Не обязательно, – возразила Сабина. – В начале семидесятых, когда Граймс отвечал за монастырские сад и лес, Бруггталь пользовался плохой репутацией. Набожных сестер называли *шлюхами Сатаны*.

Снейдер приподнял одну бровь.

– Я так и думала, что вас это заинтересует. Ходили слухи, – продолжила Сабина, – будто в определенном флигеле монастыря – интернате – молодые монашки на протяжении многих лет регулярно подвергались насилию.

– Со стороны Граймса?

Сабина помотала головой.

– Якобы нет. Он не имел к этому отношения. Я разговаривала с бургомистром и секретаршей муниципалитета Браунау. Согласно слухам, никто из немногих мужчин, работавших в монастыре, – электрик, плотник или повар, – тоже не был к этому причастен. Жители деревни рассказывали друг другу, что монашек продавали. Разные мужчины платили за надругательство над женщинами.

– И кто же называл этих женщин *шлюхами Сатаны*?

– Тогдашняя настоятельница монастыря, которая была известна своим религиозным фанатизмом.

– *Wat in gods naam!*^[9] – вырвалось у Снейдера. – Но она же могла предотвратить насилие. Это не имеет смысла!

Сабина пожала плечами, и они молчали некоторое время. Наконец Снейдер открыл какую-то папку на своем ноутбуке. Это были фотографии монашки, сделанные камерами наблюдения. Снейдер приблизил два изображения – шрамы на шее, запястьях и тыльной стороне кистей. Он подвинул ноутбук к Сабине и Тине.

– Что вы об этом думаете?

– Я немного разбираюсь в татуировках, клеймении и шрамах, – пробормотала Тина. – Не похоже, чтобы кто-то нанес ей эти шрамы.

Снейдер кивнул, соглашаясь.

– Угол порезов?

– Именно, – подтвердила Тина. – И слева шрамы глубже и шире, что указывает на правшу. Предположительно, она сама себя порезала. Судя по сетке шрамов, несколько десятилетий назад. Но почему?

– Чтобы сделать себя непривлекательной для насильников или наказать за что-то? – предположил Снейдер. – Или потому, что пыталась лишиться себя жизни? – Он захлопнул ноутбук и поднялся. – Пришло время поговорить с Магдаленой Энгельман.

Глава 11

Первое, что почувствовала Сабина, когда она вошла в комнату для допросов 2В, – запах мятного масла испарился. Несмотря на работающий кондиционер, внутри пахло застоявшимся воздухом. Но еще больше ее поразило другое: хотя монашка по-прежнему была в своем черном одеянии, головное покрывало она сняла. Ее густые длинные седые волосы были собраны в пучок. Кроме того, с нее сняли наручники, потому что она все равно находилась под постоянным наблюдением.

Сабина села за стол напротив монахини.

– Доброе утро.

Монахиня удивленно взглянула на настенные часы. Было половина десятого.

– Доброе утро, дорогая. Уже поздно. Я рассчитывала увидеть вас гораздо раньше. Вы плохо спали?

Сейчас тебе будет не до подколок, – подумала Сабина, но ничего не сказала.

В следующий момент дверь опять открылась, и вошел Снейдер. Сабина не обернулась, а наблюдала за реакцией монахини. Правда, та ничуть не удивилась, только довольно заулыбалась. Сабина задавалась вопросом, сохранит ли женщина эту загадочную улыбку еще шесть дней. Потому что она знала – терпение Снейдера подобно наполовину сгоревшему фитилю на бочке с порохом, которая стоит рядом с контейнером, наполненным нитроглицерином.

– Как я вижу, вы аннулировали свое заявление об увольнении, – заключила монахиня. – Это смерть Вальтера Граймса заставила вас передумать?

Снейдер оставался невозмутимым.

– Паршивый пес не заслужил ничего иного, как быть медленно разъеденным кислотой, после всего, что он вам причинил, – холодно произнес он.

– О, он ничего мне не сделал, – возразила Магдалена.

Снейдер посмотрел на Сабину с многозначительным видом.

– Тогда почему он должен был умереть?

– Этого я не могу вам сказать.

Опять началось это дерьмо, – выругалась про себя Сабина, беспокойно качая ногой под столом.

Магдалена больше ничего не сказала, и Снейдер тоже никак не отреагировал. Так как в комнате было только два стула, Снейдеру пришлось стоять. Правда, он этим ловко воспользовался и прислонился к большому зеркалу на стене. Поэтому монашка была вынуждена смотреть в сторону стекла, если хотела с ним говорить. И камера снимала ее реакции крупным планом. Если Снейдер не будет уверен, правильно ли истолковал ее мимику или жесты, он сможет еще раз посмотреть видеоматериалы.

– Почему вы стали монахиней? – спросил он.

– *Проверьте, Гермия, свои желанья*, – торжественно произнесла она с высоко поднятой головой. – *Внемлите юности, спросите кровь: посылно ль вам... покровами монахини облечься...*

Это звучало как цитата.

– Шекспир, – словно между делом пробормотал Снейдер, будто всю жизнь ничего не делал, а только и читал сочинения Шекспира. – Значит, вы носите монашеские одежды, потому что все остальное вам непосильно, – заключил он. – Что именно вам не по силам?

Она снисходительно улыбнулась.

– Бог запретил мне говорить об этом. Вы должны сами выяснить. Это ваша задача. У вас есть еще шесть дней.

Если у вас не получится, то каждый вечер будет умирать по одному человеку.

– Если не получится *что*? – уточнил Снейдер.

– Если вы не выясните взаимосвязи.

– И вы не можете мне в этом помочь?

– Я инструмент Бога, я сдвинула дело с мертвой точки, остальное в Его руках.

Снейдер задумался, его взгляд расфокусировался. На лице отражалась работа, кипящая в мозгу. *Но какая?* По прошествии всех этих лет Сабина все еще не знала, что именно происходит в голове этого человека. Снейдер обожал загадки и охоту на убийц. Это единственное, что он действительно хорошо умел делать. И подтверждение тому высокий процент раскрываемости преступлений. Только он умел – если самоотверженно выкуривал необходимое

количество косячков – с помощью самостоятельно разработанного метода «визионерского видения» проникать в мозг убийц. Но сейчас был другой случай. На этот раз они уже знали, кто убийца. И доступ к мыслям монахини был словно перекрыт для Снейдера непроницаемым брандмауэром.

Наконец его взгляд прояснился.

– Какие ваши требования?

Очевидно, это был решающий вопрос, потому что монашка засучила рукава и перегнулась через стол.

– Каждый день вы будете получать от меня *одну* ключевую подсказку. Но за это я хочу, чтобы вы также ежедневно информировали прессу о событиях и о том, как продвигается ваше расследование. А на седьмой, и последний, день – день, когда Бог отдыхал, потому что завершил свой труд, – я хочу большую пресс-конференцию.

Сабина поерзала на стуле. *Это же сумасшествие! Он никогда на это не пойдет.*

– О'кей, – небрежно бросил Снейдер. – Вы получите вашу шумиху в СМИ. Не могу обещать, что мы попадем на первые страницы уже сегодня вечером, но статья с размещением внутри газеты и двадцатисекундное сообщение в вечернем телевизионном выпуске новостей у нас получится.

– Вы сможете предоставить мне доказательства?

– Конечно.

Сабина пыталась не выдать своего изумления – но это было и не нужно. Сестра Магдалена смотрела только на Снейдера. Ее глаза горели. Губы стали полнее.

– Итак, – потребовал Снейдер, – что вы можете нам предложить?

Она вытянула руки и повернула ладонями кверху.

– Давайте помолимся.

Снейдер – и помолимся! Сабина чуть было не рассмеялась в голос. Но Снейдер в очередной раз удивил ее.

– Хорошо. – Он бросил требовательный взгляд на Сабину, и та поднялась и уступила ему стул. Резким движением он сбросил пиджак, повесил его на спинку стула и сел напротив монашки.

– У вас красивый костюм, – заметила Магдалена.

– Сшит на заказ у *Steenweg en Zonen* в Роттердаме, – пробурчал он и протянул женщине руки.

Она разглядывала татуированные точки и следы прокола на тыльной стороне его ладоней.

– Вы ранены.

– Акупунктурные иглы, – кратко объяснил он. – Я страдаю от кластерных головных болей. С помощью игл я вытягиваю боль из точек выхода нервов.

– Вы так много о себе рассказываете? – удивилась она.

– Поверьте мне, там, куда вы отправитесь после завершения данного дела, эти знания вам никак не пригодятся, – холодно сказал Снейдер. – Я позабочусь о том, чтобы вас упрятали за решетку минимум на тридцать лет. Если по окончании срока заключения *вы* еще будете живы, то *я*, скорее всего, буду уже давно мертв. Так что какая разница?

Она улыбнулась.

– Ваша честность освежает.

– Я играю открытыми картами и ожидаю того же от вас. *Quid pro quo*^[10].

Она кивнула и взяла его руки.

– *Quid pro quo*. – Неожиданно ее тон изменился. – Только если вы глубоко верите, Мартен Сомерсет Снейдер, то сможете раскрыть это дело! Помолимся.

Сабина внутренне содрогнулась. *Сомерсет*. Монашка действительно знала второе имя Снейдера. Но откуда? Ей самой Снейдер раскрыл его много лет назад во время первого совместного дела в Вене. Отец Снейдера был продавцом книг и почитателем Уильяма Сомерсета Моэма. Но эту информацию больше никто не знал – а те, кто знали, уже умерли.

Когда Сабина снова взяла себя в руки, молитва была уже в полном разгаре. Магдалена крепко держала руки Снейдера и декламировала «Отче наш» сильным низким голосом, который звучал совсем не так, как привычное монотонное пение в церкви.

Пока монашка молилась с закрытыми глазами, Снейдер сосредоточенно ее рассматривал.

Но что-то было не так. Сабина ощутила какую-то ошибку. Но какую?

Когда после «Радуйся, Мария, благодати полная!» монахиня во второй раз прочитала «Отче наш», Сабина заметила ошибку. Та не

сказала «*Не введи нас в искушение*», а немного изменила текст.

– ...выведи нас из искушения и избавь нас от лукавых, ибо Твое есть Царство и сила и слава...

Выведи нас *из* искушения!

Это был личный вариант монашки? Или другая, более старая интерпретация? *И возможно, она даже правильная?* – задумалась Сабина. Зачем Богу вводить людей в искушение? Разве это не задача дьявола и змеи в Раю? Вместо этого Бог должен, скорее, выводить людей из искушения Сатаны.

Пока Сабина, убаюканная молитвой, погрузилась в свои мысли, Снейдер неожиданно вскочил, схватил монашку за руку и задрал рукав до самого локтя.

Та оборвала молитву и закричала:

– Отпустите меня! Мне больно! – Она пробовала сопротивляться, но Снейдер крепко держал ее.

Сердце Сабины бешено колотилось. Обычно после такой выходки о следующих допросах можно было забыть, и адвокат потребовал бы отстранения Снейдера, но это его не остановило. Теперь он поднял ей и другой рукав.

На левом запястье была черная роза с шипами, на правом предплечье еще одна татуировка. Снова в сдержанном черном цвете. Две головы, смотрящие в разные стороны.

Монахиня вырвалась и натянула рукава платья до самых запястий.

Возможно, татуировки и есть подсказки! – промелькнуло в голове у Сабины.

– Вы злоупотребили моим доверием, – набросилась тем временем монахиня на Снейдера.

Тот молча поднялся и надел пиджак.

– Вы злоупотребили Словом Божьим и моим доверием! – повторила она, на этот раз громче и с упреком.

– Что касается злоупотребления и издевательств, у вас, похоже, есть опыт жертвы, – парировал он.

Сабина сглотнула. Это было сильно!

Глаза у монашки вспыхнули. В ее взгляде читались ненависть, бешенство, ярость и невероятное презрение.

– Что с пресс-конференцией? – злобно прошипела она.

– Никакой прессы для вас не будет, – ответил Снейдер.

– Тогда вы не получите от меня никаких подсказок!

– Я не позволю себя шантажировать. Для вас не будет никакой шумихи в прессе. Ни сегодня, ни на седьмой день! – Он развернулся и направился к двери.

– Вы играете нечестно! – выкрикнула она ему вслед.

Ошеломленная Сабина стояла рядом.

– Нечестно? – крикнул Снейдер, повернулся и снова подошел к столу. – Если вы хотите, чтобы БКА играло с вами честно, не надо было требовать меня. Я охочусь на убийц, и в данный момент – на *вас*. Всеми имеющимися у меня средствами. – Затем он покинул комнату.

Глава 12

Техник, который записывал допрос, вскочил и с растерянным видом уставился на Снейдера.

– Мне кажется, вы...

– Что? Зашел слишком далеко? Я только начал, – признался Снейдер. – Оставьте нас ненадолго одних, – приказал он.

Сабина никак не прокомментировала случившееся. Она ждала, пока коллега выйдет из комнаты.

– Было умно так закончить разговор? – спросила она.

Снейдер на это ничего не ответил.

– Откуда вы знали, что это цитата из Шекспира? – продолжила Сабина.

– А для вас она прозвучала, как цитата из Библии? – ответил Снейдер.

– Нет.

– Вот именно. Тогда это могут быть только Шекспир, Гете или Шиллер. И у меня не возникло ощущения, что она предпочитает немецкую литературу.

– Вы просто угадали?! – удивленно констатировала Сабина.

И на этот раз ответа не последовало.

– Она неправильно прочитала «Отче наш», – заметил он.

– Не обязательно неправильно, но, по крайней мере, по-другому. Она сказала: выведи нас из искушения.

– Не только это, – пробормотал Снейдер. – Она изменила еще одно место.

Еще одно? Она этого даже не заметила.

– Какое?

– Она сказала не избавь нас от лукавого, а избавь нас от лукавых.

Сабина порылась в памяти. Действительно!

– И как вы это объясните?

– Она говорит не о *лукавом* в общем, а персонализирует его. В ее глазах *лукавые* – определенная группа людей, против которых она хочет что-то предпринять.

– Семь человек, если быть точными.

Снейдер кивнул.

– Думаю, мы достаточно выяснили. Пришло время действовать.

Через пять минут Снейдер стоял в смотровой комнате для допросов перед группой мужчин и женщин в униформе, которые отвечали не только за внутреннюю безопасность, но и за людей, находящихся под стражей в главном здании БКА.

Снейдер кивком указал на стеклянную стену.

– Вы видите Магдалену Энгельман, бывшую сестру монастыря урсулинок, шестидесяти пяти лет. Ее подозревают в убийстве мужчины, и предположительно она убьет еще шестерых... – Снейдер сделал паузу, – если мы ее не остановим.

Коллеги посмотрели сначала на арестованную, потом на Снейдера. Сабина держалась чуть поодаль и наблюдала за сценой.

– По этой причине мы будем действовать не так, как обычно. Могу заверить вас, что наши методы одобрены высшим руководством БКА. Но если кто-то чувствует себя при этом неуютно, может сейчас уйти. Это не будет иметь нежелательных последствий для вашей карьеры в БКА. Если же решите остаться, вы должны идти до конца, пути назад нет. Вы поняли?

Все кивнули.

– Круг посвященных будет оставаться максимально узким, а то, что мы выясним, официально не должно нигде всплыть, – продолжал Снейдер. – Кто-нибудь хочет отказаться?

Все остались стоять.

Сабина с облегчением выдохнула. Она сама выбрала этих коллег и надеялась, что никто из них не испугается.

– Хорошо. Другого я от вас не ожидал. – На лице Снейдера промелькнуло подобие улыбки, затем он снова посерьезнел. – В ближайшие шесть дней Магдалена Энгельман останется под стражей в этой комнате, без передачи судье и официального оформления в СИЗО. Никакой информации для прессы. Адвокат ей также не будет предоставлен, потому что, пока эта женщина находится у нас в здании, у нее нет никаких прав.

Некоторые коллеги хмыкнули, но никто не возразил.

– Эта женщина находится в комнате уже более двадцати четырех часов и лишь пару раз отлучалась в туалет. Я хочу, чтобы вы ее раздели и отправили в душ. При этом мне важно следующее: у нее две

татуировки на запястье и предплечье, что необычно для монахини в ее возрасте. Полагаю, это подсказки. Обследуйте ее тело на наличие других татуировок. Я хочу получить отличные фотографии. Кроме того, на эти снимки должен взглянуть специалист по татуировкам. Я хочу узнать о них все. Какая это техника, *кто* их сделал и, прежде всего, *когда* это произошло.

Некоторые коллеги стали проявлять беспокойство, но Сабина боялась, что Снейдер еще далеко не закончил свои разъяснения.

– Кроме того, мне нужен отчет о полном медицинском обследовании этой женщины, включая заключение гинеколога.

По комнате снова пробежал ропот. Одна коллега в ужасе уставилась на Снейдера.

– Против воли женщины? Как в Гуантанамо?

– Если хотите, можете убедить монашку. Мне все равно, как вы это устроите, главное – сделайте!

– Наверняка нам придется ее к этому принудить.

Снейдер не ответил.

– Самое позднее завтра утром я хочу видеть отчеты у меня на столе.

Через полчаса Сабина и Тина сидели у Снейдера в кабинете. В воздухе висела привычная смесь ароматов ванильного чая и марихуаны.

– Если пресса узнает, как мы действуем, журналисты нас четвертуют, – сказала Тина.

Выражение лица Снейдера оставалось суровым.

– Если умрут еще шестеро, они и так это сделают – так что будем переживать, когда наступит время.

– Вы смогли рассмотреть вторую татуировку? – спросила Сабина, чтобы сменить тему.

Снейдер взял карандаш и лист бумаги и набросал две головы, сросшиеся затылками. Во всяком случае, локоны плавно переходили друг в друга. Оба лица смотрели в противоположные стороны. Пожилой мужчина с бородой и юноша.

– Янус? – предположила Тина.

– Один из старейших богов древнеримской мифологии, – подтвердил Снейдер. – Двуликий бог начала и конца.

– Как это связано с другой татуировкой в виде черной розы? – спросила Сабина.

Снейдер пожал плечами.

– Мы узнаем это, когда коллеги закончат обследование монашки.

Тина указала на эскиз.

– А с этим что?

– Не могу себе представить, чтобы сестра ордена урсулинок, выросшая в католической вере и живущая по Евангелиям, сильно интересовалась мифологией, – ответил Снейдер. – Это не вяжется, на мой взгляд.

– Что тогда?

– Думаю, наша монашка имела в виду нечто другое: Янус – имя преступника. По крайней мере, под этим именем он числится в актах БКА.

Сабина и Тина с удивлением посмотрели на Снейдера.

– В 70-х годах он был тягачом и привозил женщин с восточных направлений в Германию. Под предлогом кастинга для фотомоделей. Подсаживал их на героин, затем принуждал к проституции и снабжал ими бордели. Наркотики, торговля людьми, проституция – все шло рука об руку. Это был огромный бизнес.

– И где именно это происходило?

– Вот решающий вопрос. В Южной Германии, а точнее – в Баварии. Его резиденция была прямо на австрийской границе...

– ...Недалеко от Браунау, – предположила Сабина.

Снейдер кивнул.

– Место и время, Бавария и 70-е годы, совпадают, – резюмировала Тина. – Янус того же возраста, что и Вальтер Граймс?

Снейдер кивнул.

– Выясните, жив ли он, и если да, то где сейчас проживает. Он может стать следующей жертвой.

– Если это правда, то вот причина, почему Магдалена Энгельман потребовала вас, – она знала, что вы помните Януса и его махинации.

– Возможно. В любом случае, кажется, она хочет отвести мне ключевую роль в этом деле. – Похоже, Снейдер совсем не чувствовал себя польщенным. – Но сначала посмотрим, прав ли я.

Он поднялся, поправил воротник рубашки и запонки.

– Если да, то я полагаю, наш путь лежит в Баварию. – Он взглянул на наручные часы, Swatch в цветах нидерландского флага. – Сейчас начало двенадцатого. Встретимся через три часа на вертолетной площадке академии. К тому времени возьмите акты Януса из архива и свяжитесь с ним. А мне еще нужно уладить кое-какие личные дела.

Глава 13

Вообще, Снейдер собирался на юг к недействующей паромной пристани на берегу Майна, где стояла хижина из гофрированного листового железа, когда-то принадлежавшая паромщику. Там уже давно жил польский экс-солдат и бывший наемный убийца, которого Снейдер более двадцати одного года назад отправил за решетку.

Кржистоф.

К этому времени он уже освободился, и Снейдер регулярно его навещал, заботился о том, чтобы у него была работа и приличный образ жизни – насколько в случае Кржистофа можно говорить о приличиях.

Но когда Снейдер набрал номер Кржистофа, чтобы предупредить о своем визите, автоответчик поляка лишь кратко сообщил ему: «Я в Вайтерштадте!»

– Нет, нет, нет! – раздраженно пробурчал Снейдер и немедленно позвонил в службу исполнения наказаний. Там он узнал, что Кржистоф уже два дня сидит в тюрьме.

– Verdomme! – прорычал Снейдер, после того как поговорил с сотрудником, и со всего маху грохнул телефон на стол.

Затем, недолго думая, поехал на такси в колонию Вайтерштадт, в сорока километрах от Висбадена, где показал охраннику свое служебное удостоверение, переговорил с директором о Кржистофе и попросил о срочной встрече с заключенным.

Десять минут спустя Снейдер уже ждал в комнате посещений, когда Кржистоф закончит свою смену на кухне и его приведут в секцию здания для посетителей.

В начале первого дверь наконец открылась и Кржистофа завели в тесную комнату с зарешеченным окном, где стояли только прикрученный к полу стол и два стула. Длинные седые волосы поляка были завязаны в хвост, рукава оранжевого комбинезона закатаны, на ногах были растоптанные кеды, а на запястьях он по-прежнему носил широкие кожаные браслеты.

Кржистоф был на голову ниже Снейдера, но невероятно крепкого и мускулистого телосложения. Его ладони были размером почти с

крышку для унитаза, а пальцы такие сильные, что он легко мог одной рукой раздавить глотку взрослому мужчине – что он раньше и делал без колебаний. Но теперь он уже выглядел на свои шестьдесят шесть, прежняя энергия иссякла, в бесцветных глазах, окаймленных темными кругами, читались тревога и печаль.

Кржистоф сел у другого конца стола, коротко кивнул в знак приветствия и удивленно отметил, что охранник оставил их в комнате одних и запер за собой дверь.

– Непривычно, что я остаюсь один с посетителем.

– Особые полномочия БКА.

Кржистоф усмехнулся.

– Значит, ван Нистельрой, старый сукин сын, тебе их одобрил?

– Спустя девять месяцев. – Снейдер кивнул. – И наш разговор не прослушивают и не записывают на камеру.

– А если ты передашь мне сейчас пилочку? – спросил Кржистоф.

– Тебе придется пронести ее в камеру в своей узкой заднице, но она вряд ли туда поместится, – ответил Снейдер.

Кржистоф снова ухмыльнулся.

– Насчет задницы – извини за ассоциацию, – но ты все еще один или у тебя уже снова появился спутник?

Снейдер проигнорировал вопрос.

– Значит, ты опять гей только в теории, – заключил Кржистоф, затем понизил голос. – Тебе нужно прийти ко мне в тюрьму, Снейдер, здесь у тебя будет сколько угодно секса – и жесткого, как ты любишь. – Он громко засмеялся и вытер слезы.

– Без любви?

– Знаешь, секс без любви лучше, чем никакого секса. – Кржистоф снова рассмеялся.

– Похоже, ты по-настоящему наслаждаешься временем здесь, – заключил Снейдер.

– Да, но не пойми меня неправильно, я не участвую во всей этой гомошайке. К сожалению, педикам приходится обходиться без меня.

Я бы удивился, если бы кто-то дотронулся до Кржистофа. Несмотря на возраст, рефлекс у него все еще, как у бешеного волка, – подумал Снейдер.

– Да, в тюрьме может быть одиноко, но я вообще-то хотел...

Кржистоф перегнулся через стол и понизил голос:

– Знаешь, у меня все еще есть коробка с DVD, которую ты подарил мне в прошлом году. «Доктор Куин, женщина-врач», с Джейн Сеймур. – Он произнес имя с особенным ударением. – Преимущество в том, что не нужно наряжаться, чтобы подрочить. – Он опять ухмыльнулся.

Wat in gods naam? Снейдер перевел дух.

– Спасибо за картинку в моей голове. Мы теперь можем сменить тему?

– Это ведь ты начал!

Так дело не продвинется. Хотя Кржистоф и был одним из немногих людей, от которых Снейдер терпел подобные ответы, – он приехал сюда не ради удовольствия.

– Я буду краток. – Снейдер поднял руку и оттопырил три пальца, его типичный жест, которым он сигнализировал, что за недостатком времени хочет описать обстоятельства дела тремя короткими четкими предложениями. – Во-первых...

– Что это означает? – Кржистоф уставился на пальцы Снейдера. – Что ты сегодня еще и пальцем не пошевелил? – Он снова усмехнулся.

Но Снейдер больше не обращал внимания на его реплики.

– Во-первых, директор рассказал мне, что ты угодил сюда за торговлю медикаментами, отпускаемыми только по рецепту. Во-вторых, что до начала процесса ты останешься в следственном изоляторе, хотя судья на первом слушании предлагал освобождение под залог, от чего ты, однако, отказался. Ты в своем уме?

– А в-третьих? – равнодушно спросил Кржистоф.

– В-третьих, я сейчас заплачу залог и вытащу тебя отсюда.

– Двенадцать тысяч евро?

Снейдер кивнул:

– Столько у меня найдется. Ты мне нужен на свободе.

Кржистофа это предложение не особо впечатлило.

– Зачем?

– Что за идиотский вопрос? Я хочу вытащить тебя отсюда. Этого недостаточно?

– Нет.

Снейдер заскрипел зубами.

– Я собираю команду.

– Ты и команда? – Кржистоф улыбнулся. – Зачем?

– Сначала я нанесу визит Янусу.

Кржистоф приподнял одну бровь и помассировал свой щетинистый подбородок.

– Мы оба говорим об одном и том же Янусе? Торговля женщинами, контрабанда людей, наркотики, проституция, взятки и заказные убийства?

Снейдер кивнул.

Кржистоф со свистом выпустил воздух через щербинку в зубах.

– Ну и ну, полагаю, ты нуждаешься во мне, чтобы целым и невредимым подобраться к нему, верно?

Снейдер кивнул.

– Как выглядит план Б?

– Его нет.

– Хм, тогда у нас небольшая проблема. – Кржистоф откинулся на стуле и скрестил руки за головой. – Просто я остаюсь здесь.

– Что? Я оставлю залог, и до слушания ты свободный человек. Я вообще не понимаю, как ты мог злоупотребить своей работой. Было же ясно, что тебя поймают при попытке сбыть товар. Как можно быть таким идиотом?

Кржистоф немного помолчал.

– Что? – наконец не выдержал Снейдер.

– Нас действительно не прослушивают? – спросил Кржистоф.

– На это можешь положиться.

Кржистоф подался вперед, понизил голос и для верности прикрыл рот рукой, чтобы невозможно было прочитать по его губам – на случай, если за ними все же наблюдали через видеокамеру на потолке.

– Поверь мне, если бы я действительно хотел приторговывать медикаментами, то уж точно не попался бы, но я специально подставился. И отказался от залога, потому что *хотел* попасть в эту тюрьму.

Дело приобретало новый оборот.

– В *эту* тюрьму? Какого черта? Ты хочешь взорвать здание?

Кржистоф проигнорировал его слова.

– Я три месяца в отношениях, – рассказал он. – Милая женщина, которая принимает меня таким, какой я есть.

– Сложно представить.

– Спасибо, но мы действительно подходим друг другу. Я познакомился с ней, когда доставлял медикаменты. Она работает в аптеке и первая по-настоящему умная женщина, которая хочет иметь со мной дело. Можешь себе представить?

– Нет.

– И тем не менее. – Кржистоф улыбнулся и утер слезу со щеки.

Смотри-ка, он действительно влюбился. Даже не верится, что такое возможно.

– И дальше? – поторопил Снейдер.

– Майя – мать-одиночка. Ее муж погиб вскоре после рождения их дочери при крушении самолета. Он был пилотом. Эмили сейчас семь. Прелестный ребенок. Белокурые косички, веснушки, всегда смеялась и была жутко умной. Она даже умела играть на пианино Опус 67 Бетховена.

Симфония судьбы.

– Что с ней случилось?

– Шеф Майи, аптекарь, надругался над ней. В то время как Майя стояла за прилавком и продавала старухам микстуру от кашля, Эмили ждала в бытовке, пока мать закончит работу. Этот подонок ее изнасиловал. И насиловал целых пятнадцать минут! А чтобы она не кричала, зажал ей горло. – Кржистоф тяжело вздохнул, его руки дрожали.

У Снейдера перехватило горло. Он молча слушал.

– В больнице девочку зашили, потребовалось две операции, но у нее остались необратимые повреждения головного мозга. Ублюдок слишком долго перекрывал ей воздух, не только пока не кончил, но и после.

У Снейдера сжалось все внутри. На мгновение он закрыл глаза.

– Ты *сам* захотел услышать эту историю, – защищался Кржистоф. – И это еще не все. Через пару недель Майя пыталась покончить с собой, перерезала себе вены. Но я нашел ее на складе товаров, спас. С тех пор мы вместе.

– Дай я угадаю. – У Снейдера пересохло в горле. – Аптекарь сидит в этой тюрьме?

Кржистоф кивнул.

– И ты хочешь отплатить ему?

Кржистоф молчал.

Тут брови Снейдера взлетели вверх.

– Ты ведь не собираешься его... прикончить?

Кржистоф наклонился вперед и понизил голос до едва слышного шепота:

– Эта тварь всего две недели в тюрьме. И благородный господин аптекарь имеет хорошие шансы на то, чтобы выйти отсюда на основании заключения психиатрической экспертизы. И попасть в лечебно-исправительное учреждение. А ты знаешь, что это означает. Через два года он будет на свободе. После лечения и ресоциализации. А Эмили навсегда останется инвалидом. Я не могу так поступить с Майей.

– Я хорошо понимаю, что ты с удовольствием свернешь ему шею, но тем самым разрушишь собственную жизнь! – прошипел Снейдер. – Тогда Майя снова останется с дочерью одна – и ты не сможешь помочь ни ей, ни Эмили.

– Думаешь, я не ломал себе над этим голову? Но у меня нет выбора.

– Даже если тебя посадят за убийство?

Кржистоф кивнул.

– Я выйду отсюда только после того, как этот гад получит свое заслуженное наказание.

Нет, нет, нет!

– Дьявольщина! – в конце концов вздохнул Снейдер. – Если я решу твою маленькую проблему, ты выйдешь под залог?

Кржистоф удивленно посмотрел на него.

– Конечно.

Снейдер поднялся.

– Хорошо, дай мне полчаса.

– Что ты задумал? – Кржистоф выпрямился. – Хочешь застрелить подонка?

На губах Снейдера появилась брезгливая улыбка.

– Это делается изощреннее.

Глава 14

Снейдер стоял перед комнатой посещений в колонии Вайтерштадт и просматривал дело аптекаря, которое выдали ему из архива.

У мужчины было длинное сложное двойное имя, но Снейдеру вовсе не хотелось его знать. Будет лучше, если он останется в его сознании анонимным аптекарем. Мужчина почти шестидесяти лет, с лысиной, лишним весом, фармацевтическим образованием, огромными комплексами неполноценности и наклонностями педофила. Тип без имени и фамилии. *Аптекарь*. Так и никак иначе Снейдер сохранит его в своей памяти.

– Я закончил. – Снейдер положил папку с делом на стол, при этом спрятав в рукаве ручку, которая лежала в папке. Сотрудники колонии этого не заметили.

Дверь открылась, и Снейдер вошел в комнату посещений, которая на ближайшие полчаса стала уединенной переговорной. Никакой прослушки, никакого видеонаблюдения – на этом настоял Снейдер.

Аптекарь поднял глаза. Его очки без оправы частично запотели от испарины и беспокойства. Под мышками тоже выступили большие пятна пота. На шее и руках у него была красная сыпь и корочки, видимо, потому, что он постоянно расчесывал свои гнойнички, бородавки и родинки. К тому же у него нервно подергивалось лицо. Может, это было наигранно, потому что он хотел убедить всех в своей психической невменяемости и так выпутаться из ситуации.

– Кто вы? Чего вы от меня хотите? Мой адвокат сказал мне, что я не должен ни с кем говорить. – Его голос звучал пронзительно и возбужденно, он практически захлебывался.

– Ваш адвокат абсолютно прав. – Снейдер сел на стул. – Вы не должны говорить со мной. Вы должны только слушать.

– Кто вы?

– Меня зовут Снейдер, я криминалист-аналитик и судебный психолог в Федеральном ведомстве уголовной полиции. – Он положил на стол свое удостоверение. – Я здесь, потому что волнуюсь за вас.

– Волнуетесь?

– Завтра будет оглашен результат вашей психиатрической экспертизы, – солгал Снейдер. – Он положительный. Это означает, что вы абсолютно вменяемы.

– Но...

Снейдер поднял руку.

– Вы сказали, что не хотите говорить со мной, вот и помалкивайте. Просто слушайте меня. – Он глубоко вздохнул. – Вы попадете не в лечебно-исправительное учреждение, а будете отбывать настоящий тюремный срок.

– И где же?

– Я знаю судью. На острове Остхеверзанд в Балтийском море. Остров-тюрьма строгого режима, построенная в 1933 году из увесистых мраморных валунов, с чрезвычайно мрачной историей. К сожалению, я слишком хорошо знаю ту тюрьму. Не лучшее место. Еда не такая вкусная, как в этой элитной колонии, нет бассейна и ухоженных внутренних дворов. К тому же там сидят, в основном, чеченцы, украинцы, арабы, синти и рома.

Мужчина взглянул на него.

– Цыгане?

– Если *так* скажете, вы мертвец. Но да, цыгане. Также там много серийных убийц и целая группировка неонацистов. Поэтому я здесь. Я хочу подготовить вас к тому, что ожидает в ближайшие пятнадцать лет.

– Пятнадцать лет! Этого не может быть! А почему меня вообще должны туда перевести?

– Потому что в вашем случае судебный психиатр пришел к заключению, что вы не нуждаетесь в терапии.

– Но мне *нужна* терапия. Я болен!

– Конечно. – Снейдер улыбнулся. – Так утверждает большинство в вашей ситуации. Но трюк удастся лишь единицам. А почему? Потому что вас всех легко раскусить.

– Что? Но...

– Простой пример, – перебил его Снейдер, подняв руку. – Почему вы зажимали девочке горло, когда насиловали ее?

Аптекарь почесал под мышкой.

– Почему? Девчонка хотела закричать и не умолкла бы. Ее мать стояла всего в нескольких метрах в торговом зале.

– Значит, вы не справились с ситуацией? – Снейдер наклонился вперед. – Вы испытываете приступ агрессии к маленькой семилетней девочке?

Аптекарь до крови расчесал себе предплечье.

– Мне нужно было заставить ее замолчать.

– Почему вы просто не вышли из комнаты, когда закончили?

– Я думал, что смогу успокоить девчонку.

– Получилось?

– Нет.

– Своей самонадеянностью вы уничтожили человеческую жизнь, – сказал Снейдер.

– Да, черт возьми, – выдавил мужчина.

– Один лишь этот короткий разговор показал мне, что вы холодный, расчетливый и абсолютно вменяемый человек.

– Черт! – Вместо раскаяния во взгляде мужчины читалось отчаяние. – А нельзя поговорить с судьей?

Снейдер помотал головой.

– Как уже сказал, я знаю судью, и он отец маленькой девочки.

– Вот дерьмо! – прошипел Аптекарь. – Как там в Остхеверзанде?

– Вам нужно с самого начала быть сильным. Нельзя показывать слабые стороны своим сокамерникам. Если они спросят, почему вы там, – лгите. Ведь как только они узнают, что вы на самом деле совершили... – Снейдер покачал головой. – Насильники детей стоят в самом низу иерархии, и это нужно понимать в буквальном смысле слова.

– Но я не такой сильный. Меня же не могут просто так запихнуть к этим отбросам и выродкам.

Отбросам и выродкам? Снейдер чуть было не перепрыгнул через стол, не вцепился ему в глотку и со всей силы не треснул головой о стол.

– Вы справитесь, – вместо этого сказал он. – Вам просто нельзя каждую минуту жизни бояться или представлять, что может случиться в следующий момент. Что к вам под одеяло может забраться сокамерник. Постоянно жить в страхе перед тем, что произойдет следующей ночью, во дворе под открытым небом, в прачечной, мастерской или в кладовке с моющими средствами. Слышите, вам нельзя об этом думать!

– Да, конечно... – Аптекарь до крови искусал себе ноготь.

– Как я сказал, никакой слабину. Потому что если это начнется, то уже никогда не закончится. Даже одна неделя может тянуться чертовски долго. Пятнадцать лет вы так не выдержите.

– Но *если* это случится? – взвыл он.

– Ни в коем случае не зовите охранников, они вам не помогут. Это все только усугубит. Вы можете рассчитывать исключительно на себя. И если решите сопротивляться в самый первый раз, то вы *обязаны* одержать верх. Это важно! Иначе это их еще больше спровоцирует.

– Но если я не смогу?

– Тогда вам придется подчиниться. И так будет происходить каждую ночь, я гарантирую... и каждую ночь это будет все жестче. Я видел мужчин с такими тяжелыми повреждениями, что они умирали.

Аптекарь сглотнул.

– Умирали?

Снейдер махнул рукой.

– Вы не захотите это слышать.

– Почему? – настаивал Аптекарь.

– Все начинается с боли в животе. Небольшой разрыв кишки между анальным отверстием и мошонкой. Через него кишечные бактерии проникают в брюшную полость. Если вовремя не начать лечение, через двадцать четыре часа вы мертвец.

Аптекарь молчал.

Снейдер задумался.

– Вы были честны со мной, поэтому я похлопочу за вас и попрошу заключенных оставить вас в покое. Если повезет, у вас хотя бы вначале будет отсрочка. Потом вам придется держаться самому. Всегда думайте о том, что однажды вы выйдете и будете вести нормальную жизнь.

– Мне будет уже за семьдесят. – Аптекарь уставился мимо Снейдера в никуда.

– Это единственный совет, который я могу вам дать, – сказал Снейдер. – Учитесь быть сильным, так вы лучше всего переживете это время.

Аптекарь посмотрел на него, его нижняя губа дрожала.

– Вы за этим пришли сюда? Чтобы сказать мне это?

Снейдер кивнул.

– Это превентивная мера. Мне совсем не хочется расследовать еще одно самоубийство в Остхеверзанде. – Он поднялся и положил Аптекарю руку на плечо. – Всего хорошего.

– Я вас еще увижу? – взвизгнул мужчина.

– Нет – вас уже завтра переведут в Остхеверзанд.

Снейдер вышел, оставив на столе ручку.

Затем Снейдер выпил крепкий кофе. Он догадывался, что сейчас произойдет, и пытался тщательно стереть разговор из памяти. Навсегда! Чтобы осталось лишь анонимизированное воспоминание о жирном бледном типе.

Гони это от себя!

Идя по коридору, он пытался думать о чем-то позитивном, старался представить, как Кржистоф с Майей и Эмили проводят будущие выходные – как более или менее нормальная счастливая семья, насколько это вообще возможно после случившегося.

Но потом внутренний голос, где-то глубоко в душе, сказал ему, что он ни на йоту не лучше монахини, которую собирался припереть к стенке. Ненависть, злоба, ярость, месть, возмездие – разве он руководствовался не теми же мотивами, по которым она убивала? *Да, ты такой же, как она.*

Нет, не такой! Я предоставил взрослому мужчине выбор.

Ты им манипулировал!

Как он поступит – только его решение. И если он действительно это сделает, то ничего другого и не заслужил. Каждый человек имеет право быть собственным судьей и палачом.

Резкий вой сирены пронзил Снейдера до костей. Неожиданно охранники, стоявшие в коридоре, засуетились. Все побежали к комнате посетителей.

Только Снейдер остался стоять на месте. Он почувствовал тяжесть в желудке, словно там лежал тяжелый камень, его начало подташнивать. Снейдер проигнорировал горький привкус во рту, глубоко вдохнул, смял пустой пластиковый стаканчик, бросил его в мусорное ведро и пошел дальше.

Спустя полчаса Снейдер перевел двенадцать тысяч евро на банковский счет Высшего земельного суда и выслал судье подтверждение о переводе, после чего тот распорядился об освобождении Кржистофа.

Вскоре Снейдер снова сидел напротив Кржистофа.

– Что это была за сирена? – спросил поляк.

– Аптекарь покончил с собой.

– Вау. – Кржистоф, лишившись дара речи, уставился на Снейдера.

Ручкой. Вообще-то Снейдер рассчитывал, что Аптекарь вскрыет себе обе артерии металлическим зажимом от ручки. Но вместо этого тот всадил себе стержень в гортань и упал шеей на край стола, чтобы глубже загнать ручку в горло. На глазах охранников. И потом за несколько секунд задохнулся собственной кровью... или лучше сказать, *захлебнулся.*

Эффективно.

Будучи аптекарем, он знал, как это работает.

– Ты хреново выглядишь, – заметил Кржистоф.

– У меня все отлично, – солгал Снейдер. Его голос прозвучал хрипло. – Мы можем идти?

– Я готов, – сказал Кржистоф. – Только должен подписать несколько формуляров и забрать свои вещи.

– Поторопись, у нас не так много времени. – Снейдер почувствовал, что на лбу выступила испарина.

Кржистоф поднялся.

– Да, я быстро, чтобы ты мог выйти на свежий воздух.

Глава 15

Около 14 часов Сабина и Тина сидели в вертолете на вертолетной площадке академии. Пилот уже прогревал двигатель, когда шлагбаум перед будкой охранника поднялся и на территорию заехало такси.

Тина толкнула Сабину локтем в бок.

– Смотри! – прогудел Тинин голос в наушниках Сабины.

Она перевела взгляд на такси. Из машины вышел Снейдер, а за ним седой мужчина чуть ниже ростом, который хорошо смотрелся в джинсах, ботинках на шнуровке, футболке в рубчик и черной ветровке.

– С ума сойти, – вырвалось у Сабины. – Это же Кржистоф.

Оба мужчины, втянув голову в плечи, пересекли площадку. После того как поляк взобрался на борт вертолета, Снейдер запрыгнул на последнее свободное место в передней части за кабиной пилота, пристегнулся и вращающим движением показал пилоту, что можно взлетать.

Вертолет тут же пришел в движение и взмыл ввысь. Пилот слегка накренил нос машины и направил ее на юг. Со скоростью около 300 километров в час они быстро доберутся до цели.

– Добро пожаловать в команду, – сказала Сабина, когда Кржистоф надел наушники.

– Мартен, старый говнюк, скрыл от меня, что с нами будут две дамы, иначе я бы поторопился.

Сабина и Тина заулыбались, и поляк поприветствовал их, стукнувшись с ними кулаками.

Теперь и Снейдер надел наушники.

– Что такого смешного?

– Вы не захотите этого знать, – ответила Тина. Она взглянула на Кржистофа: – Снейдер вытащил вас прямо из тюрьмы?

Кржистоф прищурился.

– Вы не только симпатичная, но и чертовски умная. Откуда вы это знаете?

Тина указала на пальцы Кржистофа.

– В комиссариатах полиции отпечатки пальцев сканируют, а в некоторых тюрьмах все еще берут с помощью чернил и бумаги. У вас

на подушечках пальцев осталась черная краска.

– Колония Вайтерштадт. – Кржистоф изобразил уважение на лице. Потом широким пространственным жестом указал внутрь кабины. – Все так быстро происходит.

– Особые полномочия БКА, – кратко пояснила Сабина.

– Я уже слышал, – кивнул Кржистоф. – Снейдер испытывает терпение ван Нистельроя.

– Это только начало! – крикнул Снейдер, который слышал разговор. – А теперь хватит болтать попусту. – Он перегнулся назад и прикрепил Кржистофу к куртке удостоверение сотрудника БКА. – Теперь оно будет у тебя. – Затем взглянул на Сабину: – Куда именно мы летим?

– К Бах-ан-дер-Донау на краю Баварского леса, – ответила она. – Там у Януса уже несколько лет загородная резиденция.

Снейдер постучал пилота по плечу:

– Какой у нас маршрут полета?

– Почти по прямой на юг, а от Регенсбурга вдоль Дуная, – услышала Сабина ответ мужчины через свои наушники. – Будем на месте через семьдесят минут.

– Хорошо. – Снейдер кивнул. – До того времени нам есть что обсудить.

– Я тоже так думаю, – добавила Тина, – потому что нам не удалось установить с Янусом контакт.

Снейдер скривился.

– Тогда, к сожалению, придется застать его врасплох.

В начале четвертого они пересекли земельный участок Януса, который располагался всего в нескольких километрах от Дуная, в поисках подходящего места для посадки. Наконец нашлась достаточно большая поляна, окруженная соснами, подходящая для посадки. От этого места до огромной, в несколько этажей виллы было всего около пятидесяти метров.

Не успел вертолет коснуться травы, как с просторной террасы, огибающей вилу, по лестнице сбегали двое мужчин с винтовками на изготовку.

Снейдер открыл дверь, и они с Кржистофом первыми спрыгнули с вертолета. Мужчины их уже ждали.

– Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена! – прокричал Снейдер через шум пропеллера и предъявил свое служебное удостоверение.

– Что вы хотите? У вас вообще есть разрешение на посадку здесь и ордер на обыск? – крикнул один из вооруженных мужчин, даже не взглянув на удостоверение.

– Нам не нужно! – проревел Снейдер тоном, который показывал, что он ненавидит умников. – Мы хотим лишь перекинуться парой слов с Янусом.

– У вас назначена встреча? Если да, то...

Снейдер вытащил из пиджака распоряжение о временных особых полномочиях, подписанное ван Нистельроем.

– Если он немедленно нас не примет, то мы приземлимся на вертолете прямо в гостиной этой виллы.

Пока один из мужчин, опустив оружие, читал документ, Кржистоф быстрым движением выхватил у другого винтовку и отогнал того на расстояние.

– Эй! – крикнул парень, который все еще держал в руке распоряжение.

Тут из вертолета выпрыгнули Сабина и Тина. Оба мужчины отвлеклись, и Снейдер схватился за ствол второй винтовки и выдернул ее из руки владельца.

– Не нервничайте. Разговор продлится недолго.

Ошарашенные, оба охранника пялились на Снейдера. Тот передал Сабине винтовку, русский карабин, а она тут же вытряхнула из ствола патроны.

Так как Кржистофу, находившемуся под залогом, официально нельзя было даже нюхать оружейное масло, он передал свой карабин Тине. Затем схватил рацию с пояса охранника. В этот момент в динамике уже щелкнуло.

– Что там происходит снаружи? Чего хотят эти типы? Пусть убираются нахрен со своим вертолетом! – послышалось из рации.

Кржистоф поднес прибор ко рту:

– Следи за языком, приятель, мы пока пришли с миром.

Постепенно лопасти пропеллера успокоились, но поток воздуха все равно гонял по лужайке несколько салфеток с террасы и трепал разноцветные шары с гелием, привязанные к мраморной балюстраде.

Пахло лошадиным навозом – этот запах будил в Сабине приятные детские воспоминания, потому что она выросла недалеко от Мюнхена на ферме у дедушки с бабушкой среди лошадей и коров. Земельное владение Януса включало в себя конный завод и собственный лес; общая территория участка была огромная, им потребовалась не одна минута, чтобы пересечь его на вертолете, и Сабина насчитала несколько конюшен и площадок для паркура. Но, будучи многократным миллионером, Янус мог себе это позволить.

Возглавляемая Снейдером, их маленькая группа с обоими уже безоружными охранниками направилась по гравийной дорожке к мраморной лестнице.

– Что за вечеринка намечается? – спросил Снейдер, когда они поднялись по ступеням.

– Сегодня суббота, тринадцатое мая, – прокричал охранник, словно этим все было сказано.

– И что?

– Сегодня вечером состоится праздник в честь дня рождения обоих сыновей Януса.

– У него еще такие маленькие дети? – Снейдер ткнул в два воздушных шара, на которых стояли цифры *пятнадцать* и *семнадцать*. – В их возрасте им не должно быть неловко?

– Если хотите знать больше, спросите шефа, – сказал охранник.

Они дошли до веранды. Под зонтами от солнца стояла дюжина столов, накрытых для роскошного приема.

Сабина взяла одно из разложенных меню и заглянула в него. *Недурно!* Порядок подачи блюд был написан по-польски, и Сабина смогла немного перевести. Что-то вроде жареной на гриле курицы с картофельным кубом и голландским соусом. Похоже, они вломились сюда в самый разгар подготовки к пышному празднеству. В конце террасы Сабина заметила даже сцену для джазового ансамбля. Инструменты уже стояли на своих местах, среди прочего и старая шарманка с заводной рукояткой и клавишами. Насколько она помнила после посещения музея со своими племянницами, подобные инструменты использовались больше в Восточной Европе. Очевидно, Янус был поляком. Они словно вступили на территорию польской мафии – и тут она поняла, почему Снейдер хотел, чтобы с ними обязательно был Кржистоф.

Словно в подтверждение ее мысли, по гравийной дорожке тут же подъехали два джипа с польскими номерами и с хрустом остановились между вертолетом и лестницей. Из машин выпрыгнули пятеро мужчин. Очевидно, часть людей, которые охраняли главные ворота.

В тот же момент из виллы вышел маленький широкоплечий мужчина в белом костюме. Красные лаковые туфли, красный платок в нагрудном кармане и красный галстук. *Без сомнений, это Янус.* За ним стояла высокая блондинка, чей цвет волос не совсем подходил к грубоватым восточноевропейским чертам лица, скорректированным операцией скулам и увеличенным губам. Обладательница спортивной фигуры – наверняка результат изнуряющих тренировок – и кожи завидного бронзового цвета была одета в элегантное желтое вечернее платье на тонких бретелях. С ее – навскидку – сорока пятью годами она была минимум лет на двадцать моложе Януса. Отсюда и оба сына-подростка.

– Что здесь, черт возьми, происходит, вашу мать?! – закричал Янус гортанным голосом.

Блондинка едва заметно вздрогнула. Кроме того, Сабина обратила внимание на ссадину под глазом, которую она загримировала косметикой. Любопытно, что у Януса на руке было несколько подходящих колец с острыми гранями.

Снейдер без комментариев показал свое удостоверение.

– Мартен Снейдер? – снова пророкотал Янус. – Какая честь. – Последнее прозвучало цинично.

Рот Януса был перекошен, словно после инсульта. Но затем Сабина разглядела, что под усами у него была заячья губа и, вероятно, искусственное нёбо – вероятно, поэтому он так гнусавил.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Снейдер.

Мужчина криво улыбнулся.

– Я думал, что вы меньше ростом. – Затем он ожег злобным взглядом обоих охранников, которых – по крайней мере, это так для него выглядело – разоружили две юные дамы чуть выше метра шестидесяти.

Взглянув на вертолет, Янус развел руками.

– У нас сегодня маленькая частная вечеринка в узком семейном кругу. Будь у вас даже ордер на обыск от верховного судьи – в чем я

сомневаюсь, – почему бы мне сейчас же не переломать вам всем, включая пилота, ноги из-за нарушения неприкосновенности жилища?

Снейдер протянул ему распоряжение ван Нистельроя.

– Я...

Янус вырвал листок у него из руки, бросил на пол и плюнул на него. Затем его тон стал жестче.

– Что может помешать мне привязать вас, четырех уродов, к лошадям, чтобы те протащили кружок по земле?

Видимо, он не особо ладил с полицией.

Сабина услышала, как за спиной у них перезарядили винтовки, покосилась через плечо и обомлела. Вновь подошедшая охрана держала в руках не старые русские карабины, а современные армейские винтовки, которые, согласно закону о хранении оружия, попадали под запрещенную военную технику.

Снейдер оставался спокоен и бросил Кржистофу требовательный взгляд. Но что тот мог устроить? Повалить пятерых парней?

Вместо этого Кржистоф развел руками и заговорил с Янусом польски. Сабина понимала только некоторые обрывки слов о польской армии, в которой раньше служил Кржистоф, о времени в Германии, когда он был наемным убийцей, и о том, как он был задействован в сфере наркотиков. Затем слышались названия Варшава, Бельский, Собибор и Налибокская пуща.

Собибор?

Насколько Сабина помнила, отец Кржистофа в молодости состоял в польско-еврейском движении сопротивления нацистам и был одним из тех, кому удалось сбежать из концентрационного лагеря Собибор.

Взгляд Януса светлел с каждой минутой, наконец оба обнялись и трижды поцеловались, будто были давними друзьями.

Сабина и Тина удивленно переглянулись.

– Пойдемте и будьте моими гостями, – наконец покровительственно произнес Янус и указал на столы. – Камила, – крикнул он своей жене и показал на террасу, – позаботься, чтобы здесь прибрали. И персонал должен все утяжелить, чтобы ничего не улетело, когда вертолет будет взлетать.

Сабина и Тина прислонили карабины к балюстраде. Затем они сели под зонтом от солнца за большой круглый стол. Седой дворецкий в черно-белом полосатом жилете и со слуховым аппаратом тут же

принес кофейные чашки, стопки, стаканы и два графина с нежно-желтым напитком, в котором плавали дольки лимона и листья перечной мяты; то, что надо в такую жару.

Янус взглянул на свои наручные часы, массивный золотой «Брайтлинг» со множеством кнопок.

– У меня есть десять минут, потом мне нужно к сыновьям. Сегодня их праздник. Итак, как я могу вам помочь?

Снейдер немедленно перешел к делу.

– Боюсь, ваша жизнь в опасности. Возможно, кто-то планирует на вас покушение.

Янус громко рассмеялся и откинулся назад, так что его кипенно-белая рубашка натянулась на груди.

– Уже не в первый раз. Знаете, как часто я слышу о подобных попытках покушения? Но оглядитесь. Мы в абсолютной безопасности.

– Мы видели, – иронично заметила Сабина.

– Кто там может планировать покушение? – спросил Янус. – Тот, кто прилетит на вертолете, как вы, или вообще въедет на участок на танке?

Снейдер на секунду сжал губы.

– Вообще-то, мне должно быть безразлично, если такой rotzak^[11], как вы, отдаст концы. Но, к сожалению, вы маленькая, но важная часть пазла в большой игре, а мне необходимо понять всю картину.

– Ну и что вы предлагаете? – спросил Янус.

– Отменить праздник и усилить меры безопасности.

– Nie!^[12] – сказал Янус по-польски и решительно помотал головой.

Сабина вздохнула. Будет непросто спасти жизнь такому криминальному типу, как Янус.

Глава 16

После того как Снейдер рассказал о деле, которое они расследовали – при этом, на взгляд Сабины, выдал слишком много информации, – Янус подпер кулаком подбородок и задумался.

– Монастырь Бруггталь в Верхней Австрии... – пробормотал он, потом пожал плечами. – Я слышал, что молодых девушек, которые вступали в орден урсулинок, передавали тогда платежеспособным клиентам, – ну, как все слышат, что происходит по ту сторону границы, – но я не имею к этому никакого отношения.

– А что вы еще слышали? – спросила Сабина.

Он сделал глоток эспрессо, затем сунул в рот сигару.

– Ну, некоторые мои клиенты ездили тогда в этот монастырь. Там был отдельный флигель с помещениями, которые использовались для различных игр.

– Даже если правда, что вы никак с этим не связаны, – заметила Тина, – вы на удивление разговорчивы.

– Во-первых, срок давности изнасилований и тяжких сексуальных преступлений истекает спустя двадцать лет после того, как жертве исполнится тридцать. – Попыхивая сигарой, он пожал плечами. – А во-вторых, как уже сказано, я не имею к этому никакого отношения. В то время я был еще молод и занимался абсолютно другим бизнесом. Я построил его почти сорок лет назад, и за все это время прокуратура ни разу не смогла мне ничего предъявить. – Он удовлетворенно улыбнулся.

– А сегодня? – спросила Сабина.

– Сегодня я больше не связан с наркотиками, проституцией и торговлей людьми. Я счастливо женат, во второй раз – Камила была раньше в польской национальной команде по плаванию, – и у нас двое приличных сыновей, для которых я служу примером.

А между делом бьешь свою жену, – подумала Сабина, но не подала виду и указала на виллу.

– Чем вы сейчас зарабатываете, чтобы все это финансировать?

– Я вовремя продал биткойны.

Разумеется! Сегодня криптовалюта служила алиби каждому, кто вдруг начинал купаться в деньгах.

– Вы не могли бы составить для нас список тех, кто, как вы знаете, посещали монастырь урсулинок? – попросила Тина.

Янус усмехнулся.

– С датой рождения, номером телефона, местом жительства и номером социальной страховки?

Тина прикусила губу. По ее взгляду Сабина поняла, что она готова вцепиться Янусу в плотку.

– Что вам говорит имя Вернер Граймс? – спросил Снейдер, который последние минуты не участвовал в разговоре.

– Вернер? Я ду... – Янус тут же умолк и сжал губы.

Что? – спросила про себя Сабина. – *Ты думал, его зовут Вальтер Граймс, верно?* Ей понравилась изящная ловушка Снейдера.

– Без понятия, кто это, – быстро добавил Янус.

Но они все поняли, что он слышал имя Вальтера Граймса. И таким образом, стало ясно, что Янус знал о происходившем в монастыре больше, чем утверждал.

Когда Снейдер собрался задать следующий вопрос, через террасную дверь наружу вышел седой дворецкий:

– Мы готовы.

Янус снова посмотрел на часы.

– Десять минут моего драгоценного времени, которые я подарил вам, давно истекли. – Он поднялся, снял пиджак и передал своему дворецкому. Под рубашкой проступали его крепкие бицепсы. – К сожалению, вам нужно снова... – Неожиданно он застыл, задумался, потом его лицо просветлело. – Сколько у нас пейнтбольных маркеров?

– Шесть ружей с шарами трех разных цветов, – ответил старик.

Янус кивнул, потом посмотрел на Снейдера.

– Прежде чем начнется само празднование сегодня вечером, я подготовил небольшой сюрприз для моих мальчиков. Мы будем играть в пейнтбол в лесу.

Как здорово, – со скучающим видом подумала Сабина.

Янус указал на ближайшую опушку леса.

– Мои люди подготовили паркур для пейнтбола, с ямами, хижинами, холмами и препятствиями. Вообще, я хотел провести время

до ужина со своими мальчишками и двумя работниками, но раз вы уже здесь...

– Что? – Снейдер нахмурил брови и выпрямился.

– ...я предлагаю вам и вашим людям присоединиться к нашему небольшому пейнтбольному матчу. – Неожиданно Янус воодушевился. – Для моих сыновей это был бы интересный опыт выступить с маркером против вас и двух опытных комиссаров БКА.

Тело Сабины одеревенело. *Что за собачья чушь?*

Снейдер, наоборот, снисходительно улыбнулся.

– Я точно не собираюсь бегать по лесу в комбинезоне с пластиковым ружьем и стрелять в двух подростков шарами с краской. – Он посмотрел на Кржистофа: – *А ты будешь играть?*

– Я? Ты рехнулся? – Кржистоф, усмехнувшись, помотал головой. – Абсолютно точно нет.

Янус потер руки.

– Почему нет?

– Маркеры для пейнтбола подпадают под закон об оружии, а я на свободе под залог, – ответил Кржистоф.

Янус покровительственно развел руками.

– Но мы же тут все свои.

– Ну... – пробурчал Кржистоф, – может случиться так, что в состоянии аффекта я сломаю обоим парням руку и забью им приклад оружия в горло, если они позволят себе лишнее.

– Понимаю. – Янус разочарованно посмотрел на него, затем обратился к Сабине и Тине: – *А с вами что?*

– Вы серьезно? – Тина отодвинула свою кожаную куртку в сторону и показала кобуру на поясе, в которой торчал «ЗИГ Зауэр». – Мы из БКА и беремся за оружие не ради развлечения. А если беремся, то раним человека или даже убиваем.

Янус указал на Тину.

– Леди, вы мне нравитесь. Это правильный подход. – Он широко улыбнулся. – Вы обе участвуете в игре. Вам известны правила?

– Тот, кого задел шар с краской, считается «убитым», поднимает руку и покидает территорию, – ответила ошеломленная Тина. – Но все равно я не...

– Отлично! – перебил ее Янус. – Покажите моим ребятам, на что способны следователи БКА во время тактических операций. Пока я

переодеваюсь, вам выдадут костюмы, защитные шлемы, протекторы, маркеры и шары-патроны. – Он щелчком пальцев дал распоряжение действовать своему седому дворецкому и через террасную дверь исчез внутри виллы.

Сабина бросила на Снейдера взбешенный взгляд.

– Я не буду устраивать из себя посмешище, – прошипела она. – К тому же у нас мало времени, все-таки сегодня умрет жертва номер два, а должна тут...

– Немез, – прошептал он. – Вы и Мартинелли пойдете с Янусом в лес. По трем причинам. – Он поднял руку. – Во-первых: вы защищаете жизнь Януса, пока я и Кржистоф будем искать на участке уязвимые места в системе безопасности.

– Осел всегда называет себя первым, – поставил его на место Кржистоф.

– Что? – Снейдер раздраженно посмотрел на него.

– Нужно говорить «Кржистоф и я».

– Умничай с другими, но только не со мной, – огрызнулся Снейдер, затем снова обратился к Сабине: – Во-вторых: разговаривайте Януса и выясните как можно больше о монастыре, потому что он сто процентов не сказал правду.

– А в-третьих?

Снейдер заулыбался.

– Не опозорьте меня и хорошенько надавайте по заднице обоим его соплякам.

Через десять минут Сабина и Тина получили от дворецкого свои костюмы: огромные ярко-оранжевые комбинезоны. Переодевшись в одной из многочисленных комнат виллы, они снова вышли на террасу, где у балюстрады их уже с нетерпением ждали оба подростка.

Высокие, светловолосые и с веснушками; очень симпатичные парни. Видимо, отец уже объяснил им, в чем дело. Потому что пятнадцатилетний Лукаш послушно протянул им руку. Как и Бартош, который, в отличие от младшего брата, в свои семнадцать хотел показаться крутым и краем глаза постоянно косился на Тину.

Оба парня были в зеленых камуфляжных комбинезонах со множеством протекторов из пластика.

– Отлично, – проворчала Тина. – В нашей одежде мы будем у всех на виду, как две курицы на блюде.

– Да ладно тебе. – Сабина толкнула ее локтем в бок. – Будет очень весело.

– Ага, обхохочемся, – буркнула Тина.

В отличие от парней они с Тиной отказались от наколенников и налокотников, потому что так им было легче передвигаться, и надели только протекторы для спины и груди.

Затем они получили шлемы с защитной маской и желтые запасные магазины. Пейнтбольные шары с краской состояли из желатиновой оболочки, которая была наполнена пищевым красителем. Когда шар ударялся о препятствие, он разрывался и оставлял цветное пятно. В этом случае игрок считался убитым и выбывал из игры, не важно, в какую часть тела попал шар.

В конце дворецкий Януса принес маркеры. Сабина сразу вспомнила время в Академии БКА, когда они с оружием и холостыми патронами отрабатывали постановочные сценарии от освобождения заложников до перевозки задержанных преступников. Только сейчас было забавнее. К тому же в ее с Тиной случае «оружием» служил помповый маркер и ружье нужно было муторно перезаряжать после каждого выстрела.

А вот Лукаш и Бартош держали в руках полуавтоматические ружья, в которых после каждого нажатия на спусковой крючок следующий шар с краской подавался автоматически. К тому же парни использовали баллоны со сжатым воздухом высокого давления, которые своими трехстами барами ускоряли шары с краской и тем самым увеличивали дальность стрельбы, в отличие от оружия Сабины.

– У наших жалких пушек только двести бар, – ныла Тина. – Ими даже белку с дерева не сбить.

Да, это была мерзкая подстава.

Сабина понизила голос:

– Как только окажемся в лесу, нужно будет отобрать у парней ружья и заменить на наши.

– Или снимем с них баллоны со сжатым воздухом, – прошептала Тина и прикрепила фидер^[13] на свой маркер. – Готовы, – громко сказала она, улыбаясь.

Глава 17

Снейдер стоял у балюстрады и смотрел вслед джипу с Янусом, его обоими сыновьями, Немез и Мартинелли, который, подпрыгивая на ухабистой дороге, двигался вглубь леса.

Затем он удостоверился, что их никто не слышит, и взглянул на Кржистофа.

– О чем ты до этого говорил с Янусом по-польски? – Некоторые обрывки фраз были понятны, но Янус выдавал свои ответы со скоростью пулемета, поэтому общий смысл он не уловил.

Кржистоф допил уже остывшие остатки кофе из чашек Мартинелли и Немез, пропустил рюмку шнапса и вытер рукой губы.

– Ты и правда ничем не брезгуешь, – заметил Снейдер.

– Жалко выбрасывать – к тому же холодный капучино улучшает внешний вид. Поэтому вообще-то тебе следовало его выпить.

– Очень смешно! Так о чем вы говорили?

Кржистоф сунул в рот сигарету.

– Я рассказал ему о прошлом моего отца.

– Это я понял, – перебил его Снейдер. – Но что *он* сказал?

Кржистоф выпустил изо рта кольцо дыма.

– Его отец одиннадцатилетним мальчиком тоже был в концентрационном лагере. В Треблинке. Он еще жив, ему восемьдесят пять, но с Янусом они уже несколько лет практически не общаются. Он даже не отреагировал на приглашение на день рождения своих внуков. Хотя живет всего в нескольких километрах, на другом конце участка, совсем один в своем доме и...

Снейдер заставил его замолчать, подняв руку, и задумался. Что там еще сказал Янус?

«В то время я был еще молод и занимался абсолютно другим бизнесом. Я построил его почти сорок лет назад».

Почти сорок лет назад! Значит, это может быть и тридцать восемь или тридцать девять лет назад. Школа-интернат сестер-урсулинок, где имели место случаи сексуального насилия, лишь до конца семидесятых была пристанищем для одиноких молодых женщин. Если Янус не солгал, то он действительно еще не мог быть с этим связан.

Неужели они ошиблись и все это время шли по ложному следу?

– Выражение твоего лица заставляет меня нервничать, – выдавил Кржистоф.

Снейдер огляделся и, подзывая к себе, махнул седому дворецкому, который складывал салфетки на другом конце террасы.

– Когда Янус начал возить женщин из Восточной Европы в Германию? И когда вошел в проституционный и наркобизнес?

Дворецкий поправил слуховой аппарат.

– Боюсь, у меня нет полномочий...

– Послушайте! – перебил его Снейдер. – Я же хочу помочь Янусу!
Итак!

Мужчина выглядел достаточно старым, чтобы это знать, потому что, вероятно, и сам еще застал то время. Он нахмурил лоб, подумал и посчитал на пальцах.

– Я бы сказал, тридцать семь лет назад.

– А кто занимался делами до этого?

– О, – его глаза загорелись. – Отец Януса.

– С какого года?

– С... – мужчина подумал, – с семьдесят второго.

Вот дьявол! На самом деле целью был отец Януса.

– Где он сейчас? В своем доме на этом участке?

– Вероятно. – Дворецкий кивнул в сторону леса. – Это на другом конце земельного владения. Правда, мы уже несколько дней его не видели и не слышали.

Кржистоф затушил сигарету в пепельнице.

– Вы можете отвезти нас к этому дому?

Ошарашенный старик огляделся.

– Да, конечно.

– Охранники будут нам препятствовать? – спросил Снейдер.

– Нет, но путь неблизкий.

Снейдер посмотрел вверх балюстрады на лужайку.

– Тогда поедем на этом джипе.

Глава 18

Шар с голубой краской разорвался о шлем Сабины, и брызги полетели во все стороны. Под жестким пластиком от удара глухо загудело. Рядом с ней бежала Тина, пригибая голову Януса и подгоняя его. Их целью была вышка на другом конце участка, там они будут в безопасности. Но нападающие действовали хитро, они хотели сначала нейтрализовать Сабину и Тину, чтобы затем спокойно взяться за Януса.

Save the President^[14] – так называлась операция, в которую они ввязались и в которой Янус изображал американского президента, а Тина и Сабина были его телохранителями. Парни действовали как русские наемные убийцы, и, хотя они немного изменили правила игры и игрок «умирал» только после трех попаданий, США могли скоро потерять главу своего государства.

Какой бред!

За это Сабина ненавидела Снейдера. Вообще-то они должны были охранять Януса как возможную жертву покушения, а вместо этого бегали с ним по лесу.

В нескольких метрах перед собой она увидела овраг, в который прыгнула, и, тяжело дыша, прислонилась к спасительному склону. Тина и Янус упали рядом.

– Ну как? Весело? – крикнула Тина.

– Мое сердце долго не выдержит, – пропыхтел Янус.

– Мы можем прекратить в любой момент, – предложила ему Сабина.

– Да мы же только начали. – Янус привычным жестом хотел стереть пот с лица, но лишь размазал перчаткой грязь по визиру. – Вот черт! – Он выругался. – К тому же мы играем в это каждый год.

– Каждый год? – переспросила Сабина.

– Старая традиция в день рождения моих сыновей, с тех пор как Лукашу исполнилось десять.

Ну отлично! Сумасшедшая семейка.

Сабина подняла голову, чтобы прозондировать обстановку, и тут в ее шлем прилетел еще один шар с краской. *Третье попадание!*

Жидкость брызнула через отверстия для дыхания ей в лицо, и Сабина ощутила горький вкус пищевого красителя.

Дьявольщина!

Она подняла руку с ружьем – знак того, что «убита», чтобы безопасно покинуть территорию, как того требовали правила. Но парни принялись всю палить по ней – по рукам, плечам и даже между нагрудными и наспинными протекторами.

– Хватит, придурки! – крикнула Сабина. – Я убита!

Град из пейнтбольных шаров прекратился; знатные у нее будут синяки.

Она попыталась выбраться из оврага, но соскользнула и скатилась вниз. *Идиотская игра!*

Тут Янус снял шлем с головы, начал ловить воздух ртом и вытер пот со лба.

– Вы с ума сошли? – закричала Тина. – Немедленно наденьте шлем!

– Да, только передохну, – задыхаясь, ответил он.

– Нет, сейчас! – приказала Сабина. – Если пейнтбол неудачно прилетит вам в глаз, вы ослепнете!

– В чем дело? – крикнул кто-то из парней. – Я думал, ты, капиталистическая шлюха, убита. Выходи!

Какие милые мальчики!

– Тайм-аут! – прокричала Сабина.

Она опустилась рядом с Янусом.

– Вы ведь знаете Вальтера Граймса, не так ли?

– Я боялся, что вы это заметили. Да, Снейдер меня провел, – вздохнул он. – Но я незнаком с Граймсом лично.

– А как? – уточнила Тина.

– Ну что с вами? – выкрикнул второй подросток. – Сдаются?

– Временное прекращение огня, сопляк! – крикнула Тина, потом взглянула на Януса.

– Мой отец его знал, он раньше вел дела с Граймсом – я был слишком молод для этого.

– Ваш отец? – Тут Сабина догадалась. – Где?..

В этот момент Янус поднялся и распрямился.

– Вниз! – Мартинелли попыталась нагнуть его к земле.

Тут раздался выстрел. Но на этот раз глухой звук долетел с другой стороны.

Это вообще был пейнтбол?

Сабина обернулась. И в следующий момент увидела через испачканное стекло, как Янусу попали в затылок, он вскрикнул и упал, вытянувшись во всю длину.

Глава 19

Кржистоф вел джип по ухабистой лесной дороге, а седой дворецкий подпрыгивал рядом на пассажирском сиденье и указывал ему путь через чащу.

Снейдер расположился на заднем сиденье и разговаривал по телефону. Сначала с земельным управлением уголовной полиции в Мюнхене, чтобы оно при необходимости быстро направило группу спецназа в Бах-ан-дер-Донау, а затем со службой скорой помощи, чтобы на всякий случай прислали машину с врачом. В обоих случаях Снейдер указал GPS-координаты их актуального месторасположения.

– Туда, на лесную тропу с корнями. – Старик вцепился в ручку над дверью, потому что машину стало прилично трясти.

Снейдер вытащил «глок» из кобуры, проверил магазин и оттянул затвор, чтобы первый патрон попал в зарядную камеру. Затем снова засунул пистолет в кобуру. Интуиция подсказывала ему, что они шли по правильному следу. Он взглянул на часы. Было половина пятого. Если монашка нацелилась на этого мужчину, возможно, он уже был мертв.

Лес перед ними поредел. Солнце висело над верхушками деревьев, и Снейдер приставил руку козырьком ко лбу, чтобы защититься от яркого света. Впереди он разглядел очертания L-образного бунгало. По краям поляны росли маленькие кипарисы, а рядом с домом располагался бассейн. Значит, вот она, резиденция старика Януса. Идиллическое место, немного в духе Тосканы.

Кржистоф, хрустнув шинами, остановил джип перед входной дверью в бунгало. Выбравшись из машины, они тут же были атакованы полчищами комаров.

– У вас есть ключ от дома? – крикнул Снейдер, подбегая к двери.

– Нет. Ни у кого из нас нет ключа. Только у его кухарки и уборщицы. Они приходят через день. Он живет здесь очень уединенно – сам так захотел.

– Не знаете, у него в доме есть оружие?

– О, наверняка. Но сомневаюсь, что со своей хронической подагрой он еще в состоянии стрелять.

Снейдер подошел к двери. Та была заперта, но он заметил царапины рядом с массивным замком. Похоже, какой-то дилетант возился тут с отмычкой. Теоретически, это могло произойти несколько месяцев или лет назад, но тогда Янус наверняка сменил бы замок. А значит, царапины были свежие.

– Ты можешь открыть дверь? – крикнул Снейдер.

Кржистоф подошел и прислонился к стене дома.

– Без инструментов? – Он помотал головой. Затем отступил на шаг назад, размахнулся и хотел уже выбить дверь ногой, но Снейдер его остановил.

– Забудь! Ты только сломаешь себе лодыжку. – Он посмотрел на окна рядом с входной дверью. Хотя на каждом крепилась москитная сетка, все окна были закрыты, несмотря на жару.

– Мне позвонить с мобильного на домашний номер? – предложил дворецкий.

Снейдер отмахнулся.

– Поздно. В этом доме уже нет никого живого. Отойдите! – Он прицелился из пистолета в замок и дважды выстрелил. Пули раздолбили деревянную раму и выбили засов. Одна рикошетом со свистом отлетела в сторону.

Снейдер огляделся.

– Кто-нибудь ранен?

Кржистоф и дворецкий ответили отрицательно.

– А вот теперь можешь выбить дверь.

Кржистоф занес ногу и со всей силы ударил по двери, так что она распахнулась внутрь и ударилась о комод.

В доме было темно. Было слышно жужжание многочисленных мух.

Плохой знак.

Снейдер отправил заготовленное сообщение на номер уголовной полиции Мюнхена: «*Выезд на участок!*» Затем прошел внутрь, Кржистоф и дворецкий последовали за ним.

Глава 20

– Перемирие! – крикнула Сабина. – У нас раненый.

Шар с краской разорвался о затылок Януса, и Тина, защищая, накрыла его собой.

Янус лежал лицом на земле. Волосы у него на затылке склеились. Рваная рана, в которой кровь смешалась с красной краской, выглядела ужасной и глубокой.

В таком состоянии они ни в коем случае не могли надеть на него шлем.

Тина сняла перчатки и проверил пульс на шее Януса.

– Вы в порядке?

– Да, – простонал он. – Который из двух мерзавцев это сделал?

– Это были не ваши сыновья. – Сабина посмотрела в направлении, из которого стреляли. – На участке находится кто-то еще, кроме нас.

– Это невозможно. – Янус хотел снова подняться. – Они знают, что мы...

– Оставайтесь внизу! – приказала Сабина и снова пригнула его к земле. – Мы используем желтые пейнтболы, ваши парни – синие. А в вас попали красным шаром.

– Но кто это мог быть?

– Кто-то, кто схватил шестой маркер или принес свой собственный.

– Когда продолжим? – выкрикнул один из сыновей.

– Игра окончена, у нас раненый! – крикнула Сабина. – Оставайтесь на месте. – Она достала мобильный и набрала номер скорой помощи. Им был срочно необходим врач. Возможно, у Януса не только рваная рана и сотрясение головного мозга, но и отравление химическим составом краски.

– Черт, телефон не ловит.

Тина уставилась на экран своего телефона.

– У меня тоже.

Вдруг сверху на них упала тень. Сабина тут же направила вверх ствол маркера.

– Хо-хо! – вскрикнул Лукаш и, защищаясь, поднял руки.

– Я сказала, чтобы вы оставались в прикрытии, – прошипела Сабина.

– Что с отцом?

Сабина стянула перчатки, сорвала с головы шлем и сплюнула пищевой краситель от последнего попадания. Затем расстегнула липучки своих протекторов.

– Наденьте на вашего отца шлем, только осторожно, и отведите его к джипу. Умеете на нем ездить?

Бартош кивнул.

– Хорошо, отвезите его на виллу, продезинфицируйте рану и вызовите скорую помощь.

Тина тоже сняла шлем и протекторы, но застыла, когда два выстрела вдалеке разорвали тишину.

Что это было, черт возьми?

На этот раз стреляли из настоящего пистолета – и совсем в другой стороне.

– Я останусь с Янусом и позабочусь обо всем, – быстро решила Тина.

Сабина кивнула. Они одновременно вытащили служебное оружие.

– Ого, они настоящие? – воскликнул Лукаш.

– Можешь не сомневаться. – Сабина выбралась из оврага и побежала в ту сторону, откуда прилетел красный пейнтбол.

Глава 21

Некоторые оконные ставни в бунгало были закрыты. Когда глаза Снейдера привыкли к темноте, он увидел, что на ковре в гостиной лежали два человека. Неподвижные, завернутые в большие желтые мешки для мусора и крепко связанные.

Когда Кржистоф опустился на корточки рядом с мешками, в воздух поднялся рой мух и стал кружить вокруг него. Карманным ножом он разрезал один из мешков. Тут же, как под высоким давлением, из него вышел жуткий запах гнили и разложения.

Кржистоф отвернулся.

– Оставь второй мешок закрытым. – Снейдер разглядывал оба трупа. Первый был определенно женский, во втором, еще закрытом мешке, тоже была женщина. Несмотря на раздутое тело, Снейдер заключил это по длинным черным волосам. *Кухарка и уборщица*. Судя по состоянию тел, они лежали здесь уже минимум три дня.

– О господи, о господи! – причитал дворецкий.

– Никто не заметил, что женщины пропали? – спросил Снейдер.

– Это неле... мигранты из Филиппин, – сказал дворецкий.

– *Были*. Выйдите и ни к чему не прикасайтесь, – распорядился Снейдер. – Скорая помощь и спецназ мюнхенской уголовной полиции уже на пути сюда. С этой стороны участка есть подъездная дорога?

– Да, – выдавил мужчина.

– Поезжайте туда, откройте ворота и сопроводите сюда врача и полицейских. И скажите коллегам, что нам нужна криминалистическая экспертиза.

– О господи!

– Давайте идите!

Тем временем Кржистоф осматривался в доме.

– В остальных комнатах чисто, никаких следов старика. – Он топнул ногой по полу в прихожей. Услышав глухой звук, Кржистоф сразу отодвинул ковер в сторону и обнаружил под ним откидной деревянный люк. – В этой хижине есть подвал.

– Давай на него взглянем. – Снейдер подошел, потянул за металлическую ручку, и вместе им удалось поднять крышку.

Вниз вела широкая деревянная лестница. Подвал освещался странным красно-голубым светом нескольких светодиодных ламп. На этот раз трупного запаха не чувствовалось. Правда, в воздухе висела тропическая влажность, от которой у Снейдера сам собой выступил пот.

– Здесь как в джунглях, – прокомментировал Кржистоф. Он хотел уже спуститься, но Снейдер задержал его.

– Иди за мной! – Снейдер пошел вниз первым, с «глоком» на изготовку. Хотя он не очень верил, что таинственный сообщник монахини поджидает их там внизу, но вместе с тем не знал, что именно их там ждет.

Помещение, в котором не было окон, находилось на глубине двух метров под землей и служило – насколько Снейдер мог судить по стеллажам – погребом для продуктов и кладовкой для инструментов, горшков, ящиков для овощей, торфа и земли для цветов.

– Твою мать... – вырвалось у Кржистофа.

Подвал освещался четырьмя лампами, которые стояли по углам на низких штативах и были направлены в пол. Судя по интенсивному свету, это были лампы для растений, и их металлическая обшивка раскалилась. Похоже, они беспрерывно светили уже несколько дней, поэтому здесь внизу и было так жарко.

В центре комнаты стояла металлическая кровать без матраса. Железные ножки были прикручены к бетонному полу с помощью шурупов и металлических пластин. На стальных пружинах лежал старый мужчина в запачканных трусах. Руки и ноги были раскинуты и прикованы наручниками к спинкам кровати.

Сколько труда, чтобы заставить человека умирать медленной смертью.

Пахло калом и мочой. Судя по фекалиям, мужчина лежал здесь уже много дней. Во рту у него торчал кляп из тряпки. В треснувших уголках губ запеклась кровь. Очевидно, он пытался освободиться от тряпки, чтобы позвать на помощь. Но здесь в лесу его все равно никто бы не услышал – а его убитые кухарка и уборщица и подавно.

Каким-то чудесным образом мужчина еще дышал. Его грудная клетка чуть поднималась и опускалась. Но Кржистоф и Снейдер все равно не подошли к нему ближе. Потому что наручники были далеко не все, что фиксировало его на кровати.

Кржистоф присел на корточки и заглянул под кровать.

– Что это, черт возьми?

– Не прикасайся. – Снейдер присел рядом с Кржистофом на безопасном расстоянии и взглянул на широкие, наполненные землей цветочные ящики, которые стояли на полу под кроватью. – Это бамбук.

Из земли, в которой торчали несколько десятков перевернутых пластмассовых бутылок – вероятно, импровизированная система полива, – тянулись многочисленные зеленые и серые побеги бамбука. Их корни прорвали ящики, и ростки поднимались между пружинами кровати. Около половины уже на несколько сантиметров вросли в спину мужчины своими острыми кончиками.

Насколько Снейдер сумел разглядеть, места кровоточили и воспалились, а некоторые уже загноились. Наверное, отец Януса пережил адские муки и вопил от боли. По выпуклой, деформированной коже сбоку Снейдер заключил, что некоторые побеги бамбука настолько глубоко проросли в его тело, что уже перфорировали внутренние органы. При интенсивном свете, высокой температуре и сильной влажности бамбук рос с бешеной скоростью – на несколько сантиметров в день, – а высокие стебли были невероятно сильными.

Кржистоф вытащил свой складной нож из кармана штанов.

– Мы должны это обрезать.

– Нет.

– Хотя бы оборвать.

Снейдер остановил его руку.

– Так ты еще больше травмируешь его.

– Но эта дьявольская штука растет каждую минуту. Давай хотя бы вытащим стебли из его тела.

Снейдер снова помотал головой.

– Некоторые уже слишком прочно срослись с ним. – Он указал на почку. Но вероятно, то же самое касалось и толстой кишки и легких. – Это убьет его – у него сразу же откроются внутренние кровотечения. – Снейдер поднял пистолет.

– Ух! – Кржистоф вскочил и сделал шаг назад.

Несколькими прицельными выстрелами Снейдер прострелил самые толстые стволы бамбука, которые торчали из земли. Во все стороны полетели куски дерева и комья земли, а грохот на мгновение

оглушил. Был слышен только громкий продолжительный звон. За его спиной Кржистоф зажал уши руками. Пули попали в стену подвала за кроватью. В воздух поднялось облако пыли и штукатурки.

От шума отец Януса открыл глаза. Они были мутные, он апатично посмотрел на потолок и скривился. Едва очнувшись от забытья, он снова испытал невероятные боли.

Осторожно, чтобы не коснуться ни одного ящика с растениями, Снейдер опустился на колени рядом с головой мужчины и вытащил у него изо рта окровавленный кляп.

Старик начал жадно хватать воздух ртом. Запахло рвотой. Мужчину было уже не спасти. Он сплюнул кровью – верный знак того, что легкие перфорированы, между легкими и грудной стенкой попадал воздух и дыхание остановится через несколько часов. У мужчины уже началась гипервентиляция, на губах надувались и лопались кровавые пузырьки.

Прежде чем он снова впал в спасительное забытье, Снейдер коснулся его щеки и вытер ему пот со лба.

– Меня зовут Снейдер, я из Федерального ведомства уголовной полиции Висбадена, – громко сказал он, потому что у мужчины наверняка еще звенело в ушах от недавних выстрелов. – Я попытаюсь спасти вас. Помощь уже в пути. Вы поняли? – Он подождал, пока его слова дойдут до старика. Тот повернул голову и моргнул.

Хотя время поджимало, и мужчина в любой момент мог перестать дышать, Снейдер заставил себя не торопиться.

– Вы смогли разглядеть человека, который сделал это с вами?

Старик молчал, лишь ловил ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу.

– Их было несколько?

Мужчина не проявил никакой реакции.

– Вы знаете бывшую монахиню по имени Мария Магдалена? – спросил Снейдер.

Никакого ответа.

– Магдалену Энгельман?

– Нет, – наконец прохрипел старик. Слово больше походило на дыхание.

– Вы знаете садовника по имени Вальтер Граймс? – продолжал Снейдер.

– Граймс... – повторил мужчина. Его сухие губы потрескались.

Кржистоф поднял бутылку, которая лежала на полу рядом с ящиками, обтер горлышко и передал Снейдеру. Там было еще немного воды, и Снейдер смочил ей мужчине губы.

– Что вы знаете о Граймсе?

– Организовал бизнес... мои клиенты... и женщины...

– Какой бизнес? – торопил Снейдер, так как заметил, что мужчину покидала последняя жизненная искра. – Речь шла о сексуальном насилии? Или что-то еще?

– Ищите детей...

– Что? – Снейдер в замешательстве посмотрел на него. – Каких детей?

Но отец Януса не ответил. Он был мертв.

Глава 22

След пейнтбольного стрелка вел Сабину через лес до самой виллы, но затем потерялся. Тем временем Тина с подростками привезли Януса на джипе к дому и ждали врача.

Расстроенная, Сабина вошла в комнату для гостей. Снимая грязную потную одежду, она услышала, как подъехала скорая помощь. В окно увидела, как Янусу уже обрабатывают раны в санитарном автомобиле.

Тут позвонил Снейдер. В нескольких словах сообщил, что случилось на другом конце участка, что это были за выстрелы и что задействованы уголовная полиция Баварии, криминалисты и еще одна карета скорой помощи. Похоже, пейнтбольный стрелок не имел никакого отношения к их расследованию.

Переодевшись в свое, Сабина прошла на другую сторону здания и через черный ход вышла наружу, чтобы поискать глазами Снейдера и Кржистофа. Но отсюда ничего не было видно. Видимо, все соберутся на вилле чуть позже.

Тут из сарая, примыкающего к вилле, послышался скрипящий металлический звук. Лужайка перед деревянной дверью была истоптана, на траве лежали комья земли. Осторожно, держа руку на кобуре, Сабина подошла ближе, приоткрыла дверь и увидела, как молодой атлетически сложенный парень лет двадцати пяти убрал маркер с пейнтбольными шарами в металлический шкаф и вытер отпечатки пальцев своей футболкой.

Красные пейнтбольные шары!

Заметив, что через открытую дверь в сарай падает свет, он резко обернулся.

– Ни с места, приятель! – Сабина быстро подскочила к нему. Она не стала доставать пистолет, а заломила ему руку за спину и прижала лицом к дощатой стене рядом со шкафом. – А теперь говори, кто ты.

– Пулбой^[15], – прохрипел он.

– Смешно! И я должна в это поверить? – повысила она голос.

– Правда! То есть был пулбоем. Я два года работал на Януса, но сегодня утром он меня уволил. Если он узнает, что я все еще здесь,

то... – Он замолчал.

Сабина еще сильнее заломила ему руку, так что парень вскрикнул.

– Почему он тебя уволил? В бассейн упал листочек?

– Вчера вечером я взял его «ламборгини», чтобы прокатиться, и поставил маленькую вмятину.

– И Янус тебя не прикончил?

– Почти... – Он повернул лицо в сторону, и Сабина разглядела его распухший глаз и разбитую губу. Он открыл рот – один зуб был выбит. Еще и это! Без травм парень был бы красавцем.

Сабина перевела взгляд на красные пейнтбольные шары.

– И выстрел из маркера был твоей мстью? Прощальным подарком для бывшего работодателя? Боже, как можно быть таким идиотом? – Другой рукой она схватила парня за шею, развернула его и вытолкала перед собой из сарая. – Тебе несказанно повезло, что ты не выбил Янусу глаз.

– Куда вы меня ведете? – спросил он.

– Угадай с трех раз.

– Вы не представляете, что Янус со мной сделает, если узнает об этом, – заскулил он.

– Могу себе представить.

– Это была даже не моя идея, – выдавил он.

– Что, мсть? – спросила Сабина.

– Нет, покатушки на машине.

Покатушки?

Сабина проследовала в переднюю часть виллы, где хотела передать парня людям Януса. Наверняка пулбой говорил правду, не был знаком с монахиней и даже не знал о существовании такого монастыря урсулинок.

Тут Сабина заметила жену Януса, которая вдруг возникла у балюстрады на террасе и с беспокойством смотрела на них сверху.

Ну надо же! Этот взгляд говорил о многом. Сабина снова заметила заgrimированную ссадину под глазом Камилы – и неожиданно все поняла. Это не Янус избил свою жену. Ссадина – результат неудачной поездки и аварии!

– Похоже, в последние годы ты занимался не только бассейном, – прошептала Сабина сзади парню в ухо, – но попутно и хозяйкой дома.

– Камила и я с...

– Замолчи! – шикнула сверху жена Януса.

– Да, вы лучше оба помолчите! – сказала Сабина и хотела подтолкнуть парня в сторону кареты скорой помощи, но остановилась.

Видимо, вчера вечером оба хотели поразвлечься в «ламборгини» в лесу, но машина врезалась в дерево. А сейчас еще и затея с выстрелом пейнтбольным шаром провалилась – теперь Янус точно устроит пулбою не просто взбучку, а отправит его на пару месяцев в больницу. Но все это не имело никакого отношения к их расследованию.

Сабина отпустила руку парня, который тут же принялся тереть запястье.

– Даю тебе минуту, чтобы исчезнуть с этого участка. И чтобы тебя здесь больше никогда не видели.

Не успела она договорить, как пулбой развернулся и бросился назад к сараю. Наверняка он знал, как выбраться с участка незамеченным.

Жена Януса бросила Сабине благодарный взгляд, та коротко ответила на него и направилась дальше. Вскоре Сабина дошла до машины скорой помощи, припаркованной на лужайке перед виллой. Врач все еще занимался Янусом. Тот лежал в заляпанном комбинезоне на носилках, затылок ему побрили, продезинфицировали и на рану наложили толстую повязку.

Как Сабина узнала от одного из санитаров, Янус чувствовал себя неплохо. После того как врач вколол ему обезболивающее и дал пару советов, Янус поднялся с носилок.

– Вам нужно зашить рану, – настойчиво внушал ему врач.

– Да, да, один из моих телохранителей отвезет меня чуть позже в больницу, – пробурчал Янус. Затем посмотрел на Сабину: – Вы нашли стрелка?

– Я заметила убегающего мужчину. – Сабина описала ему внешность парня.

Янус в бешенстве задвигал челюстями.

– Пулбой, – проскрипел он. – Где он сейчас?

– Он от меня ушел.

Янус испустил проклятие на польском. Его лицо налилось краской, словно собирался броситься на поиски парня, чтобы

собственноручно задушить его на глазах Сабины. Но прежде чем он успел еще что-либо сказать, к ним обоим подошел Снейдер.

На редкость расстроенный и в испорченном костюме, он сообщил им, *что* они с Кржистофом обнаружили в доме отца Януса. Сабина видела, как лицо Януса цепенело, пока он молча слушал.

Когда Снейдер закончил, взгляд у Януса стал словно окаменелым. Он немедленно хотел направиться к дому отца, но Снейдер остановил его.

– Криминалисты оцепили место преступления, спецназ прочесывает весь участок, а следователи опрашивают персонал.

– Мне насрать, я...

– Стоп! – прикрикнул на него Снейдер. Его тон не терпел возражений. – Мы найдем преступника. *Мы!* Вы поняли?

Широкие плечи Януса немного расслабились. Он тяжело выдохнул.

– Вы это сделаете, клянусь Богом, иначе... – Сжав зубы, он ткнул Снейдера пальцем в грудь.

– О'кей. – Снейдер кивнул. – Пойдемте со мной на террасу, – предложил он.

Тем временем солнце уже скрылось за верхушками деревьев и окрасило горизонт в кроваво-красный цвет. Через час должны были прийти первые гости, но нечто столь банальное, как вечеринка в честь дня рождения, отошло теперь на самый дальний план. У входных ворот стояли два полицейских с патрульной машиной, они должны были отправлять всех гостей домой. Официальная причина: хозяин болен.

– Пойдемте, – повторил Снейдер.

Янус и Сабина последовали за ним на террасу. Только Сабина встала у балюстрады, как зазвонил ее телефон. Она хотела уже сбросить звонок, как увидела номер. Первый светлый момент в этот неудачный день.

– Извините, я на минуту.

Она прошла в другой конец террасы, где на сцене все еще стояли музыкальные инструменты. Там можно было спокойно поговорить.

– Алло?

– Добрый вечер, тетя Бина, – сказал девчачий голос.

Конни. Ее самая младшая племянница, которой уже исполнилось девять лет.

– Привет, моя сладкая егоза. К сожалению, у меня мало времени. – Сабина посмотрела в другой конец террасы. – Как у тебя дела?

– А ты завтра приедешь к нам в Мюнхен?

Завтра? О, черт! Сабина совсем забыла сообщить, что не сможет присутствовать на запланированной воскресной семейной встрече с отцом, сестрой и тремя ее дочками. Вместо этого в оставшиеся выходные у нее вряд ли будет больше двух часов на сон в ее съемной квартире в Висбадене и гарантированно ни одной свободной минуты.

Старшим сестрам Конни, Керстин и Фионе, было десять и двенадцать. Раньше, когда Сабина еще работала в уголовной полиции в Мюнхене, она постоянно рассказывала им, что находится на секретных заданиях. Девочки обожали ее истории про боевые операции с вертолетами, рассказы о собаках-ищейках, приборах ночного видения и тепловизорах. К тому же они были единственными детьми в начальной школе, кто умел правильно выговаривать такие слова, как противотанковые мины и оружие средней дальности – к большому недовольству Сабининой сестры.

– К сожалению, я не смогу, – удрученно произнесла Сабина. – Я расследую срочное дело.

– О котором ты, конечно, не можешь говорить, понимаю, – ответила не по годам умная Конни. – А твой противный наставник тоже там?

– Да, Мартен Снейдер руководит расследованием.

– Мартен С. Снейдер, – исправила ее Конни.

Сабина посмотрела в сторону Януса и Снейдера и невольно улыбнулась.

– Да, именно он.

– Вы снова на задании с вертолетами и собаками-ищейками?

– Конечно, а ты как думала? – ответила Сабина. – И с тактической группой баварского спецназа.

– Ты в Баварии?

– Да, даже недалеко от вас. У нас собаки-саперы, тепловизоры – все по полной программе, – врала она.

– И пуленепробиваемые жилеты?

Сабина подумала о пластиковых протекторах.

– Разумеется, они тоже.

– Хорошо, тогда с тобой ничего не может случиться.

– Да это все выдумки и ложь, – неожиданно в разговор вмешалась Фиона, самая старшая, которая, видимо, слушала по другому телефону.

– Нет! – воскликнула Конни.

– А вот и да! – хором закричали Керстин и Фиона.

– Девочки, успокойтесь, – прекратила их спор Сабина. Обе старшие из трех сестер-блондинок были уже слишком большие для этих историй, а скоро и Конни перестанет в них верить. Пора с ними заканчивать. – Передайте дедушке и вашей маме привет от меня. Шлю много-много поцелуев и позвоню на следующей неделе.

– А ты нам расскажешь о твоём задании? – спросила Конни.

– Если снова подпишете договор о неразглашении информации, – ответила Сабина.

– Видите, она все-таки говорит правду! – настаивала Конни, и спор разгорелся с новой силой.

Сабина попрощалась и убрала телефон.

К ней подошла Тина, которая, видимо, слышала последнюю часть разговора.

– Ты все еще рассказываешь им эти истории? Они не замечают, что ты их обманываешь?

Сабина пожала плечами.

– Пока что им нравилось. В любом случае сегодня мы практически уберегли президента США от покушения.

– Это у нас хорошо получилось, – иронично заметила Тина и похлопала ее по плечу. – Идем, у нас совещание.

Когда они вернулись, Снейдер, Кржистоф и пилот вертолета сидели за столом на террасе рядом с Янусом и обоими его сыновьями.

Янус смотрел куда-то вдаль. Под ногтями у него застряла земля, он снял свое обручальное кольцо и задумчиво вертел его между пальцами. Его жены пропал и след. Наверняка Янус уже догадался, что произошло.

Сабина и Тина сели к остальным за стол.

Янус до боли сжал губы и повернулся на стуле к Сабине.

– Многовато для одного дня, да? – Он взялся за стакан. Хотя врач скорой помощи запретил ему любой алкоголь, он опрокинул в себя тройную порцию бурбона.

Сабина не могла его за это осуждать.

– Можно и так сказать. – Ничего лучше ей в голову не пришло. Впрочем, она не особо умела подбадривать бывших преступников.

– Вы и Снейдер были правы, – признался Янус. – Ваша монахиня действительно нацелилась на нас. Господи... монашка! – Он рассмеялся.

– Помогите нам выяснить больше о подоплеке.

– Я понятия не имею, что мой отец и Граймс тогда устроили. Все, что я знаю, вам уже сказал. – Сейчас это действительно походило на правду.

– Почему у вас такое лицо, Немез? – спросил Снейдер, не поднимая взгляда и продолжая набирать сообщение в телефоне.

Сабина сжала зубы.

– Если бы мы сумели предотвратить убийство, – выдавила она. – К тому же прошел еще один день, а мы не продвинулись ни на шаг.

– Это не так, – возразил Снейдер, убрал телефон и бросил взгляд на Кржистофа. Тот молча сидел рядом с ним и крутил кожаный браслет на запястье. – Мы получили подсказку. *Ищите детей*. И я спрашиваю себя – монахиня организовала все это сама или у нее есть сообщник.

– Я с самого начала задаюсь этим вопросом, – отозвалась Сабина.

– Масштаб проделанной ею работы говорит в пользу теории с сообщником, – размышлял Снейдер. – И этот сообщник должен разбираться в бамбуке.

– Может, ботаник, – предположила Сабина.

– Или тот, кто участвовал в войне в Южной Азии, – добавил Кржистоф.

– Почему вы так решили? – спросила Сабина.

– Пытка бамбуком применялась раньше на острове Реюньон в Индийском океане в качестве смертной казни для рабов, – задумчиво пробормотал Снейдер.

Лукаш и Бартош подавленно молчали.

– И японцы применяли ее во Второй мировой к пленным солдатам антигитлеровской коалиции, – добавил Янус. Он наклонился вперед и устремил на Снейдера пронзительный взгляд. – Что бы вы и ваши люди ни выяснили и ни решили предпринять, можете рассчитывать на мою полную поддержку.

Сабина приподняла одну бровь. И это из уст бывшего преступника?

– Сначала нужно попытаться найти сообщника Магдалены. Думаю, к этому может быть причастен ее брат Зено, но пока его нет и следов. Кроме того, мы все еще не знаем, где находилась монахиня после того, как покинула монастырь, и что делала в это время. – Снейдер поднялся. – Пора. – Он кивнул пилоту, затем посмотрел на Януса: – У нас есть разрешение на взлет?

– Включая мое согласие хорошенько дать этой монашке под зад.

Глава 23

В нескольких километрах к востоку от Висбадена месяц висел над опушкой леса и освещал верхушки деревьев и старую недействующую мельницу, через каменный подвал которой протекал ручей. В доме горел один-единственный огонек.

Было сильно за полночь. Снейдер сидел в своей гостиной в удобном кресле для чтения и, уставясь на сумеречный свет, покачивал в руке стакан томатного сока с перцем, солью, табаско и внушительной порцией водки. Это был уже третий его стакан. Тишину в доме нарушало только постукивание кубиков льда. Окно было открыто, в лесу ухал филин, и жестяной петух на каминной трубе плавно поворачивался на ветру.

Под книжной полкой Снейдера приглушенно светила единственная лампа. Рядом дымились две ароматические палочки, распространяя сладкое благоухание.

– Тоже водки? – спросил Снейдер своего визави.

Мужчина молчал. Он сидел в удобном кресле, закинув ногу на ногу, одна рука на колене, другая на подлокотнике. Из-за света за спиной лицо его находилось в тени, был узнаваем только силуэт, растрепанные волосы и темный костюм. За ним поднимался дым от палочек.

– Значит, без водки, – пробормотал Снейдер. – Сигарету? – Он протянул мужчине коробочку с самодельными косяками. – Я так и думал. – Снейдер убрал руку, зажег самому себе сигарету, сделал глубокий вдох и медленно выпустил дым через нос. По комнате поплыл знакомый сладкий запах.

Напряженные затылочные мышцы Снейдера начали расслабляться. Зажав сигарету в уголке рта – она красной точкой светилась в темноте, – он открыл свой набор с акупунктурными иглами, вытащил самую длинную и воткнул ее в татуировку в виде точки на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами.

У Снейдера дергалось веко. Он покрутил иглу и «вытянул» боль из точки выхода нерва. *Проклятые кластерные атаки!* Всему виной

рев вертолетного двигателя во время обратного полета. Лучше всего помогал чистый кислород, но Снейдер не хотел ложиться в постель с кислородной маской. *Пока нет.* Приступ только начался, с кислородом он подождет до того момента, когда боли станут невыносимыми.

– Спасибо, что вы так быстро нашли время, – пробормотал он, не поднимая глаз. – Вы наверняка уже задавались вопросом, зачем я пригласил вас сюда. – Он затянулся косячком, повернул иглу и застонал. – Я хотел бы поговорить с вами о Вальтере Граймсе. – Ему показалось, что его гость кивнул.

Два часа назад я получил результаты вскрытия Граймса. Старый мерзавец был здоров как бык. В пятницу утром он прибыл скоростным поездом из Браунау в Висбаден и напрямик направился к старой лакокрасочной фабрике, где дал себя связать и убить. Наверняка не по доброй воле, как показали кляп и следы на его запястьях. Однако несколькими часами ранее он один сидел в поезде, как подтвердили нам свидетели и видеозаписи с камер наблюдения. Вопрос: кто вызвал его сюда? И по какой причине? Есть какие-нибудь идеи?

Визави Снейдера слегка наклонил голову. Жест, который, видимо, должен был означать «А вы что думаете?». Подушка под ним заскрипела.

– Конечно, за этим стоит наша монашка. Но по какой причине он уступил ее желанию? Под каким предлогом она заманила его в Висбаден? Он вообще знал, что за этим стоит она? – Снейдер снова затянулся.

Мужчина выслушивал вопросы Снейдера с невозмутимым спокойствием.

– Между тем Телеком уже предоставил нам данные Граймса. В последние дни перед своей смертью он часто разговаривал со Швейцарией. Всегда один и тот же абонент. Наш ИТ-отдел еще анализирует эти данные. – Он сделал паузу. – Зено живет в Швейцарии? Как вы считаете?

Молчание.

– Я знаю, что вы думаете, – наконец сказал Снейдер, вытащил акупунктурную иглу из ладони и одним залпом осушил стакан с водкой. – Это бессмысленно, я должен изменить свой метод «визионерского видения», – пробормотал он. – По крайней мере, в

этом случае. Здесь он не работает. – Он разгрыз кубик льда. – Проклятая монашка. Книга за семью печатями.

Мужчина вознаградил слова Снейдера одобрительным молчанием.

– Хотя это было не очень содержательно... спасибо, что уделили мне время. – Снейдер взял телефон и написал эсэмэс:

«Можете его забрать».

Через несколько секунд перед домом Снейдера открылась дверь автомобиля. Через оконную занавеску коротко вспыхнули задние фары, затем яркий свет озарил площадку перед домом. Там стоял черный лимузин похоронного бюро.

Снейдер протянул руку и щелкнул выключателем напольного торшера.

Напротив него в кресле на пленке из пластика сидел Вальтер Граймс в темном костюме.

Лицо и голова трупа были разъедены кислотой и выглядели обезображенными, как размазанное яйцо всмятку. Казалось, что Граймс улыбается, оскалив зубы.

Тремя годами ранее

В горной хижине в Тирольских Альпах Грит Майбах стояла напротив Томаса Шэффера. Она направила оружие на преступника – а он на нее ствол своего «глока».

Патовая ситуация. И все лишь потому, что она промедлила и не выстрелила сразу. Причиной было красное родимое пятно у него на лице, момент шока, когда она увидела его вживую. *Оно действительно выглядит точно так же, как мое.* Грит заставляла себя не смотреть на родимое пятно, а следить за пальцем на спусковом крючке его пистолета.

Однако она заметила, что Шэффер тоже уставился на нее с удивлением.

– Я не собираюсь нажимать на спусковой крючок, – солгала она. – Давайте поговорим разумно – как солдат с солдатом.

– Что мне с вами обсуждать? – Несмотря на все выпитые банки энергетика, его голос звучал спокойно. – У нас нет ничего общего.

– Вы ошибаетесь. – Она назвала ему дату своего рождения. Может быть, сейчас это было преимуществом.

– Что за подлая уловка? Стрелков этому сейчас учат на курсах *горной психологии*?

Значит, он знает мою специализацию, – подумала Грит. Тогда он, вероятно, в курсе, что она без колебаний застрелит его, чтобы спасти собственную жизнь и, прежде всего, жизнь других. Горных стрелков не учат пощаде. Для этого дирекции земельной полиции нужно было отправить взвод полицейских с переговорщиком.

Не выпуская Шэффера из вида, Грит огляделась в хижине. Краем глаза она заметила, что оконные ставни закрыты. Значит, полковник Айхингер не сможет увидеть, что происходит в комнате.

Кроме кровати, на которой Шэффер, видимо, лежал с аноракком вместо подушки, шкафа и открытого камина, где потрескивали поленья, в хижине ничего не было.

Спартанское убежище для патруля в военной закрытой зоне. За спиной Шэффера на веревке висели футболка, свитер и дождевик.

– Ну что теперь? – У него был легкий баварский акцент. – Сколько вас?

– Я одна, – солгала Грит.

Шэффер улыбнулся. Конечно, он ей не поверил. Его грудные мышцы напряглись, несмотря на внешнее спокойствие. Торс был выбрит, а на шее висели только его армейские жетоны.

– Где вы родились? – спросил он.

– Я не знаю. – На этот раз Грит говорила правду. Выросла она в детском доме в Куфштайне, но сейчас уже не проболтается. Она и так слишком много выдала ему, назвав дату своего рождения.

– Я тоже не знаю. Во всяком случае, вырос я в Регенсбурге, в приюте, – спокойно сказал он.

– Мне это известно, – заметила она.

По необъяснимой причине Грит все еще медлила с выстрелом. Ствол его оружия был направлен ей в грудь. Даже если у него еще будет время нажать на крючок, его пуля вряд ли серьезно ее ранит. К тому же под комбинезоном на ней был пуленепробиваемый жилет. Пуля хотя и пробьет кевлар, тот все равно погасит скорость. Шансы у Грит были хорошие. И тем не менее она ждала.

Похоже, Шэффер это заметил, потому что спокойно продолжал:

– Твои родители от тебя тоже отказались? Почему?

Хорошая комбинация. К тому же он вдруг использовал доверительное *ты*. Возможно, за последние месяцы она была первая, с кем он мог нормально поговорить.

– Я не знаю – и мне все равно, – сказала Грит. Она никогда не видела своих отца и мать.

Он вдруг грустно улыбнулся.

– Паршиво, когда живешь с чувством, что собственная мать тебя не захотела.

– Может, ей было шестнадцать или она была наркоманкой или из строгой религиозной семьи. Возможно, она стыдилась или у нее уже было слишком много детей. – Грит попыталась применить немного психологии. – Наверное, так было лучше.

– Лучше для кого? – возмутился он. – А может, она просто заберемела от богатого женатого мужика, у которого убиралась в доме, который заставил ее и вообще-то должен был содержать меня. Языковые курсы в Лондоне, золотые часы на конфирмацию, учеба в университете.

– Вы пошли в армию, потому что вам нужны были деньги?

– У меня было мало других возможностей. Я направил всю свою злость в спорт.

Она разглядывала его голый торс. *Это заметно.*

– Армия дает человеку чувство новой семьи и принадлежности. Но в конце концов вы больше не выдержали, слетели с катушек, – продолжила она его историю.

– В Кувейте, Ливии, Афганистане и Судане я видел такие вещи, какие ты и злейшему врагу не пожелаешь.

– Существует психологическая поддержка.

– Забудь – со мной не работает!

Тут Грит услышала хруст снега за окном. Как только она инстинктивно повернула голову в сторону, сразу поняла, что совершила ошибку.

В один шаг Шэффер оказался рядом и оттолкнул ее руку с оружием. Прежде чем она успела другой рукой вытащить нож из ножен на поясе, он резким движением сломал ей локоть о свое колено.

Грит вскрикнула и в следующий момент уже лежала спиной на полу.

Черт возьми! Ошибка новичка!

Он сидел на ней верхом и прижимал ствол пистолета к ее шее.

– Ни звука! – шикнул он. – Я знаю, это больно, но сожми зубы,

Грит.

Она и правда сжала от боли зубы.

– Откуда ты знаешь?.. – выдавила Грит. Теперь и она обращалась к нему на «ты».

– Я слышал сообщение твоего коллеги по рации. Вы не используете позывные?

Грит не ответила. Их взгляды встретились. Давление пистолета на шею ослабло на секунду, потом Шэффер снова овладел собой.

Несмотря на боль, пульсирующую в локте, Грит не могла отделаться от чувства, что между ними существовала какая-то связь. Похоже, он тоже это заметил. Они были на удивление похожи. Не только взглядами и происхождением, но внешностью. *И это самое пугающее. Такое внешнее сходство.*

Он нагнулся к ней.

– Любой другой выпустил бы тебе сейчас пулю в голову, но я не убийца, Грит, – прошептал он. – Может, однажды ты выяснишь, кто твои родители. Тогда передай им от меня привет и скажи, что я сохранил их дочери жизнь. Хочешь знать причину?

– Почему? – прохрипела она.

– Чтобы ты могла дать им под зад. От имени всех детей, которых оставили родители. Как меня. В корзине между мусорными баками на заднем дворе.

По спине у нее пробежала холодная дрожь.

Хотя она не чувствовала той озлобленности, которую носил в себе Шэффер, но все равно могла легко поставить себя на его место. Возможно, однажды она стала бы такой же, но, к счастью, Грит покончила с прошлым. «Не пытайся выяснить причину чего-либо, если у тебя нет шансов до этого докопаться!» – сказал ей много лет назад полковник Айхингер. И с того дня армия и наставник заменяли ей семью.

В дальней части дома скрипнула половица, и Грит повернула голову в ту сторону.

Шэффер рывком поднялся с пола, быстро надел свитер и анорак и посмотрел на ее оружие, которое отлетело под комод.

– Я знаю, что ты не выстрелишь в меня! Иначе ты бы это уже сделала.

Затем, не говоря ни слова, он исчез в прихожей.

Грит тут же перекатилась по полу и здоровой рукой дотянулась до своего пистолета. Все еще лежа на полу, она развернулась и прицелилась в Шэффера, который как раз схватил свой рюкзак и открыл входную дверь. Как только он окажется снаружи, поземка занесет его следы.

«Ты не выстрелишь в меня!»

Она посмотрела в прицел на мушку, целясь ему в голову, и медленно выдохнула.

Ченуха!

Нажала на спусковой крючок, но в последний момент опустила руку. Пуля попала Шэфферу в бедро, и силой удара его отбросило наружу в снег. *Все-таки он оказался прав.* Тем не менее она не могла позволить уйти человеку, одержимому амоком.

С пистолетом в руке она поднялась и в свете керосиновой лампы, который падал наружу, увидела, как снег вокруг его ноги окрасился в красный цвет.

В следующий момент слышались тяжелые шаги по снегу. Это подоспел полковник Айхингер и, прежде чем Шэффер смог подняться, приставил ему к затылку ствол винтовки.

– Лежать! Бросьте оружие! Вы арестованы.

Через полчаса подошло подкрепление. Грит слышала только приглушенные слова коллег, потому что оглушительный пистолетный выстрел все еще звоном отдавался в ушах.

Ее напичкали обезболивающими таблетками, которые быстро подействовали, и из подручных средств наложили на руку шину. После того как санитар из горных стрелков обработал рану Шэфферу, того неласково увели. Мужчины эскортировали его вниз к ближайшей возможной площадке для посадки вертолета.

Грит смотрела им вслед, пока свет от их налобных фонарей постепенно не исчез в темноте. С гудящей головой она думала о разговоре с Шэффером.

Я приняла правильное решение? Может, нужно было дать ему уйти?

Грит не знала.

Потому что и ее нашли в корзине между мусорными баками на заднем дворе детского дома.

День третий
Берн, Швейцария
Воскресенье, 14 мая

Глава 24

Первое совещание в этот день Снейдер назначил на семь утра – в его кабинете. Сабина лишь успела выпить чашку крепкого кофе. Позавтракает она или в столовой Академии БКА, или по дороге. Тина, вероятно, тоже еще ничего не ела, а Кржистоф со своими опухшими маленькими глазками выглядел так, будто пять минут назад выполз из постели.

Но хуже всех выглядел Снейдер. В таком состоянии Сабина не видела его уже год. Казалось, он всю ночь не сомкнул глаз. Его лицо отливало белым, тыльные стороны кистей были исколоты, а вокруг зрачков краснели лопнувшие капилляры. Похоже, всю ночь он провел с марихуаной, ванильным чаем, водкой и акупунктурными иглами. Непосвященные сочли бы плохим знаком, что он уже третий день расследования находился в таком жалком состоянии, но Сабина знала, что Снейдер мог держаться так неделями. Чем хуже было его физическое состояние, тем эффективнее он работал.

В дверь постучали, и стриженный под ежик молодой следователь из ИТ-отдела вошел в кабинет с папкой в руке. Так как все в БКА знали, что Снейдер игнорировал такие формальности, как «Да, пожалуйста!» или «Входите!», тот сразу перешел к делу.

– Вот данные от Телекома. – Молодой человек протянул Снейдеру папку.

Снейдер тут же раскрыл ее, и Сабина покосилась на листы. Это были телефонные соединения Вальтера Граймса.

– Граймсу звонили три раза с одного и того же предоплаченного телефона, который мы не смогли отследить, – объяснил мужчина. – Каждый из трех звонков длился около минуты.

– Я вижу. – Снейдер полистал страницы. Его лицо застыло. – Зачем цвета в этом отчете? – Некоторые телефонные номера были выделены маркерами.

– Я подумал, что оформлю для вас более наглядно, – ответил мужчина. – Этот... – он хотел показать на один номер.

– Если хотите творчески реализоваться, нарисуйте картину для Лувра, – перебил его Снейдер. – Один из звонков не был, случайно,

записан?

– Нет.

– Что-нибудь еще?

– Вот фотографии татуировок. – Мужчина передал Снейдеру вторую папку.

Снейдер взял документы и заулыбался, словно ждал этого, как волк ощипанную курицу.

Когда коллега из ИТ-отдела покинул кабинет, Снейдер тоже направился к двери.

– Давайте нанесем нашей монахине визит.

Он выпроводил всех в коридор и запер кабинет. Затем они направились к лифтам, и Сабина вызвала кабину.

Однако Снейдер прошел мимо к лестничной клетке и открыл дверь.

– Пойдемте пешком, это раскачает клетки мозга.

– Почему сразу не курс аэробики на завтрак? – проворчал Кржистоф.

Все стали спускаться по ступеням. В этой части здания пахло моющими средствами, силиконом и малярными работами. Шаги эхом отдавались от стен. Кроме них на лестничной клетке никого не было. Если нужно спокойно поговорить, здесь было самое подходящее место.

Пока они спускались, Снейдер изучал телефонные номера с сопутствующими именами и комментариями.

– В последние недели перед смертью Граймс почти не говорил по телефону. Кроме prepaid мобильного, все эти номера встречаются только один раз – управляющая компания, электрик, зубной врач, реабилитационная клиника, разные рестораны и справочная Австрийских железных дорог. Так как у Граймса не было машины и, наверное, Интернета тоже, он мог узнавать в справочной, как добраться из Браунау в Висбаден. Но *этот* номер появляется в общей сложности пять раз. – Снейдер поднял глаза. – Номер стационарного телефона со швейцарским кодом – Немез, выясните это. – Он сунул ей в руку стопку бумаг.

Первым делом Сабина из любопытства позвонила со своего сотового на prepaid номер, но связи не было. *Какой сюрприз!* Пока она набирала швейцарский номер, Снейдер открыл вторую папку

и пролистал фотографии, на которых были крупные изображения различных черных татуировок. Очевидно, следователи действительно раздели монашку и сфотографировали все картинки на ее теле.

– В настоящий момент меня нет дома, – раздался из автоответчика пожилой женский голос со швейцарским акцентом. – Оставьте сообщение после гудка...

Сабина прикрыла рот рукой и понизила голос.

– Говорит Сабина Немез из немецкого БКА в Висбадене, – сказала она и продиктовала свой номер. – Прошу вас срочно перезвонить мне. – Затем поблагодарила и положила трубку.

Между тем Снейдер закончил рассматривать фотографии и всучил их Тине.

– Что вы думаете, Мартинелли?

Сабина знала, что у Тины не только пирсинг, но и множество татуировок.

Просмотрев снимки, она передала их Кржистофу, который тоже набил себе немало наколок в тюрьме. Если кто-то и разбирался в этом виде искусства, то точно эти двое.

– Похоже, что на теле Магдалены Энгельман достаточно много символов, – пробормотала Тина. – Запястье, предплечье, плечо, живот, бедро и икра... все места, до которых можно дотянуться самому. Перспектива и угол тоже говорят о том, что она сама набила себе мотивы.

Опять никаких доказательств возможного сообщника.

Снейдер кивнул, пробегая глазами по строчкам прилагавшегося отчета.

– Специалист по татуировкам из БКА, который много лет работает в этой среде под прикрытием, тоже считает, что женщина сама их себе набила. К тому же он полагает, что, судя по процессу заживления, татуировкам всего три, самое большее четыре месяца. Точнее это можно установить после исследования лимфатических желез, через которые выводится основная часть чернил.

– Откуда монахиня знает эту технику? – спросила Сабина. – И откуда у нее оборудование?

– Ни один татуировщик не одолжил бы ей свою машинку – это святое, – но она могла заказать в Интернете полный комплект для

татуировок с трафаретами, – отозвалась Тина. – Эти работы не такие уж идеальные.

– Она нанесла их не машинкой, – возразил Кржистоф.

Тина наморщила лоб.

– Почему нет?

– Если не умеешь грамотно обращаться с машинкой или игла слишком быстро затупляется, на коже остаются шрамы, а если краска не остается внутри, машинка бьет поверхностно или слишком глубоко, то получаются блоу-ауты... – Кржистоф обвел всех взглядом. – Краска разливается в жировом слое и выглядит, как размазанные чернила на влажной бумаге, – объяснил он. – Но здесь ничего такого нет.

– Тогда как она это сделала? – спросил Снейдер.

Кржистоф поднял рукав своей черной футболки и показал на плече и предплечье жирные кресты и цитаты из Библии готическим шрифтом.

– В тюрьме мы раньше обматывали иглу для шитья смоченной в чернилах бечевкой и так кололи себе мотивы. А вместо краски брали просто тушь для письма. – Кржистоф пожал плечами.

– Зачем монашине действовать таким старомодным способом? – спросил Снейдер.

– Ты сам сказал, что татуировкам минимум три месяца, – а монашка вышла из монастыря всего три недели назад, – ответил Кржистоф.

– Значит, в тот момент она была еще в монастыре, – кивнул Снейдер. – В швейной мастерской она взяла иглу и нитки, а в библиотеке раздобыла чернила.

– Возможно, – сказал Кржистоф. – Техника называется *stick and poke*^[16]. Преимущество в том, что метод тихий и не требует электричества. Оборудование для татуировок монашке пришлось бы каждый раз устанавливать и снова убирать.

– В этом что-то есть, – согласилась Тина.

– Но *почему* она это сделала? – спросил Кржистоф.

– Разве это не очевидно? – возразил Снейдер. – Судя по всему, у нее паранойя. Она не доверяет органам. Видимо, боится, что показания, протоколы, улики, обстоятельства дела или что там еще исчезнут, будут уничтожены или скрыты. Поэтому она в виде татуировок нанесла себе подтверждения на тело – чтобы никто их не

скрыл. – Он остановился на лестничной площадке, прищурил один глаз и помассировал рукой висок.

– Что случилось? Снова головные боли? – спросил Кржистоф.

– Нет. – Снейдер медленно пошел дальше. – Мы думали, что коварными уловками выудили информацию из нашей молчаливой монашки. На самом деле это была не наша хитрость, а ее задумка, чтобы мы узнали то, что должны были узнать.

– Ты так думаешь?

Снейдер кивнул:

– Она слишком умна, чтобы позволить нам перехитрить себя.

Во время этого разговора они остановились и теперь снова двинулись вниз. Когда дошли до первого этажа, фотографии попали в руки Сабине, которая до сих пор молча все слушала.

– Значит, ты считаешь, что все эти мотивы – подсказки для нас? – спросил Кржистоф.

– А что еще? Симпатичные узоры, чтобы впечатлить папу? – Снейдер покачал головой.

Сабина рассматривала татуировки. Черную розу она уже знала. Сейчас она увидела двуликого Януса, крупным планом. Другие рисунки изображали гроб с четырьмя крестами, слово MörDer^[17], английское слово, означающее ад, – Hell7, большой X и башню с часами, которые показывали девять часов.

Все это очень загадочно.

Всего татуировок было семь.

Семь мотивов, семь убийств, семь дней, семь подсказок.

Сабина распределила фотографии в другом порядке и снова взглянула на картинки.

– Да это все подсказки, – вдруг пробормотала она и остановилась.

Они уже дошли до второго подземного этажа. Остальные тоже остановились и уставились на нее.

– В чем дело? – спросил Снейдер. – Хотите провести день у лестничных перил, потому что здесь особенно уютно?

Сабина проигнорировала комментарий.

– Эти семь подсказок пронумерованы, – сказала она и веером расправила фотографии. – *Одна роза, две головы, четыре креста, слово убийца из шести букв, в слове Hell7 есть число семь, девять часов на часовой башне и еще большой X как римская цифра десять.*

– Нет подсказок под номером три, пять и восемь, – заметил Снейдер.

Сабина кивком указала на отчет.

– У нее могут быть еще татуировки, которые не заметили во время осмотра?

Снейдер ответил отрицательно:

– Они осмотрели каждый сантиметр ее тела, даже кожу головы и веки. Татуировок всего семь.

Сабина покачала головой при мысли о том, чему подверглась женщина. Особые полномочия полномочиями – вопрос в том, действительно ли цель в этом случае оправдывала средства.

– Может, речь идет о семи смертных грехах? – предположила Сабина. – Или о семи печатях, семи трубах или семи чашах Апокалипсиса?

– Вряд ли, – отмел эту мысль Снейдер. – За каждым мотивом кроется не религиозное безумие, а нечто очень личное. К тому же вы неправильно интерпретировали один факт, Немез. – Он указал на фотографию с часовой башней. – Этот мотив зеркально перевернут. Видимо, когда монахиня колола его на животе, смотрела на себя в зеркало.

– Тогда, это *три* часа? – заключила Сабина.

– Именно, и если ваша теория верна, то эти часы подсказка для третьего дня. – Снейдер взял у нее из руки фотографии и заново их отсортировал.

1-я подсказка: левое запястье

Черная роза с шипами

2-я подсказка: правое предплечье

Двуликий Янус

3-я подсказка: живот

Башенные часы со стрелками на трех часах

4-я подсказка: левое плечо *Гроб с четырьмя крестами*

6-я подсказка: внутренняя сторона правой икры

MörDer

7-я подсказка: левое бедро

Hell7

10-я подсказка: правое предплечье

X

– Но откуда ты знаешь, что эти часы зеркально перевернуты? – спросил Кржистоф. – Сколько в Германии башен с часами?

– Такая только одна. И она стоит в Швейцарии, – ответил Снейдер. – Это Цитглогге, часовая башня в исторической части Берна.

Берн!

Сабина вытащили из кармана мобильный.

– Бьюсь об заклад, у швейцарского телефонного номера, который я до этого набирала, код Берна.

Глава 25

Спустя несколько минут они стояли в смотровой комнате для допросов 2В. К тому времени туда уже занесли кровать с матрасом и третий стул. Никаких книг, газет, радио или настенных часов. На монахине была серая арестантская одежда, ее длинные седые волосы были вымыты, распущены и ниспадали на плечи. Женщина сидела с чашкой кофе, уставившись на зеркало, словно могла проникнуть сквозь него своим суровым взглядом.

Возможно, она многократная убийца, но за то, что мы делаем с этой женщиной, – подумала Сабина, – нас точно не наградят Нобелевской премией за любовь к ближнему. И, судя по выражению лица Тины, ее коллега думала примерно то же самое.

Казалось, только Кржистофа снейдеровская спартанская тактика истощения оставляла равнодушным. Видимо, в тюрьме он сам частенько сидел в одиночных камерах, поэтому этот вид его не шокировал.

– Ни одного слова, никаких вопросов или жалоб, – отчитался техник, который сидел перед мониторами. – Только ночью она три раза ходила в туалет в сопровождении двух сотрудниц.

В этот момент распахнулась дверь. Вошел Дирк ван Нистельрой с двумя телохранителями, которые, правда, держались на некотором расстоянии, не привлекая к себе внимания. Не здороваясь, президент протянул Снейдеру папку.

– Результаты гинекологического обследования – черт побери, если пресса об этом узнает, нам конец. – Он бросил Сабине предостерегающий взгляд, который она пыталась игнорировать, хотя внутри у нее все сжалось.

Пока все более или менее приемлемо.

– Это именно то, чего она хочет, – контакт с прессой, – ответил Снейдер. – Но такого одолжения я ей не сделаю.

Тебе самому это тоже некстати! Сабина знала, что Снейдер не мог спокойно и сконцентрированно работать, когда идиоты от прессы, репортеры и фотографы, преследовали его по пятам. Никто из них не

мог. К тому же шумиха только спугнет всех людей, за которыми охотилась монахиня – а в конечном счете и они.

Снейдер раскрыл отчет и пробежал глазами первые строки. Его лицо просветлело.

– Чисто сработано.

Кржистоф подошел ближе.

– Что? Посмотрите-ка, наша монашка была беременна.

– Да, она родила ребенка, – пояснил ван Нистельрой.

– Как мы знаем, она рано овдовела. Может, ребенок умер, и поэтому она стала монахиней, – вслух размышляла Сабина. – Это даже сходится.

– Нет, не сходится, – возразил Снейдер. – В двадцать четыре она овдовела, в двадцать пять ушла в монастырь, но врачи пришли к единому мнению, что на момент родов ей было между двадцатью семью и тридцатью годами, значит, она уже минимум три года жила в монастыре. – Он поднял глаза. – Проклятье!

– Что также может указывать на сексуальное насилие в монастыре, – заявила Тина.

– Возможно, – пробормотал Снейдер. – Кроме этого врачебного заключения, нет никаких документов о возможном ребенке.

– Может, мертворожденный? – предположила Сабина. – На какой части тела находится татуировка с часовой башней?

– На животе, – ответил Снейдер.

В комнате ненадолго воцарилась тишина.

– «Ищите детей...» – задумчиво процитировал Кржистоф.

Все обернулись к нему.

Кржистоф пожал плечами.

– Это сказал отец Януса перед смертью, – напомнил он.

Снейдер рассеянно кивнул.

– Да, и он говорил не об *одном* ребенке, а о *многих*...

Ван Нистельрой, который все это время молча слушал, подошел к стеклу, положил на него руку и заглянул в камеру.

– Что бы это дерьмо ни означало – выясните все. И ради бога, предотвратите следующие убийства.

Снейдер подошел к нему, и, словно в безмолвной беседе, оба бросили немые взгляды на монахиню.

– Мы над этим работаем.

– Какие у нас шансы? – прошептал ван Нистельрой.

Снейдер сунул руки в карманы брюк и скривился.

– Я был всегда убежден в одном: мужчина, который никогда не учился в школе, стащит в купе сумочку. Если он закончил школу, то обворует всех пассажиров вагона, а имея университетское образование, вероятно, украдет весь поезд. – Он сделал паузу. – А вот что с женщиной, которая большую часть своей жизни провела в монастыре и следовала своей вере? Для меня это новая территория.

– Для меня тоже, – поддержал его ван Нистельрой. – И что ты сейчас будешь делать?

Снейдер повернулся к Сабине:

– Выясним, насколько сильна ее вера.

Глава 26

Сабина зашла за Снейдером в комнату для допросов и закрыла дверь. Тина и Кржистоф остались снаружи, где могли следить за разговором через стекло и динамик.

Монахиня выглядела удивленной. Очевидно, она не рассчитывала на столь ранний визит.

Не здороваясь, Снейдер подсел к ней за стол и отодвинул в сторону ее чашку кофе.

В следующий момент лицо Магдалены Энгельман изменилось. Она с ненавистью уставилась на Снейдера. От непоколебимого спокойствия, которое она излучала еще два дня назад в фойе здания БКА, ничего не осталось. Почти сорок восемь часов одиночного заключения сделали ее другим человеком – как внешне, так и внутренне.

– Вчера меня насильно вымыли, – холодно проговорила она. – И у меня все отобрали.

Снейдер спокойно воспринял этот упрек.

– Мы должны были обследовать вас на предмет вшей, болезней и повреждений. Это обычная процедура для заключенных, иначе они наговаривают на нас и подают в суд на БКА.

– При этом ваши коллеги не очень церемонились со мной, – выдавила она.

– А чего вы ожидали? – спросил Снейдер. – Маникюра, лимфодренажа и окраски волос с завивкой?

Она сверкнула на него глазами.

– Может, чуть больше уважения к человеческому достоинству?

– Это то, как вы обошлись с отцом Януса? – парировал Снейдер.

Сабина неподвижно стояла позади и наблюдала за мимикой женщины. Изначальная комбинация благостного милосердия и самоуверенности уступила место презрению и злобе. *Этим она даже немного напоминает Снейдера.* Вот и сошлись на равных два похожих человека.

– Он еще жив? – спросила монахиня.

– Нет, он в муках умер от внутренних повреждений, – признался Снейдер. – Эта информация – моя компенсация за те мучения, которым вас подвергли коллеги. Вот ваши четки. – Он положил нитку бусин с деревянным крестом на стол перед ней. – Мы теперь квиты?

– *Quid pro quo*. – Ее напряжение понемногу спадало. – Вы воспользовались мной и моей молитвой. Вы оскорбили мое достоинство, унизили меня, но я вас сейчас простила. Это моя сила, потому что, в отличие от вас, на моей стороне Бог. – Она взяла четки.

– Хоть кто-то, – ухмыльнулся Снейдер.

Она подняла голову.

– Он охраняет меня.

– Убийцу?

– Я инструмент Бога – его посланница, которая уничтожит Содом и Гоморру.

– Однако, кроме старика, умерли еще два человека. Я полагаю, они не были частью заявленных вами семи убийств.

– Откуда вы знаете?

– Они были мертвы уже несколько дней, когда мы их нашли, – а вы вчера сказали, что убьете семь человек в следующие семь дней.

Она пожала плечами.

– Значит, они не в счет.

– Сколько еще убитых будет? Вы согласны, чтобы умирали невинные люди, только ради вашего достижения своей цели?

– Поверьте мне, эти люди, которые работали на Януса и его отца, не такие уж невинные, как вам кажется. Они не заслужили никакой Божьей милости. – Она махнула рукой в воздухе, словно хотела помочь Богу стереть с лица земли всех выродков.

– А, значит, вы знали обеих женщин, которые готовили и убивались у Януса?

Монахиня молча взглянула на Снейдера – казалось, ее что-то смущало, – и Снейдер тут же добавил:

– Вы хотели наказать мужчину, который совершал насилие над женщинами, но сами не остановились перед жестоким убийством двух филиппинских мигранток? – Он склонил голову набок. – Такое у вас представление о справедливом мире?

Монахиня сглотнула.

Видимо, в действительности она вовсе не была такой хладнокровной и расчетливой, какой хотела, чтоб ее считали, и Сабине показалось, что она заметила трещину в ее фасаде. Возможно, монахиня впервые слышала об этих жертвах? Если да, то это доказывает наличие сообщника.

Однако в следующий момент женщина снова собралась.

– Этим женщинам не нужно было сопротивляться, тогда бы их только связали и вставили в рот кляп. Но, к сожалению, на пути к правде иногда приходится прибегать к крайним мерам. – Она посмотрела Снейдеру в глаза. – А теперь мы подошли к моменту, когда *вы* должны выяснить, о чем вообще идет речь.

– Давайте сначала поговорим вот об этом. – Он вытащил из кармана пиджака маленький прозрачный файл, в котором находилась его визитная карточка. – У вас есть сообщники?

Монахиня помотала головой.

Снейдер постучал по файлу.

– Эту визитку я использовал в конце девяностых. Тогда логотип БКА выглядел еще по-другому. Откуда у вас эта карточка?

Монахиня молчала.

– Что случится на седьмой день? – спросил Снейдер. – Что означает *Hell7*? На нас обрушится ад? Что означает X?

– Я не могу вам сказать. Выяснить это – ваша задача. Если вы к тому моменту не успеете, то умрут минимум семь человек, а вы никогда не узнаете причину.

– Вчера вы сказали, что Бог запретил вам говорить об этом. Почему? И только не начинайте снова нести эту чушь, что я должен выяснить все сам.

Монахиня оставалась спокойной.

– Он дал мне задание вовлечь вас в это дело.

Снейдер шумно выпустил воздух из легких.

Сабина знала, какого невысокого мнения он о религии. Она прочистила горло.

– Что случилось с вашим ребенком?

Монахиня сжала губы, не взглянув на Сабину.

– Что сказал бы мой адвокат, если бы он у меня был? «Моя личная жизнь вас не касается»?

– Вам важна месть? – не отставала Сабина.

Женщина помотала головой.

– Нет, моя дорогая, справедливость.

– Тогда почему вы, черт возьми, сами не обратились в прессу и к общественности, вместо того чтобы требовать от нас организовать для вас пресс-конференцию? – вырвалось у Сабины.

– Думаете, я не пыталась все эти годы?

«Все эти годы». Сабина постаралась скрыть свою реакцию. Очевидно, они были правы, предположив, что причину всего, что сейчас происходило, нужно искать далеко в прошлом.

– И что именно было с прессой? – снова включился в разговор Снейдер.

Она откинулась назад.

– Вы же оба знаете, как это происходит. Так называемые журналисты заявят, что все это не доказательства, а косвенные факты и измышления. Мне предъявят обвинение в клевете, или, что еще хуже, дело навсегда будет скрыто от глаз.

– Куда вы обращались? В «Бильд»? «Франкфуртер альгемайне», «Зюддойче цайтунг» или в австрийские газеты?

Ответа не последовало.

– И почему вы не пошли в полицию?

Она снисходительно улыбнулась.

– Вспомните педофила Марка Дютру.

У Сабины по спине пробежала холодная дрожь. Лишь недавно она сама напоминала Снейдеру об этом деле.

– А что с ним? – спросил тот, хотя гарантированно знал ответ.

– Двадцать семь свидетелей, которые хотели дать против него показания, умерли в течение одного года.

Снейдер со вздохом подался вперед.

– Это было в Бельгии, не в Германии. Мы с вами еще можем работать вместе, но мое терпение подходит к концу. Назовите мне ваши факты, чтобы я мог начать расследование.

Она сжала губы, затем медленно помотала головой.

– Чтобы ваши начальники, которые, вероятно, слушают наш разговор, отстранили вас от дела и упрятали эту информацию куда подальше? И меня тоже? Нет. Сами выясните, в чем дело. – Теперь она наклонилась вперед. – Найдите доказательства. Расследуйте! И

сохраните информацию *здесь*. – Она перегнулась через стол и постучала Снейдеру по лбу указательным пальцем.

Он выдержал прикосновение, не пошевелившись. Затем кивнул, словно понял.

– Вы хотите принудить БКА к расследованию.

– Не БКА, а *вас*!

– А если я этого не сделаю или буду действовать недостаточно быстро, то умрет еще больше людей? Верно?

– Теперь вы поняли. Жизнь этих людей в ваших руках. Если бы я жаждала мести, они были бы уже мертвы. Поверьте мне. – Ее взгляд стал холодным. – Но у них есть шанс выжить. И одновременно это ваш шанс раскрыть правду. У меня это не вышло, но возможно, получится у вас.

– Значит, это ваша интерпретация справедливости, – сказала Сабина. – Правда или смерть.

– Так и есть. – И ее взгляд говорил, что ради этого она пожертвует даже собственной жизнью.

Глава 27

Когда Сабина вместе со Снейдером покинула комнату для допросов, она увидела, что ван Нистельрой уже ушел. Кржистоф удобно расположился на стуле, пристроив ноги на стол, и прижимал к виску холодную банку с колой из автомата. Чуть в стороне Тина только что закончила говорить по телефону.

– Есть новости, – сказала она. – Отдел криминалистической техники со вчерашнего дня проверяет всех людей, которые когда-либо были связаны с монастырем урсулинок. Среди них акушерка, которая работала в окрестностях монастыря и иногда туда навевывалась. До настоящего момента она была не в приоритете.

До настоящего момента!

Сабина невольно подумала о родах Магдалены Энгельман и словах Януса-старшего о детях.

– Но последние сведения неожиданно делают акушерку очень интересной.

– Именно. – Тина убрала ноги Кржистофа со стола и села. – Коллега сейчас спустится и подробнее расскажет нам об этой женщине.

Не прошло и минуты, как в дверь постучали и вошел тот же парень с ежиком на голове. В руке он держал планшет и уже собирался открыть файл, но Снейдер его опередил.

Он показал три пальца.

– Как зовут акушерку? Она еще жива? Если да, где она сейчас?

Молодой человек прочитал данные из отчета:

– Вивиана Кронер. Сейчас ей шестьдесят девять. Родилась в Верхней Австрии, двадцать лет назад переехала в Швейцарию.

– Полагаю, в Берн, – предположила Сабина.

Сотрудник удивленно посмотрел на нее.

– Откуда вы знаете?

Сабина достала из сумки распечатки Телекома и долистала до того места, которое сотрудник выделил маркером.

– Это ее номер?

Мужчина взглянул на него и сравнил данные с планшетом.

– Да, – изумленно пробормотал он.

Сабина подняла взгляд.

– На прошлой неделе Вальтер Граймс пять раз разговаривал с этой акушеркой. Боюсь, Вивианы Кронер уже нет в живых – по крайней мере, она не подходит к телефону.

– Спасибо, вы можете идти, – сказал Снейдер. – Цитглогге в Берне – наша подсказка. Нам нужно туда. – Он достал телефон из кармана и нажал на кнопку быстрого набора.

Кржистоф отнял банку колы ото лба.

– Куда ты звонишь? В турфирму?

– Хоровитцу. Он сумеет нам помочь.

– Но ему семьдесят, – засомневалась Сабина.

– Семьдесят два, – исправил ее Снейдер.

– Еще хуже – разве он уже немного не заржавел? – спросила она.

– Заржавел? Он? – повторил Снейдер и холодно улыбнулся Сабине. – Не думаю.

– Но...

– Немез! – перебил он ее с поднятой рукой. – В последние десятилетия криминология породила трех настоящих гениев: моего учителя и наставника Конрада Вессели, который умер почти четыре года назад, Хоровитца и меня.

– Вау! – цинично прокомментировала она. – Тогда дело можно считать практически раскрытым.

Глава 28

Несмотря на знойную погоду, которая стояла в Берне, Рудольф Хоровитц энергично приподнял свою инвалидную коляску на задних колесах и перенес передние через порожек. Затем стремительно покатился через фойе больницы к лифтам.

Вообще-то он собирался провести день в своей гостиной перед окном и снова кормить голубей, чтобы те нагадили на балкон мерзким соседям снизу, но ему нужно было в больницу.

Как же я ненавижу запах этого здания, – подумал он.

Слишком много времени он провел в различных отделениях – операционная, посленаркозная палата, КТ, МРТ, всевозможные столы для рентгена и физиотерапия, – когда семь лет назад пуля серийного убийцы попала ему в спину. Чертова штука застряла в кости, раздробив четвертый поясничный позвонок и полностью разрушив спинной мозг, так что Хоровитцу в шестьдесят пять лет пришлось покинуть службу. Через год он бы все равно ушел, но на двух здоровых мускулистых ногах; теперь они превратились в две тонкие веточки. Зато его руки и дух были сильными, как никогда.

Хотя Швейцарское федеральное ведомство полиции с радостью оплатило бы ему самое современное электрическое инвалидное кресло с аккумулятором, по мощности сравнимым со средней атомной подводной лодкой, он поблагодарил и отказался. Не хотел становиться зависимым от ненадежного электрического двигателя, предпочитал сам распоряжаться своей судьбой. Так верхняя часть его тела за короткое время стала крепче, а на ладонях сформировались мозоли, твердые как асфальт.

К счастью, этим утром ему не нужно было на обследование. Одна подруга попросила его выяснить, кто два дня назад во время ночного дежурства в больнице ударил ее отца, главврача хирургического отделения. Подобравшись сзади, скальпелем три раза в горло. С тех пор хирург лежал в реанимации без сознания – а уголовная полиция до сих пор не нашла преступника. *Боже мой, это не может быть так сложно!*

Когда дверь лифта открылась, в кабине стоял начальник комиссариата Рюти из фэдпола. Молодой человек, с рыжими волосами, веснушками и торчащими ушами, недовольно посмотрел на Хоровитца.

– Так я и думал.

– Пропустите меня, – буркнул Хоровитц.

Рюти помотал головой.

– Возможно, вы и один из лучших профайлеров и разбираетесь в психике всех серийных убийц, но все равно вам нечего здесь делать.

– Тогда почему вы здесь? – огрызнулся Хоровитц.

– Прокурор предполагал, что вы появитесь, – все-таки вы знаете дочь жертвы. – Рюти вышел из лифта и не стал подавать руку Хоровитцу. Видимо, он помнил, что Хоровитц этого не любил. *По крайней мере, память у парня работает отлично.*

– Что уже выяснили криминалисты полиции кантона?

Дверь кабины за спиной Рюти закрылась.

– Не много.

– Что значит *не много*? Чуть конкретнее!

Рюти вздохнул.

– Никаких свидетелей, никаких видеозаписей, никаких следов ДНК преступника. У всех врачей, санитаров и медсестер, как и у остального персонала, есть алиби. Вы видите, ваше появление абсолютно бесполезно.

Хоровитц пожал плечами.

– Значит, это мог быть только один из пациентов.

– Их всех тоже уже проверили.

– Посетители?

– Все попали на камеру в фойе, это не был ни один из них, – ответил Рюти.

Интересно, – подумал Хоровитц.

– Но кто-то должен был это сделать.

– Уголовная полиция проверила все варианты.

– И вы в это верите? – спросил Хоровитц.

– Вы, конечно, нет, – колко ответил Рюти.

– Послушайте, Рюти, вы можете рассказывать это простофилям, а меня должны убедить!

– Прошу прощения? Я...

– Вы должны мыслить не привычными шаблонами, а быть открытым для нетрадиционных решений.

– Не думаю, что вы... – Рюти шумно выпустил воздух. – Да что там, вам лучше всего поехать домой.

Дверь лифта снова открылась, и, пока оттуда выходила парочка, Хоровитц воспользовался моментом и заехал в кабину. Рюти последовал за ним. Хоровитц нажал на кнопку третьего этажа. Дверь закрылась, и лифт стал подниматься.

– Что вы хотите на третьем этаже? Там неврология. В этом отделении лежат только парализованные пациенты, – заявил Рюти. – Я предлагаю вам...

– Да, да, – перебил его Хоровитц. В настоящий момент такой чересчур рьяный парень, как Рюти, сдался ему как прыщ на заднице. – А я предлагаю вам принести мне стаканчик горячего какао и добавить столько молока и меда, чтобы ложка стояла.

– Я...

– Да, правильно, мне нужен сахар, когда я думаю.

Рюти в отчаянии покачал головой. Он уже знал это задание и раньше много раз успешно с ним справлялся.

– Как хотите, – вздохнул он. – Если пообещаете мне, что затем поедете домой.

Очевидно, он думал, что в неврологии Хоровитц не сможет ничего такого устроить. *Ошибаешься, парень!*

Дверь лифта открылась, и их пути разошлись. Рюти направился на кухню, а Хоровитц поехал по коридору, пока не поравнялся с мужской палатой пациентов с параличом. Он открыл дверь и с дружелюбным «Доброе утро» заехал в комнату.

Внутри пахло застоявшимся воздухом, медикаментами и остатками завтрака. В этой шестиместной палате все кровати были заняты.

– Свободных мест нет, – буркнул пожилой мужчина у окна.

– Скоро будет. – Хоровитц взял табличку с историей болезни, которая висела на кровати первого мужчины, и пробежал глазами имя, дату поступления и медицинские данные.

Ознакомившись со всеми шестью медицинскими картами, он проехал в центр палаты и стал дожидаться Рюти. Тот вошел через пару

минут с дымящимся бумажным стаканчиком в руке. Хоровитц на мгновение закрыл глаза и вдохнул приятный аромат меда.

Рюти хотел передать ему стаканчик, но Хоровитц отказался.

– Слишком поздно, сахар больше не нужен.

– Что? – Рюти едва не вылил горячее какао себе на запястье.

Хоровитц вытянул руку.

– Ваше служебное оружие, пожалуйста.

Сбитый с толку, Рюти поставил стаканчик на стол, достал пистолет из кобуры, вынул магазин, убедился, что в стволе нет патрона, и передал Хоровитцу. Тот взял пистолет, подъехал с ним к кровати старика у окна, откинул одеяло и замахнулся оружием.

– Что за безобразие? – запротестовал старик и хотел приподняться.

Хоровитц ударил мужчину рукояткой чуть выше колена по бедру. Нога старика рефлексивно дернулась.

– Это он! – коротко сказал Хоровитц и протянул Рюти оружие.

По палате пробежал гул. Рюти взял пистолет и крикнул:

– Тишина!

– После того как проверили всех людей в больнице, которые могли это сделать, – объяснил Хоровитц, – оставался только тот, кого даже не рассматривали.

– Парализованный, – вырвалось у Рюти.

– Именно, – ответил Хоровитц. – Согласно медицинской карте этот мужчина приехал в больницу за день до покушения, парализованный после падения с лестницы. – Он развернулся на инвалидной коляске к старику: – Чтобы напасть на хирурга, верно?

– Чушь! – фыркнул старик. – Если все было так, как вы говорите, почему я сразу после нападения не попросил выписать меня из больницы?

– Хотели насладиться результатом вашего труда и подождать, не умрет ли раненый в реанимации, – предположил Хоровитц. – Я знаю, что это были вы. Допросы и сравнение образцов ДНК это подтвердят! Почему вы это сделали?

– Я этого не делал, черт возьми! Валите отсюда к черту!

– Это была месть хирургу за неудачную операцию? – не успокаивался Хоровитц.

– Нет! А теперь вон отсюда!

Хоровитц повернулся к Рюти.

– Проверьте документы этого мужчины, есть ли какая-то связь с врачом.

– Уже занимаюсь. – Рюти достал телефон и проинформировал коллег-полицейских. Взглянув на табличку, назвал фамилию мужчины.

– Катитесь все к черту! – крикнул тот.

Спустя две минуты Рюти наконец закончил разговор.

– Коллеги действительно нашли связь. Полгода назад его жена умерла на операционном столе – под скальпелем того самого хирурга, – и тот выкрутился благодаря заключению врачебной комиссии.

Старик поднялся в кровати.

– Он ее убил! – выкрикнул он со слезами на глазах. – Все в больнице знали, что мерзавец пил как сапожник. Но такое всегда остается без последствий. Тут они стоят друг за друга. – Он снова упал на постель и устался в окно.

Знакомая Хоровитца упоминала, что ее отец пьет, но Хоровитц не знал, что все так плохо. Он грустно взглянул на старика. *Да, непростая судьба.* Теперь мужчине придется не только доживать без жены, но и провести остаток жизни в тюрьме из-за попытки убийства.

– Мне искренне жаль, – подавленно произнес Хоровитц.

Тут зазвонил его телефон. Вообще-то ему не хотелось сейчас отвечать. Он даже предпочел бы, чтобы старику сошел с рук его акт мести, но теперь уже поздно – время нельзя было повернуть вспять.

Хоровитц уже собирался сбросить звонок, но увидел, кто звонил. *Снейдер.* И ответил:

– Что такое? Я не в настроении болтать попусту.

– Я тоже, – сказал Снейдер.

– Чего ты хочешь?

– Я собираю команду.

– Ты? – воскликнул Хоровитц. – Но...

– Я думал, ты не хочешь болтать попусту, – перебил его Снейдер. – Не выключай телефон, по пути я вышлю тебе данные. Мы едем в Берн.

– Кто *мы*? – спросил Хоровитц, но Снейдер уже закончил разговор.

Хоровитц убрал телефон в карман, подъехал к столу и залпом опорожнил стаканчик с какао. Затем посмотрел на Рюти.

– У вас нет для меня еще чашечки?

Теперь ему все-таки понадобится приличная порция сахара.

Глава 29

Сабина и Снейдер полетели в Швейцарию вдвоем, Тина осталась в Висбадене и вместе с командой специальной комиссии изучала историю монастыря урсулинок и жизнь Магдалены Энгельман, одновременно пытаясь выяснить местонахождение ее брата. Так как Кржистоф был выпущен под залог и не мог покинуть страну, он остался помогать Тине.

В 15 часов Сабина и Снейдер приземлились в Берне. Они были только с ручной кладью, к тому же Снейдер в этот раз отказался от своего «глока», так что они избежали длительных таможенных формальностей.

Хоровитц уже ждал их в кондиционированном зале прилета.

Сабина кивнула ему, когда они встретились.

– Рада вас видеть. – Казалось, он несколько не постарел, только мешки под глазами стали больше.

– Это я рад *вас* видеть. Каждый раз одно загляденье. – Хоровитц протянул ей руку.

От такого мужчины, как Хоровитц, которому было за семьдесят, она с удовольствием приняла этот комплимент.

– Спасибо.

Его рукопожатие было, как всегда, крепким.

– А теперь мы можем оставить все эти любезности? – спросил Снейдер, не здороваясь. Вместо этого он коротко взглянул на Хоровитца. – Ты получил мои документы?

Хоровитц кивнул.

– Уже все просмотрел. Похоже, женщина неадекватная.

– Она сдалась добровольно, – сказала Сабина. – Это только добавляет делу безумия.

– Что ты о ней думаешь? – спросил Снейдер.

– Женщина очень сложная. Похоже, тут переплелись несколько тем. – Хоровитц задумался. – Вероятно, она сильно травмирована после сексуального насилия и без последующей психотерапии. Видимо, после изнасилования наступила нежелательная беременность. Вопрос в том, что случилось с ребенком и как сильно она хотела или

могла любить этого малыша. Кроме того, в монастыре ей не с кем было поговорить. Как это повлияло на ее богобоязненность? Она скатилась в религиозное безумие или живет фантазиями о мести? – Он пожал плечами.

– Боюсь, мы стоим в самом начале, – признался Снейдер.

Хоровитц указал на выход.

– Там ждет машина бернской уголовной полиции, которая отвезет нас к квартире этой акушерки.

Снейдер застегнул свой пиджак на все пуговицы.

– Вы нашли Вивиану Кронер?

Хоровитц помотал головой.

– Она исчезла четыре дня назад.

Снейдер шумно втянул воздух.

– Тогда она уже мертва.

Снаружи стоял приспособленный для инвалидов черный внедорожник с тонированными боковыми стеклами. Задняя дверь была открыта, из кузова на землю спускался металлический пандус. Пространство вокруг автомобиля было ограждено красными конусами, которые стояли полукругом.

– Мне потребуется ваша помощь, моя дорогая, – сказал Хоровитц.

Сабина подтолкнула его в кузов машины и зафиксировала на полу колеса инвалидной коляски.

Как только Снейдер и она сели в автомобиль, водитель тут же стартовал.

– Я задаюсь вопросом... – начал Снейдер, и тут его и Сабинин телефоны одновременно зажужжали. Они оба получили отчет криминалистов с места преступления на участке Януса. Правда, отчет был не особо содержательным. В коттедже старого Януса были обнаружены два следа взлома, но никаких отпечатков пальцев, кроме его собственных и персонала, не нашли. В отличие от цеха, в котором кислота разъела Вальтера Граймса, где они обнаружили хотя бы улики, указывающие на монахиню.

Снейдер убрал телефон.

– Это нам не поможет. Что означали слова старого Януса о детях? Я задаюсь вопросом, что происходило с детьми, если монахини в монастыре беременели? – Он повернулся к Хоровитцу.

– Может, им делали аборт, – предположил он. – Акушерка должна знать, как с этим справлялись.

– Или они рожали детей, как в случае с нашей монахиней, – размышляла вслух Сабина. – И потом тех убивали... или продавали.

Всю оставшуюся дорогу они молчали, пока не доехали до Берна и не остановились в зоне запрета стоянки прямо перед старинным домом рядом с рекой Аре.

Над входом на улице развевался швейцарский флаг, а под разноцветными оконными ставнями висели цветочные ящики, пышная растительность которых колыхалась на ветру. Район был старым, но совсем не дешевым. Отсюда открывался хороший вид на Аре, и можно было наблюдать, как река плотной петлей обвивала старый центр города, который мостами соединялся с другой частью Берна.

Так как в доме не было лифта, водитель внедорожника и Снейдер с трудом подняли Хоровитца в инвалидной коляске по узкой винтовой лестнице на четвертый этаж. Там их уже ждали начальник комиссариата Рюти и его коллеги из оперативно-сыскного отдела полиции Берна.

Снейдер взглянул на вырванный из деревянной рамы дверной замок.

– Это были сотрудники уголовной полиции?

– Они никогда так не действуют. – Хоровитц помотал головой. – Очевидно, кто-то силой проник в квартиру.

– И за четыре дня этого никто не заметил? – спросил Снейдер.

– На верхнем этаже живет только Вивиана Кронер. Квартира напротив пустует, – объяснил Рюти.

– Вы это проверили?

– Да.

Снейдер осмотрел место взлома, не прикасаясь к нему, затем нахмурился.

– Этот почерк отличается от других, – пробормотал Снейдер. – Без сомнения, Вивиана Кронер была похищена четыре дня назад нашей монашкой или ее сообщником, в существование которого я верю как никогда. Ворота лакокрасочной фабрики аккуратно вскрыли отмычкой, как и дверь бунгало старого Януса. Но эту открыли с применением силы, возможно, даже выбили ногой, а ведь здесь даже

нет замка с предохранителем. Почему? Схема изменилась. – Он оторвал взгляд от двери и поднял глаза. – Пойдемте дальше.

Они вошли в прихожую двухкомнатной квартиры. Очевидно, здесь шла борьба. Две картины висели криво, обувь была раскидана по полу, а в одном месте на обоях на уровне головы засохла кровь с прилипшими волосками. Там в стене даже осталась небольшая вмятина.

Снейдер указал на это место.

– Исследуйте брызги и сравните с кровью Вивианы Кронер.

Рюти поднял руку.

– А где мне взять кровь Вивианы?..

– О господи! Спросите соседей, кто у нее врач, и найдите его. У нас мало времени. Он должен выдать вам ее документы. А если здесь не хватит для пробы, у нас еще остается анализ ДНК. Посмотрите в ванной, там вы наверняка найдете...

– ...Щетку с волосами. – Рюти кивнул. – Я еще хорошо помню вас и ваши *милые* манеры, – раздраженно сказал он. – Тогда вы были в Берне из-за той истории со сказками.

Снейдер не любил, когда ему напоминали о том деле. Он внимательно посмотрел на рыжего парня с оттопыренными ушами.

– Я не забываю ни одного лица, но в этом случае с удовольствием сделаю исключение.

– Не старайтесь меня запугать, – спокойно ответил Рюти. – Собаки, которые лают, не кусаются.

Ой! – Сабина покосилась на Снейдера. – *Грубая ошибка!*

– Избавьте меня от ваших деревенских мудростей, – огрызнулся Снейдер. – Не в каждом тихом омуте водятся черти, за твердой оболочкой не обязательно скрывается мягкая сердцевина, а лающие собаки тоже иногда кусаются. – Он оскалил зубы. – А теперь за работу.

Рюти глубоко вдохнул.

– Куда сначала?

Снейдер бросил взгляд на одну дверь.

– Полагаю, там кухня.

Рюти кивнул.

– Идите туда, чтобы расширить кругозор. Может, найдете там чашку крепкого ванильного чая.

Ворча, Рюти развернулся.

– Все такой же сумасшедший, – пробурчал он, протискиваясь мимо Сабины.

– Нет, не сумасшедший, – вздохнула она. – Просто его реальность немного отличается от нашей.

После того как Рюти исчез на кухне, Сабина глубоко вздохнула.

– Я бы хотела один раз – хотя бы один раз! – начать работать на месте преступления без того, чтобы вы оскорбили всех коллег.

– *Пока что* я не всех оскорбил – но это еще может случиться.

Затем они вошли в гостиную. Это была определенно квартира религиозной женщины: обстановка состояла из распятий, статуй Иисуса, вязаных салфеток, ящиков для рассады, керамических фигурок, толстых ковров, потертого дивана и лампового телевизора. Самым современным был стационарный телефон с автоответчиком, на котором мигала красная лампочка. Рядом стояла рамка с фотографией, на которой была изображена пожилая дама в соломенной шляпе, солнечных очках и цветной блузке. За спиной виднелись туристический автобус, скалы Гибралтара и пальмы, гнущиеся на ветру. Вероятно, фотокарточка из отпуска. Возможно, это была акушерка. На ее лице и тыльной стороне руки, которой она придерживала шляпу, можно было отчетливо разглядеть ожоги.

Верхний листок отрывного календаря на стене был четырехдневной давности, и телевизионная программа, лежавшая на журнальном столике, была раскрыта на странице за среду 10 мая.

Все сходится.

Коллеги Рюти ни к чему не прикасались, Хоровитц убедил их оставить все в первозданном состоянии до прихода Снейдера. Тот, как всегда, должен был прочувствовать атмосферу места преступления, пока та еще сохранилась.

– Как вам удалось так быстро добиться разрешения на наше официальное участие в расследовании? – шепнула Сабина Хоровитцу. – Все-таки вы сами уже на пенсии, и обычно у нас нет полномочий за границей.

– Скажем так, – пробормотал Хоровитц, – у бернского прокурора передо мной должок.

– Тишина! – Снейдер закрыл глаза и сделал глубокий вдох, так что на висках выступили вены. Держа в одной руке косячок, он

понюхал его, не зажигая, и снова открыл глаза. – О'кей, можете обыскивать квартиру. Нам нужны улики, указывающие на Цитглогге.

Прежде чем полицейские пришли в движение, Снейдер посмотрел на автоответчик и щелкнул пальцами.

– Перчатку!

Один из коллег протянул ему латексную перчатку, которую Снейдер тут же натянул на руку. Затем подошел к автоответчику и нажал на кнопку. Два новых сообщения.

Сначала Снейдер включил последнее, которое было записано этим утром. Сабина услышала свой жестяной, немного искаженный голос.

«Говорит Сабина Немез из немецкого БКА в Висбадене...» – затем последовали номер телефона и просьба срочно перезвонить.

Снейдер включил второе сообщение.

«Если кто-то будет меня искать...» – раздался испуганный дрожащий женский голос из динамика.

Снейдер поднял руку, и все полицейские тут же замолчали и застыли на месте.

«...восемнадцать часов... – Пауза. – ...я могу сообщить вам лишь это: воскресенье, восемнадцать часов. – Затем тон изменился. – Я...»

Она хотела что-то крикнуть в трубку, но у нее вырвали телефон из руки. В тот же момент связь прервалась.

Снейдер прослушал сообщение еще раз, затем взглянул на дисплей.

– Похититель заставил ее оставить нам сообщение на собственном автоответчике. Но этому звонку два с половиной дня – значит, он был сделан незадолго до того, как монахиня сдалась нам. Полагаю, сообщение было записано сразу после похищения на магнитофон или кассету и проиграно после этого звонка. Можем не утруждаться и не отслеживать данные. – Он посмотрел на наручные часы. – Сегодня воскресенье, сейчас 17:21.

– У нас чуть меньше сорока минут, – отозвался Рюти из кухни. – Но для чего?

– Цитглогге, – задумчиво пробормотал Хоровитц, затем поднял глаза. – Каждое воскресенье в восемнадцать часов там заводят часовой механизм.

– Только раз в неделю? – спросил Снейдер.

– Пока идут реставрационные работы, да, – добавил Рюти. – Сейчас как раз проводят капитальный ремонт большого движущего механизма.

– И что тогда происходит?

– Петух кукарекает, башенные часы бьют, и из эркера появляются фигуры вооруженных медведей, которые движутся по кругу под музыку, – объяснил Рюти.

Снейдер огляделся.

– Далеко отсюда до Цитглогге?

– Если поедем быстро, двадцать минут, – ответил один из полицейских, который слышал разговор.

– Хорошо, тогда отвезите нас как можно быстрее к пешеходной зоне! – крикнул Снейдер полицейским. – А вы, – приказал он Рюти, – направьте туда еще одну полицейскую машину и скорую помощь. И организуйте кого-нибудь из администрации города, кто обеспечит нам доступ к часовой башне. – Он хотел уже покинуть квартиру, но Хоровитц схватил его за предплечье. – Все-таки хочешь с нами?

– Поверь мне, я бы с удовольствием. – Хоровитц сунул руку под пиджак, где оказалась кожаная кобура. Вытащил малокалиберный пистолет и протянул его Снейдеру.

– Зачем он мне?

– Возьми, это мое личное оружие. И поторопись!

Глава 30

Они тут же выехали, но, несмотря на мигалки, сирену и рисковую езду, из-за вечерних пробок добрались до пешеходной зоны в центре только в 17:45.

Другая полицейская машина и карета скорой помощи уже стояли перед часовой башней. Так же и мужчина в сером костюме с папкой в руке, который выглядел как представитель городской администрации.

Снейдер тут же выпрыгнул из автомобиля и, пока выходила Сабина, уже раздал первые приказы:

– Перекройте эту часть улицы. Вверху и внизу. Узкой части должно хватить для пешеходов. И организуйте коридор, чтобы скорая помощь при необходимости могла сразу проехать. – Снейдер посмотрел вверх на часовую башню. – Если в здании находятся туристы, немедленно выведите их оттуда.

– Не нужно. Там никого нет, – ответил мужчина из администрации.

– Подвал имеется?

– Под башней? Нет. Только канализационный канал.

– Хорошо, откройте нам ворота к башне.

Тем временем Сабина внимательнее изучила часовую башню. Средневековое здание, которое, по сути, стояло на четырех массивных колоннах, потому что в центре находились арочные проходы высотой около пяти метров. Под старинной крутой крышей из красной черепицы красовались огромные часы. На западном фасаде можно было видеть солнце и месяц, которые венчали часовые стрелки, и три фигуры выше человеческого роста, нарисованные на стене: рыцаря с мечом и нимбом, согнутого красного дьявола и обнаженную деву.

Сабина пробежала под аркой к началу пешеходной зоны и увидела на другом фасаде астролябию, которая с несколькими циферблатами и шкалами выглядела еще более вычурной. Через двенадцать минут из проема рядом появятся фигуры на вращающейся платформе. Неудивительно, что бернцы так гордятся своей Цитглогге.

Снейдер встал рядом с Сабинной.

– Вы поднимитесь с полицейским наверх, в часовую башню. Я спущусь с коллегой в канализационный канал. – Он взглянул на часы. – Еще десять минут.

Сабина хотела уже бежать, но Снейдер остановил ее и сунул в руку пистолет Хоровитца.

– Возьмите!

– Он дал его вам! – запротестовала Сабина.

– А я хочу, чтобы вы его взяли. Поторопитесь.

Сабина взяла пистолет и побежала к воротам. К этому времени мужчина из городской администрации уже открыл замок тяжелой, окованной железом деревянной двери, которая находилась под аркой. Сабина помогла ему отворить ее. Изнутри через щель дохнуло холодом и спертым воздухом.

Сабина повернулась к швейцарскому полицейскому, который должен был ее сопровождать.

– У вас есть карманный фонарик?

Он кивнул и снял с пояса небольшой фонарь-палку. Тем временем Сабина проверила магазин оружия. Шесть патронов. Она дозарядила пистолет и бросилась внутрь.

– Пойдемте! Мы поднимемся наверх.

Мужчина побежал за ней следом. В свете фонаря они проследовали по коридору, который уперся в винтовую лестницу. Сводчатый потолок был низким, пахло известью. Снаружи свет проникал лишь через два щелевидных смотровых окна. Быстро поднимаясь наверх, Сабина вкратце объяснила полицейскому, в чем дело. И вот они уже оказались перед массивной деревянной дверью с навесным замком, которая вела в тот отсек, где находился часовой механизм.

– У вас есть ключ? – крикнула Сабина.

– Момент... – он зазвенел связкой ключей, – сотрудник городской администрации дал мне их все.

– Забудьте, – сказала Сабина, когда свет фонарика упал на замок. Кто-то взломал его, предположительно, ломом.

Сабина локтем нажала на ручку и приоткрыла дверь плечом. В помещении было темно, пахло деревом. Она услышала мощное тиканье часового механизма и щелканье шестеренок. Хотела уже сделать первый шаг внутрь, но невольно помедлила. Слишком живо

еще было воспоминание об их стремительном вторжении в висбаденский фабричный цех, которое привело к смерти Вальтера Граймса.

– В чем дело? – спросил полицейский.

Сабина взяла у него из руки фонарик и осветила сначала на дверную раму, затем внутрь помещения. *Никаких проволоч, никаких ловушек.* Она сделала первый шаг в сторону устрашающих, цепляющихся друг за друга шестерней и увидела обратную сторону циферблата огромной часовой астролябии с крупной 12-часовой шкалой. Все вокруг них пребывало в постоянном движении, словно они находились в корпусе огромных напольных часов. Испытывая легкое головокружение, она взглянула вверх, где располагался трос для колокола.

Сабина снова посмотрела вниз. Рядом с часовым механизмом находился эркер с фигурами. Через проем в стене проникало немного света – то самое окно, через которое снаружи можно было наблюдать фигуры. На поворотной платформе стояли скульптуры и ожидали своего выхода. Они были размером с невысокого человека и имели форму вооруженных медведей и лошадей, хотя Сабина могла разглядеть против света только их силуэты. Но что-то ее смущало.

Сабина подошла ближе, посмотрела вниз – и тут увидела. Одна из фигур была сломана, другая свернута в сторону. Между ними на полу стоял человек, словно пытаюсь проползти между фигурами.

Сабина осветила фонариком. Это была седая женщина. Опустив голову, она стояла на коленях на поворотной платформе, которая должна была прийти в движение в любой момент.

– Там кто-то есть! – возбужденно закричал полицейский и уже хотел побежать туда, но Сабина его остановила.

– Подождите! – Она быстро осветила пол перед ними. *Никаких растяжек или проволоч.* Только отпечатки ботинок на пыльном дубовом полу.

Затем Сабина снова осветила в сторону женщины. В узком белом платье та стояла на коленях на поворотной платформе. За руки и за ноги она была привязана колючей проволокой к жестяным фигурам, так что практически не могла двигаться. Засохшая черная кровь, которая стекла у нее по рукам и ногам, блестела на свету. К тому же во

рту у женщины был кляп. Ее голова с длинными седыми волосами безжизненно повисла вниз.

Вероятно, она уже продолжительное время находилась в этом положении, потому что здесь заметно пахло фекалиями и мочой. Если жара в мансарде еще не убила ее и женщина просто была без сознания, то это сделает часовой механизм, как только фигуры придут в движение. Потому что после полукруга женщина застрянет в проеме. И тогда мотор – он достаточно мощный – сломает ей шею, а голова разможжится о стену.

Сабина обратилась к полицейскому:

– У вас есть номер телефона мужчины из администрации?

Полицейский кивнул.

– Позвоните ему. Он должен немедленно остановить часовой механизм. При необходимости отключить электропитание, разъединить цепи или снять маятники.

– Понял. – Мужчина тут же вытащил телефон.

– А потом свяжитесь по радиации с вашим коллегой, который спустился со Снейдером в канализацию. Скажите ему, что мы нашли женщину.

Пока полицейский, оставшись в темноте, разговаривал по телефону на швейцарском диалекте, которого Сабина не понимала, сама она направилась к фигурам. Положила фонарик на пол и осторожно приподняла голову женщины. В ужасе Сабина уставилась в ее лицо. Это была акушерка, что нетрудно было установить по ожогам, которые жутко изуродовали ее лицо. Сабина проверила у женщины пульс. Каким-то чудом она была еще жива.

Сабина осторожно развязала кожаный ремешок на затылке; с силой надавив женщине на щеки, разжала ей челюсти и вытащила изо рта слишком большой пластиковый шарик. Женщина тут же очнулась, и слюна, кровь и рвотные массы хлынули на пол.

Женщина закашлялась и стала ловить ртом воздух.

– Вы в безопасности, – сказала Сабина.

– Воды... – прохрипела женщина.

– Да, скоро будет, – ответила Сабина. – Вы Вивиана Кронер?

Словно в подтверждение женщина застонала.

Пока полицейский на заднем плане говорил все быстрее, Сабина попыталась ослабить колючую проволоку на руках и ногах женщины,

чтобы та смогла хотя бы изменить неудобную позу и повернуть тело и голову в сторону так, чтобы ее не раздавило. Но проволока была намотана так крепко, что Сабина только два раза глубоко порезалась, так ничего и не достигнув. К тому же нельзя было отыскать начало и конец проволоки, и потому невозможно размотать плетение.

Сабина взяла фонарик и осмотрелась. Конечно, плоскогубцы здесь не лежали. Только красно-желтый флюгер с гербом Берна.

– У вас есть плоскогубцы? – крикнула она в другой конец помещения.

– Что? – Полицейский убрал телефон от уха. – Плоскогубцы? Нет.

Проклятье! Сабина вытащила пистолет из-за пояса. В этот раз она не будет медлить.

– Не пугайтесь, – шепнула Сабина. – И не двигайтесь. Вы поняли? Женщина кивнула.

Сабина взвела курок, прицелилась в проволоку и выстрелила. От звука разрыва, треска, жужжания и пронзительного визга железа было больно ушам.

Женщина все смело выдержала и только один раз вздрогнула.

– Что вы там делаете? – крикнул полицейский.

Сабина проигнорировала его и выстрелила еще. На этот раз пуля все-таки попала в проволоку и рикошетом царапнула женщине предплечье. Она вскрикнула, но Сабина смогла теперь разогнуть колючую проволоку и освободить ей одну руку. По кисти женщины текла кровь.

– Что вы делаете? – снова закричал полицейский.

В этот момент прокукарекал механический петух, и сидящий сверху в нише паяц ударил в два висящих над ним колокола. Затем раздался первый удар, часовой механизм пришел в движение, и начался бой башенных часов.

Сабина, которая одним коленом стояла на подвижной поворотной платформе, заскользила в сторону.

– Остановите часовой механизм! – крикнула она.

– Они занимаются. Но это не так просто.

– Неужели нет аварийного отключения?

– На главном маятнике в качестве груза висит мортирное ядро весом в три центнера. Требуется время, чтобы оно остановилось.

Женщина вскрикнула и повернулась вместе с остальными фигурами в сторону проема.

Сабина прицелилась и выстрелила в колючую проволоку на другой руке. Некоторые стренги разошлись. Но когда Сабина хотела схватиться за них и оттянуть проволоку в сторону, платформа так сильно дернулась, что Сабина ободрала себе кожу на пальцах.

Проклятье!

Пистолет тут не поможет. Она вскочила, схватила флюгер и всадила металлический наконечник между деревянным полом и поворотной платформой. Раздался треск и визг. Конец палки ударил Сабину по ладоням, но она еще сильнее вцепилась в нее и навалилась всем телом в противовес.

Рычаг сработал, вращение остановилось. Шестерни мощного часового механизма на мгновение застыли, но грозили в любой момент дернуться и снова прийти в движение.

– Помогите мне! – прохрипела Сабина.

Полицейский прервал телефонный разговор и бросился к ней. Но прежде чем он добежал до нее, шестерня со щелчком попала в следующее углубление, палка выскочила из рук Сабины и ударилась о стену.

Платформа начала поворачиваться, и Сабина в отчаянии снова схватилась за пистолет и взвела курок.

– Я не провела ни одного аборта, – неожиданно закричала женщина. – Ни разу!

– Что? – сбитая с толку Сабина уставилась на женщину, которая пыталась откинуть волосы с лица окровавленной рукой. С каждой секундой проем в стене приближался. Сабина хотела выстрелить по проволоке, но женщина продолжала говорить.

– Я не подпольная повитуха-убийца, а акушерка, – прохрипела она. – Я помогла родиться всем детям.

– Вы имеете в виду монастырь урсулинок в Бруггтале? – спросила Сабина.

– Да, я согрешила, – в панике заверещала женщина и обратила взгляд наверх. – Мне очень жаль.

– *Что* вы сделали? – крикнула Сабина. – Вы потом убили этих детей?

– Убила? – Во взгляде Вивианы Кронер читалось изумление. – Я ведь должна была помочь им родиться здоровыми. – Она повернула голову. – Помогите мне!

Затем Сабина услышала только жуткий хруст и треск.

Глава 31

– Мы нашли женщину...

Снейдер услышал сообщение коллеги по радиации и тут же развернулся.

Он не стал слушать дальше, а побежал обратно вдоль канала и по лестнице выбрался из канализации.

В следующий момент раздался бой колокола. *18 часов!* Вскоре прозвучал выстрел. Пока Снейдер искал на первом этаже лестницу, ведущую на верхний этаж часовой башни, с улицы слышались испуганные вскрики людей.

Он решил не терять времени и не подниматься наверх, а вместо этого выбежал через деревянные ворота на улицу. За полицейской заградительной лентой собралась толпа. Сюда подходило все больше зевак. Все головы были подняты вверх.

Снейдер подошел к заграждению и тоже взглянул наверх. Часовой механизм пришел в движение, но на вращающейся платформе находились не только скульптуры-животные, но и согнутая, прикрученная колючей проволокой человеческая фигура, которая застряла в проеме. Ее голова безжизненно повисла и при каждой попытке платформы повернуться дальше билась о стену. Каждый раз толпа вскрикивала.

– Остановите наконец часовой механизм и спустите труп! – крикнул Снейдер и отвернулся.

Бригада скорой помощи уже исчезла в здании, когда часы в конце концов остановились.

Через несколько минут подъехали третья и четвертая полицейские машины, и теперь на месте было достаточно сотрудников, чтобы сдержать толпу людей. В окне эркера Снейдер разглядел, как врач скорой помощи и его помощники освобождали женщину от проволоки.

Краем глаза он заметил, что какой-то мужчина пробирался через толпу зевак к заграждению.

– Меня зовут Сезар Дюран, я пишу для...

– Проваливайте отсюда! – буркнул Снейдер, не оборачиваясь.

– Я пишу для газеты «Бернер цайтунг», – настаивал мужчина со швейцарско-французским акцентом. – Что?..

Теперь Снейдер развернулся. У мужчины было угловатое лицо, золотистые волосы и рыжеватая борода.

– Я сказал, чтобы вы убирались! – Снейдер собирался уже отвернуться.

– Что произошло там наверху?

Мужчина был глухим? Снейдер оскалился:

– А теперь слушайте меня внимательно, вы, аллергик на интеллект! От вас здесь столько же помощи, как от песочницы в Сахаре. – Он поднял руку, чтобы перебить уже намечавшийся следующий вопрос. – Еще одно слово, и я вас арестую.

Снейдер развернулся, игнорируя реакцию других людей. Стоя посреди усиливающейся суматохи, он минут пять неподвижно смотрел наверх, затем вытряхнул из коробочки косяк и зажег его. Сделал несколько глубоких затяжек, потом увидел, как из башни вышла Немез, огляделась, словно ища кого-то взглядом, заметила Снейдера и направилась к нему. Ее руки были перевязаны белыми бинтами.

Обычно он обязательно хотел осмотреть место преступления первым, до того как туда зайдут другие, но и отсюда снизу он уже увидел достаточно. *Стоять точно на этом месте и смотреть вверх на Цитглогге!* Именно эту картинку монахиня хотела показать ему, другим следователям и жителям Берна. Окровавленная женщина в колючей проволоке с раздробленным телом. Выставленная на обозрение жарким весенним вечером перед сотнями прохожих в пешеходной зоне Берна. Тем самым она осквернила символ города и передала Снейдеру послание.

С каждым ударом у тебя выходит время!

– Криминалисты могут осмотреть место преступления, – сказал он Немез, подошедшей к нему. – Я достаточно...

– Женщина еще жива! – тяжело переводя дыхание, сказала Сабина.

– Что? – Снейдер огляделся, желая убедиться, что репортера нет поблизости. Затем он приставил ладонь козырьком ко лбу, защищаясь от вечернего солнца, и взглянул на башню, но через проем было трудно рассмотреть, что происходило внутри.

– Вивиана Кронер жива, – повторила Немез. – Перелом плеча и ключицы, половина лица раздроблена и, вероятно, поврежден нижний шейный отдел позвоночника, но она жива.

Шейный отдел позвоночника? Поврежден? Тогда в лучшем случае она парализована, в худшем – ей осталось недолго. Снейдер вынул косяк изо рта и, бросив на землю, раздавил ногой.

– Я должен поговорить с этой женщиной.

Немез схватила его за локоть и помотала головой.

– Врач пытается ее стабилизировать. В настоящий момент в университетской клинике как раз готовят зал для внеплановой операции.

– Поэтому я должен поговорить с ней *сейчас!*

– Это невозможно, – отрезала Немез. – У нее остановилось дыхание. Врач обезболит ее, интубировал и ввел в искусственную кому. Если она переживет рентген, КТ и операцию, *тогда* мы сможем с ней поговорить.

– *Niet goed!*^[18]– Снейдер сжал руку в кулак. Он знал, насколько невелики у них шансы. Если уже отказало дыхание, вероятно, сломан первый или второй шейный позвонок.

– Но я говорила с женщиной, – сказала Немез. – Это означает, она мне кое-что сообщила. Очевидно, она знала, что умрет, и хотела облегчить душу.

Приподняв от любопытства бровь, Снейдер смотрел на нее.

– И? Дальше!

Немез слово в слово повторила то, что сказала ей акушерка.

Теперь все стало еще более запутанным и непонятным, чем раньше.

– Дети должны были родиться *здоровыми?* – повторил он. – И она действительно говорила о монастыре в Бруггтале?

– Она не оставила сомнений, что речь шла именно о нем.

В этот момент деревянные ворота открылись, и санитары вывезли женщину. Она лежала на вакуумном матрасе в жестком медицинском воротнике и многочисленными трубками и проводами была подключена к капельницам и приборам. Затем она исчезла в карете скорой помощи. Двери захлопнулись, и, проехав по выделенному коридору в пешеходной зоне, машина с мигалкой и сиреной помчалась по вечерним пробкам.

Снейдер проводил ее взглядом.

– Хорошая работа. – Он знал, как неуместно это прозвучало ввиду почти удавшегося убийства, но они сделали все, что могли.

– Спасибо, но все равно будут проводить расследование, потому что я ранила женщину из пистолета.

Снейдер помотал головой.

– Не будут, я об этом позабочусь.

– Как вы это устроите?

– Без нас у города Берна был бы труп. К тому же вы нужны мне в Висбадене – дееспособная и готовая к работе. Расследование только началось. – Он оглядел ее. – Как ваши руки?

– Только царапины и порезы.

В этот момент у пешеходной зоны остановился внедорожник уголовной полиции, который забрал их из аэропорта. Хоровитц в инвалидной коляске съехал по пандусу и в несколько крепких махов руками подъехал к ним.

– Я слышал, вы нашли женщину.

Немез кивнула и без комментариев вернула Хоровитцу оружие. Он понюхал ствол, затем проверил магазин.

– Вы ранены?

– Ерунда.

– Исчезнем отсюда, – предложил Снейдер. – Здесь полно репортеров.

Хоровитц кивнул.

– У нас есть еще минут десять, чтобы спокойно поговорить, затем прокуратура возьмет нас в оборот, и начнется бумажная волокита. – Он кивнул на один из ресторанов на противоположной стороне улицы. – Туда!

Почти все посетители высыпали наружу, чтобы выяснить причину заграждений на улице и такого скопления полицейских машин, и ресторан был практически пуст. Они расположились в нише и могли через окно наблюдать за происходящим.

– Ты не хочешь взглянуть на место преступления? – спросил Хоровитц. – Минут пять у тебя еще есть, потом я сомневаюсь, что они тебя...

– Нет, – пробурчал Снейдер.

К ним подошел молодой официант. Немез заказала воду, Хоровитц горячий шоколад с большим количеством молока и меда, а Снейдер сначала долго смотрел на парня.

– У вас есть ванильный чай? – наконец спросил он.

– Сожалею, но нет.

– Тогда стакан томатного сока с перцем, солью, табаско и водкой.

Официант улыбнулся.

– К сожалению, этого у нас тоже нет.

Снейдер вздохнул.

– Тогда чашку кофе, или этого у вас тоже нет?

Официант кивнул.

– Со взбитыми сливками?

Снейдер оперся локтями о стол и подался вперед. Немез хотела что-то сказать, но он не позволил:

– Не сейчас! – Затем обратился к официанту: – Вы вообще имеете представление, для чего нужны взбитые сливки?

Официант растерянно уставился на Снейдера.

– Я... э-э-э...

– Ну же, это был не риторический вопрос. Вы можете открыть рот и ответить.

– Нет, я не знаю, – неуверенно произнес парень. – Чтобы улучшить вкус кофе?

– Какая чушь! – воскликнул Снейдер. – Взбитые сливки нужны для того, чтобы кофе дольше оставался горячим и не так быстро остывал на поверхности.

– Хорошо, как скажете. – Официант посмотрел на Немез, ища помощи. – Так вам со взбитыми сливками?

– Я, видимо, ослышался! – повысил голос Снейдер. – Надеюсь, вы сумеете сделать кофе, который останется горячим и без взбитых сливок?

– Я попытаюсь.

– Только смотрите, чтобы этот кофе не выглядел жалкой попыткой. – Снейдер откинулся назад. – А теперь идите, у нас много дел.

Официант исчез на кухне.

Всегда одно и то же, – казалось, говорил взгляд Немез. Она перегнулась через стол.

– Этот парень не виноват, что мы, вероятно, потеряем свидетельницу, – прошептала она. – К тому же похоже, что он работает здесь временно, возможно, чтобы платить за учебу.

– Тогда ему нужно было учиться быстрее. – Снейдер щелкнул суставами пальцев. – Мы теперь можем поговорить?

– Да, – буркнула Немез.

– Хорошо. – Снейдер огляделся, чтобы убедиться, что им никто не помешает. – Очевидно, дети – это ключ ко всему. Сексуальное насилие над монашками было лишь началом, вступлением, вершиной айсберга, славным приработком Вальтера Граймса и старого Януса, с которого все началось. Но на самом деле за этим скрывается гораздо больше.

– Но что? – спросил Хоровитц.

– Торговля людьми? – предположила Немез.

Снейдер, словно в подтверждение, указал на нее пальцем.

– Например.

– Или торговля органами, – высказал идею Хоровитц.

Теперь Снейдер указал на него.

– А вот сейчас мы подходим ближе к делу. Или же речь шла о товаре для радикального круга педофилов, – добавил он, – или же просто о детях для черного рынка усыновления.

– Для всего этого нужны крепкие и здоровые дети, – размышляла вслух Немез и повторила Хоровитцу последние слова акушерки.

Официант принес поднос с водой, какао и чашкой кофе, которая так дымилась, что он с трудом мог прикоснуться к ней.

– Надеюсь, вы довольны, – сказал он, поставив напитки на стол.

Снейдер проигнорировал его и, после того как официант снова ушел, задумчиво сидел какое-то время, помешивая ложкой кофе и уставившись на поднимающийся пар. Тут ему в голову пришла странная мысль. *Временной паттерн!*

– Когда три месяца назад наша монахиня нанесла на свое тело татуировки с подсказками, она должна была спланировать все до последней детали, например, эту операцию на Цитглогге. – Он поднял глаза. – Сколько еще продлятся ремонтные работы?

– До конца месяца, – ответил Хоровитц.

– Затем башенные часы снова будут бить каждый день?

– Да.

– Предположим, она похитила Вивиану Кронер, вынудила ее оставить сообщение на собственном автоответчике, а затем связала в часовой башне, – продолжил Снейдер. – Это было четыре дня назад. За день до этого в Бах-ан-дер-Донау она привязала старого Януса к металлической кровати и подставила под нее ростки бамбука, а через два дня в фабричном цехе в Висбадене подвесила Вальтера Граймса к трубе с кислотой. – Он достал ручку из кармана пиджака, вытащил из держателя салфетку и начал записывать.

Вторник, 9 мая – Бах-ан-дер-Донау:

Янус и бамбуковые побеги

Среда, 10 мая – Берн:

Кронер и колючая проволока

Пятница, 12 мая – Висбаден:

Граймс и кислотный душ

– Это временной план с точки зрения монахини. – Снейдер уставился на салфетку. – Что она делала в четверг между Берном и Висбаденом? – Он постучал пальцем по салфетке. – Для всего этого необходимы месяцы планирования. И кто знает, что еще нам предстоит.

– У нее один или несколько помощников, – уверенно заявила Немез.

– Почти определенно, – ответил Снейдер. – Но кто это? Другие монахини? Во всяком случае, между жертвами существует связь. Магдалена Энгельман хочет нам этим что-то сказать, и поэтому мы должны обратиться к истокам. – Он убрал салфетку в карман и поднял взгляд. – Нам нужно поехать в монастырь. В Бруггталь в Верхней Австрии.

В этот момент зазвонил телефон Немез. Она ответила, быстро переговорила, протянула телефон Снейдеру.

– Тина Мартинелли, – кратко сообщила она.

Снейдер поднес телефон к уху.

– Да?

– Как у вас все прошло? – спросила Мартинелли.

– Мы закончили в Берне и летим назад. Что нового?

– Две информации. Химики проанализировали кислоту, которой на фабрике был убит Вальтер Граймс.

– Плавиковая кислота? – предположил Снейдер, прежде чем Мартинелли успела ему что-либо сказать.

– Правильно, очень высокой концентрации. Откуда вы это знаете?

– Жидкость уничтожила не только волосы, кожу и одежду, но разъела бетон и хранилась в пластиковом баке. К тому же я видел лицо Граймса, – ответил Снейдер. – Кислота разъела не только поверхность, но впиталась в кожу и добралась до костей.

– Верно, она даже распространилась в теле по кровеносной системе, – добавила Мартинелли. – В воде бака объемом триста литров находилось более сорока процентов кислоты.

Сорок процентов! – подумал Снейдер. – *С ума сойти!* Он предполагал всего тридцать, но, видимо, монахиня решила перестраховаться.

– И откуда этот концентрат?

– У обычных поставщиков химикатов только маленькие контейнеры на пять литров, и без квалификационного удостоверения нельзя заказать больше.

– Значит, концентрат был украден, – предположил Снейдер.

– Именно. За одиннадцать дней до убийства кто-то проник на сталеплавильный завод в Дилленбурге и выкрал большое количество высококонцентрированной плавиковой кислоты, которую используют там для обработки поверхностей.

– Дилленбург, – задумчиво повторил Снейдер. – Это около ста километров от Висбадена. – Он поднял глаза. – А второе, что вы выяснили?

– Отдел криминалистической экспертизы только что определил, откуда наручники, которыми Вальтер Граймс был прикован к трубе.

– Из камеры вещественных доказательств в Висбадене? – предположил Снейдер.

– Нет. Из австрийской армии. Выгравированный номер батальона указывает на шестую горнострелковую бригаду. Австрийские горные стрелки используют такие наручники.

Полтора года назад

Вена оказалась совсем не такой ужасной, как все утверждали. Особенно в предрождественское время, когда улицы были ярко освещены, витрины украшены, а на каждом углу пахло печеными яблоками, пуншем и горячими каштанами.

В этом году до Рождества выпал первый по-настоящему плотный снег, а так как четвертого декабря все еще порошило, он не превращался на обочинах в обычную серую массу, а сверкал в свете автомобильных фар.

Томас Шэффер любил холод и чистый свежий воздух. Спустя почти полтора года его выпустили из иннсбрукской тюрьмы, где он сидел за нанесение многочисленных тяжких телесных повреждений. Так как это была его первая судимость, ему дали только половину максимального срока. *Какое милосердие!*

С его карьерой в бундесвере все равно было покончено, поэтому он остался в Австрии и после освобождения сел в первый попавшийся поезд в Вену, где с тех пор работал вышибалой на дискотеке в центре города. В таком гламурном местечке, где по выходным проходили многочисленные мероприятия с диджеями.

При его телосложении и хладнокровии такая работа была для Шэффера не проблемой. Обычно он следил, чтобы ни к кому не приставали и никто не блевал на танцполе. У него был уже наметанный глаз, и он сразу замечал, кто перебрал или будет скандалить. Преимущество заключалось в том, что его смена начиналась лишь в 20 часов, поэтому в последние недели днем у него было много времени.

Вот и сегодня, этим воскресным днем, он думал не о работе, а совсем о другом. Хотя был только шестой час, уже стемнело. Тем ярче горели огни на Рингштрассе. Он сидел с бутылкой тоника в кафе «Ландтман» и со своего места у окна смотрел на ратушу на противоположной стороне и прилегающий университет.

Издали он увидел, как из такси вышла женщина и перешла через улицу. На ней было длинное черное пальто с шарфом и сапоги на высоких каблуках. Значит, Грит Майбах получила его письмо и действительно пришла. Вообще-то он на это не рассчитывал.

Когда она вошла в кафе, Шэффер помахал ей, и она направилась напрямиком к его столику. Без сумочки. Такое он сразу подмечал. У женщин, как она, обе руки всегда должны быть свободны. Он помог ей

снять пальто, и она села напротив. Грит выглядела такой же хорошенькой, как полтора года назад, когда он впервые увидел ее в хижине в Тирольских Альпах. Голубые глаза, длинные ресницы, веснушки, высокие скулы, короткие темные волосы и красное родимое пятно.

Теребя ворот водолазки, она заказала у официанта стакан морковного сока с водой и лимоном. Затем вытащила из кармана брюк конверт, положила его на стол, придерживая рукой.

– Откуда у тебя мой адрес?

Он пожал плечами.

– Я знаю твою фамилию по судебному процессу, также в курсе, что ты из горных стрелков – остальное оказалось пустяком.

Она лишь кивнула и снова убрала конверт в карман. Он выглядел таким потертым, словно в последние недели она десятки раз брала письмо в руки.

– Как давно ты уже на свободе? – наконец спросила она.

– С октября.

– Вау. – Грит приподняла бровь, затем нагнулась вперед. – Учитывая, что ты натворил. Избил пятерых до полуобморочного состояния, трое из которых были солдатами и один полицейским, оказал сопротивление при аресте и сломал локоть женщине-лейтенанту из горнострелкового подразделения.

– Моему адвокату удалось настоять на том, чтобы психическая нагрузка от моей службы в армии была учтена в мою пользу, – пояснил он. – Еще болит?

Она пошевелила пальцами левой руки.

– Три недели на больничном, месяц реабилитации, физиотерапия – и я как новенькая.

– Мне очень жаль.

– Забудь. Как твоя нога?

– Все в порядке. Ты пожалела кость, это была просто рваная рана.

– Знаю.

Он кивнул:

– Конечно, знаешь.

– В письме ты написал, что в дополнение к сроку тебе настоятельно рекомендовали пройти психотерапию против агрессии.

– Это смягчило бы наказание, но я отказался. У меня есть собственная терапия.

– Ты кажешься спокойнее и уравновешеннее. Похоже, она работает, – заключила Грит.

Шэффер кивнул:

– Определенно.

– И ты контролируешь свою ярость и ненависть?

– Угу. Этому учишься в тюрьме, иначе оттуда живым не выйти.

Принесли напиток Грит, и она залпом осушила стакан.

– Какой самый страшный опыт в твоей жизни?

Она думала недолго.

– Время в приюте.

– Где это было?

– В Куфштайне, – пояснила она. – Мне приходилось спать в одежде, чтобы ее не украли.

– Ты поэтому все выпиваешь залпом? Чтобы никто не отобрал?

Она подумала, затем улыбнулась.

– Наверное.

– У меня тоже время в приюте самое страшное.

Она усмехнулась.

– Против этого пять недель обучения летом и зимой, а также военные действия в горах были легкой прогулкой.

– Афганистан в сравнении с приютом показался летним путешествием.

Они оба рассмеялись – впервые, затем Грит приподняла рукав свитера и показала уродливые шрамы от ожогов и порезов. – Это тоже из приюта.

– Другие дети? – спросил он.

– Надзирательница. Сигареты и осколки стекла по очереди.

– Вау. – Томас наклонил голову, раздвинул на макушке волосы и показал ей длинный шрам, который в свое время был зашит девятью стежками.

– Неплохо. Можно? – Она коснулась кожи его головы. – Нож?

– Стекло, в которую меня швырнули.

– Другие дети?

– Надзиратель, потому что я не дал себя изнасиловать.

Грит помолчала.

– изнасиловать? – наконец спросила она.

Он кивнул:

– Мне было тогда семь. Я сломал ему нос.

– Очевидно, нас связывает больше, чем я изначально думала, – вздохнула она. – После приюта в Регенсбурге ты пошел в БКА и затем в бундесвер, верно?

Шэффер кивнул.

– После приюта я посещала спортивную гимназию в Иннсбруке, а потом пошла в армию. Это была *моя* терапия. – Она выдержала паузу. – Ладно. Ключевое слово *терапия*. Полагаю, я здесь поэтому. Или по какой-то другой причине ты обязательно хотел со мной поговорить?

Он нагнулся вперед и понизил голос.

– Чтобы долго не ходить вокруг да около: мы ведь оба считаем, что можем быть близнецами, так?

Грит сжала губы.

– И что нас разлучили после рождения, – продолжал он.

Грит помолчала, затем кивнула.

– Мы могли бы сделать ДНК-тест, чтобы убедиться, – предложила она.

Шэффер махнул рукой.

– Пока я не знаю, почему нас разлучили, не хочу поднимать шумиху и привлекать к нам внимание каких-либо учреждений. – Это прозвучало драматичнее, чем планировалось.

– Что, если мы сделаем тест в Чехии? – предложила Грит.

Он помотал головой.

– У меня есть другая идея.

Она с любопытством взглянула на него.

– Я был в моем бывшем приюте в Регенсбурге, хотел взглянуть на документы, как и где меня нашли. Но их больше нет. Разрыв водопроводной трубы в подвале более десяти лет назад все уничтожил.

Грит скептически прищурилась.

– И дальше?

– Твои документы могли сохраниться. В Куфштайне. Но чтобы это выяснить и взглянуть на них, мне нужна ты.

– Что тебе это даст?

Он не стал торопиться с ответом, сделал большой глоток из своей бутылки. Затем нагнулся вперед.

– Я хочу найти нашу мать.

– Зачем? Чтобы спросить ее, почему она от нас отказалась?

– Не только. Я хочу выяснить, кто мы, откуда и почему нас разлучили...

Кивнув, она добавила:

– И кто наш отец.

День четвертый
Бруггталь, Верхняя Австрия
Понедельник, 15 мая

Глава 32

На следующее утро войдя в БКА, Сабина узнала от вахтера Фальконе, что Снейдер еще не приехал. Значит, он застрял в Берне, где вместе с Хоровитцем улаживал бумажные дела. Несмотря на особые полномочия, все оказалось не так просто, как только к расследованию подключились службы другой страны. Поэтому вчера ночью она прилетела одна, сняла дома бинты, еще раз обработала раны, заново заклеила пластырем, приняла обезболивающее лекарство и прилегла. Пока она не пыталась сжать руку в кулак, все было в порядке.

Теперь она с Тиной поехала на минус второй этаж, чтобы снова допросить монахиню.

– За все это время женщина не произнесла ни слова, – проинформировала ее Тина. – Все попытки психологов и специалистов по допросам провалились.

– Ее не впечатляет даже угроза недельного одиночного заключения, – удивилась Сабина.

– Видимо, это ненамного отличается от жизни в монастыре. – Тина закатила глаза. – И она молится.

Обе вышли из лифта и направились вниз по коридору.

– Что еще ты вчера выяснила? – спросила Сабина.

– Мы разыскали брата монахини. Зено Энгельман даже живет не так далеко отсюда, в регионе Средний Гессен, в Марбурге. Я уже сообщила об этом Снейдеру.

Сабина удивленно взглянула на нее.

– Зено ее сообщник?

– Вряд ли, – ответила Тина. – Он слепой.

– Черт!

Они дошли до комнаты допросов и шагнули в смотровую. Как всегда, перед мониторами сидел сотрудник.

– И еще кое-что, – продолжила Тина. – Очевидно, настоятельница, которая в то время руководила монастырем урсулинок, знала о домогательствах к монахиням. Ее зовут Констанс Феличитас, и настоятельницей она стала в тридцать девять лет.

– Значит, сейчас ей должно быть далеко за восемьдесят. Она еще жива?

– Да, но она больна. Церковь изолировала ее, и с ней нельзя поговорить.

В этот момент дверь распахнулась. Вошел Снейдер со словно восковым лицом. На нем была та же одежда, что и накануне. Не здороваясь, он напрямик подошел к стеклянной стене и устоялся в камеру, где монахиня в сером комбинезоне сидела за столом с чашкой кофе, тихо бормотала что-то и пальцами перебирала бусины четок.

– Какие-нибудь новости? – спросила Тина.

– Я прилетел первым рейсом из Берна, – коротко ответил Снейдер и обернулся. – Вивиана Кронер пережила ночь, но ее состояние по-прежнему остается критическим.

– Вы смогли поговорить с ней? – спросила Сабина.

– Нет.

– Хоровитц у нее?

Снейдер помотал головой.

– Он прилетел со мной во Франкфурт – пока мы расследуем это дело, он останется здесь и будет нам помогать.

– У него все хорошо? Где вы его разместили? – спросила Сабина.

– Немез... я... – Снейдер взглянул на нее, словно не мог поверить. – Какого черта это так важно? Мне кажется, у нас есть более срочные дела, чем обсуждение его ночлега. – Он глубоко продохнул. – Но если это вас так сильно интересует: он живет у Кржистофа.

– У Кржистофа? – вырвалось у Сабины. – В этом контейнере на берегу Майна?

– Да, именно там! – повысил голос Снейдер. – Хоровитц ненавидит отели, любит близость воды и нуждается в общении. Такое решение показалось мне лучшим. – Он снова посмотрел через стекло. – Она говорит?

– Если не считать молитв, молчит как могила, – ответила Тина.

– Ничего другого и не ожидалось. – Снейдер оторвался от стекла и взглянул на Сабину: – Мы можем начать?

Тина осталась в смотровой, а Сабина направилась за Снейдером в комнату. Как только они закрыли за собой дверь, монахиня прервала молитву и, полная ожидания, посмотрела на них.

– Как прошла ваша поездка в Швейцарию?

Хорошая догадка!

Снейдер сел на свободный стул напротив нее, а Сабина осталась стоять у стены у него за спиной.

– Колочая проволока порезала женщине руки и ноги. Затылок, плечи и голову раздавило.

На лице монахини не отразилось никаких эмоций. С таким же успехом Снейдер мог сделать какое-нибудь замечание про погоду.

Он посмотрел в сторону двустороннего зеркала, сделал вращательное движение рукой и указал на потолок. Очевидно, он хотел, чтобы коллега отключил снаружи детектор дыма. Затем вытряхнул из коробочки косяк, зажег его спичкой, затаился и выдохнул дым в потолок.

– Зачем вы это делаете? – спросил он. – На что рассчитываете?

– Я не хочу, чтобы вы курили в моем присутствии.

– Мне на это плевать, – с непоколебимым спокойствием ответил он. И выдохнул дым от следующей затяжки ей прямо в лицо, так что монахиня закашлялась. – Вы хотели говорить именно со мной. Я сделал вам такое одолжение, так что теперь смиритесь с последствиями. Это означает, что, пока вы здесь и об этом не знает судья, прокурор, репортеры или защитники по уголовным делам, у вас нет абсолютно никаких прав. – Он достал несколько цветных фотографий из кармана пиджака и бросил на стол.

Сабина издали разглядела на них изуродованное лицо акушерки.

– Зачем вы это делаете? – повторил вопрос Снейдер.

Монахиня посмотрела на снимки, затем перекрестилась и опустила голову.

– Господи Боже мой, – забормотала она, почти не размыкая губ, – я надеюсь на прощение моих грехов, на твою милость и вечное блаженство, потому что ты, милостивый и щедрый Бог, Владыка над жизнью и смертью, пообещал все это. Укрепи мою надежду, укрепи мою веру...

– Зачем вы это делаете? – перебил ее Снейдер.

Монахиня подняла глаза. Ее голос изменился, стал взволнованным.

– Любовь и счастье можно разделить. Но страдание разделить нельзя, – сказала она. – Его можно лишь перенести на других.

– Какое страдание причинила вам эта женщина?

– Она еще жива?

Снейдер помотал головой.

– Она скончалась на месте.

Монахиня коротко взглянула на Сабину. Та и бровью не повела. Видимо, Снейдер хотел заставить монахиню верить, что ее план удался, чтобы внушить ей чувство превосходства. Так как она не боялась никаких угроз и не позволяла давить на себя, это был единственный разумный шаг.

– Таким образом, у нас в общей сложности пять трупов. Этого не поймет никто из моих коллег, но так или иначе вы пользуетесь моим абсолютным уважением, – продолжил Снейдер. – Однако вам не нужно этого делать, мы можем быть друзьями.

– Пока вы не сделаете то, о чем я вас просила, я предпочитаю сдать на милость вашей враждебности, чем испытать на себе бич вашей дружбы, – ответила она.

Красиво сказано. Сабина постаралась не подать вида. Если она правильно истолковала мимику Снейдера, он действительно был немного впечатлен этим заявлением. Но и такая тактика, похоже, зашла в тупик.

Снейдер опять сунул руку в карман пиджака и вытащил скомканную салфетку, на которой писал в бернском ресторане, разглядел ее и пододвинул к монахине.

– Это ваш временной план, который я воссоздал по ориентировочным датам, правильно?

Монахиня рассматривала нацарапанные дни недели и имена жертв, однако молчала, никак не реагируя.

– Где вы были в четверг 11 мая между вашими остановками в Берне и Висбадене?

– Что вы уже выяснили? – ответила она вопросом на вопрос.

– Так как Вивиана Кронер умерла, пока ничего, – солгал он, и мяч снова оказался у нее.

Монахиня пожала плечами.

– Полагаю, к общественности вы тоже не обратились.

Очевидно, так ему ничего не добиться.

– Что означает татуировка с четырьмя крестами?

Молчание.

– Вероятно, некоторые из этих подсказок мы сможем понять лишь спустя время, верно? Но тогда будет уже поздно, – отметил он, – и умрут еще люди.

– Может, я хочу, чтобы вы поняли некоторые подсказки лишь по прошествии времени, – сказала монахиня.

Снейдер поднялся.

– Я лишь теряю с вами время.

Ничего больше не сказав, он направился к двери.

Когда они вышли из комнаты, Тина держала в руке фотографию татуировки с гробом и четырьмя крестами.

– Что это должно означать?

Сабина пожала плечами:

– Понятия не имею, мы абсолютно ничего не узнали.

– Немез... – в голосе Снейдера звучали одновременно упрек и разочарование. – Мы ничего не узнали – допустим, но тем самым мы все же *кое-что* выяснили.

Сабина озадаченно взглянула на него.

– Магдалена Энгельман немного кокетлива и тщеславна. Она бы с удовольствием нам подсказала. И даже сделала это в самый первый день, когда меня еще не было в игре. А сейчас нет. Что это нам говорит? Что мы на правильном пути. Мы именно там, где ей нужно. Иначе она обязательно раскрыла бы рот.

Тина помахала фотографией.

– Значит, это наш след? Гроб с четырьмя крестами?

– У урсулинского монастыря есть кладбище? – спросил Снейдер.

– Да.

– Хорошо. Вы и Немез отправитесь в Австрию, в Бруггталь. Вальтер Граймс, Янус и Вивиана Кронер наш общий знаменатель. Я хочу, чтобы вы поговорили со всеми в монастыре, кто когда-либо был в контакте с этой троицей, Магдаленой Энгельман и настоятельницей.

Сабина кивнула. В любом случае это был единственный след, который у них оставался.

– А что тем временем делают Хоровитц и Кржистоф?

Снейдер нацепил свою знаменитую презрительную улыбочку.

– Они уже час как в пути, чтобы нанести визит брату Магдалены Энгельман.

Глава 33

Средневековый исторический центр Марбурга-ан-дер-Лан располагался на крутой возвышенности с практически отвесными склонами. Наверх можно было подняться либо по множеству ступеней, либо на одном из лифтов.

– Лестница или лифт? – спросил Кржистоф.

– Очень смешно. – Хоровитц дождался, когда звякнула дверь лифта, и заехал на инвалидной коляске в кабину со стеклянными окнами.

– Как хочешь, а я пойду пешком, – сказал Кржистоф.

– Плохая идея. – Хоровитц нажал на кнопку верхнего уровня.

– Почему? – спросил Кржистоф.

– Потому что ты обязательно заблудишься.

– Очень смешно. – Кржистоф побежал вверх по ступеням.

Один раз Хоровитцу пришлось пересесть на другой лифт. Поднявшись до «верхнего города», он выехал на коляске из кабины лифта. Кржистоф уже ждал перед дверью. Парень даже не запыхался. До несчастного случая он тоже был в такой форме.

Затем Хоровитц огляделся. *Проклятье!* Кругом были только булыжная мостовая и извилистые дорожки с подъемом, по которым будет трудно передвигаться.

– Потолкать тебя, старик? – спросил Кржистоф.

Хоровитц вздохнул.

– Почему я не поехал на такси?

– Потому что в моей машине уютнее, – ответил Кржистоф.

Да, очень уютно. В старом медицинском фургончике Кржистофа с облезлым изображением эскулаповой змеи на боковинах сильно пахло лекарствами.

Хоровитц отогнал от себя это воспоминание и огляделся. Перед ними протянулись узкие переулочки с традиционными фахверковыми домами, арками и остроконечными башенками, многие из которых утопали в плюще. Над крышами возвышался серый шпиль городской приходской церкви.

Хоровитц покатылся вперед. Путь к замку, пролегающий мимо быстро и винных магазинчиков, был утомительным, и на некоторых подъемах Кржистофу действительно пришлось помогать ему и толкать инвалидную коляску.

– Почему мы не встретились с Зено внизу в городе? – ворчал Кржистоф.

– Потому что он живет наверху, а я хочу взглянуть на привычную для него обстановку.

Они достигли городской стены, за которой возвышался замок ландграфа. Один лишь великолепный вид на оставшуюся внизу часть Марбурга стоил всех усилий. Фахверковые дома, флаги, деревья и цветы создавали разноцветную картину. Солнце припекало, и Хоровитц приложил руку козырьком ко лбу, защищая глаза от яркого света.

– Как выглядит этот Зено? – спросил Кржистоф.

– Ему пятьдесят девять, и он слепой.

– Это я знаю; поэтому ему нас не найти – а такое описание не очень-то поможет, – возразил Кржистоф.

– Господи, он будет с тростью для слепых! – не выдержал Хоровитц. – По ней мы его и узнаем.

– А, ясно. – Кржистоф огляделся. – Как насчет вон того?

– Слишком молод. – Уже по прибытии Хоровитц заметил, что все светофоры для пешеходов пищали, повсюду были таблички на шрифте Брайля и встречалось много незрячих людей, что, видимо, было связано с наличием в городе учебного заведения для слепых, реабилитационной клиники, библиотеки и типографии, специализирующейся на выпуске книг шрифтом Брайля.

– Что необходимо слепому в бассейне? – неожиданно спросил Кржистоф.

– Я больше не хочу это слушать, – простонал Хоровитц. Ему надоели плоские шутки, которыми потчевал его Кржистоф все полтора часа поездки в машине.

– Тюлень^[19]. – Кржистоф громко рассмеялся.

Хоровитц ничего не сказал, только покачал головой.

– Слепой и глухой играют джаз в баре. «Ну как, людям нравится?» – спрашивает слепой. А глухой отвечает: «А мы уже играем?»

– Я же сказал: не хочу это слушать! – воскликнул Хоровитц.

– Почему нет? Потому что это шутки про инвалидов?

– Именно!

– А я думал, что инвалиды хотят, чтобы к ним относились, как ко всем остальным, без жалости и чувства такта.

Хоровитц сверкнул на него глазами, но ничего не сказал. Затем вытянул шею.

– Вот он, вон там!

На расстоянии метров ста, от приходской церкви к ним шагал мужчина в шортах цвета хаки и белой рубашке, у него была загорелая лысина, обрамленная седым венчиком волос, и мускулистая фигура. Насколько Хоровитц разглядел, его лицо соответствовало фотографии в паспорте Зено Энгельмана. Мужчина не носил нарукавной повязки, но целенаправленно шел с белой тростью вдоль тротуара в сторону стены замка. По телефону они договорились встретиться там в одиннадцать часов.

Хоровитц взглянул на часы. Зено был сверхпунктуальным.

– Прогуляемся с ним по старому городу? – спросил Кржистоф.

Хоровитц рассматривал мужчину.

– Прогулка не самая хорошая идея, – сказал он, пока Зено не мог их услышать. Затем огляделся. – Нам нужно куда-нибудь сесть, где я смогу смотреть ему прямо в лицо. Я хочу видеть его непосредственную реакцию. К тому же это должно быть место с ветром и фоновым шумом. Он слепой, остальные чувства у него развиты сильнее, чем у нас, и он не должен распознать *нашу* реакцию. К тому же я хочу выяснить, действительно ли он абсолютно слеп. Потому что если нет...

– ...То он может быть сообщником, – вырвалось у Кржистофа. – Похоже, я тебя недооценил, старик. – Он огляделся. – Тогда остается только вон тот ресторанчик.

Прямо под стеной замка находился пивной ресторан «Бюкингсгартен» с большой террасой и видом на город и общину Ланталь. Один столик у балюстрады был свободен. К тому же присутствовали бормотание других гостей и ветер, который шелестел лианами плюща на скалах.

– Идеально, – прошептал Хоровитц, потому что Зено уже приближался к ним. – Я хочу еще дополнительно напрячь его

восприятие. – Он быстро достал из кармана одеколон с резким запахом и брызнул несколько капель себе на шею и щеки. Затем передал флакон Кржистофу.

– Зачем мне это?

– Чтобы перебить твой запах. Ты вроде начинаешь потеть, когда врешь. Быстрее!

– Я никогда не потею, когда вру. – Но Кржистоф все равно нанес немного одеколona себе на щеки и запястья, затем вернул флакон Хоровитцу, и тот спрятал его в кармане пиджака.

Когда Зено поравнялся с ними, Хоровитц обратился к нему, представил себя и Кржистофа и предложил расположиться в ресторане.

– Согласен, – сказал Зено уверенным сильным голосом. – Я знаю этот ресторан и найду дорогу.

– Отлично, – ответил Хоровитц, – тогда мне не придется долго мучиться на булыжной мостовой в коляске.

Добравшись до единственного свободного столика на террасе, они расселись. Хоровитц подъехал в инвалидной коляске к столу и занял место рядом с Кржистофом так, что Зено оказался окружен гулом голосов.

Зено оперся о свою трость и сжал рукоятку.

– Почему представители Федерального ведомства уголовной полиции хотят поговорить со мной о моей сестре? – начал он разговор. – У нее какие-то проблемы?

– Нет, не волнуйтесь, – солгал Хоровитц. – Точнее сказать, мы лишь внешние консультанты БКА. Ваша сестра живет не здесь в Марбурге, так?

Зено помотал головой.

– Недалеко от Браунау.

– Марбург великолепный город, и это я утверждаю как швейцарец, хотя у нас в Швейцарии самые красивые города, – рассмеялся Хоровитц. – Вы и ваша сестра родились в Австрии. Но у вас нет австрийского диалекта, – отметил он. – Вы уже давно живете здесь?

– Всего два месяца. До этого я был в Праге.

Я знаю, поэтому мы не сразу тебя разыскали.

– Вы переехали в Марбург из-за множества учреждений для слепых? – подключился к разговору Кржистоф.

Зено кивнул:

– Все верно.

Хоровитц взглянул на Кржистофа, давая ему понять, чтобы он продолжал в том же духе. Было еще рано говорить с Зено о его сестре. Сначала Хоровитц должен был выяснить, мог ли этот мужчина стоять за убийствами, а чтобы точнее оценить реакцию Зено, ему была нужна хорошая интуиция. Которая, как правило, появлялась у него во время безобидного трепа.

Молодая официантка с пирсингом в губе и носу подошла к их столику, чтобы принять заказ напитков. Но до этого она коснулась плеча Зено и спросила:

– Угадаешь, кто я?

Зено изобразил недовольство на лице, но затем посмотрел Хоровитцу прямо в глаза.

– Мелли знает, что я ненавижу этот вопрос, и все равно слышу его каждый раз, когда прихожу сюда. – Он вздохнул. – Принеси мне, пожалуйста, капучино.

Кржистоф раздраженно оторвал взгляд от карты напитков.

– Вишнево-банановый сок. Это еще что за сочетание?

– ВиБа, – пояснила официантка. – Очень вкусно.

– Ну ладно, Мелли, если обещаете, что у меня от него не заведутся паразиты в животе. – Кржистоф улыбнулся ей.

Хоровитц заказал горячий шоколад, и официантка удалилась.

– Что вы хотите узнать о моей сестре? – снова спросил Зено.

– До этого мы еще дойдем – мы остановились на Марбурге, – ответил Хоровитц. – Вы посещаете учебное заведение для слепых?

Зено мягко улыбнулся.

– Я здесь преподаю.

– Вы? – вырвалось у Кржистофа.

Зено скривился. Видимо, от него не укрылся насмешливый тон Кржистофа.

– Я учу молодых незрячих людей обращаться с компьютерами.

Кржистоф придвинулся к нему.

– И как же? – продолжал он подкалывать Зено. Вовсе не плохая тактика, чтобы вывести человека из себя.

– Существует дисплей на шрифте Брайля, позволяющий прочесть, что написано на мониторе. С его помощью слепые могут искать что-то в Интернете или читать мейлы, как вы. Вы ведь умеете читать? Кроме того, я учу их пользоваться библиотеками и помогаю готовиться к учебе в университете.

– Впечатляет, – сказал Хоровитц. – Кстати, я заметил, что вы смотрите на меня и моего коллегу, когда говорите.

– И вы думаете, что, возможно, я все-таки что-то вижу?

– У меня закружилась такая мысль.

– Очевидно, вам встречались только слепые, которые смотрят вверх, закатывают глаза и поэтому в основном носят темные очки, – пояснил Зено.

Хоровитц сначала кивнул, но потом пробормотал быстрое «Да».

Когда принесли напитки, Зено сделал глоток из своей чашки и затем аккуратно поставил ее на стол.

– Я научился манерам и прилично вести себя за столом. Я смотрю в том направлении, откуда доносится звук.

– Вы слепой с рождения? – спросил Хоровитц.

Зено помотал головой.

– У меня пигментная ретинопатия. Эта болезнь может проявиться в любое время. У меня она началась после пубертатного периода. Сначала в уголках глаз появилась тень. Поле зрения постепенно сужалось. Ты словно стоишь в начале туннеля и пятишься назад, в темноту. В какой-то момент остается только маленькая светлая точка.

– Действительно? – вопрос Кржистофа прозвучал скептически.

Зено проигнорировал замечание.

– Например, ты видишь птицу, летящую в небе на расстоянии ста метров, но не ступени под ногами. – Он сделал паузу. – Но в какой-то момент и этот свет пропадает. Затем ты живешь в абсолютной темноте.

– Когда у вас проявилось это заболевание? – спросил Хоровитц.

– В двадцать лет. – Зено наклонил голову, словно задумавшись. Неожиданно он улыбнулся. Очевидно, вспомнил что-то приятное. – Моя последняя поездка на машине была в монастырь урсулинок в Бруггтале. Затем я стремительно ослеп.

Наступил момент, чтобы поговорить о Магдалене.

– Вы тогда навещали вашу сестру? – спросил Хоровитц.

Зено повернул голову и посмотрел Хоровитцу прямо в глаза.

– Нет, я отвез ее туда.

– Значит, вы были там, когда она вступила в орден? – уточнил Хоровитц.

Зено кивнул.

– Ей было двадцать пять, мне девятнадцать. – Он будто снова уставился куда-то вдаль. – Это был чертовски туманный осенний день... словно ироническое предвкушение моей будущей слепоты.

Глава 34

Сорока годами ранее

Низко висевшее послеобеденное солнце окончательно скрылось за верхушками деревьев. Одновременно сгустились клубы тумана, ползущие по асфальту. Влага покрыла ветровое стекло «фольксвагена-жука». Зено зажег фары, запустил дворники и переключил вторую передачу. Мотор взвыл, и машина поползла по серпантину через лес на вершину горы.

– Осторожно, вон там! Косуля! – крикнула Магдалена.

Зено тут же крутанул руль и ударил по тормозам. Его сердце колотилось. Он посмотрел налево, затем направо. И с трудом заметил животное. Молодой олененок испуганно застыл на краю леса и уставился на них. Вероятно, здесь проезжало не так много машин.

Зено медленно направил автомобиль по серпантину.

Магдалена вцепилась в сумку, стоящую на коленях.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, но все равно мне следовало поехать на такси. Было бы лучше. Для тебя! – Она положила руку ему на колено.

– И чем бы ты заплатила? Молитвами? – Зено помотал головой. – Все в порядке. Мы почти доехали. Это должно быть за ближайшей горой.

Они добрались до вершины пригорка. За ним поднималась гора повыше, к которой вела узкая лесная тропа, частично исчезающая в тумане. В конце тропы из густого тумана возвышались серые крыши и башни монастыря. Здание жалось к отвесной скале. Очевидно, это была единственная подъездная дорога.

– Похоже, в этой местности всегда туманно, – заметил Зено и посмотрел вниз на долину. Он не был метеорологом, но, когда здесь шел дождь, влага наверняка держалась в лесах несколько дней. Из-за высоких гор солнце светило тут днем недолго.

Темно как у черта в заднице, – подумал он.

Они проехали по лесной тропе и остановились перед монастырем. Вытянутое здание с выступающей церковью, колокольной и всевозможными флигелями и пристройками выглядело впечатляюще, но из-за своих серых каменных стен, узких окон, остроконечных башен и выдающихся эркеров казалось скорее мрачным и пугающим, чем приветливой обителью Бога, где можно найти защиту.

Это впечатление усиливал ветер, который завывал далеко внизу под ними в долине, а где-то поблизости Зено слышал шум водопада.

Пока он доставал две сумки своей сестры из багажника, Магдалена уже направилась к воротам. Какой же она была красивой в своем темном платье с рюшами и накидке. Ее длинные седые волосы, выбившиеся из-под шапки, чудесно гармонировали с туманом, который собрался у цоколя стены и обволакивал Магдалену, словно хотел поприветствовать ее в этом месте. Через пару часов она сменит свою одежду на черное платье монахини, и затем ее мир будет состоять только из черного, белого и разных оттенков серого.

Как и мой!

Зено взял обе сумки и тоже зашагал к воротам. С тех пор как Магдалена рассказала ему о своем намерении стать сестрой урсулинского ордена – потому что это был первый и самый старый женский орден, основанный женщинами, – он собрал в городской библиотеке информацию об этом монастыре и уже видел многочисленные фотографии. Мрачной столовой, узких спален, темных внутренних дворов и голых соединительных трактов. Но теперь он воочию созерцал это жуткое место, и его самые страшные опасения подтвердились.

В отличие от Магдалены он никогда не хотел иметь дело с религией. Даже когда врач диагностировал его начинающуюся болезнь. Магдалена на его месте погрузилась бы в молитвы, но он вместе с другом пошел на курсы вождения, как-то проскочил на экзамене и – что было большим везением – действительно получил права, хотя через год должен был абсолютно ослепнуть. Пока Зено еще мог что-то видеть, он хотел попробовать все, что позже станет ему недоступно. Возможно, доехать автостопом до Греции, летом перейти на лыжах через Альпы или наняться на норвежское рыболовецкое судно и поплыть от Ставангера через острова Шпицберген до Арктического океана на ловлю крабов. А с мятежным сердцем,

которое билось у него в груди, он попытается и в будущем выполнить как можно больше из этого списка и вести увлекательную жизнь.

Но одного он никогда бы не сделал. *Не пошел бы в этот монастырь!* Он буквально ощущал, что в этих стенах живет зло. Но Магдалена осознанно выбрала это уединенное место и даже воспринимала как божий дар.

Магдалена позвонила в колокольчик, и через несколько минут высокая женщина в черном платье открыла им ворота. У нее были кривые черты лица, рот и щеки скосило, словно половина лица была парализована после инсульта. Несмотря на это, раньше она наверняка была красавицей. С иссиня-черными волосами, которые выбивались из-под головного покрывала, полными губами, темными бровями и ясным острым взглядом, она выглядела впечатляюще.

– Вы, должно быть, Магдалена. Меня зовут Констанс Феличитас. Я настоятельница этого монастыря. – Женщина, которая, как показалось Зено, была лет на двадцать старше его сестры, развела руки, но помедлила, когда заметила седые волосы Магдалены.

И Зено не мог ее в этом упрекнуть. Не часто увидишь молодую женщину, полностью поседевшую за одну ночь.

– Я провожу тебя до твоей комнаты, – предложил он, чтобы хоть как-то прервать неловкое молчание.

Настоятельница подняла руку.

– Мужчинам запрещен вход в этот монастырь. Магдалена должна сама нести свои сумки.

В этот момент рядом с Зено закрипел гравий. Он оглянулся – перед его глазами, словно в пелене, возник размытый силуэт молодого человека в зеленом комбинезоне, сапогах и шляпе, который катил перед собой тачку с осенними розами.

– Это Вальтер, наш садовник, – объяснила настоятельница. – Для него, священника, рабочего и повара действуют исключения. – Она улыбнулась. – Мы находимся так высоко и далеко от ближайшего населенного пункта, что хотим быть автономными со своим персоналом, насколько это возможно.

– Я подожду здесь снаружи, пока ты устроишься у себя в комнате, – предложил Зено в надежде, что Магдалена еще передумает, когда увидит монастырь изнутри. Поэтому он одолжил машину друга и хотел лично привезти сюда Магдалену.

– Ваша сестра не получит собственную комнату, а будет делить спальню с пятью другими послушницами, – объяснила настоятельница.

– Но подготовка...

– Ваша сестра в письме отказалась от подготовительного времени, – ответила ему настоятельница. – Она войдет в монастырь без трудничества, будет принята в новициат и через год как послушница принесет обет бедности, целомудрия и послушания.

Все оказалось гораздо хуже!

Теперь и Магдалена улыбнулась, только это была смущенная улыбка. Видимо, она не хотела, чтобы брат узнал об этом таким образом. Она взяла у него из рук сумки и поцеловала в щеку.

– Все в порядке. Не жди меня.

– Но я...

Она поставила сумки на землю и обняла его.

– Ты должен поехать домой, пока еще светло, – прошептала она ему в ухо. – В темноте ты видишь еще хуже. – Она поцеловала Зено. – Не беспокойся обо мне, я здесь в хороших руках.

Внутри у него все сжалось.

– Я буду работать швеей в прачечной и чинить платья. – Магдалена выпустила его из объятий и снова взялась за сумки.

Настоятельница одной рукой обняла его сестру и повела ее внутрь. Прежде чем запереть ворота, настоятельница еще раз улыбнулась Зено.

Но это была холодная, жесткая, торжествующая улыбка, которая шла не от сердца.

Глава 35

– Почему у вашей сестры уже тогда были седые волосы? – спросил Хоровитц, после того как Зено закончил свой рассказ.

Зено помедлил с ответом и отхлебнул своего уже остывшего капучино.

– Магдалена вышла замуж в двадцать три года, – наконец сказал он, – но уже через год потеряла мужа. Хороший парень, честный и понимающий. Несчастный случай на фабрике, из-за переутомления якобы сам оказался виноват, поэтому страховая ничего не выплатила. Так что в двадцать четыре она была уже вдовой. Ее мужа кремировали в Линце. Будучи швеей и рабочим фабрики, они оба зарабатывали немного. Гроб был из дешевого материала, немного свечей, а траурный венок на гроб состоял из лесных цветов и еловых шишек.

Зено сделал паузу, постучал пальцем по кофейному блюдцу.

– Не знаю, бывали ли вы уже на кремации. Языки пламени взвиваются ввысь, температура минимум тысяча градусов. Ко всему этому добавляется шум фильтрующей установки. Ужасно.

– Звучит, как будто вы сами это видели, – заключил Хоровитц.

– В зале прощания было немного людей, только пара коллег. После того как они ушли, гроб направили в печь. Через боковую дверь Магдалена вошла в котельную крематория. Я хотел остановить ее, но она ринулась к смотровому отверстию, потому что обязательно хотела посмотреть на кремацию своего мужа. Последнее прощание, так сказать... чертовски плохая идея. – Он скривился, его голос задрожал. – Раздался треск и хруст. Сначала загорелись цветы и шишки, затем пламя охватило еловый гроб. Тот быстро осел, и вдруг в огне поднялся труп ее мужа. Его одежда уже обгорела, плоть оплавилась. Он сидел с вытянутыми руками, а Магдалена начала кричать. И никак не успокаивалась. – Зено замолчал.

Кржистоф недоверчиво нахмурил лоб.

– Из-за жары у трупа сократились сухожилия, – предположил Хоровитц.

– Не только это. – Зено уставился в пустоту. – От жары расширилась мозговая жидкость в голове. Черепная крышка отскочила

назад, и казалось, что его заживо... – Он замолчал.

– Вы объяснили вашей сестре причины такого явления? – спросил Хоровитц.

– Это было невозможно. Магдалена кричала, не переставая, была психически травмирована, проплакала всю ночь и от отчаяния пыталась покончить с собой – к счастью, ей это не удалось. На следующее утро у нее были абсолютно седые волосы. С тех пор люди в городке называли ее белой вдовой.

– И затем она ушла в монастырь урсулинок, – предположил Хоровитц.

Зено кивнул:

– Это было ее пожизненное наказание, которое она сама определила, потому что винила себя в смерти мужа.

– Но в момент кремации он был уже мертв, – возразил Хоровитц.

– Причина не в этом. – Зено помотал головой. – Она настояла на том, чтобы в выходные ее муж отработал сверхурочные часы на фабрике. Вот почему она это сделала! Жизнь за стенами монастыря стала для нее невыносимой.

– Вы знали, что она была беременна? – неожиданно спросил Кржистоф.

Зено удивленно посмотрел в сторону Кржистофа.

– Нет... я... но как? Ее муж не мог иметь детей. – Реакция Зено была искренней.

– Через несколько лет после его смерти, во время ее пребывания в монастыре, – объяснил Хоровитц.

– Но она ведь вела целомудренный образ жизни. От кого?..

– Мы не знаем.

Зено взялся за подбородок и почесал седую щетину.

– Она жила в монастыре очень уединенно. Мы не встречались с ней много лет и практически не разговаривали по телефону.

– Вы сказали «жила», – уточнил Хоровитц. – Значит, вы уже знаете, что конгрегация освободила ее от обета и она покинула монастырь.

– Да, три недели назад. Она хотела навестить меня в Марбурге, но так этого и не сделала. – Зено перегнулся через стол. – Что случилось? Почему мы ведем этот разговор?

Хоровитц проигнорировал вопрос.

– Расскажите мне чуть больше о вашем с Магдаленой детстве.

Зено терпеливо ответил:

– Наша мать умерла вскоре после моего рождения. Отец был учителем, математиком и гением счета. Он был почитателем Зенона Элейского, древнегреческого философа, в честь которого была названа машина Зенона, гипотетическая машина, способная производить бесконечное количество вычислений. Отсюда мое необычное имя. Это определенным образом сказалоь на мне, по крайней мере, что касается обращения с компьютерами.

– А ваша сестра?

Зено улыбнулся, словно вспомнил забавную историю.

– Как-то раз отец рассказал мне, что в пять лет Магдалена отсутствовала несколько часов и пришла наконец, грязная и в разорванном платье, с берега реки, где играла. Мать неистовствовала. Она велела Магдалене пойти на лужайку и самой найти палку, которой мать ее побьет. Полчаса спустя Магдалена вернулась. Она плакала, потому что не нашла палки. И принесла большой камень, который протянула матери вместо палки.

Хоровитц сглотнул.

– Мать взяла у нее из руки камень, – продолжил Зено, – опустилась на колени, тоже заплакала и обняла ее.

– Милая история, – холодно прокомментировал Кржистоф.

Зено не отреагировал.

– Уже тогда Магдалена была суровой, и к другим, и к самой себе. Кстати, у нее есть способность, которой обладают лишь немногие: она умеет разборчиво писать обеими руками.

– Она левша и правша? – спросил Хоровитц.

– Да, и она даже может писать одновременно два письма разным людям.

– Вы это сами видели? – спросил Кржистоф.

– Да, когда еще мог видеть.

Хоровитц слышал о таких способностях. И это объясняет, почему татуировки, которые монахиня наколола себе правой и левой рукой, были одинакового качества.

– Это умение... – размышлял Хоровитц. – Магдалена Энгельман гений или монстр?

– Монстр? Почему вы так решили? – Зено задумчиво наклонил голову. – *Это* причина нашего разговора?

– Да, – сказал Хоровитц и повторил вопрос.

– Ну...

Пока Хоровитц задавал вопрос, Кржистоф незаметно подвинул чашку Зено на несколько сантиметров вправо. Когда тот захотел сделать глоток и протянул руку, то промахнулся и едва не опрокинул чашку. Раздался звон фарфора.

Выражение лица Зено мгновенно изменилось. Его лоб нахмурился, брови сдвинулись, а желваки заходили. Затем он понизил голос.

– Я думал, мы ведем честный разговор на равных, – нарочито медленно произнес он.

– А разве нет? – спросил Хоровитц.

– Вы хотите проверить, действительно ли я слепой, – спокойно ответил Зено. – Это вечная проблема, когда самостоятельные люди, как я, натываются на таких скептиков, как вы.

Кржистоф хотел что-то сказать, но Зено перебил его:

– К тому же вы оба использовали один и тот же парфюм, чтобы сбить с толку мое обоняние. И я предполагаю, вы намеренно выбрали это место с шумовой кулисой?

– Похоже, мы ошиблись на ваш счет, – и наш разговор принял неожиданный оборот, – признался Хоровитц.

Зено отодвинулся со стулом назад и поднялся.

– Полагаю, вы все же узнали то, что хотели. Напитки за мой счет – будет мне наука. – Он вытащил из кармана двадцать евро и сунул их под чашку. – Правда, за мной еще ответ. Вы хотели знать, гений Магдалена или монстр.

Хоровитц молчал.

– Эта женщина – поле, цветов, красота и радость, – сказал Зено мягким голосом, – но она также Содом и Гоморра. Мне жаль вас обоих и ваших коллег, потому что если вы с ней связались, то еще удивитесь.

Он взял свою трость и направился прочь.

После разговора с этими двумя мужчинами из БКА ему нужно было сначала проветрить голову. *Какие идиоты*, – подумал Зено.

Пройдясь с тростью под стенами замка в сторону приходской церкви и через десять минут вернувшись к ресторану, он встал у

стойки, где официанты принимали заказы.

Он подождал, пока не услышал знакомый голос:

– Угадаешь, кто я?

– Оставь эти шутки, Мелли, – сказал он. – Те двое мужчин, с которыми я до этого разговаривал, еще здесь?

– Нет.

– Они преследовали меня?

– Нет, – сказала официантка. – Они посмотрели тебе вслед, подождали минут пять и затем тоже ушли. То есть один в инвалидной коляске, другой пешком. А что?

– Все отлично, – ответил Зено.

– Правда?

– Да. – Зено услышал, как она направилась к одному из столиков.

Почувствовав, что он один, Зено достал телефон и нажал на кнопку.

«Разблокировать клавиатуру», – произнес женский электронный голос.

Затем он ткнул кнопку быстрого набора. После пятого гудка трубку молча подняли. Зено услышал дыхание.

– Они только что были у меня, – сказал он и положил трубку.

Глава 36

Снейдер остался в Висбадене. Сабина знала, что он хотел выяснить имена других потенциальных жертв, которые могли стоять в смертельном списке монахини, а для этого ему нужно было проверить все заявления о пропавших людях в Австрии, Германии и Швейцарии. Если женщина не изменила свой *modus operandi*^[20], в смертельной опасности находились еще как минимум четыре человека, которых они могли спасти. Но с каждым часом их шансы уменьшались.

К тому же он связался со всеми информационными агентствами, чтобы выяснить, действительно ли некая женщина по имени Магдалена Энгельман пыталась сообщить СМИ информацию о монастыре в Бруггтале.

Пока Снейдер сидел на телефоне в Висбадене, Сабина и Тина полетели из Франкфурта в Линц, где в аэропорту их встретили австрийские коллеги из ЛКА^[21] и на двух полицейских машинах отвезли в Бруггталь.

Под вечер они стояли перед воротами урсулинского монастыря. Расположенный между скалами Верхней Австрии, посреди туманной сырой долины, монастырь со своими флигелями и пристройками походил на маленькое поселение. Блеяли овцы, лаяла собака, а где-то поблизости со скал с шумом срывался водопад.

Несмотря на жару, которая уже утром стояла в Висбадене, Сабину знобило. Монастыри и церкви напоминали ей об их первом совместном со Снейдером деле, которое началось со смерти ее матери.

Не думай сейчас об этом! Сконцентрируйся на актуальном деле!

Пока австрийские коллеги ждали перед воротами, потому что мужчинам вход был запрещен, сестра-послушница проводила Сабину и Тину через зал и по широкой лестнице с мраморными колоннами на верхний этаж. В конце длинной колоннады, чуть в стороне от монастырской жизни, находилось помещение с тяжелой дубовой дверью. Там их принял патер Михаэль Хасс. *Мужчина – как странно!* До этого они разговаривали с ним по телефону и договорились о встрече, так как настоятельница монастыря все еще ни с кем не общалась.

Патер был не старше Сабины, симпатичный парень с сухощавым лицом и короткими черными волосами, но слишком молодой, чтобы застать интересовавшие их события. Однако, как они уже узнали от него по телефону, он был в курсе всех слухов о том времени.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – указал он на скромный бар под зеркалом.

– Нет, спасибо, мы уже перекусили в самолете, – отказалась Тина.

Сабина подошла к окну и посмотрела вниз на узкую долину, где река Бругг поворачивала между скалами в сторону Браунау. Она вытерла рукой пот с шеи и заметила, что опять подрагивает от озноба.

– Здесь прохладно.

– Да, приятная прохлада, – сказал патер. – Солнце почти не светит в эту долину. Только пару часов в разгар лета.

– Обстановка в монастыре довольно спартанская, – заметила Сабина. – Даже ваш кабинет. – Она указала на шкаф, книжную полку и тяжелый деревянный стол с лампой. К розетке был подключен старый громоздкий ноутбук, который казался анахронизмом в этом помещении.

– Это не просто кабинет, а квартира священника, – исправил ее патер и спрятал руки в сутане. – Слишком много людей тратят деньги, которых у них нет, чтобы купить вещи, которые им не нужны, дабы впечатлить людей, которых они не любят.

Сабина переварила замечание патера. Это высказывание могло бы прозвучать из уст ее сестры, которая жила с дочерьми в скромных условиях.

– Красиво сказано.

– И чтобы избежать этого, я стал священником.

– Вы сказали, что это ваша квартира, – повторила Сабина. – Это означает, что вы здесь живете?

Он кивнул:

– Так и есть. Так как для сестер каждый день проводится служба, священнику отвели собственную квартиру. Это нормально для монастыря такого размера с собственной церковью. К тому же я опекаю сестер, отвечаю, так сказать, за их душепопечение.

– И это все? – напрямую спросила Тина.

Он снисходительно улыбнулся.

– Честно говоря, нет! Но я живу здесь так уединенно, потому что учусь, – он взглянул на свой ноутбук, – и попутно пишу диссертацию.

– О чем? – поинтересовалась Сабина.

– Биоэтика, – ответил он и пояснил: – То есть представления мировых религий о том, насколько ответственно наука должна обходиться с жизнью.

Сабина кивнула.

– Как интересно! Давайте лучше поговорим о настоятельнице и тогдашних происшествиях. – Тина перешла непосредственно к теме визита. – Я слышала, что настоятельница была известна своей религиозной манией. Она знала о насилии над монахинями? Если да, как такое возможно?

Патер Михаэль Хасс развел руками.

– Официально никогда ничего не предпринималось, чтобы расследовать те случаи или прояснить слухи. А так как церковь замалчивала происшествия, а жертвы постарались вытеснить их из памяти, со временем реальность смешалась с дичайшими слухами. Я могу рассказать вам лишь то, что знаю.

– Пожалуйста. – Голос Тины по-прежнему звучал требовательно.

– Но сначала я должен прояснить одну вещь. Случаи сексуального насилия над монахинями были исключительно редкими.

– Чему вы уж точно рады, – дерзко заметила Тина.

Патер тяжело вздохнул.

– Прежде всего это касалось молодых женщин, которые жили тогда в нашем интернате, – умственно и физически отсталые девушки, высланные сюда в послевоенные годы. Это они на протяжении многих лет подвергались насилию.

– И руководство интерната ничего не предпринимало? – спросила Сабина.

– Интернат не был государственной школой, – объяснил патер. – Девушки находились под присмотром сестер, которым было дано право преподавать. В интернате было два школьных класса с собственными умывальнями и спальнями, но остальное время девочки проводили в монастыре с монахинями.

– Это не ответ на вопрос, – заявила Тина. – Если ходило столько слухов и так много людей знало о насилии, почему те случаи не расследовали?

Патер пожал плечами:

– При достаточном количестве денег можно устроить так, что тайны останутся тайнами.

– Вы можете конкретизировать?

– Я слышал, что тогдашнего шефа полиции Браунау подкупили – и некоторых других людей на высоких должностях.

– Например?

– Церковного и городского советников.

– Кого еще?

– Старого деревенского врача. Но, как я уже сказал, это только слухи. Некоторые женщины «необъяснимым образом» заражались сифилисом, что было бы равносильно скандалу, поэтому врачу якобы платили за то, чтобы эта информация не просочилась.

– Врач и шеф полиции еще живы?

Патер покачал головой.

– Оба умерли в конце девяностых, и из других тоже никого не осталось в живых. Они брали деньги и закрывали глаза на происходящее. – Он сглотнул. – Весь чертов город закрывал глаза.

– И Вальтер Граймс тоже в этом участвовал, – добавила Сабина.

– Бывший садовник, да. Ему платили за то, что он приводил *клиентов* к женщинам через черный ход. Констанс Феличитас, настоятельница, рассказывала мне, что в те вечера, когда в интернат приходили мужчины, она молилась по десяти четкам.

– То есть она обо всем знала?

Патер кивнул.

– И все равно ничего не предприняла?

– Ничего не предприняла? – Патер грустно взглянул на нее. – Это была *ее* идея! Она все организовала и даже поддерживала.

У Сабинины на мгновение перехватило дыхание, затем она глубоко продохнула.

– Тоже из-за денег?

Он сжал губы и помотал головой.

– Я только один раз говорил с ней об этом – одной ночью, когда у нее снова началась тяжелая депрессия и ей нужно было кому-то излить душу.

– Она исповедовалась вам?

– Нет, иначе я не мог бы вам ничего рассказать. За бутылкой вина в ее гостиной мы свободно говорили о тех случаях. Это было ужасно. Она называла молодых женщин шлюхами Сатаны. А все произошедшее – справедливым божьим наказанием. Таким способом она хотела выбить из них похоть и сделать их целомудренными.

– Массовыми изнасилованиями? – вырвалось у Сабины.

– Констанс Феличитас в юности самую изнасиловали солдаты во время войны... – Он сделал паузу. – Стеклянными бутылками, которые вставляли ей во все естественные отверстия. Это событие ее... так скажем... *изменило*. Она была благодарна за такой опыт. И называла саму себя *очищенной*. Очевидно, она думала, что другие женщины тоже должны пройти через этот процесс очищения, чтобы избавиться от постыдных мыслей и сексуального влечения и научиться любить Бога всем сердцем.

– Но это же патология! – возмутилась Тина.

– Старый метод выбивания клина клином, – ответил патер. – Так родители заставляют своего ребенка выкурить пачку сигарет, пока того не начнет рвать, чтобы он никогда больше не прикасался к табаку.

Сабина поморщилась. К счастью, таких методов больше не существует – или, по крайней мере, они крайне редки.

– Но разве женщины и так не давали обет целомудрия?

– Монахини – да, послушницы еще нет, и, конечно, молодые женщины в интернате тоже нет. Там жили практически только умственно и физически отсталые девушки, а по представлению Констанс, умственно отсталые люди более похотливы – и тем жестче было... хм, так сказать... лечение.

– О боже, – вырвалось у Сабины.

– Я не хочу приукрашивать или преуменьшать серьезность того, что сделала настоятельница, – пояснил патер. – Это были темные времена, и мы не гордимся тем, что происходило в парнике.

– В парнике? – переспросила Сабина. – Где выращивают растения?

Патер кивнул:

– В то время так называли интернат, потому что здание имело частично стеклянную крышу и там выращивали цветы.

– Если настоятельница вам все это рассказала... – вмешалась в разговор Тина, – почему вы не сообщили в полицию?

Патер сглотнул, сжал губы.

– Тогда бы здесь начался ад крошечный, если вы позволите мне эту игру слов. – Он посмотрел на письменный стол, где лежал ноутбук. – Я почти закончил свою диссертацию. Наверное, для вас это звучит странно, но я вложил в нее многие годы работы... а те случаи произошли несколько десятилетий назад. Кому от этого была бы польза?

Отличное обоснование!

Они помолчали какое-то время.

– Я бы хотела поговорить с монахинями постарше, которые, как Магдалена Энгельман и настоятельница, находятся в монастыре уже с 70-х годов, – наконец сказала Тина.

Патер кивнул:

– Хотя у нас строгий распорядок дня с установленными часами для работы на кухне, молитвы и еды, а некоторые сестры должны подготовить вечернюю службу, но женщины уже проинформированы о вашем визите и готовы к встрече с вами. Одна из сестер отведет вас в хозяйственное помещение. Там вы сможете спокойно поговорить.

– А я бы хотела осмотреть все здание и прежде всего место, где это происходило, – добавила Сабина.

– Парник, – тихо произнес патер. – Эта часть здания сгорела в конце 70-х и уже не была восстановлена. Вы все равно хотите взглянуть?

Сабина кивнула.

– Я этого опасался. – Патер открыл ящик и достал тяжелую связку ключей.

Глава 37

После того как Сабина и Тина разделились, патер повел Сабину по разветвленным переходам. Она увидела кухню, столовую, общую комнату, спальни, швейную мастерскую и прачечную, библиотеку и комнату отдыха и досуга.

Спустя часа полтора, за которые Сабина узнала много фактов из истории монастыря, они снова вышли наружу. Рядом с фонтаном с ручным насосом она увидела цветник и аптекарский огород с десятками клумб, а за ними узкое картофельное поле, свекловичные поля и хлев для овец. Затем они прошли мимо теплицы и поливной установки для фруктового сада и огорода. Монастырь со всей территорией походил на автономное поселение на самообеспечении вдали от какой-либо цивилизации. Удивительно, что растения плодоносили при таком скудном солнце. В любом случае влаги они получали достаточно.

– В 70-е годы монастырь переживал расцвет... – Патер умолк, вероятно заметив, сколь неуместно прозвучали его слова. – Я имею в виду, в то время в монастыре жило еще более восьмидесяти монахинь и около двадцати пяти девушек и молодых женщин в интернате, – быстро добавил он. – После окончания школы большинство женщин, у которых был только физический недостаток, приносили обет и становились монахинями. Женщины с умственными отклонениями отправлялись – как мы сейчас сказали бы – в мастерские для лиц с ограниченными возможностями.

– А сколько монахинь здесь сегодня? – спросила Сабина.

– Ну, интерната больше нет, а в монастыре живут только пятьдесят монахинь. – Патер остановился. – Так, вот здесь парник. – Перед ними находилась церковь с остроконечной башней, к которой примыкало двухэтажное здание. – В колокольне была винтовая лестница, чтобы попасть на верхний этаж парника.

Церковь и колокольню отремонтировали, но бывшее кирпичное здание рядом почернело от огня, который, похоже, бушевал здесь, как дьявол. Крыша, оконные и дверные рамы были преимущественно из дерева и узнаваемы лишь фрагментарно.

– Я подожду здесь, – сказал патер. – Вообще-то здание с тех пор опечатано пожарной службой. Будьте аккуратны и не провалитесь.

– В доме есть подвал?

– Нет, лишь частично сохранившийся деревянный пол.

Сабина ступила на порог бывшего интерната. Хотя прошло столько десятилетий, ей показалось, что она все еще чувствует запах обгоревшего дерева. Ветхие черные доски на полу, уцелевшие при пожаре, были окончательно разрушены дождем и снегом, которые проникали через дырявую крышу. Пол выглядел как минное поле из трясины и черного ила. Без резиновых сапог Сабина не решалась пройти внутрь ни на метр.

От бывшей лестницы остались только металлические перила; доступ на верхний этаж был невозможен. Обычно в таких зданиях разрастались сорняки, плющ и мох. Или гнездились птицы и мыши. Но здесь не было ничего, кроме гробовой черноты.

Через отверстие, в котором больше не висела дверь, Сабина смогла заглянуть в соседнее помещение. Подсвечивая фонариком в телефоне, она пыталась разглядеть побольше. Вдоль стены в ряд там стояли ржавые каркасы кроватей с металлическими пружинами. Сабина всматривалась в сумеречный свет, и ей казалось, что она слышит крики и всхлипывания молодых женщин и стоны мужчин. Чувствует запах пота, крови, спермы и слез, которые впитали в себя простыни.

Она сглотнула горечь, подступившую к горлу, и вышла наружу, взглянула на небо и сделала глубокий вдох. *Шлюхи Сатаны*. Сколько из них еще живы, как Магдалена Энгельман? Она подумала о беседах, которые сейчас проводила Тина. Если им повезет, они это узнают.

В конце концов Сабина снова направилась к патеру Михаэлю Хассу, который стоял у кустов томатов и ежевики и наблюдал за ней.

– Вы не знаете, в том пожаре кто-нибудь погиб? – спросила Сабина.

– Из рассказа настоятельницы я точно помню дату. Девятое мая тридцать семь лет назад. Тогда в горах разразилась жуткая гроза. Молнии достигали долины, били в лес – а одна попала в колокольню. Якобы в считанные секунды церковь и прилегающее здание парника были в огне. Но все, кто находился внутри, успели выбежать.

Сабина невольно подумала об ожогах, обезобразивших лицо швейцарской акушерки.

– Имя Вивиана Кронер вам что-нибудь говорит?

Патер подумал, но затем помотал головой.

– Кто это?

– Да не важно, – сказала Сабина. Видимо, акушерка принимала роды у беременных женщин в парнике и успела выбраться из огня.

– Мы закончили? – спросил патер.

Сабина посмотрела на густую живую изгородь.

– Что там находится?

Патер взглянул в сторону кустарников.

– Наше кладбище. Вы его тоже хотите посмотреть?

Сабина вспомнила о татуировке с гробом и четырьмя крестами.

– Обязательно, – ответила она, уже направляясь туда.

Между кустарниками спряталась практически полностью заросшая кованая калитка, у которой Сабина остановилась. Она нажала на ручку, но калитка была заперта.

За спиной патер гремел своей связкой ключей.

– Кладбище закрыто уже несколько лет.

– За могилами никто не ухаживает?

– Последняя сестра была похоронена здесь в 1970 году.

Значит, до того, как начались изнасилования, – прикинула Сабина.

Патер протиснулся мимо нее, поковырял ключом в замке и наконец открыл его.

– Эта дверь была заперта много лет. – Он приподнял ветви и открыл громко заскрипевшую калитку.

Сгорбившись, они вошли на кладбище.

Значит, здесь находилась последняя часть территории монастыря. Дальний конец кладбища был огорожен покосившейся кирпичной стеной с аркой, за ней отвесная скала уходила в ущелье Бруггталь.

На узком пяточке этого убогого погоста один простой надгробный камень теснился на другом. Большая часть могил просела, некоторые таблички висели криво, парочка даже отвалилась и раскололась. Все было покрыто мхом. Вдоль гравийных дорожек рос чертополох и другие сорняки, а по углам кучами собралась листва с фруктовых деревьев.

Значит, вот как монастырь обходится со своими бывшими монахинями. Хотя с момента последнего погребения прошло почти пятьдесят лет, вид все равно был печальный. Но еще больше Сабину поразило то, что она увидела в центре кладбища.

– Я уже задавалась вопросом, когда ты наконец сюда дойдешь. – Под корявой яблоней на краю могилы на корточках сидела Тина, подперев подбородок руками. Она задумчиво повернула голову и снова уставилась на надпись.

– Я думала, ты опрашиваешь сестер? – удивилась Сабина.

– Закончила десять минут назад.

Сабина понизила голос, чтобы патер, оставшийся стоять у металлической калитки, не услышал ее:

– И что ты выяснила?

Тина все еще смотрела на надпись перед собой.

– Они молчат. Абсолютно все. Спустила столько лет. Либо заставили себя забыть те события и больше не хотят о них вспоминать, все еще боясь раскрыть рот, либо стыдятся того, что сделали с ними и ученицами интерната.

Вероятно, и то и другое, – подумала Сабина.

– А как ты сюда попала?

Тина кивнула на кирпичную стену с аркой.

– Там позади есть узкая тропа, которая сначала ведет мимо тыльного входа в парник, а затем вдоль ущелья уходит вверх в лес.

– Ты была в парнике?

– Меня привела туда глухонемая монахиня. – Тина кивнула. – Я ненадолго заглянула внутрь, а потом почувствовала себя плохо. Мне нужно было выбраться оттуда, я нашла эту тропу – и вот оказалась здесь.

Сабина огляделась.

– Ты тоже подумала о татуировке с четырьмя крестами?

Тина кивнула.

– Но здесь нет ничего необычного. Последняя могила 1970 года – еще до того, как тут все началось.

Сабина услышала за спиной хруст гравия.

– Вы достаточно увидели? – крикнул патер.

– Мы уже несколько дней пытаемся связаться с настоятельницей, – ответила Тина. – Но это невозможно. Она якобы

больна. Вы знаете, что с ней и где мы можем ее найти?

Патер подошел ближе.

– Для своих восьмидесяти четырех лет Констанс Феличитас умственно в отличной форме, но несколько лет назад у нее открылась тяжелая подагра.

– И несмотря на это она исполняет обязанности настоятельницы?

Патер бессильно развел руками.

– Она упорно отказывается сложить обязанности – хотя с каждой неделей ее состояние ухудшается.

Сабина насторожилась.

– То есть она все еще в этом монастыре?

– Да, конечно. – Он озадаченно посмотрел на них обеих.

– Но где? Мы ее не видели, – заметила Сабина.

Патер указал на арку, от которой тропа уходила в лес.

– Она живет там наверху, в пятистах метрах на поляне стоит маленькая лесная часовня. Раньше, когда в монастыре было тесно, потому что здесь жило много монахинь, настоятельница переехала в часовню и организовала там для себя жилье и кабинет.

– Так далеко?

Он пожал плечами.

– Мужчинам нельзя заходить в помещения сестер-монахинь, поэтому она оттуда вела все служебные дела с садовником, рабочими или согласовывала меню с поваром. К тому же в часовне у нее достаточно места, а вид оттуда...

Тина поднялась.

– Хотя настоятельница тяжело больна, она все еще живет одна там наверху?

– У нее есть сиделка. Сестра из нашего монастыря, которая уже много лет является приближенной настоятельницы и заботится о ней.

– Больная или нет – нам нужно с ней поговорить, – настаивала Сабина. – Или, по крайней мере, с этой сиделкой.

Патер поморщился.

– К сожалению, это невозможно. Они обе уехали. Сиделка отвезла ее на вокзал и поехала с ней на поезде в Линц – на полугодовое контрольное обследование в больнице сестер милосердия.

– Когда это было? – спросила Сабина.

– Четыре дня назад.

– С тех пор у вас был контакт с ней или ее сиделкой?

– Нет – но они вернутся сегодня вечером.

Точно нет.

Сабина и Тина переглянулись и бросились вверх по тропинке.

Глава 38

Старая лесная часовня снаружи напоминала милый охотничий домик – одноэтажный, с остроконечной черепичной крышей, оконными ставнями, цветочными ящиками и наружным камином. Дом стоял на поляне, с которой можно было видеть монастырь и смотреть прямо вниз в долину Бруггталь.

Запыхавшись, Сабина и Тина добежали до крыльца с пристроенной крытой террасой и скамьей-качелями. Рядом с домом стоял старый красный «опель-кадет» с номерами *BR*, что, видимо, означало Браунау.

Сабина потянулась к кобуре, чтобы вытащить свой «глок», но попала рукой в пустоту. *Проклятье!* Она никогда не брала служебное оружие за границу. Вместо этого она достала телефон и визитную карточку начальника полиции ЛКА Линца, который привез их сюда и все еще ждал с коллегами перед входом в монастырь.

Пока Сабина разговаривала по телефону, Тина осмотрела автомобиль. Видимо, он принадлежал той сиделке, которая должна была отвезти настоятельницу в город на вокзал, чтобы отправиться в Линц на поезде. Понятно, что этого не произошло и визит в больницу был отменен.

А сиделка наверняка была уже четыре дня как мертва.

– Я объясню вам это позже. – Сабина предупредила все вопросы. – Вызовите машину скорой помощи и поднимитесь с вашими людьми к лесной часовне.

– Где это?

– Подъезьте на машине к обгоревшей части здания с обратной стороны. Там есть тропа, которая ведет к часовне. Пусть патер Михаэль Хасс покажет вам дорогу. – Она окончила разговор.

Тем временем Тина оставила машину и уже поднялась на террасу. Сабина последовала за ней.

– На заднем сиденье лежит чемодан, – прошептала Тина. – Очевидно, они как раз собирались уезжать. – Она нажала на дверную ручку.

Дверь открылась. Сабина схватила грабли для удаления сорняков, торчавшие в одном из цветочных горшков, затем они вошли в дом и быстро проверили одну за другой все комнаты. Бывшая часовня была обставлена как квартира и только снаружи напоминала молитвенный дом. В комнатах стоял запах дерева и затхлости.

Групного запаха нет!

Сабина опустила руку с граблями.

– В доме нет ни подвала, ни чердака. Где обе женщины?

– Смотри. – Тина махнула ей, подзывая к себе.

На стене висели черно-белые фотографии в рамках. На одной была изображена высокая худая женщина в черной монашеской одежде в окружении других монахинь. Если это Констанс Феличитас, то в юности она была очень красивая, с иссиня-черными волосами, густыми бровями, полными губами и выразительными темными глазами. Правда, половина лица была перекошена.

Тина указала на другой снимок:

– Посмотри. Насколько больной нужно быть, чтобы повесить такую фотографию на стену?

Сабина уставилась на черно-белый снимок парника. Пожар еще не разрушил его. Перед неповрежденным зданием, держась за руки, стояли женщины в черных монашеских одеждах.

– Смотри, здесь и Магдалена, наша монашка. – Тина указала на женщину лет двадцати пяти.

Шлюхи Сатаны.

Ни одна из них не улыбалась.

Фотография выглядела безобидной, но если знать подоплеку, то волосы дыбом вставали.

Парник в полном цвету.

– Полиция появится здесь в любой момент, – торопила Сабина. – Может, мы что-нибудь найдем.

При более внимательном осмотре дома они обнаружили заднюю дверь, которая тоже оказалась незаперта. За домом располагался узкий, вытянутый сад с деревянными шпалерами, на которых разрослись розы. Розарий. В воздухе жужжали пчелы, пахло цветами и влажной землей. К дощатой стене дома была прислонена лопата, на полотне которой остались крошки земли. Сабина не обратила бы на

инструмент особого внимания, если бы не заметила на металле что-то, похожее на засохшую кровь. *Словно кому-то проломил этим череп.*

От обратной стороны дома между розами в лес уходила узкая тропинка, по которой нельзя было проехать на машине.

– Посмотри сюда! – Тина уже бежала по тропинке к лесу.

Там что-то лежало на земле в тени деревьев.

Сабина бросилась вслед за ней. И уже почувствовала сладковатый запах разложившегося тела. Мухи разлетелись в разные стороны, когда Тина и Сабина подошли ближе.

Труп – определенно женский, в черной монашеской одежде – выглядел так, словно пролежал здесь уже несколько недель. Но в этой местности и при такой погоде первое впечатление могло быть ошибочным. В конце концов, тело было беззащитно не только перед воздействием погоды, но и перед муравьями, птицами, ежами и лисами.

– Полагаю, это сиделка. – Тина отвернулась. У женщины был однозначно проломлен череп. – Но почему она лежит здесь, а не у дома? С такой раной она бы не смогла сюда добраться. А если бы смогла, то поползла бы к машине, а не в сторону леса.

Сабина помотала головой.

– Все было иначе. Сиделка и тот, кто это с ней сделал, шли из леса. – Сабина разглядывала тропу, которая исчезала между деревьями, и неожиданно увидела сцену перед глазами. – *Сиделку толкали вперед и поторавливали, она сопротивлялась и в какой-то момент споткнулась, похититель ударил ее лопатой по голове, бросил труп лежать здесь и приставил инструмент обратно к дощатой стене.*

– Но почему? – спросила Тина, но Сабина подняла руку, и она замолчала.

– *Убийца заставил ее закопать что-то в лесу или вырыть яму. Она была приближенной настоятельницы, поэтому должна была копать. Возможно даже... яму для своей настоятельницы.* – Сабина подняла глаза. – Женщина должна быть где-то в лесу.

– Ты сказала убийца заставил, а не заставила. – Тина обратила внимание на такую деталь.

Верно! Почему-то у нее в голове не укладывалась мысль, что все эти убийства совершила Магдалена Энгельман, какой бы циничной та ни казалась.

Синяя мигалка вывела ее из задумчивости. Полицейские, которые привезли их сюда, подъехали на обеих патрульных машинах к дому.

– Останься у трупа, – предложила Сабина. – Они должны все оцепить – обычная процедура.

– А ты?

Сабина все еще держала в руке грабли для удаления сорняков.

– Я пройду вверх по тропе. Уверена, что настоятельница где-то здесь поблизости.

Сабина побежала. Как только она оказалась в лесу, стало холоднее. Хотя она отошла уже на столько метров и была в окружении мха, грибов и хвойных деревьев, в носу у нее по-прежнему стоял трупный запах – который еще долгое время будет ее преследовать. *Все дело только в психике!*

Сабина искала слева и справа от тропы – следы, обломленные ветки, выкопанную свежую землю.

Ничего!

В конце концов она остановилась, тяжело дыша.

– Феличитас? – крикнула она, затаила дыхание и прислушалась.

Нет ответа!

Это был безнадежный поиск. Им потребуется большое количество учеников полицейской академии и собак-ищеек, чтобы прочесать этот лес.

Выключите же наконец эту мигалку!

Она прошла дальше в лес и снова выкрикнула имя настоятельница. *Опять ничего!* Только шум ветра в ветвях и чириканье птиц.

– Феличитас? – еще раз позвала она.

Снова затаила дыхание, прислушалась и уже собралась бежать дальше, как услышала глухой металлический звук. Словно кто-то стучал монетой о трубу.

– Эй? – крикнула Сабина.

Стук раздавался где-то поблизости. Она огляделась. Посмотрела между деревьями, затем снова под ноги. В нескольких метрах перед ней у тропы земля выглядела свежескопанной. Сверху лежала лишь одна ветка. Подойдя ближе, Сабина увидела четыре маленьких деревянных креста. А посередине из земли торчала металлическая труба.

Какого черта?..

Она торопливо вытасила телефон и позвонила Тине.

– Быстрее! – крикнула она, не дав Тине сказать ни слова. – Триста метров по тропе. Возьми с собой кого-то из коллег и лопату!

Тяжело дыша, Сабина дошла до места и опустилась на колени рядом с крестами. Бряцанье однозначно доносилось из трубы диаметром в два пальца. Она наклонилась к отверстию.

– Констанс Феличитас? – крикнула она. – Если *да*, то стукните два раза.

В ответ постучали два раза.

Отлично!

– Поберегите свои силы. Я из полиции. Я вытащу вас оттуда. – Она сделала на телефон фотографию для коллег из отдела криминалистической экспертизы. Затем смахнула рукой в сторону деревянные кресты и начала копать граблями.

К счастью, яма была не глубокая. Через несколько сантиметров Сабина уже наткнулась на деревянные доски, которые очистила от земли граблями и руками. Ящик имел форму гроба, из его верхнего конца торчала труба.

Наконец она услышала за спиной шаги и голоса. Тина пришла в сопровождении полицейского, который держал в руке складную лопату. Сабине не пришлось много объяснять, так как коллега уже догадался, в чем дело, и принялся копать.

Спустя несколько минут они вместе освободили крышку гроба.

– Скорая помощь в пути? – тяжело дыша, спросила Сабина.

Полицейский кивнул. Он уже собирался вырвать металлическую трубу из крышки, но Сабина его остановила. Она вспомнила рассказ Снейдера о бамбуковых ростках.

– Возможно, труба напрямую соединена со ртом.

Полицейский в ужасе взглянул на нее.

– Вы серьезно?

– Она права, – сказала Тина. – Давайте попытаемся осторожно поднять крышку гроба.

Пока мужчина вставлял лопату ребром между гробом и крышкой, используя черенок в качестве рычага, чтобы вскрыть доски, Сабина нагнулась к отверстию трубы.

– Вы можете говорить?

– Да, – слабо донеслось изнутри.

– Вы ранены?

– Да.

Сабина запнулась.

– Врач уже на пути сюда, – наконец сказала она. – Мы можем вытащить трубу, не поранив вас?

– Да.

– И снять крышку?

Молчание!

Наконец раздалось тихое «да».

Сабина кивнула полицейскому. Тина помогла ему, и вместе они постепенно вскрыли крышку.

Спустя еще пять минут они достали трубу и разобрали доски крышки, так что смогли увидеть человека внутри гроба. Это была та самая женщина с фотографии. *Настоятельница*. Сабина узнала ее по парализованной половине лица. Но на этом все сходство заканчивалось. Когда Сабина и Тина убрали последнюю доску у нее над головой, они в ужасе отпрянули.

Сабина потеряла дар речи. Она услышала, как у нее за спиной застонал и закашлялся полицейский. Руки женщины были связаны. Жуки, червяки, муравьи и улитки, которые заползли внутрь через трубу, развели части ее тела. Ее лицо выглядело жутко. Но страшнее всего было то место, где раньше находились глаза.

Просто чудо, что женщина выжила, проведя четыре дня в этом гробу без воды и еды.

Несмотря на отвращение, Сабина нагнулась к ней и взяла за руку. Пальцы женщины были тонкими и холодными как лед.

– Моя фамилия Немез. Врач уже в пути.

Женщина едва заметно ответила на рукопожатие. Ее рот открылся и закрылся. Дыхание было тяжелым.

Тем временем Тина освободила ее лицо от ползающих по нему насекомых.

– Вы знаете, кто с вами это сделал? – спросила Сабина.

– Да... и я также знаю... почему... – простонала настоятельница, – должна претерпеть такую же судьбу.

– Кто это сказал?

– Она хотела знать, где дети... – прошептала женщина.

Она? Какие дети? – чуть было не закричала Сабина. Но постаралась говорить спокойным голосом:

– Что с детьми? Где они? И кто это *она*?

– Земля сочная, удобрение хорошее... растения прекрасно растут... на этой почве... много десятилетий великолепно цветут.

– Что? – воскликнула Сабина и подняла глаза. *Эта женщина сумасшедшая?*

– В розарии... – с облегчением прошептала настоятельница, словно только и ждала этого момента. – Значит вот какое... это чувство... – Затем ее дыхание остановилось.

– Нет! – закричала Сабина и проверила пульс у нее на шее.

Пульса не было!

– Нет, черт возьми! – Она положила одну ладонь на другую и начала делать массаж сердца. Через несколько секунд услышала, как в истощенном теле хрустнули и сломались ребра.

Отсчитав тридцать надавливаний, Сабина пересилила себя, нагнулась и сделала женщине искусственное дыхание. Затем снова продолжила массаж сердца.

Через какое-то время Тина положила руку ей на плечо.

– Хватит, – тихо сказала она.

Измощенная, Сабина поникла и вытерла пот со лба. Ее пальцы пахли лесной землей и смертью.

Тина еще раз проверила пульс и покачала головой.

– Проклятье! – Сабина сжала руку в кулак. – Эта чертова монашка все так продумала, что мы всегда опаздываем.

– Успокойся, – сказала Тина. – Акушерка в Берне еще жива.

– Да, но она в коме, от нее нам мало толку!

Полицейский в шоке посмотрел на Сабину, очевидно не зная, что на это сказать.

Неожиданно глаза у Тины округлились.

– Я знаю, где дети!

– Что? Какие дети? – Сабина в замешательстве посмотрела на нее.

Тина указала на четыре деревянных креста, которые лежали на куче земли.

– Они торчали здесь в земле, правильно?

Сабина кивнула.

– Возможно, это не единственное послание татуировки. Мотивы с крестом и гробом указывают на кладбище, так? Вспомни, что сказала настоятельница.

– В розарии? – повторила Сабина последние слова женщины.

– Именно! За лесной часовней расположен этот сад с дикими розами. Там нужно копать. – Она схватила складную лопату полицейского и побежала прочь.

Глава 39

Пока австрийские полицейские занимались обоими трупами в лесу и ждали коллег из уголовной полиции и отдела криминалистической экспертизы, Сабина и Тина побежали вниз по тропе к дому настоятельницы. Из долины вверх по ущелью веял прохладный ветер. Начинало смеркаться.

Тяжело дыша, они добрались до тыльной стороны лесной часовни, где на шпалерах разрослись дикие розы. Сад был достаточно большим. Хотя и очень узким, но в длину наверняка двадцать метров. Сабина осмотрелась. У самой стены дома росло особенно много роз.

В розарии. Это должно быть здесь.

Тина притоптала ботинками траву между розовыми кустами и обыскала землю. Обычная заросшая травами лесная почва. В произвольно выбранном месте Тина воткнула лопату в землю, как можно сильнее вогнала ее ботинком вглубь и перевернула пласт почвы.

– Что вы тут делаете? – раздалось у них за спиной.

Сабина подняла взгляд. Патер Михаэль Хасс обошел лесную часовню и недоверчиво уставился на них.

– В монастыре есть розарий? – спросила она.

– Что? Нет. Только на этом месте. Розы растут здесь уже много десятилетий. Просто на склоне... – Он замолчал, затем снова рассердился. – Что вы тут делаете?

– Мы копаем землю, – кратко объяснила Тина, продолжая выкапывать ямы.

– А как насчет ущерба, который вы наносите? Настоятельнице это не понравится.

Сабина и Тина молча переглянулись, и Тина продолжила копать.

– У вас вообще есть ордер на обыск? – спросил патер.

– Он нам не нужен. Вся территория церкви является местом преступления. Через несколько минут подъедет уголовная полиция.

– Но... – пропыхтел он. – Разве вам непонятно, что это церковная земля?

– Церковные привилегии распространяются только на папскую резиденцию, – оборвала его Тина.

– Прекратите! – все равно крикнул он. – Вы не можете этого делать!

Сабина взглянула на него.

– Вы еще удивитесь тому, что мы можем. – Затем воткнула грабли для сорняков в землю и вырвала из почвы кусок травы с корнями.

Если в этом саду действительно закопаны детские трупы, то, вероятно, не так близко к склону, – подумала она, – *а скорее у часовни.* Там больше защиты от любопытных взглядов из монастыря.

– Попробуй здесь. – Сабина указала на место у стены, где розы цвели особенно пышно.

Тина перешла туда и вырыла между розами яму. Здесь почва была мягче. После трех попыток в разных местах она вдруг наткнулась на что-то твердое.

– Здесь что-то есть.

– Камень? – спросила Сабина. – Дерево?

Тина разгребла лопатой землю вокруг и вытащила грязный серый предмет, напоминавший керамическую миску.

Сабина почему-то рассчитывала увидеть ветхий деревянный гроб или завернутое в пленку тело, но Тина в сумерках достала из земли нечто иное.

– Череп... а здесь еще кости!

Патер подошел ближе.

– Это, должно быть, от животного.

– Оставайтесь там, где вы стоите. Ни шага вперед. – Сабина уже схватилась за телефон и набрала номер полицейского, который привез их сюда. Она увидела, как он, стоя в отдалении на краю леса рядом с трупом сиделки, вытащил мобильный, взглянул на дисплей и затем посмотрел в их сторону.

В трубке щелкнуло.

– Вы нашли еще один труп? – упавшим голосом спросил он.

В полуметре от находки Тина еще раз копнула землю и на этот раз достала не только почву, но и пористые части костей.

– Один? – спросила Сабина. – Нам нужна палатка с прожекторами и целая команда – люди из отделов криминалистической экспертизы и техники, а также судмедэксперт и антрополог-криминалист.

– Вы шутите? – спросил полицейский.

– Если бы.

Палатку поставили к полуночи. Она начиналась у тыльной стороны лесной часовни и охватывала весь розарий. Внутри ярко светила дюжина прожекторов, и была перекопана уже треть почвы. Между раскопками лежали доски, так называемые тропки для сотрудников, а землю с помощью веревок разметили на квадраты, чтобы было проще зафиксировать находки.

Команда специалистов сначала раскопала могилу со скелетированными останками трех младенцев, рядом – с пятью и еще одну – с семью скелетами. И дальше в том же духе. Вероятно, вся территория была массовым захоронением невысказанных размеров.

Сабина была знакома с типичным черным юмором судебных медиков и патологоанатомов. Обычно эти люди ничего не смущались и позволяли себе такие шутки, что посторонние только шокированно качали головой. Но сейчас мужчины и женщины выполняли свою работу почти молча. Чем больше времени проходило, тем тише становилось в палатке, и скоро были слышны только клацанье лопат и вспышки фотоаппаратов. На Сабину такая атмосфера тоже влияла более чем удручающе. Она чувствовала напряжение даже физически; грудь все сильнее сдавливалось, и она уже с трудом могла дышать.

Тина стояла в палатке и уже полчаса разговаривала по телефону со Снейдером, а Сабина тем временем вышла наружу, чтобы взглянуть на звездное небо и глотнуть свежего воздуха. Руководительница отдела криминалистической антропологии, врач лет пятидесяти, с седыми волосами, длинной косой и в никелированных очках, сидела на генераторе, курила сигарету и тоже смотрела в темноту, правда, вниз в ущелье Бруггталь. Она проработала пять часов подряд, и это была ее первая передышка.

– Сколько всего младенцев? – спросила Сабина.

Женщина взглянула на свою тлеющую сигарету. Рукава ее белого комбинезона были закатаны.

– Такое я видела только во Вьетнаме и Таиланде.

Сабина подсела к ней.

– Сколько младенцев уже нашли ваши люди? – повторила она.

– Пока что... минимум сорок, но мы еще далеко не закончили.

Сорок? Боже мой. При мысли, что происходило здесь несколько десятилетий назад, Сабине стало невыносимо горько.

– Как вы оцениваете? Когда дети были здесь похоронены? – Хотя... *похоронены* тут не подходило. Младенцы были небрежно сброшены в яму без гробов, крестов и одежды и просто закопаны. Невинные существа, которые не прожили и минуты после своего первого вдоха. Их убийцы даже не потрудились выкопать яму поглубже. Лишь настолько, чтобы звери не смогли откопать трупы.

И теперь Сабина поняла, почему настоятельница жила так уединенно именно здесь наверху. Не из-за вида, пространства или возможности говорить с мужским персоналом монастыря. На самом деле она следила за тем, чтобы никто не нашел трупы. Она хотела сохранить их тайну до самой смерти. *Это* была настоящая причина.

– Когда их здесь похоронили? – повторила Сабина свой вопрос, потому что врач ничего не ответила.

На этот раз она пожала плечами.

– Точнее я смогу сказать вам после лабораторных исследований. Все зависит от образцов и характера почвы. Но полагаю, это произошло тридцать или сорок лет назад.

– А у вас уже есть предположение о причине смерти?

Женщина покачала головой.

– Странность в том, что вообще-то от этих костей не должно было ничего остаться. В детских костях не так много кальция, как у взрослых. Я могу объяснить это только следующим образом: из-за высоты, на которой расположен монастырь, постоянного ветра, дующего в долине, и солнечных лучей, попадающих сюда, почва склона должна быть относительно сухой, несмотря на дожди. – Однако она не была окончательно убеждена в своей теории.

– Это означает, что трупы быстро мумифицировались? – предположила Сабина.

– Нам повезло, иначе вода ускорила бы процесс гниения. А так на некоторых костях частично даже сохранился кожный покров. Больше информации по причине смерти у меня будет только после ДНК-теста и изотопного анализа. – Она затянулась сигаретой. – Как вы вообще на это наткнулись?

Действительно, как?

– Я не могу об этом говорить, – сказала Сабина. И неожиданно поняла, почему монахиня так упорно молчала.

Если бы Магдалена Энгельман с самого начала рассказала, что на территории урсулинского монастыря в Бруггтале, в освященной земле зарыты более сорока младенцев, расследование пошло бы официальным путем. Запрос в БКА Австрии, тонны бумаг, затянувшаяся на недели бюрократическая волокита, а на основании одного только утверждения бывшей монахини следственный судья ни за что бы не выдал прокурору ордер на обыск.

– Понимаю, – вздохнула врач. – Однако причина смерти не единственная загадка, которую нам предстоит решить.

Сабина подняла глаза.

– А именно?

– Проблема в том, что речь идет не о скелетах новорожденных.

– Что? – Сабина собственными глазами видела череп, хорошо сохранившиеся ребра и части позвоночника. *Что же это тогда?*

– То, что мы нашли, – это кости примерно годовалых детей.

Годовалых?

– Вы уверены?

– Абсолютно. Это были уже не младенцы. Некоторые скелеты даже соответствуют возрасту четырнадцати или пятнадцати месяцев.

Поэтому и отец Януса, и акушерка, и теперь настоятельница говорили не о младенцах или новорожденных, а всегда только о детях.

Они все это знали!

Возможно, все дети прожили больше года в этом монастыре, прежде чем умерли. Но от чего?

Звук торопливых шагов прервал размышления Сабины. В свете, падающем из палатки, возник силуэт Тины. Она подняла руку со смартфоном:

– Снейдер передает... хорошая следственная работа.

Сабина приподняла одну бровь.

– И теперь он задается вопросом, – продолжила Тина, – похоронен ли здесь и младенец монахини?

Сабина взглянула на нее.

– Передай ему... это были не младенцы.

Девятью месяцами ранее

Ты не можешь дождаться, когда увидишь лицо своей матери, ее улыбку и добрый взгляд. Почувствуешь ее запах и коснешься ее. Ты мечтаешь, чтобы она обняла тебя, нежно покачала, что-то напела тебе своим голосом.

Ты так долго ждешь этого объятия.

А потом наступает разочарование.

В ее взгляде нет радости и любви. Она кричит. Тебя хватают, с силой вырывают у нее из рук, потом кричишь и ты.

Снова темно. Ужасно тесно. Что-то лежит на твоей голове, и тебе не хватает воздуха!

Грит Майбах встрепенулась, судорожно схватила ртом воздух и хотела сорвать это что-то с головы, но ее рука попала в пустоту. Пульс зашкаливал, она дрожала, на лбу выступил пот.

Черт! Она сидела на пассажирском месте. Машина тряслась по проселочной дороге. Тут она почувствовала руку у себя на плече.

– Эй, все в порядке? Тебе просто что-то приснилось.

Грит вытерла пот со лба и заметила, что у нее ледяные руки.

– Всегда один и тот же сон.

Она посмотрела в окно. Дождливый сентябрьский вечер, солнце уже скрылось за темными облаками.

Томас Шэффер вел джип через горы.

– Уже скоро доберемся.

– А если ее там нет?

– Она точно там. Где ей еще быть?

– А если это вообще не она? – продолжала Грит.

– Ты что, боишься?

Она рефлекторно сжала дрожащие руки коленями. Но потом поняла, что не должна притворяться перед собственным братом.

– Конечно, – наконец сказала она.

– Я тоже. – Он дружески коснулся ее предплечья, затем снова положил руку на руль.

– Но... – опять начала Грит, – если информация неправильная? Если мы ошиблись?

– Почему информация должна быть неправильной?

На это у нее ответа не было. Они вместе ходили в архив ее бывшего приюта в Куфштайне и нашли в деле Грит – дополнительно к копии свидетельства о рождении, которую куфштайнский орган

самоуправления выдал задним числом, – рукописную запись. И это оказался настоящий сюрприз.

Дело в том, что Грит не была анонимно оставлена на заднем дворе куфштайнского приюта, как ей внушили и во что она верила все эти годы. Сразу после рождения ее отдали совсем в другом месте и лишь затем привезли в Куфштайн. *А вообще ты родом из Верхней Австрии!* На пожелтевшем листке можно было разобрать подпись, место и дату передачи.

«В. Кронер, детский дом Браунау, 9 мая, мать неизвестна».

Во время последующих поисков они наткнулись на акушерку, Вивиану Кронер, которая жила сейчас где-то в Швейцарии, но раньше работала недалеко от монастыря Бруггталь рядом с Браунау. Было понятно, что эта акушерка помогла им обоим появиться на свет и затем передала в детский дом, где их разделили и отправили в разные приюты – Томаса в Регенсбург, а ее в Куфштайн.

Но почему их разделили? И к тому же развезли по разным странам? Для их собственной безопасности? Их кто-то искал?

В любом случае похоже, что их настоящее место рождения было недалеко от Браунау. Поэтому они поехали в Браунау, и Грит – ненавязчиво и не поднимая много шума – поговорила со старыми деревенскими жителями. Так они узнали о жутких слухах, которые ходили об урсулинском монастыре с 70-х и 80-х годов.

И они узнали кое-что еще. Почти тридцать семь лет назад ночью в колокольню церкви попала молния, в результате чего соседнее здание полностью выгорело. Якобы от того пожара на лице Вивианы Кронер остались уродливые ожоги. Дата удара молнии совпадала с датой записи в деле Грит.

9 мая.

Ее день рождения.

Совпадение?

Чтобы выяснить это, Грит осторожно установила контакт с одной пожилой монахиней из монастыря и поговорила с ней. Томас держался поодаль, потому что женщине обычно рассказывают больше и охотнее, чем мужчине. После они уже не верили в совпадения, потому что Грит узнала, что в ту ночь одна из монахинь была на девятом месяце беременности. Грит даже выяснила, как ее звали. Магдалена Энгельман.

Энгельман, какая красивая фамилия, – подумала Грит и представила себе ангельское лицо.

И что-то было в ее предположениях, как бы нелепо они ни звучали, – потому что после короткого телефонного разговора сестра Магдалена согласилась принять их и предложила для посещения день, когда в монастыре отсутствовали как старая настоятельница, так и молодой патер. Неофициальная встреча – тем самым туманным дождливым сентябрьским вечером, которым они направлялись в это странное место.

Сестра Магдалена описала им лесную дорогу к территории монастыря. В старой кирпичной стене находилась арка, через которую можно попасть на заброшенное кладбище. Там они должны ее ждать.

Томас и Грит оставили машину недалеко от монастыря, обогнули здание и нашли кладбище. Уже четверть часа они стояли рядом с монастырской стеной. Влажность медленно поднималась из долины, и Грит застегнула молнию своей темно-синей мембранной куртки. Они не произносили ни слова, просто ждали, но с каждой минутой все больше нервничали.

Наконец послышались приближающиеся по гравию шаги. Раздался скрип металлической калитки, и на кладбище вошла высокая женщина в черном платье, черном головном покрывале и с четками на поясе. Она шла, склонив голову, на шее у нее висел серебряный крест. Подойдя к ним, она распрямилась.

– Сестра Магдалена? – спросил Томас. В его голосе послышалась странная хрипота.

Грит лишь молча смотрела на женщину. Белые волосы, высокие скулы, полные губы, серые глаза – внезапно они наполнились слезами, которые потекли по щекам.

У Грит больше не было сомнений. Она почувствовала связь.

– Мама... – произнесла она, и ее сердце скакнуло вверх.

В следующий момент женщина обняла ее, и сердце Грит забилося так стремительно, словно хотело разорвать грудную клетку. Она не могла дышать, у нее перехватило горло.

– Все хорошо, дитя мое. – Магдалена погладила ее по волосам. – Какой большой и красивой ты стала... – Казалось, на мгновение у нее отказал голос. – Все эти годы я надеялась, что у тебя все сложится в жизни. – Она крепко прижала Грит к себе, затем отпустила и вытерла

слезы. Моргая, она рассматривала Томаса. И улыбнулась, как будто испытала огромное облегчение.

Но Томас стоял словно окаменевший, неожиданно усомнившись, что все это происходит на самом деле.

– Это Томас, твой сын. – Грит всхлипнула.

Магдалена взяла его за руки, но он продолжал недоверчиво смотреть на нее. Когда же наконец заговорил, его голос прозвучал жестко.

– Почему ты нас отдала?

– Это единственный вопрос, который пришел тебе в голову? – одернула брата Грит.

– Оставь его, – мягко сказала Магдалена. – Это справедливый вопрос. – Она все еще держала Томаса за руки. – Я сделала это ради вашей безопасности, иначе вы прожили бы не больше года.

– Что?! – Томас нахмурился.

Магдалена посмотрела на надгробные камни.

– Где-то здесь похоронены ваши братья и сестры. – Она выпустила руку и погладила мраморную доску. – Но я не знаю где.

– Братья и сестры? – Томас взглянул на Грит, словно опасаясь, что женщина сошла с ума.

– Я должна так много вам рассказать, – вздохнула она. – Но не уверена, хотите ли вы это вообще слышать.

– Я хочу услышать *все*, – сказала Грит.

– А я просто хочу узнать, кто мой отец, – пробурчал Томас. Очевидно, он представлял себе их встречу по-другому.

– Этого я не знаю.

– Нет? – вырвалось у Томаса.

Магдалена отвернулась. Ее взгляд переместился с кирпичной стены на обгоревшие черные руины.

– Я хорошо помню изнасилования... но все это в прошлом. Я научилась с этим жить. – Она снова повернулась к ним. – Важно лишь то, что с вами все в порядке.

Изнасилования?

У Грит снова перехватило горло.

– Но... почему?

– Вы действительно хотите это услышать?

– Поэтому мы здесь. – Томас сохранял самообладание.

– Их было много, и они прекращались, лишь когда мы были на пятом месяце беременности, – начала рассказывать Магдалена. – А через три месяца после родов все начиналось снова. Однако не со мной. Потому что во время ваших родов парник сгорел. – Она кивнула на черные руины.

– Парник? – спросил Томас, но взгляд Грит заставил его замолчать.

– После пожара все прекратилось. – Она посмотрела на своих детей, ее взгляд был полон нежности и любви. – Я расскажу вам, как и почему я отправила вас отсюда. Идите за мной. – Она вышла через арку.

Томас и Грит последовали за ней вверх по тропе.

– Это была грозовая ночь. Я лежала на матрасе на втором этаже. Начались схватки. Вспышки молнии озаряли все вокруг как днем, а раскаты грома были такими оглушительными, что мы думали, колокольня обрушится. И тут Бог послал мне план, как отправить вас отсюда, чтобы вы избежали судьбы, постигшей всех остальных...

День пятый
Вена, Австрия
Вторник, 16 мая

Глава 40

Первое совещание этим утром проходило в Висбадене, в бюро Дирка ван Нистельроя.

Сабина заехала на машине за Тиной, и когда они, опоздав на одну минуту, вошли в кабинет ван Нистельроя, президент БКА, Снейдер, Хоровитц и Кржистоф были уже там. Правда, они сидели не за столом, а рядом на стульях, расставленных полукругом. Пахло крепким кофе. Два места были еще свободны.

– Возьмите кофе, – сказал ван Нистельрой, не поднимая взгляда.

Сабина и Тина налили себе по чашке и тихо опустились на стулья, пока Хоровитц подробно рассказывал о встрече с Зено Энгельманом в Марбурге. Кржистоф вставил лишь пару слов, а все остальное время играл с удостоверением посетителя БКА, которое прикрепил к рукаву своей черной футболки.

– А теперь послушаем вас обеих, – сказал ван Нистельрой, когда Хоровитц закончил.

Тина описала их вчерашний визит в монастырь, неудавшуюся попытку спасти настоятельницу и находку детских скелетов.

– Между тем у нас уже есть предварительный отчет австрийского БКА, – сообщил ван Нистельрой, когда Тина закончила рассказ. – В общей сложности семьдесят четыре детских трупа. Пришлось постараться, пытаясь предотвратить утечку этой информации в СМИ до конца семидневного срока.

Семьдесят четыре трупа!

Теперь Сабине стало ясно, почему совещание проходило в бюро президента БКА.

– Кто руководит расследованием?

Коротким кивком ван Нистельрой передал слово Снейдеру.

– БКА Висбадена, – пояснил он. – Ведомства в Берне и Линце у нас в подчинении.

Сабина кивнула. Значит, теперь у них к предыдущим шести жертвам убийств и акушерке в коме одним махом добавилось еще семьдесят четыре трупа.

– Что вы вчера выяснили? – спросила Сабина.

Снейдер нажал большим пальцем на точку на тыльной стороне кисти и на мгновение зажмурился.

– БКА связалось со всеми информационными агентствами, газетами, телевизионными и радиостанциями – но нет ни одного намека на то, что Магдалена Энгельман пыталась когда-либо передать СМИ свою информацию об урсулинском монастыре.

– Значит, она солгала нам, когда утверждала, что обращалась в СМИ.

– Или они молчат об этом, потому что тема слишком острая, – предположил ван Нистельрой.

– Слишком острая? – повторила Сабина. – Сегодня пресса, как коршун, набрасывается на любой скандал, связанный с насилием в церкви. Для них это настоящая находка. По какой причине они отказались бы от такой темы?

– Предполагаю... – сказал Снейдер, – что в этом случае, несмотря на всю проделанную работу, мы стоим еще в самом начале и видим лишь вершину айсберга.

Возможно, он был прав, и речь шла о чем-то гораздо более масштабном, чем они думали.

– Вы сумели вычислить возможных жертв следующих трех дней? – сменила тему Сабина.

Снейдер покачал головой.

– Я нарисовал диаграммы со всеми известными нам фактами и вместе с нашими программистами выстроил в «Дедале» все возможные связи. Но в нашу схему не вписывается ни один пропавший без вести человек.

«Дедалом» называлась сложная система баз данных БКА, которая предоставляла доступ ко всем европейским архивам и данным и не случайно получила имя создателя лабиринта из древнегреческой мифологии.

– Тогда или жертв больше не будет – или монахиня умнее нас.

– Не думаю, что она умнее. – Ван Нистельрой покачал головой. – Здесь собрались одни из самых лучших умов БКА. Эта женщина не может превосходить нас интеллектом. Вероятно, мы пока ничего не нашли, потому что дело развивается в направлении, о котором мы даже не догадываемся.

Айсберг Снейдера. У Сабины по коже побежали мурашки – кажется, все они здесь догадывались: их ждет нечто большее.

– Развивается в каком направлении? – спросила Тина.

– Давайте резюмировать. – Снейдер снова взял слово, нагнулся вперед и уперся локтями в колени. – Вальтер Граймс, садовник в монастыре, через тыльный вход проводил клиентов отца Януса в парник и получал за это деньги. Умственно и физически отсталые женщины интерната, а также некоторые послушницы и монахини на протяжении многих лет подвергались сексуальному насилию. Видимо, они не могли сбежать или на них оказывалось такое давление, что они все это терпели. Некоторые беременели, и Вивиана Кронер принимала роды, а детей через год хоронили в розарии за лесной часовней.

По воспаленным глазам Снейдера Сабина догадывалась, что прошлой ночью он совсем не спал.

– Во-первых, – Снейдер поднял указательный палец, – почему так много детей? *Семьдесят четыре!* Такое количество родов не сходится с числом женщин детородного возраста, даже если предположить, что *каждая* из них забеременела несколько раз, а у некоторых родились близнецы.

А если подсчеты все-таки сойдутся, женщин держали в этих стенах, как машин для деторождения, – подумала Сабина, и внутри у нее все перевернулось.

– Во-вторых, – продолжал Снейдер, – почему эти дети доживали только до года? В-третьих: где они находились до своей смерти?

– В монастыре? – предположила Тина.

Сабина помотала головой.

– Сотрудники ЛКА Линца уже с раннего утра допрашивают монахинь в Бруггтале. Стена молчания наконец-то пала. Как мы теперь знаем, младенцев у них забирали сразу после рождения. И дети в монастыре никогда не жили.

– Есть предположения, куда увозили детей? – спросила Сабина.

Снейдер покачал головой.

Они помолчали.

– Четвертый, и последний вопрос, – наконец подал голос Снейдер. – В татуировках Магдалены Энгельман нет подсказки номер пять. Они продолжают с шестой по седьмую и заканчиваются римской X. Почему так?

Никто из них не знал ответа.

Снейдер поднялся.

– Пойдемте в комнату для допросов и постараемся это выяснить.

– Почему она должна рассказать нам что-то именно сегодня? –
спросила Сабина.

Снейдер загадочно улыбнулся.

– Потому что ван Нистельрой и я выдвинем ей ультиматум.

Глава 41

Сабина вслед за Снейдером вошла в комнату для допросов. Они не стали садиться, а встали перед столом, за которым сидела монахиня. Постельное белье на матрасе в углу выглядело нетронутым.

Магдалена Энгельман устало подняла голову. Ее глаза запали, казалось, что она, как и Снейдер, тоже не спала. Вероятно, всю ночь она неподвижно просидела за столом, погрузившись в долгую молитву.

– Который час? – спросила женщина.

Снейдер ей не ответил.

– Что вы уже выяснили?

Он по-прежнему молча ее рассматривал.

Между тем начался уже пятый день ее изоляции, и Сабина могла наблюдать, как монахиня менялась внешне с каждым днем. Она мало ела и пила, не выходила ни на свежий воздух, ни на солнце, у нее было немного пространства для движения, круглосуточно работал кондиционер, ее снимали камеры, а посторонние люди следили за ней через зеркало. В таких условиях ощущение времени теряется, и, вероятно, она даже не знала, утро сейчас или вечер.

Но по сути Магдалена Энгельман приняла такое обращение без особого сопротивления. Четки и ее вера в Бога, очевидно, давали ей силы пережить эти семь дней.

С медитативным спокойствием перебирая пальцами бусины четок, Магдалена повторила свой последний вопрос.

– *Quid pro quo*, – сказал Снейдер. – Вы даете мне подсказку о предстоящих жертвах с пятого по седьмой номер, а я говорю вам, что мы выяснили.

Она слегка покачала головой.

– Вы знаете мои условия. Сколько еще людей должно умереть, прежде чем вы поймете? – Она сделала глубокий вдох. – Устройте мне пресс-конференцию, давайте обратимся к общественности со всем, что выяснили, а потом я сообщу вам остальное, чего вы еще не знаете.

Сабину пробрала холодная неприятная дрожь. *И чем это обернется?*

– Вы знаете, что этого не произойдет. БКА не позволит себя шантажировать, – холодно парировал Снейдер и взглянул на свои наручные часы. – Это будет мой последний разговор с вами, я ставлю вам ультиматум.

– А именно? – спросила она. – Устройте мне еще более жесткое одиночное заключение, если я не заговорю?

Снейдер махнул рукой, словно понимая, что это бессмысленно.

– Я передаю дело. Вот так просто. Не Сабине Немез или ее равносильной коллеге, а молодому комиссару-стажеру, только что выпустившемуся из академии, которого обучал даже не я и который получит свое первое дело.

Сабина внутренне вздрогнула. *Он не осмелится!* Однако выражение его лица говорило о другом.

Но монахиня оставалась непреклонной.

– Вы знаете мой ответ, – сказала она и снова принялась перебирать четки.

Снейдер фиксировал ее взглядом как минимум минуту, в течение которой никто ничего не говорил. Они мерились силами – у кого крепче психика. Сабина едва осмеливалась дышать.

Наконец Снейдер прервал тишину:

– Любой другой сломался бы за это время в таких условиях. А вы нет. Признаюсь, это вызывает у меня уважение. – Он сделал паузу. – Вы смелая женщина.

На лице Магдалены Энгельман никак не отразилось, что она чувствовала себя польщенной, хотя это был уже второй большой комплимент, который Снейдер ей сделал – а это вообще бывало исключительно редко.

– Знаете, моя смелость от Бога, – объяснила она затем. – От Бога, не от церкви. Некоторые уродливые явления католической церкви в действительности и есть сам дьявол. На самом деле падшего ангела не существует – его олицетворяет сама церковь. За время крестовых походов, инквизиции и сожжения ведьм она убила больше людей, чем когда-либо сумел бы Сатана в самой своей ужасной и жестокой форме.

– Вы отступница? – спросил Снейдер. – И вышли из ордена урсулинок, потому что потеряли веру?

– О, я не потеряла веру. Я верую в Бога, Иисуса Христа, его единородного сына, рожденного Девой Марией. Я верую в Святого

Духа, сонм святых, отпущение грехов, воскрешение мертвых и вечную жизнь – сильнее, чем когда-либо, – но больше не верю в так называемую *святую* католическую церковь. Наверное, вы уже и сами узнали, на что она способна.

– И это ваша месть?

– Ах, эту тему мы уже обсуждали. Бог дает мне силы выдержать все это. А так как он не только милостив – Его терпение почти на исходе, и близится день возмездия. Его доверие к церкви пошатнулось, как и мое.

– Я бы тоже потерял доверие, – признался Снейдер, – если бы мне пришлось наблюдать, как на святой земле моего монастыря закапывают тридцать детей.

Монахиня удивленно подняла глаза, затем на ее лице появилась улыбка облегчения. Впервые Сабина увидела ее красоту.

– Значит, вы их нашли. – На мгновение она закрыла глаза, словно собралась молиться. Затем снова подняла взгляд. – Но их должно быть больше, чем тридцать.

Снейдер кивнул:

– Семьдесят четыре, если быть точным.

Она вновь изумленно посмотрела на него.

– Столько младенцев... – едва слышно произнесла она. – Я надеялась, что их меньше. – Она была явно шокирована, но кивнула, словно все эти годы в глубине души опасалась такого результата. К тому же, казалось, она простила Снейдера за то, что он испытал ее, чтобы выяснить, о скольких же она на самом деле знала.

– Упокой их маленькие души, – наконец сказала она.

– Что еще вы можете мне сказать? – спросил Снейдер.

– Мы ходим по кругу. – В ее голосе прозвучала мольба. – Вы знаете мои условия.

– Хорошо, – вздохнул он. – Если это ваши последние слова, то в следующий раз мы с вами увидимся в судебном зале на процессе против вас.

– Именно так. – Она подняла глаза. – А до того времени оставшиеся виновные будут по очереди повергнуты Богом.

– Это ваши последние слова?

– Да.

Снейдер сжал губы в тонкую линию. Потом кивнул.

– Поздравляю, – выдавил он. – Вы меня одолели. – Он повернулся к зеркалу, поднял руку и сделал вращающее движение.

Монахиня удивленно подняла на него взгляд.

– Вы не отказываетесь от дела?

– Я бы никогда этого не сделал, – признался Снейдер в своем провалившемся блефе.

В следующий момент открылась дверь и вошла женщина лет сорока – длинные каштановые волосы, темно-синий деловой костюм, неброский макияж, очки и ноутбук под мышкой. Сабина понятия не имела, что произойдет в следующий момент, но потом заметила на блейзере дамы удостоверение представителя прессы.

– Доброе утро. – У женщины был приятный глубокий тембр голоса, как у ведущей новостей. – Меня зовут Пиа Таборски, я работаю в Немецком информационном агентстве, БКА пошло на уступку и разрешило мне сделать эксклюзивный репортаж о подоплеке обнаружения трупов в бруггтальском монастыре.

Сабина остолбенела. Снейдер и ван Нистельрой действительно согласились на это.

– На уступку? – повторила Магдалена. – И вы думаете, что затем БКА действительно позволит вам покинуть это здание и опубликовать все данные?

Таборски улыбнулась.

– Можно? – Она села за стол напротив монахини и достала из внутреннего кармана блейзера официальный документ, который пододвинула к монахине. – Убедитесь сами. Это договор, который БКА заключило с нашим информационным агентством.

Магдалена полистала страницы и пробежала глазами по тексту.

– Я не имею права расспрашивать вас об условиях вашего заключения или обстоятельствах допросов, не могу привлечь к этому разговору ни прокурора, ни адвоката, а также упоминать ваше имя в СМИ. Я могу лишь сообщить о произошедшем в урсулинском монастыре и его подоплеке. В этом заключается сделка. Вы согласны?

Монахиня взглянула на Снейдера, потом на Таборски.

– Согласна.

Сабина медленно и бесшумно выходнула задержанный воздух. Это был первый большой прорыв в этом деле. Хотя она не особо радовалась тому, что теперь придется вести расследование на виду

общественности – со всеми утомительными и опасными последствиями.

Таборски положила диктофон на стол и нажала на кнопку.

– Я запишу наш разговор – исключительно для внутреннего пользования. – Затем открыла свой ноутбук. Видимо, она заранее подготовила много вопросов. – Все дети, чьи скелеты были найдены в розарии, родились в монастыре?

Монахиня подняла глаза, ее взгляд был холодным и живым.

– Их нашли в розарии? Или на склоне за лесной часовней?

Таборски неуверенно посмотрела на Снейдера, и тот кивнул.

– По крайней мере, у меня такая информация, – сказала представительница прессы.

– Боже мой, значит, в розарии... – прошептала монахиня.

Она вовсе не знала точного места, – осенило Сабину.

– Все дети были рождены в монастыре? – повторила свой вопрос Таборски.

– Нет. Семьдесят четыре – намного больше, чем когда-либо родилось в стенах монастыря. – Монахиня покачала головой, она снова взяла себя в руки. – Эти младенцы с момента рождения были отмечены меткой смерти на лбу.

– Дети оставались в монастыре с рождения до самой смерти?

– Нет. Новорожденных у нас сразу забирали, я не знаю, куда их относили.

Таборски терпеливо печатала ответы монахини в своем ноутбуке, прежде чем задать следующий вопрос.

– Значит, часть детских трупов предположительно из монастыря. Откуда взялись другие?

– Этого я не знаю. Трупы всегда приносили на территорию монастыря по ночам. Я видела это из моего окна. До сегодняшнего дня я не знаю, откуда они. Полагаю, из заведений вроде парника.

– Вы предполагаете, что были еще?

Монахиня кивнула.

– Если вы согласны, мы позже еще поговорим об этом парнике. БКА уже проинформировало меня о состоянии расследования, – сказала Таборски. – Вы знаете, кто выносил новорожденных из монастыря? От чего они умирали? И кто спустя год снова приносил их в монастырь?

Монахиня подняла взгляд, посмотрела на Снейдера и замерла на мгновение. Сабина тут же поняла, что этот ответ будет следующей решающей подсказкой. Потому что этот человек – перевозчик детей – станет жертвой номер пять на пятый день. И данная информация была для них особенно важна, потому что татуировки не содержали такой подсказки.

Снейдер посмотрел на Сабину и едва заметно кивнул. *Идем*, – казалось, говорил его взгляд. Затем обратился к Таборски:

– У вас есть ровно полчаса на этот разговор, затем юристы БКА пройдутся с вами по всем ответам и решат, содержат ли они факты, которые не могут быть опубликованы.

– Согласна, – ответила Таборски, не оборачиваясь.

Снейдер взглянул на монахиню.

– Прощайте.

На ее лице мелькнула едва заметная улыбка. В итоге она все же победила.

Снейдер вышел из комнаты для допросов, Сабина последовала за ним.

– Мы уже настолько отчаялись, что должны соглашаться на желания монашки? – спросила Сабина, когда закрыла за собой дверь и они снова оказались в смотровой.

Не ответив на вопрос, Снейдер встал рядом с техником к пульту управления, оперся руками о стол и, наклонившись вперед, посмотрел через двустороннее зеркало. С напряженным лицом он наблюдал за сценой в комнате для допросов.

Тина стояла за ним. По ее лицу Сабина поняла, что она удивлена не меньше. Кржистоф и Хоровитц тоже с нетерпением уставились на стеклянную стену.

– Мы не отчаялись, – наконец ответил Снейдер, слушая интервью, которое передавалось в смотровую через динамики.

– Акушерку, которая забирала у нас детей сразу после рождения, звали Вивиана Кронер, – доносился из громкоговорителя металлический, искаженный голос монахини. – Ни одного младенца никогда не кормили грудью. Она передавала их детскому врачу, который на следующий день увозил новорожденных. Он же через несколько месяцев и привозил обратно трупы. Одна из монахинь их

видела. В багажнике машины. Голые, завернутые в покрывало. Большинству было около года, некоторые на пару месяцев старше.

Снейдер нагнулся к микрофону и нажал на кнопку.

– Нам нужно имя врача!

– Как звали этого врача? – спросила Таборски в следующее мгновение.

Сабина с удивлением наблюдала за происходящим. Очевидно, в ухе журналистки, под длинными волосами, был спрятан наушник, через который она связывалась со смотровой.

– Я могу быть уверена, что вы действительно опубликуете его фамилию и СМИ проверят мои утверждения? – спросила монахиня.

– Да, вы можете на это рассчитывать. Мы серьезное агентство и не публикуем непроверенные слухи, – ответила Таборски.

Монахиня кивнула, однако медлила.

Снейдер снова нагнулся вперед.

– Надавите на нее, Таборски! – прошипел он в микрофон. – И не профукайте ничего, вы поняли? Это наш последний шанс, коллега!

Коллега?

Сабина вздрогнула. *О, черт!* Наконец до нее дошло. Она бросила удивленный взгляд на Тину, Кржистофа и Хоровитца. Тина хмурилась и тоже казалась сбитой с толку. Но Кржистоф и Хоровитц не показывали никакой реакции.

Конечно же, Снейдер не поддался – она могла бы и сама догадаться. Вместо этого он и ван Нистельрой решили подсунуть монахине фальшивую журналистку. Ничего из этого разговора никогда не будет обнародовано.

Таборски постучала пальцем по договору, который, видимо, был таким же лживым, как и вся инсценировка.

– У меня есть письменное подтверждение, что я имею право опубликовать все обстоятельства. И я это сделаю!

Даже если БКА после этого разговора будет удерживать меня в здании – аудиозапись нашей беседы напрямую транслируется моему шефу в агентстве. Поверьте мне, сегодня вечером ровно в восемнадцать часов первый пресс-релиз попадет в новостную ленту – и разойдется по всем газетам, радиостанциям и общественным телевизионным каналам.

– Хорошо сработано, – сказал Снейдер в микрофон, затем выпрямился, скрестил на груди руки и в ожидании уставился на стеклянную стену.

Сабина подошла к нему ближе.

– На самом деле Пиа Таборски не имеет никакого отношения к Немецкому информационному агентству, я права?

Снейдер продолжал смотреть перед собой.

– Кто пытается поймать БКА, должен рассчитывать на то, что мы заставим его говорить любыми способами. – Он сделал паузу, прислушался, но монахиня по-прежнему молчала, словно раздумывала.

– А если она догадается, что это обман? – спросила Сабина.

– Комиссар Таборски – пресс-секретарь полицейского управления Нижней Саксонии, мы одолжили ее для этого разговора. Ее вводили сегодня в курс дела с пяти утра. Там сидит профессионал. – Снейдер наклонился к микрофону. – Ну же, давайте! Не забывайте, что у вас мало времени!

– Я хочу напомнить вам, что у нас осталось всего двадцать минут. И мне необходимы весомые доказательства для репортажа, иначе...

– Да, хорошо, – перебила ее монахиня. – Его звали доктор Хирш, раньше он был детским врачом с собственной частной практикой в Линце и имел хорошие отношения с одним домашним доктором в Браунау, который уже умер. Кроме того, он знал Вальтера Граймса, монастырского садовника.

– *Goed! Verdomme, goed!*^[22] – воскликнул Снейдер и ударил кулаком по ладони. Затем повернулся к Тине: – Выясните все об этом докторе Хирше, жив ли он и где мы можем его найти. Мы показываем хорошее время и пока что установим скрытое наблюдение, прежде чем связаться с ним.

– А если австрийские службы откажутся...

Без комментариев Снейдер порылся в своем портмоне и протянул ей визитку.

– Оливейра мое контактное лицо в австрийском ведомстве по охране конституции – у него передо мной должок.

Тина взяла визитку, достала телефон и вышла из комнаты.

Затем Снейдер повернулся к технику, сидевшему за пультом управления, и одновременно нажал на кнопку на микрофоне, чтобы

Таборски могла слышать.

– Таборски, как только монахиня начнет подозревать, что вы не от прессы, задайте ей личный вопрос об условиях содержания и допросах, тогда техник по громкоговорителю тут же прервет интервью и служба безопасности выведет вас из комнаты. – Он отпустил кнопку, выпрямился и развернулся.

Хоровитц кивнул:

– Значит, все-таки получилось.

Снейдер выглядел довольным, затем он посмотрел на Сабину.

– Было невозможно посвятить вас. Я не мог рисковать аутентичностью нашего выступления ни на секунду. Вы разочарованы?

Серьезно? Когда это его волновало, что он кого-то разочаровал?

– Все в порядке, – сказала она. – Меня все равно удивило, когда вы пошли на уступки. При этом с самого начала догадывались, что она не поддастся на ультиматум, верно?

– Правильно. Трюк с Таборски должен был выглядеть убедительно.

– Вы коварный шулер!

– Допрос – это как игра в покер. Нужно дать противнику почувствовать, что у него преимущество, и потом так забросить наживку, чтобы он не смог устоять и клюнул.

– Но вам хотя бы чуть-чуть жалко женщину? – спросила Сабина.

– Жалость – это роскошь, которую я не могу себе позволить. – Он похлопал Сабину по плечу – интимный, очень редкий для него жест. – С этого момента мы снова работаем в команде. Больше никаких секретов, обещаю!

Несмотря на все странности и привычку работать на грани закона, Снейдер, похоже, развил нечто, похожее на человеческую эмпатию, – по крайней мере, к определенным людям.

– Все понятно, – ответила она и даже улыбнулась. Потому что сейчас расследование действительно начало двигаться в правильном направлении.

Глава 42

Через десять минут Магдалена Энгельман стала недоверчивой и почуяла подвох, тогда Снейдер распорядился немедленно прервать интервью. Много нового они за это время не выяснили, но тем не менее сделали уже большой шаг вперед.

Вскоре они встретились на улице – в нише для курения перед столовой БКА – для подведения итогов. Сабина, Хоровитц, Кржистоф и Снейдер.

Этим утром солнце пряталось за облаками. Снейдер зажег косячок, а Кржистоф раздал напитки, которые купил для всех. Коллеги, сидевшие в столовой БКА, с любопытством поглядывали на них через дверь-вертушку, потому что уже пошли слухи, что они работают над необычным делом.

Тина бегом пересекла внутренний двор и последней присоединилась к ним. Когда она встала так, чтобы дым от сигареты Снейдера не попадал ей в лицо, все остальные тут же замолчали, и все внимание обратилось к ней.

– Детский врач по имени Ульрих Хирш действительно существует, много лет у него была частная практика в Линце, а с середины 80-х годов – в Вене, – начала она. – В 2005 году он к тому же получил должность в Австрийской врачебной палате, приобщился к политической деятельности и после последних выборов в Национальный совет...

Снейдер недовольно поморщился, будто уже предполагал, чем закончится отчет Тины.

– ...занимает пост австрийского министра здравоохранения, – закончила Тина.

Все молча переглянулись.

– Настоящее дерьмо, – прервал молчание Хоровитц.

– Не говори, – согласился с ним Снейдер.

– К сожалению, это еще не все, – сказала Тина. – Младший брат министра Хирша тоже врач. Хотя они рассорились много лет назад, брат тем не менее председатель в Федеральном ведомстве лекарственных средств.

Еще и это!

Сабина сглотнула. Ситуация и правда выглядела не очень. Таким образом, дело принимало политический оборот – что будет особенно не по вкусу Дирку ван Нистельрою. Но они уже начали расследование и теперь должны довести его до конца. К тому же Сабина поняла, почему пресса пропустила сквозь пальцы Магдалену Энгельман и ее невероятные обвинения – если та действительно пыталась с кем-то связаться.

– Министр Хирш не случайно уже несколько дней как пропал? – Снейдер задал вопрос, который особенно интересовал их всех.

– Как я и опасалась, ни Ведомство федерального канцлера, ни министерство здравоохранения не выдают никакой информации, но через ваше контактное лицо я получила доступ к его календарю встреч. В настоящий момент министр как раз в Вене.

Снейдер приподнял одну бровь.

– Отлично! – Он достал телефон и нажал на кнопку быстрого набора номера, который был знаком даже Сабине. Секретарша Дирка ван Нистельроя. Снейдер не дал ей и слова сказать. – Это Мартен, мне нужно четыре авиабилета в Вену. Нет, это слишком рано... – он взглянул на часы, – скажем, через два-три часа. Хорошо. – Он закончил разговор.

– Значит, снова паковать вещи, – вздохнула Тина, но тут последовал очередной сюрприз.

– Нет, Мартинелли, *вы* нужны мне здесь, – сказал Снейдер. – Я хочу, чтобы вы и Хоровитц проанализировали разговор Таборски с монахиней и сообщили нам обо всей новой информации. – Он посмотрел на Хоровитца: – В порядке?

Тот кивнул.

– Ты знаешь, как я ненавижу перелеты.

Снейдер посмотрел на Тину:

– К тому же – если министр не должен стать пятой жертвой – мне нужна работоспособная команда, готовая выдвинуться в любой момент.

– О'кей, – вставила Тина.

Хоровитц допил свое какао с медом, смял бумажный стаканчик и выбросил его в мусорное ведро.

– Дамы и господа... – он отъехал на своей коляске назад и развернулся, – тогда я начну.

Снейдер кивнул, и Хоровитц покатился к двери-вертушке.

– Вы сказали: *четыре* авиабилета! – уточнила Сабина и оглядела оставшихся. – Для кого они?

– Для меня, Кржистофа, вас и... – ответил Снейдер.

– Для меня? – удивленно воскликнул Кржистоф. – Ты, голландская вонючка, отлично знаешь, что мне нельзя покидать страну, пока...

Снейдер прервал протест Кржистофа резким движением руки.

– Во-первых, *нидерландская* вонючка... – он вытащил из кармана пиджака многостраничный документ, который был сколот скрепкой, – а во-вторых, это твой официальный договор консультанта.

Кржистоф прищурился и небрежно прислонил поднос, на котором принес напитки, к стене здания. По его застывшей позе Сабина сделала вывод, что ему совсем не по себе.

– Какой договор? Я не собираюсь ничего подписывать.

– Даже договор с БКА, предполагающий значительный гонорар?

– Гонорар? – Кржистоф вырвал бумаги у Снейдера из рук и, быстро полистав страницы, присвистнул.

Снейдер повернулся к Сабине. «*Две тысячи евро*», – безмолвно проговорил он одними губами.

Сабина заулыбалась. Это было в два раза больше, чем Кржистоф получал от своей доставки медикаментов.

– А в-третьих, – добавил Снейдер, – на последней странице находится особое разрешение, что в сопровождении сотрудников БКА ты можешь выезжать за границу.

– Да, но... – голос Кржистофа стал тише, – срок действия моего загранпаспорта давно истек.

– *Domkop*^[23], – качая головой, Снейдер вздохнул, снова достал телефон и на этот раз быстрым набором вызвал другой номер. – Да, это Снейдер... мне все равно! Слушай! Нам необходим фотограф и новый загранпаспорт для Кржистофа... Не завтра! Немедленно! – Он слушал какое-то время, затем прервал связь, убрал телефон и взглянул на Кржистофа: – Тракт В, четвертый этаж, кабинет сорок восемь. Старый паспорт не нужен... Причеши волосы и не заблудись.

Кржистоф сложил договор, запихнул его в задний карман брюк, провел ладонью по волосам и ухмыльнулся, обнажив свой сломанный резец. Затем поднял воротник кожаной куртки. – До скорого. – Он сунул пустой поднос под мышку и зашагал к двери-вертушке.

– Какой нахал, – вздохнула Сабина, после того как поляк скрылся в столовой.

– Да, но всегда оказывается на светлой стороне жизни, – констатировал Снейдер. – Но вы еще увидите, что касается прикрытия с тыла, поддержки или козыря в рукаве – называйте как хотите, – он многого стоит.

В этот момент зажужжал телефон Снейдера. Он открыл эсэмэс, пробежал глазами текст, затем посмотрел на часы.

– Билеты уже зарезервированы, – сообщил он ей. – Вылет из Франкфурта в 13 часов. Значит, у нас еще достаточно времени. – Он помассировал точку на виске. – В Вене мы займемся министерством здравоохранения. Об официальной встрече в австрийских ведомствах можем забыть, нам назначат аудиенцию самое раннее через три месяца. Тут у нас даже с особыми полномочиями от ван Нистельроя нет шансов.

– Что же мы тогда будем делать? – спросила Сабина с недобрый предчувствием. – И кто четвертый полетит с нами?

Снейдер посмотрел на Сабину:

– Нам нужен *по-настоящему* толковый техник, который сумеет провести операцию по прослушке.

– Вы хотите организовать прослушку министра? – вырвалось у Сабины.

– Обложить его жучками и организовать прослушку, – уточнил Снейдер. – Пока что он не исчез бесследно, поэтому, возможно, не входит в число потенциальных жертв Магдалены Энгельман. Но сообщники Энгельман – а сейчас я абсолютно уверен, что их несколько, – могут связаться с ним или, по крайней мере, быть поблизости. Поэтому мы должны выяснить, насколько сильно он вовлечен в те события в бруггтальском монастыре. И этой информацией он точно не будет делиться добровольно, только потому, что мы такие симпатичные.

– О-о-о-о, – простонала Сабина, только что осознав, во что они ввязываются.

– Итак! – поторопил Снейдер. – Кто подошел бы? Специалисты ИТ-отдела, с которыми мы до сих пор работали, впечатлили меня, скорее, своей медлительностью и глупостью.

Сабина и Тина переглянулись.

– Марк Крюгер! – в один голос сказали они.

Снейдер поднял руки в защитном жесте.

– Стоп! Мне нужен в команде тот, кто чертовски хорош, а не чертовски хорошо выглядит.

– Не так уж и хорошо он выглядит, – пробурчала Тина.

– К тому же в отделе мобильной криминалистики он лучший, кого мы знаем, – добавила Сабина. В деле «Смертельный хоровод», когда Снейдера отстранили от работы и БКА потеряло столько хороших коллег, она обращалась за помощью к Марку Крюгеру. – Марк исключительно умен и гениален как компьютерщик. Настоящий «фрик», который просто расцветает на работе... – Она чуть было не сказала «Прямо как вы!», но вовремя остановилась. – К тому же, я думаю, у него не будет проблем с нашими так называемыми *особыми полномочиями*, – добавила она, нарисовав пальцами в воздухе кавычки.

Снейдер смерил их взглядом, бросил косяк в пепельницу и застегнул пиджак.

– Хорошо, я взгляну на этого парня. Если он действительно так хорош, как вы утверждаете, то Крюгер в команде.

Глава 43

Марк Крюгер сидел в смотровой комнате для допросов 1А и глядел через стеклянную стену.

В ярко освещенной комнате торчал мелкий мошенник с дредами, который торговал марихуаной и кокаином. Дырявые пятнистые камуфляжные штаны с боковыми карманами, черная футболка с хеви-метал-группой *Motörhead*, множество цепей и кожаных браслетов на татуированных руках и качающийся резец в кроващем рту. Он едва не выбил его себе сам, когда со всей силы ударился головой о край стола, – но, к счастью, Марк снимал эту сцену с самого начала, иначе из-за обвинения в полицейском насилии их взял бы в оборот даже самый паршивый защитник.

Оперативная группа следила за этим типом три дня и наконец задержала его сегодня утром. Парня допрашивали уже два часа, но он не признавался, что вчера вечером в Висбадене на Блюхерплац встречался с мужчиной в темном капюшоне, которого подозревали в том, что у него в Гессене пять плантаций наркотиков. К сожалению, они больше ничего не знали о том мужчине в капюшоне, который быстро ушел и скрылся от оперативников, – но, по крайней мере, у них был *Mister Motörhead*, который, однако, предпочитал выбить себе зуб, чем говорить с ними.

Следователи БКА только что покинули комнату для допросов и вышли в смотровую.

– Боже, какой говнюк, – выругался один и швырнул папку на пульт, за которым сидел Марк. – Он просто отказывается говорить.

– Вместо этого залил нам все кровью, – буркнул другой. – Сделаем перерыв. Позовите пока санитаров, чтобы тот обработал рану. Но смотрите, чтобы этот тип его не укусил. – Он раздраженно опустился на стул.

– Санитар придет через пять минут, – подтвердил коллега, который как раз говорил по телефону.

Марк покрутил ручку между пальцев.

– У меня есть идея. Можно поговорить с этим типом?

Следователи взглянули на него.

– Какая идея?

– Увидите.

Один из коллег пожал плечами.

– Пожалуйста. Попробуй удачу. У тебя есть пять минут, пока не придет санитар. Но не выключай камеру – вдруг он надумает выбить себе еще один зуб!

Марк расстегнул и снял рубашку. Под ней оказалась черная застиранная футболка с «Секретными материалами». Хотя «Секретные материалы» не имели никакого отношения к Motörhead, но тем не менее они оба были фриками – и вероятно, с ним у этого типа было больше общего, чем со свежесбрившимися и расфранченными следователями БКА в костюмах, галстуках и очках в стальной оправе.

Марк схватил две плоские круглые жестяные коробки с наклейкой «Видеоматериал», которые лежали рядом с монитором, и, напевая мелодию из «Секретных материалов», вошел в комнату для допросов.

Парень взглянул на него и тыльной стороной ладони вытер окровавленные губы.

– Еще один мудака, который попытается надавить на меня. Но я не был на Блюхерплац! И никогда не встречался с парнем в капюшоне! Это никак не дойдет до вас, идиотов?

Марк невозмутимо сел за стол и разложил перед собой коробки с видеолентами.

– Верно, тебя вчера не было на Блюхерплац, Лемми.

– Меня зовут не Лемми.

Марк скользнул взглядом по футболке с Motörhead.

– Послушай, Лемми. Ты можешь идти. Управление по контролю за оборотом наркотиков закончило с тобой.

– О'кей. – Тип ухмыльнулся, показав зубы в крови, и самоуверенно потянулся. – А что это вас вдруг переключило? Обосрались, потому что выбили мне зуб?

Марк помотал головой, затем почесал золотистую трехдневную щетину.

– Мы бы с удовольствием продолжили допрашивать тебя, но ты переводись в другой тракт БКА. С этого момента тобой будет заниматься группа по расследованию убийств.

Лицо типа застыло в удивлении.

– Группа по расследованию убийств?

Марк постучал по коробкам с видеолентами.

– Как мы только что узнали, дорожные камеры засняли тебя вечером на Таннхойзерштрассе. Это в пяти километрах от Блюхерплац. А ты ведь не можешь находиться в двух местах в одно и то же время.

– О'кей... – Парень выглядел немного смущенным, но продолжал улыбаться.

Сначала заставь лживого засранца почувствовать себя в безопасности, – подумал Марк, – *а затем медленно разрушай это чувство.*

– А почему группа по расследованию убийств? – спросил тип.

Марк пожал плечами.

– По этому поводу я не могу ничего сказать. Знаю лишь, что на Таннхойзерштрассе вчера произошло убийство – мужчина с проломленным черепом – в том доме, из которого ты вышел. Вероятно, была ссора... – Марк указал на выбитый зуб, – и в состоянии аффекта ты его, похоже, и прикончил.

– Что? – закричал парень. – Я никого не убивал! А зуб я сам себе выбил! Вы же все видели! К тому же я не был на этой гребаной улице!

– Мне все равно, Лемми, – сказал Марк. – Я просто хотел сказать, что теперь тобой займется группа по расследованию убийств. Извини. А в чем там вообще было дело? В наркотиках? Ты продал парню товар сомнительного качества и он вышел из себя?

– Что? – Парень вскочил. Из рта брызнула кровавая слюна. – Меня там вообще не было!

– Лемми, успокойся! – осадил его Марк. – Дорожные камеры зафиксировали, как вскоре после скандала, который слышали соседи, ты выбежал через дверь жилого дома на улицу.

– Когда, черт возьми?

– В начале девятого.

– Это был не я!

– Ты! На видео ты только со спины, но должен признать, это однозначно твоя...

– В это время я был на Блюхерплац!

– Да ладно тебе, Лемми. – Марк снисходительно улыбнулся. – Ты все время отрицал, что был там, а сейчас вдруг утверждаешь обратное. Кто тебе поверит? Во всяком случае, коллеги из группы по расследованию убийств нет.

– У меня есть свидетель!

– Мне все равно, – отрезал Марк. – Собирай свои вещи и пойдем со мной, я отведу тебя...

– Ясперс может это подтвердить. В восемь я с ним... – Он осекся.

Ясперс, значит! Да, умным тебя не назовешь. С довольным видом Марк повернул голову к зеркалу. Наверняка все коллеги в этот момент схватились за телефоны и принялись судорожно звонить.

– Твою мать! – вдруг закричал тип. – Это был фейк! На самом деле я не попал ни на одну камеру, да?

Марк открыл одну из жестяных коробок и подвинул ее через стол.

– Конфету? – спросил он.

В коробке лежали сладости.

Не обращая внимания на беснующегося у него за спиной парня, с коробками в руке Марк покинул комнату для допросов и вернулся в смотровую.

Никто из коллег не встретил его похвалой или похлопыванием по плечу. Как он и предполагал, все они взбудораженно вели телефонные разговоры, чтобы найти этого Ясперса. Лишь один мужчина, которого раньше не было в комнате, неподвижно стоял посреди всей этой суматохи.

Он был высокий, в темном костюме. Свет потолочной лампы отражался от его лысины.

– Неплохо, – сказал мужчина с нидерландским акцентом.

У Марка заколотилось сердце. *Неужели это?..*

– Неплохо, – повторил мужчина. – Обвини кого-то в более тяжелом преступлении, и он добровольно признается в проступке менее значительном, чтобы вытащить голову из петли. Как будто из моего курса.

– А это из вашего курса, – признался Марк.

– Вы знаете, кто я? – спросил мужчина.

– В этом здании все знают, кто вы.

По лицу Снейдера промелькнула холодная улыбка.

Черт, вблизи он кажется еще более холодным и жутким, чем в аудитории, – подумал Марк. Иногда в перерыв вместо обеда он в качестве «вольнотрушателя» пробирался на лекцию Снейдера и на полчаса садился в последнем ряду, чтобы послушать его.

– Что привело вас к нам? – поинтересовался Марк.

Снейдер внимательно посмотрел на него.

– Я собираю команду.

– Да, я об этом слышал, – пробормотал Марк. – Очень необычно, что именно вы...

– Мы можем где-то спокойно поговорить? – перебил его Снейдер.

Марк кивнул на дверь:

– Конечно.

Они вышли в коридор. За исключением шума вентиляции и смеха, доносившегося из одной из комнат, здесь было тихо.

– Мне нужен человек, который будет готов за границей, где у нас нет полномочий, оказать мне – скажем так – не совсем легальную техническую поддержку, – начал Снейдер.

Марк сглотнул.

– И о ком вы подумали?

– Вы айтишник и специалист по прослушке?

– Да, от кого вы это знаете?

– От Сабины Немез.

Марк почувствовал, как его глаза на мгновение вспыхнули, словно свечи на рождественской елке, что Снейдер наверняка заметил. Затем он сразу взял себя в руки.

– Когда начинаем? – осторожно спросил он.

– Не так быстро, – притормозил его Снейдер. – Сначала вступительный тест.

– Конечно. – Марк скрестил руки за спиной. Все в БКА знали, что Снейдер работает не с каждым. Он никогда не рассчитывал на то, что Снейдер обратит на него внимание, захочет воспользоваться именно его услугами – или что вообще знает о существовании Марка.

– И что это за тест?

– Не переживайте, речь лишь о том, как вы поведете себя в определенных ситуациях.

Марк кивнул.

– Вы сказали, что это *не совсем* легальная операция.

– Это проблема для вас?

Марк помотал головой.

– Если так мы сможем раскрыть преступление.

– Хорошо, просто я хочу организовать прослушку австрийского министерства здравоохранения.

– О! – У Марка вспотели ладони.

– Вы это сможете? – спросил Снейдер.

– Уже год, как я отвечаю за установку систем видеонаблюдения для оперативных групп. До этого в отделе мобильной криминалистики я анализировал данные, с помощью которых БКА совместно с Федеральным ведомством по охране конституции смогли задержать трех террористов и раскрыть террористическую сеть, планировавшую теракты в Кельне и Берлине. Еще раньше я занимался пеленгованием сотовых телефонов и трассировкой данных...

Снейдер поднял руку.

– Если бы мне было нужно ваше резюме, я бы сказал.

– Ясно.

– А как насчет вашей готовности работать втайне от Дирка ван Нистельроя?

– Ну... – Марк снова сглотнул. Он уже часто слышал о необычных методах Снейдера и от Сабины знал, что Снейдер еще никогда не оставлял своих подопечных в беде. Наоборот, он уже несколько раз спасал Сабине жизнь. Это, однако, означало, что работа со Снейдером может быть опасной. – Если вы договоритесь с моим начальником, чтобы он предоставил меня в ваше распоряжение, этого будет достаточно.

– А если нет?

– Да, тогда... ну, я всегда был лояльным к своему шефу. В любом случае с ним нужно поговорить.

– Хорошо, если вы настаиваете. – Снейдер посмотрел на часы. – Все будет улажено через пять минут. Когда вы готовы к командировке?

Марк сделал глубокий вдох.

– Ну, предыдущее дело для меня закончено, вообще я уже готов – а когда будет тест?

– Это и был тест, – ответил Снейдер. – Собирайте чемодан. Наш самолет вылетает из Франкфурта в 13 часов.

Глава 44

В 15 часов с небольшим опозданием они приземлились в венском аэропорту Швехат. Кроме Марка, который взял с собой чемодан с оборудованием, у всех была только ручная кладь.

Пока Снейдер и Кржистоф отлучились в туалет, Сабина с Марком ждали его чемодан у багажной ленты номер 3.

У Сабины пока не было возможности поговорить с ним, но теперь они наконец оказались одни.

– Хорошо, что у тебя нашлось время и ты с нами, – начала она разговор.

Марк непринужденно стоял у багажной ленты и ждал, когда та придет в движение.

– Конечно. – Затем он замолчал, и наступила неловкая пауза.

Марк был на голову выше и на год старше Сабины, но со своей золотистой щетиной, узким лицом и непослушными светлыми кудрями выглядел моложе. На нем были джинсы, черные ботинки на шнуровке, белая рубашка с короткими рукавами, а под ней футболка. Сабина увидела часть надписи; Star Wars, Star Trek или что-то в этом роде.

– Спасибо, что ты порекомендовала меня Снейдеру, – наконец произнес он.

– Еще слишком рано благодарить – и, строго говоря, рекомендация была моя и Тины.

– Мартинелли? – спросил Марк. – Та черноволосая с... – Он провел пальцами по своему лицу, и Сабина заметила, как напрягся бицепс под его рубашкой.

– Татуировками и пирсингом на лице, да, – сказала она.

– А почему она не полетела с нами?

– Она осталась в Висбадене и анализирует с Хоровитцем допрос нашей подозреваемой. – Затем Сабина вкратце объяснила ему суть дела. И выяснила, что Марк уже отлично проинформирован. Перед взлетом Снейдер передал ему флешку со всеми материалами расследования, которые Марк просмотрел на своем ноутбуке во время полета – в хвосте самолета, где он сидел с Кржистофом.

– Почему ты так быстро согласился? – наконец спросила она.
Марк долго не раздумывал. Его голубые глаза вспыхнули.

– Эффективнее всего работаешь с тем, кто рационально подходит к делу, верно?

Сабина поморщилась.

– Это аргумент.

Он улыбнулся.

– Первый главный комиссар уголовной полиции Марк Крюгер. – Он указал пальцем на воображаемый бейдж на груди.

Продолжай мечтать! До этого еще далеко.

– Вообще, почему твое имя *Marc* пишут через С, а не через К? – Это ее уже давно интересовало.

Без комментариев Марк достал из кармана телефон, пролистал плейлист и нажал на кнопку. В следующий момент зазвучала старая песня из начала 80-х.

Sometimes, I feel I've got to... tom-tom... run away^[24].

Марк сделал погромче. Некоторые ожидающие обернулись в их сторону.

– Marc Almond. Моя мать была фанаткой группы Soft Cell, – объяснил он. – Tainted love^[25]. Она утверждала, что во время концерта под эту песню я...

– Что? Родился? – спросила Сабина.

– Нет, был зачат. Она...

– Спасибо. Достаточно информации. – Она огляделась. – Выключи это! – шикнула она.

Двое вооруженных полицейских венского аэропорта прошли мимо них с собакой-ищейкой.

Марк убрал телефон.

– А у тебя вроде родственники в Австрии? – Постепенно Марк начал оттаивать.

– Издеваешься? В Мюнхене, – поправила она. – Отец, сестра и три племянницы. Прошное воскресенье я должна была провести с ними, но это дело... – Она пожала плечами. – Я еще наверстаю.

– С кино, пиццерией и мороженым? Посоветовать хороший фильм?

Она рассмеялась.

– Было бы неплохо – и нет, спасибо, твой вкус я знаю. Скорее это будет посещение музея. Мои племянницы это обожают, просто моя сестра раздает посетителям аудиогиды.

Марк улыбнулся.

– В этом возрасте я каждую свободную минуту был в музее естественной истории, не мог насмотреться на скелеты динозавров. Я тогда думал, что их истребили инопланетяне.

Как это похоже на Марка!

– Было бы интересно, но троица хочет только в Немецкий музей^[26], их интересует исключительно техника и все, что пищит, светится и взрывается.

– Ого! – Его глаза заблестели.

– Ты мог бы... – пробормотала Сабина, но тут услышала за спиной громкий смех Кржистофа и обернулась. От туалетов к ним направлялись Кржистоф и Снейдер.

– Разве этот Кржистоф не сидел в тюрьме за многократное убийство? – прошептал Марк, пока они еще были за пределами слышимости. – Он ведь не работает на БКА?

– Теперь работает, – сказала Сабина.

Как только оба подошли к ним, дернулась и пришла в движение багажная лента.

– Почему ты все время носишь один и тот же костюм? – спросил Кржистоф.

– Это не один и тот же костюм, – раздраженно ответил Снейдер и еще мокрыми пальцами провел по брови.

– Но все твои костюмы выглядят одинаково, – настаивал Кржистоф. – Сколько их у тебя?

– Девять.

– Девять? – переспросил Кржистоф. – И сколько такой стоит?

– Все сшиты на заказ в Steenweg en Zonen в Роттердаме. – Больше Снейдер ничего не сказал, очевидно посчитав, что этого достаточно.

– А почему они выглядят одинаково? – не унимался Кржистоф.

– Слушай, ты достал! – воскликнул Снейдер. Наверное, больше всего ему сейчас хотелось затянуться косячком, но в багажном зале действовал строгий запрет на курение.

– Да, действительно, почему? – спросила и Сабина. Она и правда еще никогда не видела Снейдера в другой одежде.

Марк тоже с любопытством взглянул на него.

– Ну хорошо, – вздохнул Снейдер. – Может, вас это чему-то научит. Тем, что каждое утро не ломают голову перед платяным шкафом, умные люди, как я, облегчают себе жизнь.

– Мне нужно всего лишь выбрать между футболками с Шерлоком Холмсом, «Твин Пикс» или «Секретными материалами», – вставил Марк.

– Или Star Trek, – добавила Сабина.

– Star Wars, – исправил он ее.

– Видите – а мне не нужно! – Снейдер указал на него пальцем. – Каждый день человеческий мозг обрабатывает более девяноста гигабайтов информации – это данные почти десяти DVD. Раньше мы думали, что можем одновременно концентрироваться на девяти вещах. Сегодня знаем: как только их число превышает три, это сказывается на производительности мозга.

– То есть вы не владеете многозадачностью? – съязвила Сабина.

– Очень смешно, Немез! – Тут Снейдер указал на нее. – Способность к многозадачности – это иллюзия. Человеческий мозг – как и компьютер – может выполнять одновременно лишь пару задач. При этом концентрация переключается между отдельными действиями, что снижает производительность. Пока другие, как вы, занимаются ежедневным выбором аутфита, у меня остается больше ресурсов для действительно важных решений в жизни. – Он указал на багажную ленту. – Наш чемодан. Идемте!

Спустя десять минут они выбрались из сутолоки зала и стояли на улице перед выстроившимися в ряд такси. Снейдер махнул черному минивэну без опознавательных знаков такси, который тут же включил поворотник и подъехал к ним.

– От Мартинелли я только что узнал, что министр Ульрих Хирш с 16:30 будет в венском Доротеуме, – объяснил он. – Частная встреча. Он хочет приобрести на аукционе экспонат для своей виллы.

Черный минивэн, «мерседес» с тонированными стеклами, остановился перед ними, и из него вышел водитель. Он был молодой, светловолосый, свежесвыбритый, в костюмных брюках, черной рубашке и белых подтяжках. По желанию Снейдера он не стал убирать чемоданчик Марка в багажник, а положил его на заднее сиденье.

– Оливейра, мой друг и коллега, предоставил служебный автомобиль в наше распоряжение, – объяснил Снейдер остальным, которые, как и Сабина, рассчитывали на то, что поедут на такси.

– У вас есть *друзья*? – сострила она.

– В австрийском ведомстве по охране конституции, а точнее, прямым распоряжением с самого верха из министерства внутренних дел, – с улыбкой добавил их молодой шофер. – Полагаю, вы гости из...

– Да, это мы, – перебил его Снейдер. – И избавьте нас от ненужных разговоров, за это вы получите от моей коллеги дополнительные чаевые. – Он указал на Сабину.

– Хорошо, спасибо. – Водитель посмотрел на них с удивлением. – Вы все из Нидерландов?

– Я же сказал, никаких разговоров!

– Ясно, ясно. Вы шеф! До конца дня машина в вашем распоряжении. Куда поедем?

– Сначала в Доротеум, – распорядился Снейдер.

– В какой филиал?

– Что? – Снейдер задумался. – Туда, где сегодня в 16:30 будет проходить аукцион.

– А, в главном здании.

Когда водитель, кивнув, сел в машину, Снейдер наклонился к Марку:

– Во время аукциона вы останетесь со своим оборудованием в машине. Подготовьте все во время поездки, чтобы я мог подложить министру жучок. Незаметный микрофон с передатчиком и крошечной батарейкой-источником питания, который можно прикрепить к ткани.

– Все ясно.

Затем они сели в машину и поехали.

Через тридцать пять минут они были у цели. Аукционный дом находился на Доротеергассе в центре Вены недалеко от собора Святого Стефана: многоэтажное серое старинное здание с большой входной аркой, слева и справа от которой на слабом ветру развевались красные флаги Доротеума.

Их шофер уехал на поиски парковочного места, тем временем Снейдер, Кржистоф и Сабина вошли в здание. Марк был занят в машине.

Боже мой, – подумала Сабина. Фойе с многочисленными мраморными колоннами, люстрами и большой лестницей выглядело роскошно, как на государственном приеме.

Пока Кржистоф говорил по телефону, Снейдер зарегистрировался, чтобы они могли участвовать в аукционе. Тем временем Сабина искала в Интернете фотографию министра. Наконец на странице Ведомства федерального канцлера она нашла актуальный снимок доктора Ульриха Хирша, федерального министра труда, социальной защиты, здравоохранения и защиты прав потребителей. Мужчине было почти семьдесят, но в черном костюме, с красным галстуком, венчиком седых волос и узкими очками в красной оправе он выглядел намного моложе, спортивнее и вообще производил исключительно приятное впечатление.

Наконец Снейдер подошел к ним и протянул Кржистофу и ей входные билеты.

– Сейчас начнется, мы зарегистрированы. – Сам он держал белую пластиковую карточку участника аукциона с номером 70. Затем сунул Кржистофу в руку скрученный каталог с описанием экспонатов, которые в этот день выставлялись на аукционе. – Позвони Мартинелли и попытайтесь выяснить, в чем заинтересован Хирш.

– Уже, – пробурчал Кржистоф, листая каталог. – Вот она! Картина маслом в человеческий рост. Называется «Чумная колонна». Какое уродство! Художница Мадлен Боман. Погибла несколько лет назад при трагических обстоятельствах на горе Каленберг недалеко от какой-то мельницы.

– Избавь меня от деталей. Когда очередь картины?

– Экспонат под номером пять.

– Тогда у нас не так много времени.

Сабина показала Снейдеру фотографию министра Хирша на своем телефоне.

– Вот как он выглядит.

Снейдер внимательно посмотрел на снимок, затем понизил голос:

– Мы бы его и без фотографии быстро нашли. – Он кивнул на вход.

В фойе вошел мужчина в элегантной тройке; у двух его сопровождающих был микрофон в ухе и бросающиеся в глаза широкие плечи.

– Кржистоф, ты ждешь перед входом в аукционный дом, – сказал Снейдер. – Немез, оставайтесь поблизости. Я пойду за Хиршем по пятам.

В вытянутом аукционном зале были высокие окна и потолок с замысловатой лепниной. В дальнем конце помещения во всю его ширину протянулся подиум, а в середине было расставлено около ста пятидесяти стульев для посетителей. Слева за компьютерными мониторами сидело несколько дам, которые, видимо, отвечали за финансовые вопросы, а с другой стороны – в два раза больше людей на телефонах: вероятно, работающие здесь маклеры, которые держали связь с покупателями. Стулья передвигали по паркету, люди покашливали, и вообще царила деловая суета.

Министр Хирш протиснулся с обоими телохранителями между стульев в предпоследний ряд. В то же время Снейдер зашел с другой стороны и сел в том же ряду рядом с Хиршем. Сабина заняла место за министром, чтобы Снейдер мог видеть ее краем глаза.

Ровно в 16:30 прозвучал гонг, в зале стало тихо, и после короткой вступительной речи ведущей аукцион был открыт.

Согласно каталогу в программе значилось около сорока экспонатов, поэтому торги проходили быстро. После двух картин поп-арта и двух достаточно уродливых скульптур объявили следующий объект.

– Мы продолжаем, и наш следующий экспонат под номером 3864, римская два В, номер 5, из наследия Мадлен Боман: «Чумная колонна», выполнена маслом на холсте.

Пока ведущая сообщала несколько биографических деталей художницы, два помощника выкатили в зал картину на подставке.

Сабина не могла поверить своим глазам. *Какая мрачная, угнетающая и уродливая мазня!*

– Согласно трем независимым заключениям и сертификату института Кёрнера, – зачитывала с планшета ведущая, – оценочная стоимость картины на международном рынке в настоящий момент составляет от 30 000 до 40 000 евро. Начальная цена 20 000 евро. У нас пять претендентов по телефону и три письменных поручения на покупку.

Снейдер наклонился к Хиршу.

– Ну как, волнуетесь?

Хирш, нахмурившись, посмотрел на него.

– Мы знакомы?

Вместо ответа, Снейдер показал свое удостоверение БКА, которое все это время держал в руке. Хирш взглянул на своего телохранителя, который со стоическим спокойствием изучил сначала удостоверение, затем Снейдера с ног до головы. Прежде чем вышибала успел что-либо предпринять, Хирш поднял палец в скупом жесте.

– Все в порядке, – сказал министр и обратился к Снейдеру: – Чего вы от меня хотите?

Снейдер медлил с ответом.

– В результате нескольких ставок цена уже выросла до 41 000 евро, – объявила ведущая аукциона. – Ваши предложения. – В передних рядах взлетела рука. – 42 000 евро, дама во втором ряду...

– Я хотел бы с вами поговорить, – наконец сказал Снейдер.

Хирш проигнорировал желание Снейдера и посмотрел вперед.

– Не сейчас, я хотел бы приобрести эту картину, запишитесь на прием у моей секретарши, – прошипел он, не отрывая взгляда от ведущей аукциона.

– Это важно, мы должны поговорить *сейчас*, – настаивал Снейдер. – Ваша жизнь может быть в опасности.

Министр раздраженно взглянул на своих телохранителей.

– В министерстве об этом ничего не известно.

– Теперь известно, я только что вас об этом проинформировал.

Дама в ряду перед ними обернулась и шикнула назад:

– Тихо!

– Не сделаете ли вы нам одолжение, милостивая сударыня? – вежливо обратился к ней Снейдер. – Да? Пересядьте вперед, тогда вы не будете мешать нашему разговору.

Дама в возмущении повернулась к ним.

Тем временем ставки прекратились, и последняя цена была 48 000 евро.

– 48 000 евро раз... – объявила ведущая аукциона.

Хирш поднял руку.

– 49 000 евро, господин в предпоследнем ряду, участник под номером двенадцать.

Хирш повернулся к Снейдеру:

– Нам не о чем говорить, а сейчас извините меня, пожалуйста.

– 49 000 евро раз, два и...

Снейдер поднял руку.

– 50 000 евро, господин в предпоследнем ряду, участник под номером семьдесят.

Хирш обернулся к нему:

– Вы с ума сошли?

Снейдер виновато посмотрел на него:

– Рефлекс. Что произошло с новорожденными в монастыре Бруггталь?

Прежде чем раздался удар молотка, Хирш успел вскинуть руку.

– 52 000 евро, участник номер двенадцать.

– Что произошло с новорожденными? – повторил Снейдер.

– Откуда мне знать? – раздраженно прошипел Хирш. – Понятия не имею, что тогда произошло.

– Я не говорил, что речь идет о давнишней истории, – спокойно произнес Снейдер.

Хирш неразборчиво что-то пробурчал.

– 52 000 евро раз, два и...

Снейдер поднял руку.

– 54 000 евро, участник номер семьдесят.

– Вы издеваетесь? – выдавил Хирш.

– Вы знаете, о чем идет речь, – заявил Снейдер. – Мне нужно поговорить с вами о событиях в урсулинском монастыре конца 70-х и начала 80-х годов.

Рука Хирша взлетела ввысь, и он сделал очередное предложение в 56 000 евро.

– Нет, – буркнул он.

На этот раз Снейдер не стал долго возиться, поднял свою карточку участника и выкрикнул:

– 60 000 евро!

По залу пробежал гул.

Сабина увидела, как у Хирша на шее надулись вены.

– Что это за дерьмо? У вас вообще есть такие деньги?

– У меня нет, а у ведомства уголовной полиции Германии есть.

– И вы можете вот так бросаться деньгами налогоплательщиков?

– Вы хотите картину, а я поговорить с вами – это вы поднимаете цену, не я, – расчетливо заявил Снейдер.

– Да пошли вы! – огрызнулся Хирш и поднял руку.

– 62 000 евро, участник под номером двенадцать.

Снейдер снова хотел вскинуть руку, но Хирш схватил ее, прежде чем Снейдер успел поднять карточку.

– Хорошо, я поговорю с вами. Неофициально. С глазу на глаз, и наш разговор не должен быть записан. Пять минут! Не больше. Затем мы больше никогда с вами не увидимся, вы поняли? В противном случае я буду отрицать, что когда-либо говорил с вами.

– Нет, – ответил Снейдер и поднял другую руку. – 70 000 евро! – выкрикнул он.

По залу снова пробежал гул.

– Чертов говнюк! – прошипел Хирш с красным от ярости лицом. Его ладони сжались в кулаки.

Оба телохранителя тоже заволновались.

– Нам вмешаться? – прошептал один из них.

– Если хотите рискнуть и помешать текущему расследованию, – сказала сзади Сабина.

Мужчины обернулись к ней.

Тем временем Снейдер развернулся на стуле и смерил Хирша холодным взглядом.

– Мы будем говорить до тех пор, пока я все не выясню, и моя коллега, сидящая за вами, будет присутствовать при разговоре. Это мои условия. Если вы согласны, я перестану поднимать ставку.

Сабина увидела, как Снейдер положил руку на спинку стула Хирша. И во время этого плавного движения сунул тому жучок под воротник пиджака.

Сабина прикрыла рукой рот и кашлянула.

«О'кей, стремительный ястреб приземлился, – раздался металлический голос Марка в ее наушнике. – Есть контакт, слышу все ясно и четко. Получаю пеленгаторный сигнал с местоположения».

– 70 000 евро раз, 70 000 евро два и...

– Согласен! – сказал Хирш, одновременно подняв руку.

– 72 000 евро, участник номер двенадцать.

– Но сначала я хотел бы еще раз взглянуть на ваши удостоверения, – потребовал Хирш.

Снейдер и Сабина показали ему свои удостоверения, которые Хирш долго и внимательно рассматривал.

– Согласен, – повторил он. – Как только я получу картину, мы можем поговорить.

Снейдер кивнул и, довольный, откинулся на стуле.

– 72 000 евро раз, 72 000 евро два и 72 000 евро...

Рука Снейдера осталась внизу.

– ...три! Картина уходит по рекордной цене в 72 000 евро участнику в предпоследнем ряду под номером двенадцать.

Раздался удар молотка, и в зале снова поднялся гул.

«Фух, я уже думал, мы и правда купим эту картину как сувенир из Вены для кабинета ван Нистельроя», – раздался в ухе Сабины веселый голос Марка.

Она невольно улыбнулась, но тоже с облегчением опустила напряженные плечи.

Четверть часа спустя министр Хирш уладил все формальности покупки, и теперь он, Сабина и Снейдер стояли в конце коридора у окна рядом с кулером. На этаже больше никого не было, телохранители Хирша ждали в другом конце коридора – в пределах видимости, но вне зоны слышимости.

– Что вы хотите знать? – спросил Хирш.

– В 70-х годах в урсулинском монастыре Бруггталь на свет появилось несколько десятков младенцев. По нашей информации, вы увозили их оттуда. Куда?

– Откуда эта информация?

– Об этом я не могу говорить. Куда вы увозили детей?

– В то время я был молодым врачом с собственной практикой в Линце. Я знал монастырского садовника. Он информировал меня о рождении детей, но я забыл его имя.

– Вальтер Граймс, – подсказал Снейдер.

Щеки Хирша вспыхнули, он сглотнул.

– Да, верно, его зовут Вальтер Граймс.

– Звали! Граймс уже мертв. Был убит четыре дня назад, – сказал Снейдер. – Куда вы увозили младенцев?

Хирш побледнел.

– Вы знаете, кто его убил?

– Куда вы увозили младенцев? – повторил Снейдер.

– Да, знаю, я должен был сообщить об этом полиции, но я чертовски боялся.

– Мне все равно, обосрались вы от страха или нет. – Снейдер стал прямолинейным. – Я хочу знать, куда вы увозили детей!

– Я передавал их мужчине, чьего имени так никогда и не узнал. Он забирал их себе.

– Как он выглядел? Рост? Цвет волос? Родимые пятна, шрамы или татуировки? Какой у него был акцент? Какой запах от него исходил? На какой машине он ездил? Где вы с ним встречались? В каком направлении он уезжал с младенцами?

– Боже мой, я этого уже не помню, – выдавил Хирш.

– У него были контакты в сфере педофилов? – не отставал Снейдер. – Детей продавали на черном рынке за границу? Для нелегального усыновления? Или младенцы шли на органы?

«Да когда Снейдер уже врежет этому мудаку!» – прозвучал в ухе Сабины голос Марка.

Осталось недолго, – подумала она.

– Нет, ничего из этого... полагаю, – глухо произнес Хирш. – Я знаю только одно, вы должны мне поверить. Мужчина работал на медико-техническом предприятии, больше я ничего не знаю. О боже. Я не знаю, что произошло с детьми.

Медицинская техника!

– А я могу вам сказать, – холодно произнес Снейдер. – Через год их трупы были закопаны на территории монастыря.

– Господи! – вырвалось у Хирша. – Об этом я ничего не знал.

– Нам уже известно, что вы, господин министр, привозили детские трупы обратно, – тихо сказал Снейдер.

– Вы с ума сошли! Это беспочвенные обвинения. Я сказал вам все, что знаю, больше вам от меня ничего не добиться. А этого разговора... – он посмотрел в сторону телохранителей, – никогда не было. – Затем он развернулся и зашагал прочь.

«Значит, на этом все», – сказал Марк.

Сабина поднесла ко рту запястье, где закрепила микрофон.

– Похоже, – прошептала она. – Ты все записал?

«Да».

– Сигнал все еще есть?

«Да».

– И кто, черт возьми, этот стремительный ястреб?

«Забудь!»

Движением руки Снейдер заставил Сабину замолчать.

– На одном этом убийстве дело не закончилось, – громко крикнул он в спину Хиршу, но тот невозмутимо продолжал идти. – На Вивиану Кронер и Констанс Филичитас тоже было совершено покушение.

На мгновение Хирш застыл. Очевидно, он знал акушерку и настоятельницу монастыря. Но затем все равно зашагал дальше.

– Вы в опасности! – крикнул Снейдер ему вслед. – Вам нужна более надежная личная охрана. Этой будет недостаточно!

Хирш обернулся.

– Спасибо за предупреждение. Но у меня уже есть охрана. Оставьте меня в покое! – Он подошел к своим телохранителям, которые обступили его с обеих сторон, и они стали спускаться по лестнице.

Сабина посмотрела им вслед.

– Эта задумка с аукционом могла закончиться настоящим провалом, – заметила она. – Если бы Хирш не предложил более высокую цену, у БКА была бы сейчас ужасная картина за 70 000 евро.

– Вы действительно думаете, что я так неосторожно обращаюсь с деньгами налогоплательщиков? – Снейдер надменно улыбнулся. – Мартинелли сообщила мне заранее по телефону актуальное состояние личного счета Хирша в венском «Капитал-банке».

– В рамках особых полномочий ван Нистельроя?

Снейдер кивнул.

– Там лежит более 600 000 евро, и он знал художницу лично. Я бы повышал ставку до 78 000. – Его улыбка исчезла. – Вы записали разговор?

– Да, и сигнал хороший и четкий, – ответила она.

Снейдер с облегчением вздохнул.

– Хорошо, хотя бы это. Семя посажено. Теперь мы пойдем за ним по пятам.

Семя нашего краха, – мысленно закончила Сабина. Если об этой нелегальной прослушке узнают, австрийские БКА и министерство внутренних дел свяжутся с Дирком ван Нистельроем из-за нарушения государственного суверенитета. Тогда Снейдеру грозит дисциплинарное преследование и до пяти лет тюрьмы. *Но существует одно простое решение*, – подумала Сабина.

Они должны быть очень осторожными.

Глава 45

Они встретились с Кржистофом и подошли к лестнице, которая вела на нижний этаж прямо в фойе. Там Снейдер остановился.

– Бегите к нашему фургону и следуйте за Хиршем. Кржистоф поедет с вами, – приказал Снейдер, набирая эсэмэс в телефоне. – От Мартинелли мы знаем, что сегодня у него нет других встреч в министерстве. Полагаю, он поедет в Гринцинг, район вилл на северо-западе Вены. Остальное вы должны выяснить сами.

– Вы не поедете с нами? – удивилась Сабина.

– Я останусь здесь и попытаюсь через ведомство по охране конституции организовать для Хирша соответствующую личную охрану.

– Удачи.

Сабина побежала вниз по лестнице и через фойе на улицу. Кржистоф последовал за ней. Снаружи ее встретил теплый вечерний ветер. Хирша и его телохранителей нигде видно не было. Но тут мимо них медленно проехал черный автомобиль с тонированными стеклами и правительственными номерами.

– Марк, где стоит наш минивэн? – крикнула Сабина в микрофон на рукаве.

Марк по радиосвязи направил их во второй переулок, где перед цветочным магазином была припаркована машина.

Так как Марк занял своим оборудованием все задние сиденья, Кржистоф и Сабина устроились за водителем во втором ряду.

– Что делает Хирш? – тяжело дыша, спросила Сабина.

– Он уже девять минут разговаривает по телефону с министерством внутренних дел и выясняет обстоятельства смерти Вальтера Граймса, – ответил Марк с наушником на одном ухе, поворачивая переключатель эквалайзера. – Из-за того, что Граймс был убит в Висбадене, у коллег в Вене мало информации. Однако параллельно Хирш пытается выяснить что-либо о найденных в Бруггтале скелетах.

Да он просто обделался! Наверняка солгал и на самом деле знает намного больше о тех событиях.

Тут шофер повернулся к Сабине. Нерешительно потянул за свои подтяжки. Рядом с рулем щелкнула рация.

– Конечно, это не мое дело, но то, что вы делаете, – легально?

– Не переживайте, пожалуйста, мы из федерального ведомства и пытаемся раскрыть преступление, точнее, предотвратить еще одно. И чем меньше вы будете об этом знать, тем лучше. – Сабина снова повернулась к Марку: – Куда направляется его машина?

– На северо-запад.

– Хорошо, едем за ним.

– Э-э-э... а как мне?..

– В Гринцинг, на Штрасергассе, – проинструктировала его Сабина. – И поезжайте осторожно, мы не торопимся.

Минивэн заморгал поворотником и тронулся с места.

Через четверть часа езды по вечерней Вене в сторону Гринцинга, Марк неожиданно сорвал с головы наушники.

– Проклятье, черт побери! – выругался он.

– Что? – обернулась Сабина.

– Связь с Хиршем оборвалась. Аудиоконтакта нет, и сигнал тоже пропал.

– Что значит пропал?

Марк покрутил переключатели.

– Полагаю, что радиоволны жучка мешали сотовой связи. Каким-то образом он или его телохранители нашли микрофон и уничтожили жучок.

Сабина наклонилась к водителю.

– Продолжайте ехать в сторону Штрасергассе.

Тот кивнул:

– А теперь ускориться?

– Было бы неплохо, но на красный не проезжать!

Через десять минут они миновали Гринцингское кладбище и свернули на Штрасергассе. В этом районе уже не было старых высоких домов. Участки были больше, сады зеленее, а за живыми изгородями скрывались роскошные коттеджи и виллы. К сожалению, они не знали номера дома. К тому же было лишь предположением, что министр направлялся сюда.

– Медленно проезжайте вверх и вниз по улице. Мы ищем виллу, перед которой припаркован черный автомобиль с правительственными

номерами.

– В этом районе таких много, – сообщил ей водитель и направил минивэн вверх по улице.

– Здесь! – Кржистоф указал на гравийную подъездную дорожку с малахитовыми туями по бокам и площадкой для разворота, за которой находилась двухэтажная вилла с эркерами и величественной лестницей. Два балкона, большая спутниковая тарелка на крыше и зарешеченные окна на нижнем этаже. На разворотной площадке рядом с фонтаном, украшенным мраморными скульптурами, стоял черный лимузин.

Их минивэн остановился.

Сабина сфотографировала номера и приблизила с помощью телефона.

– Да, это он. Оставайтесь в машине, но не паркуйтесь так явно перед домом. Если Снейдеру повезло, скоро сюда прибудет полицейская охрана. А я пока пойду внутрь и попытаюсь поговорить с Хиршем.

Сабина вышла из машины и ступила на участок. Электрические ворота были открыты. Она встала перед видеокамерой и несколько секунд подержала перед ней свое удостоверение. Затем направилась вверх по гравийной дорожке. Насколько она разглядела, в машине никто не сидел. Водительская дверь была заперта, и обоих телохранителей след простыл.

Сабина поднялась по лестнице к входной двери и позвонила. В доме раздался глухой гонг, напоминающий Биг-Бен. Сабина подождала и спустя какое-то время снова нажала на кнопку звонка.

Наконец она услышала стук каблуков по плиточному полу. Затем дверь открылась. Перед ней стояла молодая женщина лет тридцати пяти, с короткими каштановыми волосами, в облегающем темном брючном костюме.

– Чем я могу вам помочь?

Это дочь или жена? – подумала Сабина. В любом случае у женщины была спортивная фигура, что Сабина заметила по рельефным формам под блузкой и брюками. Невольно она вспомнила жену Януса, атлетичную пловчиху из национальной команды. С той лишь разницей, что у этой женщины был не польский, а – как предположила Сабина – тирольский или форарльбергский диалект.

– Меня зовут Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена. – Она показала свое удостоверение. – Я хотела бы поговорить с министром Хиршем... Мы уже знакомы, – добавила она.

– Мой муж только что пришел домой. Он наверху в ванной! – Женщина взяла удостоверение и принялась его изучать. Затем убрала прядь волос за ухо. Она была привлекательной, несмотря на родимое пятно на щеке. – Мой муж знает, что вы к нему придете?

Сабина проигнорировала вопрос.

– Мы только что общались с ним в Доротеуме. Это срочно.

Женщина вернула Сабине удостоверение.

– Хорошо, входите. Мой муж сейчас спустится, я его позову.

Сабина вошла, и жена Хирша провела ее через холл в гостиную. Комната была светлой, с большими окнами. Повсюду висели мрачные картины, которые контрастировали с приветливой атмосферой дома. «Чумная колонна» действительно хорошо сюда впишется.

– А где оба телохранителя? – крикнула Сабина вслед женщине, прежде чем та успела исчезнуть на верхнем этаже.

– Из них только один телохранитель моего мужа. Другой – его шофер. Они в саду за домом, курят, – крикнула жена Хирша. – В доме мне эти два парня не нужны. Что может здесь с нами случиться?

Отец Януса тоже так думал в своем коттедже.

Сабина подошла к одному из окон и посмотрела наружу. Отсюда она могла видеть часть сада. За домом находились беседка и бассейн, в котором плавал красный надувной матрас. Чуть дальше стояла теплица, в которой, похоже, росли томаты. Обоих мужчин нигде не было видно.

Сабина услышала, как наверху хлопнула дверь и раздался голос женщины. Сабина ждала. Все-таки она почувствовала облегчение, что за это время ничего не произошло. Но была ли Магдалена Энгельман настолько легкомысленна, чтобы планировать покушение на министра с охраной? Сабина скорее полагала, что они на ложном пути. Здесь в Вене ничего не случится. Вместе с тем ни от Тины, ни от Хоровитца не поступало звонка, который навел бы их на другой след. Если здесь действительно ничего не произойдет, то сегодня они зайдут в тупик.

Сабина взглянула на наручные часы. *Как же долго!* Было уже 18:15.

Она огляделась в гостиной. На каминной полке стояло множество фотографий в рамках. Снимки с церемонии назначения Хирша министром и различные фото из отпусков. Горные хижины, озера, велосипедные туры. Но везде Хирш был изображен с рыжеволосой женщиной своего возраста, шестидесяти пяти – семидесяти лет. Может, бывшая жена? Вряд ли. Хирш не так давно стал федеральным министром, а она была на фотографии с церемонии назначения на должность.

Сабина подумала о тирольском акценте. Женщина и без того показалась ей странной. Она подняла руку и сказала в микрофон:

– У вас все в порядке?

«Конечно, все тихо, а у тебя?» – раздался голос Марка в наушнике.

– Не знаю... – Взгляд Сабины упал на автоответчик, стоявший на комодe рядом с входом в гостиную. На нем мигала красная лампочка.

Она подошла к аппарату и прислушалась, но с верхнего этажа не доносилось ни звука. Тогда она нажала на кнопку. На автоответчике было одно непрослушанное сообщение.

Запись потрескивала, на заднем плане были слышны уличный шум и музыка. Вероятно, автораднo.

«Привет, дорогой. Не смогла дозвониться тебе на мобильный. К тому же твой автоответчик опять переполнен. Надеюсь, ты это услышишь. Я все еще в магазинах. Приеду самое раннее в семь. Надеюсь, аукцион был успешным. Целую!»

Клак! – конец сообщения. Согласно автоответчику, его оставили всего полчаса назад. Голос пожилой женщины – и не тирольский, а венский акцент.

Черт!

– Оцепите дом! – крикнула Сабина в микрофон. – Ты спереди, Кржистоф сзади. Женщина в доме не жена Хирша! Темный брючный костюм, родимое пятно на лице. Схватите ее!

«Что, что, что? – закричал Марк. – Где Хирш?»

– Вероятно, уже мертв. – Сабина схватила кочергу от камина, выскочила из гостиной и побежала вверх по лестнице.

На верхнем этаже она распахнула все двери, но за ними находились только ванная, туалет и пустые спальни. Правда, балконная

дверь была открыта. Сабина посмотрела через балкон в сад, но не заметила ничего необычного.

– Наверное, ушла через заднюю дверь! – крикнула Сабина в микрофон. По всей видимости, она до этого разговаривала с сообщницей Магдалены Энгельман, которой не удалось вовремя скрыться из дома, и та в отчаянии выдала себя за жену Хирша. Возможно, женщина собиралась убить и Сабину, но догадывалась, что ту могут ждать коллеги, и предпочла скрыться.

С этими мыслями Сабина взбежала по лестнице на мансардный этаж и распахнула дверь. Тут же ее обдало жаром от бойлера. Пахло стекловатой. Это было самое большое помещение в доме. Кровельные балки уходили далеко вглубь. Сабина пошарила рукой в поисках выключателя, щелкнула им, и трубчатые люминесцентные лампы ожили, гудя и мерцая.

В потолочном свете открылась огромная модель железной дороги в форме буквы L, с многочисленными путями, горами, туннелями, домами и вокзалами. Как и любая модель, эта тоже была не совсем закончена, казалось, что для нее постоянно подставляют новые столы. И на одном из них на спине лежал министр Хирш. С раскинутыми руками и ногами, посреди своих локомотивов, вагонов и миниатюрных людей – как Гулливер в стране лилипутов.

Во лбу и груди виднелись огнестрельные раны с опаленными краями. В тот же момент Сабина почувствовала запах пороха, который висел в воздухе. Видимо, убийца использовала крупнокалиберное оружие с глушителем.

Было бесполезно проверять у Хирша пульс. Затылок отсутствовал, его остатки прилипли к стене и доске, показывающей положение стрелки.

Для Хирша последний поезд уже ушел.

Глава 46

Сабина оторвала взгляд от этого вида, выскочила из котельной и бросилась вниз по лестнице, одновременно крича в микрофон, – но ответа не последовало. Только проклятый шум. Тогда она набрала на телефоне номер Кржистофа, но и тот не ответил. Сабина все равно продолжала звонить, торопясь вниз по лестнице, пока не добралась до холла и не выбежала наружу.

Где эти чертовы телохранители?

Тут у нее перехватило дыхание. Перед ней в фонтане – спиной в воде и ногами на мраморном бортике – лежал их молодой шофер и зажимал кровоточащий нос.

Она в два прыжка перемахнула через ступени на разворотную площадку и побежала к мужчине, который, очевидно, хотел им помочь. К счастью, огнестрельных ранений у него не было. Сабина хотела вытащить его из фонтана, но он отказался от помощи.

– Женщина хотела выбежать через переднюю дверь... – прогнусавил он через кровь, хлеставшую из носа, – но затем назад...

В этот момент откуда-то позади дома раздался крик.

Марк!

– Оставайтесь здесь! – Сабина все же помогла шоферу выбраться из фонтана, затем побежала вдоль стены дома в дальний конец сада, мимо беседки и бассейна, перепрыгнула через цветочные клумбы и овощные грядки. Добравшись до теплицы, она остановилась.

Сабина не поверила своим глазам. Хотя Марк был айтишником, но, как любой следователь БКА, учился рукопашному бою и обращению с оружием и был в неплохой форме. Но все равно он, скрючившись и тяжело дыша, лежал на лужайке, держась за горло. А рядом Кржистоф боролся с женщиной.

Несмотря на возраст, у него еще никогда не возникало проблем с тем, чтобы уложить кого-то точным боксерским ударом, но сейчас поляк боролся за выживание. Женщина держала его голову железной хваткой и пыталась перекрыть ему доступ воздуха, одновременно зафиксировав его ноги своими и заломив руку.

Твою мать, такой техники Сабина еще никогда не видела. Кржистоф отчаянно защищался. Хотя женщина своим весом вдавила его лицо в землю, он пытался отбиваться и ударить ее затылком в нос.

Сабина быстро направилась к ним. В нескольких метрах лежал нож, который Кржистоф, вероятно, выбил у женщины из руки. А недалеко от Марка в траве виднелся крупнокалиберный пистолет с глушителем. Очевидно, Марку удалось обезоружить женщину, прежде чем та его нейтрализовала.

Однако Сабина проигнорировала и то, и другое оружие. Вместо этого она сзади подошла к женщине, сконцентрировавшейся на хрипевшем Кржистофе – который вот-вот готов был сдаться.

Сабина же, наоборот, по-настоящему разозлилась. Не раздумывая, она замахнулась кочергой, которую все еще держала в руке, и со всей силы ударила женщину по затылку. Та повалилась на лужайку, как мешок с картошкой, и осталась неподвижно лежать.

Кржистоф тут же перекатился на спину и стал шумно хватать ртом воздух. Марк, хрипя, тоже подполз и дрожащей рукой схватил пистолет с глушителем. Тем временем к ним приковылял и шофер. Пошатываясь, он стоял рядом с Сабиной и испачканным в крови рукавом утирал нос.

– Черт возьми, вот это был удар! – прогнусавил молодой человек.

У Сабины дрожали руки.

Понадобилось четыре человека, чтобы справиться с этой женщиной.

– Спасибо за вашу помощь. Вы хотели знать, кто мы? – Сабина достала свое удостоверение. – БКА Висбадена. – Затем протянула ему бумажный платок.

Так как Марк уже смазал отпечатки пальцев на оружии, Сабина без особой предосторожности взяла пистолет, понюхала ствол, на всякий случай опустошила магазин и вытряхнула патроны из ствола.

Затем заложила женщине, у которой кровоточила рана на голове, руки за спину, надела наручники и повернула на бок – чтобы та не захлебнулась, если ее начнет рвать. На всякий случай Сабина связала ей ноги кабельными стяжками, которые всегда носила с собой. Судя по ее настрою, она могла и ногами нанести им тяжелые повреждения.

Затем одна за другой подъехали две кареты скорой помощи, три автомобиля венской полиции и черная машина Федерального

ведомства по охране конституции со Снейдером на пассажирском сиденье. Но персональная охрана опоздала.

Сначала врачи обработали раны Кржистофа, Марка и их шофера, последней подошла очередь убийцы. Тем временем Снейдер с венскими коллегами осматривали место преступления в мансарде виллы. В начале восьмого приехала настоящая жена Хирша на спортивном кабриолете, на заднем сиденье которого лежало множество пакетов. У нее началась истерика, и сотрудница Красного Креста из команды кризисной помощи позаботилась о ней.

Затем подоспели коллеги из отделов криминалистики и криминалистической экспертизы. Среди этой суматохи и гвалта – сообщения по рации, допросы, прочесывание территории и проверка дома, мигалки, сирены, любопытные прохожие и репортеры, которые теснились на границе земельного участка, – Снейдер подошел к Сабине.

– Телохранитель и шофер лежат мертвые в кладовой на кухне, – шепнул он ей на ухо. – С пулями во лбу и груди. Телохранитель даже держал пистолет в руке, уже положил палец на спусковой крючок. Но слишком поздно!

Сабине стало плохо. Ноги у нее и так были ватными, а теперь еще и это. Новые сопутствующие жертвы на пути к правде. Если бы телохранителю удалось нажать на спусковой крючок, звук выстрела услышали бы, и все сложилось по-другому.

Неожиданно она вспомнила нечто очень важное, о чем практически забыла во всей этой суете.

– А что с жучком на пиджаке министра? – прошептала она.

– Для проформы я проверил его пульс на шее и хотел незаметно забрать жучок из-под воротника. Но его там уже не было, – сказал Снейдер. – Раздавленный жучок лежал у него в нагрудном кармане. Нам чертовски повезло, что все так безобидно для нас закончилось, – прошипел он. – И несмотря ни на что, хорошая работа. По крайней мере, теперь у нас есть подозреваемая.

– А если она тоже не будет говорить?

– Будет, – заверил Снейдер. – Хорошо, что вы не полностью раздробили ей череп.

Хотя с удовольствием бы это сделала! – подумала Сабина и на мгновение испугалась напора своих чувств. Но когда она увидела их

молодого шофера, Марка и Кржистофа раненых и лежащих на земле, видимо, так расвирепела, что до сих пор по-настоящему не успокоилась.

Краем глаза она наблюдала, как убийцу с перевязанной головой увели и посадили в полицейскую машину.

– Кржистоф, Крюгер и наш водитель отправятся в больницу под наблюдение, – объяснил ей Снейдер.

– О'кей, – вздохнула Сабина. – Я поеду с ними.

– Ничего подобного. – Снейдер схватил ее за руку. – В минивэне по-прежнему лежит наше оборудование. Вы сможете управлять такой машиной?

Она озадаченно кивнула.

– Хорошо, тогда пойдете. Мы сейчас допросим нашу задержанную.

– Нашу? Вы забыли, что мы в Австрии?

Снейдер криво усмехнулся.

– Я выторговал у ведомства по охране конституции право первого неформального допроса.

Хотя Сабине было непривычно управлять большим автомобилем, вечернее движение в Вене оказалось таким медленным, что она нашла время включить навигатор, вырубить рацию и привыкнуть к минивэну.

Во время поездки к Йозеф-Холаубек-плац, где находилось здание австрийского БКА, Снейдер сидел на заднем сиденье, явно наслаждаясь, что его, как всегда, везут, разговаривал по телефону сначала с Хоровитцем, а затем связался с ван Нистельроем.

Сабина отчетливо слышала голос ван Нистельроя и без громкой связи:

– Что, австрийского министра здравоохранения убили? Почему ты это не предотвратил?

Сабина сконцентрировалась на дороге и позволила Снейдеру все уладить. По окончании этого расследования, они либо сами окажутся в следственном изоляторе, либо их уволят – если, конечно, раньше не отстранят от этого дела.

Снейдер завершил разговор, только когда Сабина припарковала машину на гостевой парковке БКА и они вошли в здание. Зарегистрировались на ресепшен, и сотрудница провела их к комнатам для допросов.

В отличие от БКА Висбадена те находились не в подвальных помещениях без окон, а на шестом этаже. Когда они поднялись на лифте и прошли по длинному коридору, мимо туалетов и ниши с копировальным аппаратом, Снейдеру позвонили.

Сначала Сабина подумала, что это Тина, но Снейдер разговаривал слишком дружелюбно. Наконец он сказал «Секундочку, пожалуйста!», убрал телефон от уха и обратился к женщине-полицейской:

– Мне нужно помещение, где я могу спокойно поговорить по телефону.

– Сейчас?

– Нет, через две недели.

Сотрудница скривилась и указала на дверь:

– Эта комната для переговоров свободна. Затем приходите, пожалуйста, в кабинет номер 17. Предпоследняя комната. – Она указала в конец коридора. – Мы будем ждать вас там.

Снейдер велел Сабине следовать за ним. Они вошли в переговорную. Здесь было очень душно – видимо, кондиционер сломался. Сабина хотела открыть окно, но оно было заперто на ключ. Через тонированные стекла она видела фармацевтический центр, разноцветный мусоросжигательный завод и улицу, которая вела мимо БКА к темно-зеленому боковому каналу Дуная. Она села рядом со Снейдером за овальный стол, на котором стояли бутылки с минеральной водой, стаканы, видеопроектор и прибор для телеконференции со множеством разъемов.

– Антрополог из Линца, – объяснил Снейдер и включил громкую связь. – Моя коллега Сабина Немез, которую вы уже знаете по раскопкам в монастыре, тоже слушает.

– Добрый вечер, – сказала Сабина. Она хорошо помнила женщину в белом комбинезоне, в никелированных очках и с седой косой.

– Я уже проинформировала ЛКА в Линце – но хочу, чтобы вы тоже узнали, что вместе с иннсбрукской командой судебно-медицинских экспертов мы исследовали большую часть семидесяти четырех детских скелетов, – сообщила антрополог. – Кости пролежали в земле от 37 до 43 лет. Вообще-то в таком влажном климате они должны были полностью разложиться, но по причине, к которой я сейчас вернусь, этого не произошло. В любом случае мы обнаружили две особенности...

Сабина услышала, как женщина застучала по клавиатуре. Она быстро достала из кармана свой мобильный, положила на стол рядом с телефоном Снейдера и включила аудиозапись, так как из профессионального судебно-медицинского отчета они, вероятно, поймут лишь половину. Снейдер – сосредоточенный, с нахмуренным лбом – сидел рядом.

– ...обычно скелеты младенцев скорее хрящевидные, потому что костенеют позже. Но у этих младенцев наблюдается необычное для их возраста окостенение, – сказала антрополог. – Например, большой родничок, где соединяются лобные и теменные кости, закрывается лишь к двум годам. Но почти у всех найденных черепов передний родничок уже закрыт.

– В чем может быть причина? – перебил ее Снейдер.

– Мы обнаружили в костях большое количество различных химических веществ, но еще должны изучить их более детально, – ответила антрополог. – Проблема в том, что у каждого ребенка в костях следы разных химических веществ. Это трудоемкая работа, которая потребует много времени.

– И эти химические вещества отвечают за то, что кости разлагаются медленнее, чем обычно? – спросила Сабина.

– Нет, причина другая – и вот тут мы подошли ко второй особенности...

Сабина бросила на Снейдера взволнованный взгляд.

– ...Причина быстрого окостенения и замедленного разложения скелетов может заключаться в интенсивном рентгеновском облучении.

– Рентгеновское облучение? – Снейдер нахмурился. – Вы имеете в виду, после того как трупы закопали или еще при жизни детей?

– При жизни.

Сабина сглотнула.

– Но это нужно еще детально изучить, – сказала женщина. – Мы стоим в самом начале исследований, но так как находка была необычной, я хотела уже заранее вас проинформировать.

– Большое спасибо. Если вы узнаете больше, пожалуйста, немедленно нам сообщите. – Снейдер закончил разговор.

Сабина выключила аудиозапись.

– Рентгеновское облучение? – Она рассчитывала на многое, но не на это.

– Министр Хирш упомянул, что мужчина, которому он передавал младенцев, работал в сфере медицинской техники, – напомнил ей Снейдер.

Химические вещества и рентгеновское облучение.

Сабину бросило в дрожь.

– Во что же мы вляпались?

Снейдер озвучил то, о чем она подумала:

– Боюсь, речь идет о медицинских экспериментах над людьми.

Глава 47

Хотя комната для допросов находилась на шестом этаже – как и в БКА Висбадена, она была без окон, со смотровой и двусторонним зеркалом.

Прежде чем Сабина и Снейдер вошли в самую комнату, они узнали от австрийских коллег, что по отпечаткам пальцев женщину идентифицировали как Грит Майбах.

– Бывший горный стрелок австрийских вооруженных сил, уволилась чуть больше трех недель назад и немедленно была освобождена от службы, – объяснил им майор австрийского БКА, неуклюжий мужчина с закатанными рукавами рубашки.

При словах «горный стрелок» Сабина автоматически подумала о наручниках, которыми Вальтер Граймс был прикован к трубе с кислотой.

– Что привело к увольнению? – спросил Снейдер.

– Мы не знаем. Как и не имеем представления, почему она совершила покушение на члена правительства.

– Ваше правительство тут ни при чем, – успокоил мужчину Снейдер. – То, что доктор Ульрих Хирш занимает пост министра, всего лишь печальное совпадение.

Мужчина вопросительно посмотрел на него.

– А почему вам разрешено провести ее первый неформальный допрос?

– Мы работаем над этим делом уже несколько дней, оно вышло за пределы Германии и привело нас в Австрию, но в настоящий момент я не могу сказать больше. – Быстрым движением руки Снейдер отклонил все дальнейшие вопросы и задумался. – Вы сказали «чуть больше трех недель назад». – Он повернулся к Сабине: – Наша монахиня тоже вышла из своего ордена три недели назад. Одинаковое временное окно! Что связывает обеих женщин?

– Вы думаете о ребенке, которого родила монахиня? – предположила Сабина и обратилась к майору: – Сколько лет Грит Майбах?

– Согласно ее личному делу – тридцать семь.

– Вполне подходит, – констатировал Снейдер. – Кто ее родители?
– Мы не знаем, Майбах выросла в приюте в Куфштайне.
– Здорово. – Снейдер заулыбался, словно они вышли на верный след. – Мне нужен результат ДНК-теста Грит Майбах для сравнения с человеком, который находится под арестом в Висбадене.

На лице майора появилась кислая гримаса.

– Не получится.

– Только не начинайте сейчас про права человека, бюрократическую волокиту и защиту персональных данных!

Майор сдвинул брови.

– Для этого нам нужно согласие женщины или судебное решение.

– Не нужно, – возразил Снейдер. – У женщины рваная рана на голове. Смените ей повязку и отправьте окровавленную марлю в лабораторию. И поторопитесь. Результат необходим мне сегодня вечером.

– Что вам необходимо, меня не...

– Обсудите это с вашим начальником! – перебил его Снейдер.

Пока два санитары меняли Грит Майбах повязку, Снейдер и Сабина должны были подписать формуляр, что они входят в камеру под свою ответственность и в случае их ранения или смерти Австрийская Республика ответственности не несет.

Это действительно необходимо? – спросила бы Сабина в любом другом случае, но эта женщина была горным стрелком, а после того как Сабина сама видела, на что способна Грит Майбах, она держала язык за зубами.

– Готовы? – спросил Снейдер.

Сабина кивнула, и они вошли в комнату для допросов.

В помещении с холодным белым кафельным полом и люминесцентной лампой стояли только стол и три стула. Майбах была в оранжевой одежде, руки скованы впереди наручниками. Ее левый глаз украшал довольно внушительный синяк, который ей наверняка поставил Кржистоф. В ее взгляде сверкнула ненависть, когда Снейдер и Сабина сели за стол напротив нее.

– Ваше личное дело впечатляет, – начал Снейдер. – За всю вашу карьеру в вооруженных силах вы спасли жизнь многим людям и задержали нескольких террористов, убийц и буйных преступников. А теперь... стреляете в члена правительства?

Женщина молчала.

– Вы изменили свои методы, – спокойно продолжал Снейдер. – Вместо того чтобы и дальше устраивать ловушки, как в Висбадене, Баварии, Берне и Бруггтале, перешли к убийству прямо у нас на глазах. Почему?

На лице Майбах не появилось и тени удивления. Очевидно, она сразу узнала Снейдера по его нидерландскому акценту.

– Было невозможно подстроить ловушку для министра с охраной? – предположил Снейдер. – А кроме того, это эффективнее для освещения в СМИ, чем похищение, верно?

Майбах продолжала молчать.

Снейдер наклонился к ней.

– В следующие семьдесят два часа австрийское БКА и ведомство по охране конституции и борьбе с терроризмом устроят вам такое, что служба в горнострелковых войсках покажется сладким сном.

Впервые за все время Майбах отреагировала:

– От меня вы ничего не узнаете.

Снейдер поднял руку.

– Мне плевать, почему вы уволились и чем занимались последние три недели, откуда у вас глушитель и почему должны были умереть оба телохранителя. Ответы на эти вопросы поберегите для полиции. Меня интересуют три вещи. – Он поднял три пальца. – Кого вы планировали убить завтра? Кого послезавтра? Кто ваши сообщники?

Майбах перевела взгляд с него на Сабину, но продолжала молчать.

– Слушайте меня внимательно, – тихо произнес Снейдер. – Сотрудники полиции стоят в данный момент за этим зеркалом и понятия не имеют, о чем мы тут говорим, но *вы* это знаете и *мы* тоже! – Он кивнул на Сабину. – И если вы не откроете рот, то, клянусь, я такое устрою вашей матери... она пожалеет, что родилась.

У Майбах отвисла челюсть, и Сабина заметила, как покраснели ее щеки и участился пульс.

Снейдер попал в яблочко!

– У Магдалены ухудшилось здоровье, с тех пор как она сидит в одиночной камере, – продолжал Снейдер. – Висбаден не Вена – нам далеко до знаменитого австрийского шарма. Но вы можете все изменить, если наконец заговорите!

Тут Майбах действительно открыла рот.

– Хорошо, но сначала *вы* мне скажите, что уже выяснили, – потребовала она. – И затем я хочу, чтобы мы сделали официальное сообщение для СМИ со всеми результатами вашего расследования.

– Так не пойдет! – отрезал Снейдер. – Прежде чем мы это сделаем, я должен все знать. Кто умрет в следующие два дня? Кто ваши сообщники?

– У меня нет сообщников.

– Чушь собачья! – выкрикнул Снейдер. – Лакокрасочная фабрика в Висбадене и коттедж отца Януса были аккуратно вскрыты отмычкой. А вот дверь в Цитглогге и в квартире Вивианы Кронер в Берне взломаны с применением грубой силы, хотя это были даже не замки с предохранителем. Полагаю, вы научились вскрывать замки у горных стрелков – а вот ваш сообщник нет. Кто он?

Майбах молчала.

– Это была его милая идея с бамбуковыми ростками?

– Ваше расследование идет в неправильном направлении, – наконец сказала Майбах. – Вам стоило бы думать о том, что случилось с детьми. Только так вы сможете предотвратить два последних убийства. Но я вас предупреждаю: вы обнаружите страшные вещи. Чем глубже вы будете копать и открывать новые двери, тем ужаснее будут разоблачения. Вам нужен тыл из прессы – поверьте мне, – иначе исчезнете через два дня со всеми вашими результатами расследования. – Майбах перевела взгляд на Сабину: – И вы тоже!

Мрачное предсказание. Но Сабину оно не впечатлило. За время работы в БКА она получала угрозы и пострашнее и все равно сидела сейчас здесь.

– Тогда наш разговор зашел в тупик, – подытожил Снейдер и сложил руки.

Майбах кивнула.

– С этого момента я отказываюсь делать какие-либо заявления. К тому же я хочу поговорить с адвокатом.

– Согласен. – Снейдер вытащил телефон и взглянул на экран. – Здесь наверху сеть ловит хорошо. – Одновременно он до максимума усилил громкость, как заметила Сабина. Затем передал Майбах телефон. – Вам полагается один звонок. Пожалуйста.

Майбах с ошарашенным видом взяла телефон. Сабина тоже была поражена. Уже несколько дней Снейдер противился предоставить

Магдалене Энгельман адвоката, а в случае с Грит Майбах позволил это без разговоров.

Женщина набрала номер и через главное командование горнострелковых войск связалась с полковником Айхингером.

Майбах описала – немного приукрасив – обстоятельства дела, и Айхингер тут же согласился отправить к ней одного из лучших адвокатов, хотя она и уволилась три недели назад. Некого доктора Беренса.

Закончив разговор, Майбах с улыбкой пододвинула телефон к Снейдеру.

– Мой адвокат будет здесь максимум через час.

– Хорошо. – Снейдер тоже улыбнулся. – Тогда продолжим разговор через шестьдесят минут вчетвером.

* * *

Как только они вышли из комнаты для допросов, от австрийских коллег на Снейдера посыпались десятки вопросов, от которых тот раздраженно отмахнулся.

– Даже не старайтесь. Без комментариев! – Он снова уменьшил громкость своего телефона. – Через два часа эта женщина ваша, до того времени она *моя* заключенная! А после я предоставлю вам свои результаты расследования.

Ворча, сотрудники БКА отступились от него. Пока коллеги еще раз просматривали на мониторе записанный разговор, Снейдер встал в нише, достал из кармана косячок, задумчиво покрутил его между пальцами и с экстатическим удовольствием понюхал табак.

Теперь Сабина заметила, что Снейдер выглядит уже не так жалко, как в начале расследования. Черпая силу из охоты на убийцу, в настоящий момент – несмотря на то, что он мало спал, почти не ел и постоянно был в разъездах, – он работал в полную силу.

Она встала рядом.

– Считаете, это было умным решением – действовать с Майбах напролом, вместо того чтобы попробовать разговорить ее деликатным способом?

– Нужно адаптировать метод к ситуации, – ответил он и вдохнул запах марихуаны. – Под давлением или без – мы бы все равно ничего от нее не добились.

– Может, нужно было сначала попробовать трюк с *добрым полицейским*, вместо того чтобы сразу запускать *злого полицейского*?

Снейдер приподнял бровь.

– А это и был добрый полицейский, – ответил он. – Очередь злого еще настанет.

И он посвятил Сабину в свой план.

Глава 48

За следующий час комната для допросов была оборудована специальными камерами и мониторами точно по указаниям Снейдера.

Он поговорил с коллегами в Вене и сделал несколько звонков, в том числе Марку и Кржистофу. Обоих отпустили из больницы, и они уже были на пути к Йозеф-Холаубек-плац. За пятнадцать минут до истечения часа они прибыли. У обоих на груди висел пропуск посетителя.

За исключением синяков на шее и легкой хромоты выглядели они неплохо, как с облегчением констатировала Сабина.

– Как ты? – спросила она Марка.

Тот через стеклянную стену косился в комнату для допросов, где в одиночестве сидела Майбах и с убийственной монотонностью постукивала указательным пальцем по столешнице.

– Все в порядке. – Его голос звучал слабо, словно ему было еще трудно говорить. – Ты нехило ей врезала. – Он изобразил удар воображаемой клюшкой для гольфа.

– Просто я расвирепела.

– Кстати... у меня тоже все хорошо, спасибо, что спросили, – пробурчал Кржистоф у них за спиной.

К их группе подошел Снейдер.

– Хватит, после будете сочувствовать друг другу. У нас не так много времени. Немез! – Он щелкнул пальцами. – Дайте Крюгеру ключ от минивэна. Нам нужно наше оборудование.

Сабина вытащила ключ из кармана.

– Машина стоит на гостевой парковке БКА.

– Я уже видел, хорошо. – Марк схватил ключ и исчез. Кржистоф последовал за ним.

Не прошло и двух минут, как дверь распахнулась. На пороге стоял высокий мужчина в сером костюме в сопровождении двух женщин-полицейских. Он сразу посмотрел через стеклянную стену в комнату для допросов.

– Я успел даже чуть раньше. Это моя подзащитная?

– Доктор Беренс? – спросил Снейдер.

Мужчина кивнул.

– А кто интересуется?

Прежде чем австрийские коллеги успели что-либо сказать, Снейдер представился. Они пожали друг другу руки, затем Снейдер проверил удостоверение мужчины.

По виду Беренса – телосложение, выправка, немногословность, пронизательный взгляд и резковатые движения – Сабине показалось, что раньше он, как и Майбах, наверняка служил в армии.

– В порядке, – наконец сказал Снейдер венскому майору и его коллегам и вернул Беренсу удостоверение.

Адвокат убрал документ и хотел уже направиться в комнату для допросов, но майор его остановил.

– Прошу прощения, но я должен вас спросить. У вас есть с собой оружие или какие-то острые или режущие предметы?

Беренс с недоумением посмотрел на него.

– Нет, конечно нет.

– Хорошо, потому что вы и глазом моргнуть не успеете, как Майбах отнимет его у вас, освободится и убьет всех вас троих. – Майор посмотрел на Снейдера и Сабину.

– После моей военной службы прошло много лет, но я все равно не думаю, что до этого дойдет, – сказал Беренс. – Мы можем войти?

– Еще минуту. – Снейдер ждал.

Наконец дверь открылась и вошел Кржистоф в сопровождении Марка, который нес на плече черную сумку.

– Это Марк Крюгер, мой технический консультант, – объяснил Снейдер. – Он будет следить за разговором отсюда.

– Все в порядке, – буркнул Беренс. – Но позже, когда я буду беседовать с подзащитной один на один, мы перейдем в другую комнату, где сможем поговорить без лишних ушей и глаз.

– Разумеется. – Снейдер пожал Марку руку, будто они только что встретились. При этом Марк сунул Снейдеру в ладонь маленькую коробочку, в которой, вероятно, находился жучок, который он принес из минивэна. Затем Снейдер обратился к военному адвокату: – После вас.

Они вошли в комнату для допросов, и доктор Беренс быстрым движением протянул Майбах руку. Затем они сели за стол. Снейдер до этого так разложил папки и микрофоны на столе, а также расставил

стулья для Беренса и Майбах, чтобы у них не было постоянного зрительного контакта. К тому же на столе стоял старый монитор так, чтобы Майбах видела в нем собственное отражение, что наверняка будет ее смущать.

– Это обязательно? – спросил Беренс.

– А иначе стал бы я это делать? – Психологическая война Снейдера началась.

Но прежде чем Снейдер успел сказать что-то еще, Беренс оборвал его резким движением руки. При этом Сабина заметила, что на левой руке у него не хватало безымянного пальца и мизинца, а на тыльной стороне ладони был глубокой уродливый шрам. Вероятно, результат старой профессиональной травмы.

– Во время поездки сюда я справился о вас обоих в БКА Висбадена и узнал много интересного. – Беренс посмотрел на Снейдера и Сабину. – Вы, вероятно, Сабина Немез, да? – Затем он снова обратился к Майбах: – Берегитесь Снейдера, он воткнет вам в спину нож не моргнув глазом. Немез заколет вас хотя бы в грудь.

Снейдер ничего не сказал, только буркнул что-то неразборчивое. Сабина тоже промолчала.

– Затем я ознакомился с обстоятельствами дела, – продолжил Беренс. – Вы, лейтенант Майбах, говорите только тогда, когда я вас спрашиваю, вы поняли?

Майбах кивнула.

– Лейтенант в отставке, – поправил его Снейдер.

Беренс сурово взглянул на Снейдера.

– Вы тоже будете, когда мы с вами закончим.

Взгляд Снейдера был холодным.

– Между нами девочками – мне глубоко чихать на ваши угрозы!

Беренс посмотрел на Сабину.

Она кивнула, словно в подтверждение.

– Я бы не стала с нами связываться.

– Вы так думаете? – Беренс поморщился. – Будет весело. Я вас так уделаю, что вы будете рады получить место уборщика туалетов в полицейском участке в самой паршивой деревне Айфеля^[27]... – Он понизил голос, выделяя каждый слог: – Отсутствие полномочий за границей, нарушение неприкосновенности жилища и незаконное проникновение без судебного решения на виллу министра, давление и

угрозы австрийскому чиновнику, повреждение имущества, нанесение тяжких телесных повреждений, превышение самообороны и незаконное задержание.

– Что-нибудь еще? – Снейдер поднял на него глаза. – Потому что этого будет недостаточно.

– Решать предоставьте мне. – Беренс нагнулся вперед и взглянул на Майбах, которая слушала это все с очевидным удовольствием. – В чем вы обвиняете моего манданта?

– Грит Майбах грозит пожизненное заключение из-за тройного убийства в Вене, пособничества в убийстве в Висбадене, Баварии и Браунау, а также покушения на убийство в Берне. Если она будет сотрудничать с нами и сообщит, кто две последние предполагаемые жертвы, мы можем договориться с прокуратурой о сделке.

– Германия и Швейцария тоже вовлечены? – Беренс задумчиво кивнул. – Кто будет предъявлять обвинение?

– Верховная прокуратура в Висбадене.

– Сделка предусматривает наименьшее возможное наказание для моей подзащитной?

– Я приложу все усилия и постараюсь убедить прокуратуру, – подтвердил Снейдер.

Беренс удовлетворенно кивнул.

– Вы согласны, лейтенант Майбах?

Выражение лица Грит Майбах оставалось загадочным и твердым.

– Я хочу, чтобы дело рассматривалось публично с привлечением прессы и СМИ.

– Учитывая такие серьезные обвинения и международный аспект, это в любом случае произойдет, – ответил Беренс, словно ни секунды в этом не сомневался.

На лице Майбах мелькнуло удовлетворение.

– Согласна.

– Итак, что вы хотите узнать от моей подзащитной? – спросил Беренс.

– Я уже несколько дней задаюсь вопросом, почему ее мать сама не обратилась в прессу, вместо того чтобы втягивать в это дело БКА. Она утверждала, что пыталась, но никто не заинтересовался этой историей. Однако, согласно нашим сведениям, за последние годы Магдалена

Энгельман не связывалась ни с одной газетной редакцией, ни с радио- или телевизионной станцией.

– Это так. – Майбах кивнула. – Магдалена Энгельман обращалась в прессу тридцать лет назад. Уже тогда безрезультатно. А недавно я попыталась найти журналиста для этой истории. И угадайте, какая у него была реакция.

Снейдер вопросительно посмотрел на нее.

– Он заверил меня, что это абсолютно безнадежно, потому что ни одна газета не напечатает такое без убедительных доказательств, – ответила Майбах.

Это все объясняет, – подумала Сабина.

– Почему мертвые дети были возвращены на территорию урсулинского монастыря и закопаны в розарии? – спросил Снейдер.

Майбах удивленно подняла брови.

– Значит, вы их нашли?

Снейдер кивнул.

– И вы также выяснили, что происходило с младенцами до их смерти? – спросила она.

– Медицинские эксперименты? – предположил Снейдер.

Майбах кивнула, неожиданно ее глаза увлажнились.

– У настоятельницы монастыря – при всей ее нечеловеческой жесткости, одержимости и фанатизме – осталась капля приличия. Трупы младенцев не должны были выбрасываться в мусорный бак как мусор, а по крайней мере быть похоронены на святой земле. Поэтому ночью их возвращали в монастырь тем же способом, каким вывозили до этого.

– Кто привозил детей обратно? – спросила Сабина.

– Тот же, кто и забирал. Доктор Ульрих Хирш, до недавнего времени distinguished и уважаемый федеральный министр социальной защиты и здравоохранения.

– Если бы вы его не убили, мы бы могли допросить его по этому поводу, – вставила Сабина.

– Однако, попрошу... – Беренс, который все это время слушал с невероятным спокойствием и самообладанием, поднял руку. – Для таких обвинений у вас нет никаких доказательств.

Сабина хотела было возмутиться, но Снейдер положил ей руку на предплечье.

– Какое медико-техническое предприятие стоит за этим? Что они делали с младенцами? Кто последние две жертвы?

Майбах не ответила, и Беренс правильно расценил это молчание.

– Моя подзащитная рассказала уже очень много. Теперь ваша очередь! Прежде чем с нашей стороны последуют новые признания, нам нужны *ваши* письменные гарантии.

– Это займет время. – Снейдер на мгновение убрал руки под стол, словно сжимая их в жесте отчаяния.

– Хорошо, мы подождем, – ответил Беренс. – А пока я хотел бы поговорить с подзащитной с глазу на глаз.

Снейдер кивнул.

– Хорошо, я приложу все усилия. – Он поднялся, примирительно похлопал Беренса по плечу – и, как заметила Сабина, приклеил ему на пиджак жучок.

Пять минут спустя Беренс разговаривал со своей подзащитной на том же этаже в переговорной, в которой до этого Сабина и Снейдер общались по телефону с антропологом.

Между тем было уже полдесятого вечера. Сабина, Снейдер, Марк и Кржистоф ждали в коридоре – каждый со стаканчиком кофе в руке, окруженные венскими коллегами, которые возбужденно переговаривались.

Снейдер поднял руку, чтобы стало тише, и сунул себе в ухо наушник. Сабина достала свой из кармана и сделала то же самое.

– Вы что, прослушиваете их разговор? – прошипел майор австрийского БКА, который до этого лишь следил за допросом.

– Помолчите! – выдавил Снейдер, нахмутив брови.

– Вы с ума сошли? – напустился на Снейдера мужчина приглушенным голосом и схватил его за плечо. – Во-первых, у вас здесь нет никаких полномочий – мы и так пошли вам навстречу и позволили начать допрос, а во-вторых, это будет дорого вам стоить! Это военный адвокат!

Снейдер с чуть брезгливым выражением медленно убрал руку майора со своего плеча.

– В незащищенных общественных помещениях небольшой шпионаж не возбраняется, и каждый адвокат знает, что в зоне слышимости можно подслушивать. Так в чем же дело?

– Все равно вы не можете этого делать!

– Вы еще увидите, я могу делать совсем другие вещи! – парировал Снейдер. – У нас есть два раза по двадцать четыре часа, чтобы спасти две человеческие жизни, и для этого хорошо любое средство. А теперь помолчите наконец, если сейчас все провалится, мы рискуем новыми убийствами с сопутствующими потерями. Хотите взять на себя ответственность за них?

Мужчина надул щеки и с шумом выпустил воздух, но больше ничего не сказал.

Теперь Сабина зажала другое ухо и прислушалась к разговору в переговорной.

«...и поэтому на вашем месте я бы согласился на сделку Снейдера, – сказал Беренс. – Вторая такая возможность...»

– ...появится у вас еще не скоро, лейтенант Майбах. – Беренс посмотрел на наручные часы. Затем требовательно взглянул на свою подзащитную.

Майбах потерла покрасневшие от наручников запястья.

– Мне вовсе не важно получить как можно меньший срок. Я убила несколько человек, но этого не отрицаю и должна буду ответить за свои действия перед судом. Убийство всегда плохо, мне это ясно, но если бы вы знали, какие преступления они много лет совершали, используя государственные деньги.

– Я это уже понял, – пробормотал Беренс.

– Мне важно, чтобы вся история получила огласку. Любой ценой, даже если я заплачу за это своим будущим.

– Так и будет.

– Знаю, но я говорю не только о вершине айсберга, я хочу, чтобы добрались до *всех*, кто в этом замешан! Сверху до самого низа!

– Это я уже понял, – ответил Беренс. – Но почему таким способом?

– Полиция должна почувствовать давление и быть вынуждена провести расследование. Иначе бóльшая часть будет замята. Принимая в расчет министра Хирша, думаю, у вас уже сложилось первое впечатление, что заказчики и главные фигуры того времени сегодня могущественные и влиятельные люди.

– Вы знаете, что я служил в армии. Между нами... – Беренс сделал паузу. – Почему вы сразу не убили всех закулисных деятелей и

покровителей, вместо того чтобы на протяжении семи дней принуждать БКА к этому расследованию?

Майбах кивнула, словно это был решающий вопрос.

– По мне – так они все были бы уже мертвы. Но... – она помотала головой и сжала губы, – у меня нет *настоящих* доказательств, только улики. К тому же это зависит не только от меня. Моя мать была против того, чтобы сразу убить всех виновных. Поэтому мы сошлись на таком компромиссе.

Беренс помолчал и проникся ее словами.

– Ваша мать – та бывшая монахиня, которая в настоящий момент находится под арестом в Висбадене? – уточнил он.

Майбах кивнула.

– Чтобы спасти жизнь этих людей, БКА должно было найти связь между жертвами убийств. Если их успеют спасти – то они предстанут перед судом, если нет – умрут. Моя мать верующая женщина, и она отдала решение в руки Бога. Он создал мир за шесть дней, а на седьмой отдыхал...

«...И он дал бы человеку срок в семь дней, чтобы найти правду – только без отдыха», – звучал голос Майбах в наушнике Сабины.

Какое сумасшествие, – подумала она.

«Вы готовы назвать последние имена мне или БКА?» – спросил Беренс.

Сабина затаила дыхание. Наступил решающий момент.

«Нет, – сказала Майбах. – Только во время пресс-конференции в прямом эфире».

«Хорошо. – Беренс вздохнул. – Я посмотрю, что можно сделать».

Сабина услышала, как по полу проехал стул, и Беренс поднялся. Тогда она достала наушник из уха и убрала в карман брюк.

В следующий момент дверь открылась. Один из охранников схватился за оружие, но в коридор вышел только Беренс. Майбах послушно сидела за столом. Дверь тут же заперли.

Снейдер подошел к адвокату.

– «Место уборщика туалетов в полицейском участке в самой паршивой деревне Айфеля»? – передразнил он жесткий тон Беренса. – Ты серьезно?

Беренс пожал плечами.

– Ничего лучше мне в голову не пришло.

– Все равно довольно убедительно справился с ролью, – удовлетворенно сказал Снейдер.

Майор и оба сотрудника охраны недоверчиво уставились на обоих.

– Вы вовсе не адвокат? – выдавил майор.

Правильно догадался, – подумала Сабина.

– Тогда это нелегально полученные доказательства, которые мы как следственный орган не сможем использовать, – добавил майор.

Снейдер поднял руку.

– Момент! Кто сказал, что я хочу использовать эту информацию в суде?

– Что? – засопел майор. – Даже если и так, все ваши действия были не только противозаконными, но и повлекут за собой служебную проверку.

– Кто это утверждает?

– Мой здоровый человеческий разум.

– Ах, он, вероятно, путает противозаконность и криминалистическую хитрость, – сказал Снейдер.

– Интересно, что скажет по этому поводу Европейский суд по правам человека? – спросил майор.

Снейдер зафиксировал его взглядом и понизил голос:

– И кто же туда сообщит? Вы?

Прежде чем майор успел что-либо ответить, мужчина, которого все считали доктором Беренсом, достал из кармана удостоверение.

– Господа, полагаю, я могу все прояснить. Франк Оливейра, австрийское Федеральное ведомство по охране конституции и борьбе с терроризмом. По просьбе президента Дирка ван Нистельроя и с согласия нашего министра внутренних дел мы сотрудничаем в этом деле с немецким БКА.

Никто из венских сотрудников не произнес ни слова. Только майор раздраженно фыркнул, чувствуя себя обманутым. Тут раздался звук приехавшего лифта, и вскоре послышались шаги. К ним по коридору шел, сопя, щуплый мужчина в светлом кремовом костюме.

– Я доктор Беренс, – переводя дыхание, сказал мужчина и прижал к груди свой портфель. – Меня задержали на ресепшен. Где моя подзащитная?

Снейдер преградил ему путь.

– Спасибо, что вы пришли, но мы в вас больше не нуждаемся.

– Это, мой дорогой, кто бы вы ни были, решаем только моя подзащитная и я. Где мне ее найти?

– В ваших услугах больше не нуждаются, – без всяких эмоций повторил Снейдер.

– Похоже, я говорю с глухим! Кто вы вообще такой?

– Мартен С. Снейдер.

– Никогда не слышал. Вы, шутник, пропустите меня!

– Нет.

– Как хотите. Тогда сначала я пойду к прокурору, а затем прямиком к уполномоченному судье.

– Не буду вас задерживать, – великодушно произнес Снейдер. – Однако прежде вам следует позвонить вашей подзащитной.

– Обязательно, можете не сомневаться! Но вы наверняка отобрали у нее телефон.

– Под присмотром ей разрешено принимать звонки, – ответил Снейдер.

– Хорошо, посмотрим. – Пока настоящий доктор Беренс доставал из кармана пиджака телефон и проверял последние входящие, Снейдер незаметно сунул Сабине в руку свой смартфон.

Она знала, что нужно делать. Сабина схватила телефон и направилась по коридору в том направлении, откуда пришел Беренс. Миновала нишу с копировальным аппаратом и через несколько метров дошла до женского туалета. Прежде чем исчезнуть внутри, она увидела, как Беренс, вероятно, открыл эсэмэс, набрал номер и приложил телефон к уху.

Только Сабина села на крышку унитаза в первой кабинке, зазвонил сотовый Снейдера. Она ответила:

– Да, алло?

– Добрый вечер, говорит доктор Беренс, ваш адвокат. Полковник Айхингер дал мне этот номер, с которого вы ему звонили. В настоящий момент я нахожусь в венском БКА, но какой-то некомпетентный нидерландец по имени Мартен Снейдер не пускает меня к вам.

Сабина сделала глубокий вдох. Она знала, за такое ее не внесут в Книгу рекордов Гиннеса с пометкой «За кристальную честность», – но они должны были попытаться любыми средствами спасти жизнь двум людям, даже если те этого, возможно, и не заслуживали.

– Большое спасибо, что вы приехали, – наконец сказала она, – но я в вас больше не нуждаюсь. – Сабина положила трубку.

А некомпетентного нидерландца зовут Мартен С. Снейдер, – мысленно добавила она.

Глава 49

После того как настоящий доктор Беренс, возмущаясь, наконец-то ушел, Оливейра исчез в столовой, где ждал, готовый вновь появиться по их первому требованию. Правда, Сабина надеялась, что в роли фальшивого Беренса он им больше не понадобится, потому что этот обманный маневр и без того был слишком рискованным.

Майбах только что провели мимо них в прежнюю комнату для допросов.

– Мы закончили, арестованная ваша, – сказал Снейдер майору. – Но боюсь, что вы ничего от нее не добьетесь. Свяжитесь с секретариатом президента БКА Дирка ван Нистельроя в Висбадене. Он решит, какие результаты расследования вам будут доступны.

На этом дело для Снейдера было закончено. Он собрал Сабину, Марка и Кржистофа и снова воспользовался освободившейся переговорной. Они сели, и Сабина передала ему под столом его мобильный.

Снейдер убрал телефон в карман – выражение его лица было довольным.

– Вам нужно было видеть Беренса, он пыхтел как паровоз.

– Нам всем устроят головомойку, – пробурчал Марк, который застал конец этой выходки.

– Если только мы не раскроем дело вовремя, – возразил Снейдер. – Вы можете связаться с Мартинелли по видеосвязи?

– Конечно. – Марк вытащил планшет из своей сумки, установил через внутреннюю сеть немецкого БКА защищенную видеоконференцию с Висбаденом и подвинул прибор на середину стола, чтобы все смогли смотреть на экран.

Вскоре на мониторе появилась Тина. Она выглядела усталой. На заднем плане виднелся стеллаж с папками в ее кабинете и окно. В Висбадене тоже давно стемнело.

– Как продвигаются дела в Вене?

– Министр Хирш мертв, – кратко сообщил Снейдер.

– О! – У Тины вытянулось лицо.

– Нам нужна вся информация, которую вы и Хоровитц выяснили о Хирше, и конкретно та, которая связана с медицинской техникой.

– О'кей... – У Тины округлились глаза. – Действительно, нам кое-что бросилось в глаза, и мы это внимательно изучили. Министр Хирш весьма состоятельный... *был* состоятельным.

– Это я знаю, вы сами сказали мне, что на счете в венском «Капитал-банке» у него более 600 000 евро.

– Это ерунда, – перебила его Тина. – На его счете в Credit & Commerce World Financial Group в Лихтенштейне лежит более трех миллионов евро – но эту информацию мы получили нелегально и неофициально.

Кржистоф присвистнул.

– Нужно было идти в политику.

– Тогда ты был бы уже мертв, – прокомментировал Снейдер. – О'кей, Мартинелли, что еще?

– Кроме этого он владеет... *владел* долями во многих фирмах, в которых был консультантом или сидел в правлении, как врач.

– Майбах говорила о влиятельных людях, – напомнила Сабина. – Например, брат министра Хирша – председатель в ведомстве лекарственных средств.

Снейдер кивнул.

– Какие это фирмы? – поторопил он. – Среди них есть крупные медико-технические предприятия?

– Момент... – Тина застучала по клавиатуре и уставилась в монитор. – Больницы, надзор за медицинским рынком, исследовательские институты при университетах... а, вот! Møerweck & Derwald – медико-технический концерн, который с начала 70-х годов занимался радиационными исследованиями.

Снейдер щелкнул пальцами.

– Это он! Антрополог из Линца говорила, что причиной окостенения скелетов могли быть химические вещества или рентгеновское облучение.

На экране появился Хоровитц, который подъехал сбоку и слегка повернул монитор в свою сторону. Перед ним на столе стоял дымящийся стаканчик. Взгляд был мрачен.

– Мы говорим об исследованиях на... *живых* младенцах?

Снейдер кивнул.

– Как мы знаем, – продолжил Хоровитц, – не все семьдесят четыре ребенка родились в монастыре, однако были там похоронены. Это означает, что концерт, если он действительно за этим стоит...

– ...Организовал остальных младенцев из других источников, – закончила мысль Тина. – Младенцев, которые официально никогда не существовали, которых никто не стал бы искать и которых затем анонимно похоронили.

– Это только улики, – задумался Марк. – Хотя все очень хорошо сходится, но кто сказал, что все так и было? Может, мы движемся совсем не в том направлении. Возможно, за этим стоит химический концерт.

Сабине, которая до сих пор молчала, стало уже плохо от этой темы.

– Я так не думаю. – Она достала телефон, включила запись разговора с антропологом, немного прокрутила вперед и нажала на кнопку Play.

«И эти химические вещества отвечают за то, что кости разлагаются медленнее, чем обычно?» – услышала она собственный голос.

«Нет, тут другая причина – и вот мы подошли ко второй особенности. Причина быстрого окостенения и замедленного разложения скелетов может заключаться в интенсивном рентгеновском облучении».

Сабина остановила воспроизведение.

– И еще татуировки монахини, – добавила она. – У нас нет подсказки номер пять для сегодняшнего дня. Вместо этого мы имеем татуировку в виде X на плече монахини.

– X означает не десять, а X-Ray! – воскликнул Хоровитц. – Рентгеновское излучение!

– Точно! И одновременно X – зеркально отраженная римская V, как цифра пять, – добавил Кржистоф. – Это скрытая пятая подсказка.

– Дьявольщина! – вырвалось у Снейдера. – А шестая татуировка – MörDer... Mörweck & Derwald.

Какое-то время все молчали, затем вдруг заговорили одновременно, перебивая друг друга.

– Тишина! – приказал Снейдер. – Как только здесь закончим, мы вернемся в Висбаден. До того времени тщательно проверьте этот

концерн.

Тина застучала по клавиатуре.

– Уже в работе.

– Но слишком много шума не поднимайте, – предупредил Снейдер. – И ни слова ван Нистельрою. – Он хотел уже закончить разговор, но тут в дверь постучали. – Войдите! – крикнул он.

Дверь приоткрылась, сотрудник венского БКА просунул голову в проем и с любопытством огляделся.

– В чем дело? – прикрикнул Снейдер. – Здесь не зоопарк.

– Прошу прощения, – замялся мужчина. – Грит Майбах отказывается что-либо говорить.

– Я уже предсказал это вашему начальнику.

– Знаю. – Мужчина кивнул. – Но она хотела бы еще раз поговорить со своим адвокатом.

У Сабины появилось нехорошее чувство. По выражению лица Снейдера она поняла, что ему это тоже пришлось не по вкусу.

– Все в порядке, – сухо сказал он. – Но разговор с Оливейрой один на один – плохая идея. Немез, вы будете его сопровождать.

Глава 50

После того как Оливейра поднялся из столовой на шестой этаж, они с Сабиной вошли в комнату для допросов.

Майбах уже не сидела на столе, как раньше, а стояла спиной к зеркальной стене. Ее глаз опух – синяк окрасился всеми цветами, – и она монотонно постукивала наручниками друг о друга. При виде Сабины ее взгляд стал холодным.

– Я хотела поговорить со своим *адвокатом* наедине. – Слово адвокат она произнесла как ругательство.

– Даже не думайте, – сказала Сабина, прежде чем Оливейра успел что-то ответить. – У вас была такая возможность. С этого момента будет присутствовать как минимум один полицейский.

– Мне все равно, – пробормотала Майбах, – с вами я все равно еще не рассчиталась. – Она постучала по затылку.

Сабина проигнорировала угрозу.

– Чего вы хотите?

– Я несколько раз прокрутила в голове наш недавний разговор, и мне интересно, доктор Беренс, откуда вы вообще знаете, что моя мать бывшая монахиня и сидит под арестом в Висбадене. И как вы узнали о семидневном сроке, который получило БКА?

Оливейра молчал – слишком долго, на взгляд Сабины.

– Все очень просто – мы проинформировали об этом вашего адвоката... – ответила она, но тут же осеклась.

– Вы чертовски плохо лжете, – сказала Майбах.

Верно! БКА никогда не рассказало бы настоящему адвокату о монахине – как и о семи днях.

В то же мгновение Майбах сделала шаг к Оливейре и внезапно ударила обеими руками ему в кадык. Хрипя, он опустился на пол, а она на пути к двери схватила стул и зафиксировала им ручку, уперев задние ножки в плиточные швы.

Инстинктивно Сабина потянулась рукой под мышку, где обычно находилась ее наплечная кобура.

Черт!

Дверь задергали снаружи, но она не открывалась. К тому же Майбах стояла между дверью и Сабиной.

– Не совершайте необдуманных поступков! – предупредила ее Сабина.

– Не волнуйтесь, все продумано, – ответила Майбах. – Вы пытались меня обмануть. – Она взглянула на Оливейру, который ползал по полу и хватал ртом воздух. – Этот мужчина никакой не адвокат, а один из ваших людей, да? Поэтому Снейдер предложил мне свой телефон.

Прежде чем Сабина успела наклониться к Оливейре, чтобы проверить, как он, Майбах направилась к ней. Сабина тут же отступила на шаг, чтобы обеспечить себе пространство, и подняла кулаки.

Майбах оказалась чертовски быстрой. Первый удар был обманкой, чтобы сбить Сабину с толку, вторым она вдавила пальцы Сабине под ребра, отчего у той перехватило дыхание. Затем скрутила ее, а третьим ударом врезала Сабине локтем в нос.

Сабина отлетела назад, упала спиной на пол. Она не могла дышать носом и ощущала в горле вкус крови. На мгновение у нее потемнело перед глазами, но она все равно сумела подняться. Пока снаружи кто-то кричал и неистово дергал ручку двери, все сильнее вгоняя ножки стула в швы, Майбах уже снова подскочила к ней.

Она в наручниках! Ты можешь ее одолеть. А если нет, хотя бы попытайся отвлечь ее, чтобы отбросить стул в сторону.

Сабина перешла в наступление, но Майбах неожиданно пнула ее в живот, отбросив в угол. Она упала на пол, и, прежде чем успела сделать вдох, Майбах оказалась позади нее, обхватила ее руками за голову и принялась душить.

У Сабины не было времени, чтобы просунуть палец между своей шеей и наручниками Майбах. Металлические звенья впились ей в горло, и в следующий момент она начала задыхаться.

– Откройте сейчас же эту гребаную дверь! – орал Снейдер. – Майбах ее задушит!

Двое мужчин из внутренней службы безопасности стояли перед дверью и по очереди наваливались на нее.

– Мне нужно оружие! – крикнул Снейдер.

– Стрелять по замку бесполезно, – крикнул мужчина у пульта.

– Не по замку, идиот! – выкрикнул Снейдер. – По стеклу! – Он схватил вращающийся стул, замахнулся и швырнул его в стеклянную стену. Но та лишь задрожала, больше ничего не произошло. Стул отскочил и с грохотом упал на пол.

Проклятье!

Снейдер наклонился вперед и уставился через стекло. Майбах стояла позади Немез, тащила ее через комнату и так сильно сжимала ей шею наручниками, что ноги Сабины даже не всегда касались пола.

Немез отчаянно пыталась дотянуться до стула, чтобы выбить его из-под ручки, но Майбах не давала ей приблизиться к двери. Вместо этого Немез сбила монитор со стола.

Снейдер сжал ладонь в кулак. Он бы собственноручно прикончил эту женщину.

Через стеклянную дверь он видел, как изогнулись ножки стула, все сильнее впиваясь в плиточный пол и вырывая из швов затирку. Дверь была чуть приоткрыта, но все равно никак не поддавалась.

Оливейра больше не двигался. Он лежал в нескольких метрах от Немез у стола лицом в пол.

Я бы многое сейчас отдал за оружие! Таким беспомощным, как в этот момент, Снейдер себя уже давно не чувствовал. При взгляде на красное лицо Немез у него заходили желваки, и он почувствовал подергивание в уголке глаза.

Белочка!

Затем его сердце на мгновение замерло. Немез схватила Майбах за руку и нагнулась вперед. Неужели она хотела броском через плечо отправить горного стрелка на пол? Такое ни за что не получится! Но тут Сабина со всей силы ударила Майбах затылком в лоб.

Майбах покачнулась назад, но в следующий момент вновь усилила хватку. Казалось, она и не почувствовала удара. Только давить стала сильнее.

Снейдер затаил дыхание.

Между тем подоспел техник. Он поддел дверь инструментом и снял ее с петель. Дверь с грохотом полетела через стул в комнату. В тот же момент сотрудники внутренней службы безопасности ринулись в проем и наставили свое оружие на Майбах.

– Не стрелять! – закричал Снейдер.

– Отойдите от двери, иначе Немез умрет! – крикнула Майбах. – Отойдите, я выйду!

Мужчины отпрянули назад.

Надеюсь, ни у кого не сдадут нервы.

– Выйдите из комнаты в коридор, – приказал майор своим людям. – Отрежьте ей путь бегства в направлении лифтов и пожарной лестницы!

Мужчины послушались указаний и вышли из помещения.

Инстинктивно Снейдер спрашивал себя, хорошая ли это идея. В следующий момент Майбах, толкая перед собой заложницу, вышла из комнаты для допросов, пересекла смотровую и оказалась в проходе. Затем сделала шаг назад в конец коридора, где находилось окно.

– Что бы вы ни задумали – у вас ничего не выйдет! – крикнул майор.

– Не стрелять, – пытался успокоить мужчин Снейдер. Краем глаза он увидел, как двое коллег вбежали в комнату для допросов к Оливейре.

Снейдер заглянул внутрь.

– Как он?

Мужчина проверил у Оливейры пульс на шее, затем кивнул.

Снейдер облегченно опустил плечи. *Хоть что-то.*

Мужчины вынесли Оливейру из комнаты для допросов и потащили вниз по коридору в направлении лифтов. Тем временем Майбах с Немез дошли до другого конца прохода.

– Вам не выйти отсюда живой, – прохрипела Немез с красным лицом. Все-таки Майбах настолько ослабила давление, что она могла говорить.

– Кто сказал, что я хочу выйти живой? – прошипела Майбах, сделала несколько шагов с Немез навстречу вооруженным мужчинам, затем неожиданно ослабила хватку, отпустила Немез и подняла руки. – Я сдаюсь.

– Не опускайте оружие, – предупредил Снейдер мужчин, потому что еще не знал, что задумала Майбах.

Пока Немез, все еще хрипя, ловила ртом воздух, Майбах с силой оттолкнула ее от себя, разбежалась и плечом вперед выпрыгнула в окно.

Нет! У Снейдера перехватило дыхание.

Стекло разбилось, осколки посыпались на пол, и в следующий момент в коридор ворвался прохладный ночной воздух. Снизу доносился шум городского транспорта. Через несколько секунд на улице загудели машины и послышался крик прохожих.

Эта женщина была холодной и расчетливой, как машина. *Попытка побега была фейком. Она с самого начала хотела умереть!* – промелькнуло у Снейдера в голове. По объятому ужасом взгляду Немез он понял, что она думала то же самое.

– Освободите проход! – потребовал от Немез один из венских сотрудников БКА.

– Помолчите! – прикрикнул на него Снейдер. – Дайте ей пару минут, чтобы прийти в себя.

Мужчина протиснулся мимо Немез к окну и посмотрел вниз.

– Она мертва, – был его единственный комментарий.

Тоже мне фокус! С высоты шести этажей на асфальт.

Вдруг все стали кричать одновременно. Каждый хотел посмотреть вниз. В этом хаосе никто не интересовался Немез, которая с застывшим взглядом и стеклянными глазами, шатаясь, шла мимо мужчин. На полпути к лифтам у нее отказали ноги, и она спиной по стене медленно сползла на пол. Затем подтянула колени к себе. И апатично уставилась в пустоту.

Снейдер, который шел за Немез, снял свой пиджак и накинул ей на плечи. Краем глаза он заметил, как Кржистоф и Крюгер вышли из комнаты для переговоров и хотели подойти к Сабине, но он остановил их движением руки. Затем опустился на пол рядом с ней, ослабил галстук и тоже подтянул к себе ноги. Он осторожно взял руку Немез – ее пальцы были ледяными, она дрожала всем телом, и Снейдер почувствовал, что ее пульс зашкаливает.

– Все в порядке, – пробормотал он.

– Ничего не в порядке, – прошептала Немез хриплым голосом, уставившись перед собой на противоположную стену. А затем расплакалась.

– Я знаю, что вы чувствуете, – сказал Снейдер. И это были не пустые слова, он действительно знал. В такие моменты начинаешь сомневаться во всем. Даже в собственном существовании.

– Как Оливейра? – шмыгнула носом Немез.

– О нем не волнуйтесь, он крепкий парень.

Они помолчали.

– Немез! – наконец сказал Снейдер. – Я...

– Она планировала это с самого начала, – перебила его Сабина, которую колотило в ознобе. – Я не могла этого предотвратить. Как я могла предвидеть? Она *хотела* умереть!

– Я знаю, мы все это видели. – Он взглянул на Кржистофа и Крюгера.

Свободной рукой она вытерла слезы.

– Но какого черта она это сделала?

– Разве не все равно?

– Для меня нет.

Конечно. Он мог это понять.

– Она догадалась, что мы ее обманули и не собирались предавать историю огласке.

– Но чего она боялась? – выдавила Немез. – Пожизненного заключения?

Снейдер покачал головой.

– Такой женщине, как Майбах, готовой пожертвовать собственной жизнью ради дела, которое кажется ей важнее всего, это безразлично. Нет... – он подумал. – это была продуманная тактика и холодный расчет. Она знала, что мы всеми средствами попытаемся ее разговорить. Поэтому хотела быть абсолютно уверенной, что у нас ничего не получится.

– И что она хотела скрыть? Имена двух последних жертв?

– Нет. Бьюсь об заклад, у нее есть сообщник – и это его она хотела защитить.

– То есть... – у Немез отказал голос. Снейдер выпустил ее руку, она помассировала шею и попыталась сглотнуть. – Убийства продолжатся?

– Еще минимум два дня.

Немез посмотрела на окно.

– Почему она выбрала именно такой способ?

– Хотела как можно больше шумихи, – вздохнул Снейдер. – И своей смертью она этого действительно добилась.

В этот момент к ним нагнулся полицейский.

– Как вы себя чувствуете?

Не поздновато ли интересуешься? – подумал Снейдер, но ничего не сказал.

– Все в порядке, – прохрипела Немез.

Тем временем шея у нее покраснела и распухла. Скоро проявятся синяки.

Снейдер поднялся, протянул Сабине руку и помог встать.

– Врач должен осмотреть вашу травму.

Полицейский проводил Немез в переговорную, где она могла сесть. Кржистоф и Крюгер с озабоченным видом последовали за ней.

– Добро пожаловать в клуб. – Кржистоф показал следы на своей шее.

Крюгер обнял ее одной рукой.

– Нужно было сильнее бить ее кочергой.

Все пытались шутить, чтобы снять напряжение. И Немез даже улыбнулась, но потом снова посерьезнела.

На этот раз Снейдер воздержался от комментариев типа «после будете сочувствовать друг другу». Он принес стакан воды и протянул Немез, которая поблагодарила его взглядом и начала пить маленькими глотками, морщась от боли.

В этот момент в комнату зашел майор австрийского БКА.

– Только никаких нравоучений! – предупредил Снейдер. Он даже думать не хотел, сколько жертв, включая Майбах, уже насчитывало это дело. Оставалось лишь надеяться, что хотя бы Вивиана Кронер не умрет.

– С этим скандалом мы попали под перекрестный огонь СМИ! – закипал майор, явно стараясь не потерять самообладание. – Почему вы, черт возьми, не обратились к общественности, как этого хотела Майбах?

Снейдер не верил своим ушам. Он распрявился и смерил майора холодным взглядом.

– Вы серьезно? БКА не ведет переговоры с убийцами и не позволяет себя шантажировать. Иначе в газетах напечатают, что мы предлагаем преступникам платформу, и тогда к нам будет приходиться каждый сумасшедший, кто хочет попасть в СМИ. – Майор собирался что-то сказать, но Снейдер не позволил ему. – Как нам тогда продолжать расследование? Мы спугнем всех, кто стоит за массовыми

убийствами этих детей. Они насторожатся, спрячутся и немедленно уничтожат все доказательства. Вы видите альтернативу?

Майор молча подвигал нижней челюстью, затем пробурчал что-то неразборчивое.

– Сейчас все равно не имеет смысла это обсуждать. – Он взглянул на Немез: – Мне очень жаль, что все так случилось. – Затем снова посмотрел на Снейдера и откашлялся. – Наша лаборатория отправила результаты ДНК-теста Майбах в Висбаден.

Снейдер прищурился – желудок у него сжался.

– Вы уже получили ответ?

Майор кивнул:

– ДНК Майбах и вашей арестованной в Висбадене идентичны. Теперь у нас есть подтверждение. Они действительно мать и дочь.

Снейдер кивнул. Он давно это подозревал. И одновременно понял, что они уже по горло завязли в этом дерьме.

Тридцать семь лет назад

Схватки начались грозовой ночью. Магдалена корчилась на матрасе, вцепившись пальцами в серые простыни. Рядом с ней акушерка мыла руки в тазу. На комод лежали свежие теплые полотенца. Кроме них двоих, на втором этаже парника никого не было.

При каждой вспышке молнии, сразу за которой следовал жуткий раскат грома, помещение озарялось, и через арочные окна яркий свет падал на противоположную стену. Ветер, бушевавший в долине, хлестал дождем в стекла. В этой части здания отключилось электричество, и зажженные свечи беспокойно мерцали на комод.

Если этой ночью что-то пойдет не так и возникнут осложнения, до монастыря не доберется ни врач, ни машина скорой помощи. Только не этой ночью и не в такую грозу!

А осложнения возникнут обязательно! Хотя ни одну из здешних женщин ни разу не отправляли к врачу, Магдалена поняла, что носит двойню. Они шевелились почти всегда одновременно, давили в живот то ручкой, то ножкой. А когда в моменты спокойствия Магдалена клала ладони на живот, ей даже казалось, что она ощущает, как в такт бьются два маленьких сердечка.

За время пребывания в Бруггтале она, конечно, поняла, что происходило с другими сестрами, послушницами и ученицами интерната. Как их запирали в парнике, когда их округлившиеся животы уже нельзя было скрыть тугими корсетами. Как в тиши ночи из парника до них иногда доносились детские крики. И как сестры затем возвращались к ним в монастырь; со стыдливо опущенным взглядом, не решаясь посмотреть кому-либо в глаза, всегда погруженные в молитву.

Нет, надеюсь, со мной такое не случится! Но, вероятно, так думали все, кого настоятельница определила в шлюхи Сатаны.

Когда у Магдалены не пришли месячные... и когда она поняла, что у нее усилился аппетит... и заметила, как меняется тело, ей захотелось бежать прочь. Но она дала обет и все выдержит. Так захотел Бог. *Это твоё испытание!* Но в то же время она решила, что спасет своих детей. От того, на что были обречены все младенцы, появившиеся на свет в этом монастыре.

Очередной раскат грома был настолько мощным, что казалось – колокольня в любой момент обрушится. Магдалена и сама не знала, как под аккомпанемент дождя, грома, вспышек молнии, бури и суровых и бесчувственных слов акушерки сумела родить детей. Иногда ее крик был таким громким, что эхом возвращался к ней через все здание из какого-то дальнего помещения.

И теперь, изможденная, она лежала на матрасе, когда услышала крик двух новорожденных малышей. *Значит, я была права!* Два разных голоса, но оба такие сильные и громкие. Родились 9 мая.

Магдалена знала, что той ночью настоятельницы не было в монастыре, потому что она уехала к епископу. *Это твой шанс!* Она схватила акушерку за руку.

– Пожалуйста, не забирайте у меня детей.

– Хватит говорить ерунду! – напустилась на нее женщина.

– Вынесите моих детей отсюда, – взмолилась Магдалена. – Я не сумасшедшая. Мои дети здоровы. Я это слышу. Я это чувствую. Сделайте так, чтобы...

– Замолчи!

Нет! – мысленно кричала Магдалена. – *Они не должны оказаться там, куда попадают все остальные!* Она тщетно пыталась

приподняться, но во время родов потеряла слишком много крови. Влажные полотенца рядом с ней блестели в свете свечей.

А затем все помещение озарилось, стало светло как днем, земля задрожала, и раздался такой грохот, что ударная волна, словно невидимым кулаком, сжала сердце Магдалены.

Акушерка испуганно подняла голову, растрепавшиеся волосы падали ей на лоб.

Это молния ударила в колокольню. Этаж накрыло облаком пыли, посыпались осколки стекла, были слышны треск и хруст. А затем загорелись балки чердачного перекрытия. Несмотря на проливной дождь огонь жадно пожирал дерево.

Магдалена собрала все свои силы и наконец села.

– Церковь горит!

– Только парник. Лежи пока. Я пошлю сюда сестер, они тебе помогут. – Акушерка завернула ребенка в покрывало и положила в большую корзину к другому младенцу.

– Унесите моих детей куда-нибудь отсюда! – снова взмолилась Магдалена.

– Это невозможно.

– Скажите, что они родились мертвыми!

– Не могу.

– Господи Иисусе! Монастырь горит. Сюда придут люди, будут расследовать, и тогда в любом случае все раскроется, – уговаривала Магдалена акушерку.

Но женщина не слушала. Вместо этого поднялась, схватила корзину и исчезла в соседнем помещении.

В этот момент Магдалене послышался крик третьего ребенка. *Нет, это невозможно. Просто показалось!*

Акушерка снова появилась в комнате, тяжелая корзина оттягивала ей руку.

– Я сейчас вернусь.

Магдалена почувствовала, как воздух стал удушливым, затем запахло дымом. Вспыхнули языки пламени, стропила затрещали. Горящая балка полетела вниз, ударила акушерку по плечу и зажала ее в дверном проеме. Женщина отчаянно кричала. Корзина с младенцами выпала у нее из руки. Они беспомощно лежали на полу под покрывалом.

Это Бог вмешался!

Он послал знак!

– Помогите мне! – завопила акушерка.

Магдалена перекадилась на бок, спустила ноги с кровати, оттолкнулась от матраса и поднялась – она стояла, пошатываясь и одной рукой опираясь о комод. От холодного каменного пола ее бил озноб.

Затем она отпустила комод и попыталась удержать равновесие самостоятельно. Боль в животе была невыносимой. Ее колени подгибались и дрожали. Она чувствовала, как теплая кровь стекает по внутренней стороне бедер.

– Помогите же мне! – крикнула акушерка.

Бог тебе поможет. А не я.

Магдалена, держась рукой за стену, добралась до дверного проема. Тут раздались крики из соседнего помещения и возгласы с нижнего этажа. Это из монастыря пришли монахини, чтобы потушить пожар.

– Сюда, наверх! – выкрикнула акушерка.

Магдалена схватила голову женщины и прижала ее лицом к тлеющей балке. Тут же вопли о помощи сменились дикими криками, запахло горелой кожей и жжеными волосами.

Но Магдалена не испытывала к этой женщине ничего, кроме ненависти. Она наклонилась к корзине и – хотя та была тяжелой – прижала ее к себе, затем вдоль стены пошла в другую сторону. Прочь от дверного проема. От лестницы, колокольни и женщин, которые скоро взбегут по ступеням наверх.

С другой стороны здания тоже была лестница. Винтовая и узкая, она вела вниз и наружу, к тыльной стороне парника. Оттуда по ночам приходили мужчины, и там Магдалена не наткнется ни на одну монахиню. А если и наткнется, то есть надежда, что у сестры хватит смелости помочь ей. Помочь спасти младенцев и унести их, пока не вернулась настоятельница.

Магдалена не знала, сколько прошло времени и как она вообще сумела выбраться наружу. Она знала только, что в конце концов оказалась на улице. Босыми ногами она стояла в грязной траве, на ветру, который прижимал ее мокрое платье к телу, а дождь бил в лицо и смывал соленые слезы.

Когда она поправляла сползшее с корзины покрывало, чтобы ее дети не замерзли, молния озарила небо прямо над Магдаленой, и взгляд ее упал в корзину.

И тут она увидела.

Я была права!

Этой ночью на свет действительно появился еще третий ребенок.

День шестой

Боденское озеро, Германия

Среда, 17 мая

Глава 51

В начале восьмого утра Снейдер в самом паршивом настроении открыл дверь кабинета Дирка ван Нистельроя. От этого дела его уже тянуло блевать. И он практически не спал.

Снейдер оглядел присутствующих. Кржистоф, Крюгер, Мартинелли и Хоровитц уже сидели с президентом БКА за столом для переговоров. Напитков не было – значит, разговор будет коротким, зато наверняка бурным.

Галстук Дирка ван Нистельроя был туго завязан, запонки блестели на манжетах рубашки. Он раздраженно взглянул на наручные часы:

– У нас есть пятнадцать минут, затем для меня начнется новый волнительный день, которого я с нетерпением жду. – Это прозвучало цинично, очевидно, он тоже мало спал.

Наверное, дело было в том, что, кроме прочего стресса, завтра его еще ожидало важное заседание Европола в Гааге. Неудивительно, что он без энтузиазма участвовал в совещаниях Снейдера, который постоянно привлекал его к расследованию. Но после убийства австрийского министра здравоохранения и самоубийства Майбах дело приняло новые масштабы, и без сотрудничества на высшем уровне было уже не обойтись.

– Все в сборе, начнем, – сказал Снейдер.

Мартинелли подняла взгляд.

– А где Сабина?

– Она не придет.

– Что? Почему?

Снейдер вздохнул.

– Немез должна еще ответить на вопросы австрийских служб. Кроме того, против нее начато дисциплинарное производство в связи с арестом Майбах и ее самоубийством, а также подано заявление из-за нанесения телесных повреждений.

По комнате прокатился гул.

– Но наш шофер, Кржистоф и я лежали тяжело раненные на участке Хирша, и Сабина действовала в порядке самообороны в интересах нескольких третьих лиц, – возмутился Крюгер.

Это прозвучало как цитата из кодекса. *При этом компьютерный фрик действительно прав*, – подумал Снейдер.

– Мы знаем, но венская прокуратура, которая проверяет смерть Майбах, видит все иначе, – ответил ван Нистельрой. – Они изучают теперь рану на голове Майбах, которую Немез нанесла ей во время неправомерного задержания, и уже возбудили дело.

Какое-то время все молчали, пока Кржистоф не нарушил тишину.

– Кстати, как дела у нашего водителя?

– Сломанный нос, – ответил ван Нистельрой. – БКА оплатит ему расходы на пребывание в больнице, вынужденные прогулы и трехдневный отпуск в висбаденском оздоровительном отеле.

– Вау, мы такие щедрые? – вырвалось у Мартинелли.

– Официальная любезность с нашей стороны, – пробурчал ван Нистельрой.

– Теперь мы можем сконцентрироваться на основном? – Снейдер пресек болтовню и указал на Хоровитца: – Что вы выяснили по рентгеновским лучам?

Так как Хоровитц с Мартинелли остались вчера в Висбадене, они могли всю ночь заниматься интенсивными поисками информации. К тому же с тех пор, как Хоровитц оказался в инвалидном кресле, он перенес столько обследований, что больше их всех знал о радиации.

Он провел рукой по мятому после бессонной ночи лицу.

– Рентгеновские лучи применяют, прежде всего, в двух областях: в радиотерапии, где с помощью высокой дозы излучения разрушают раковые клетки. И для рентгеновских снимков. В этом случае человеческое тело «просвечивают». Рентгеновские лучи задерживаются костями и поглощаются тканями. Когда это фотографируют, получается рентгеновский снимок.

Ван Нистельрой нетерпеливо помахал рукой.

– Дальше!

– Количество энергии в киловольтах или мегавольтах и продолжительность излучения дают дозу в греях. Чем выше доза облучения, тем четче снимок. Но тем опаснее и побочные эффекты. – Хоровитц вытянул руки. – Со временем может возникнуть рак.

– О'кей, я понял, – сказал ван Нистельрой. – С одной стороны, можно разрушить раковые клетки, с другой – рак заработать.

Хоровитц кивнул.

– В засимости от того, как применить лучи. Нет света без тени.

– А какими исследованиями занимался Möerweck & Derwald в 70-х годах? – перебил Снейдер.

– Что? – вырвалось у ван Нистельроя. – Стоп! Твое расследование ведь не идет в этом направлении?

Снейдер рассчитывал на такую реакцию. Поэтому он ничего не сказал, а только смерил шефа холодным взглядом.

– Möerweck & Derwald – самый крупный медико-технический концерн Европы. Несмотря на все офшорные компании, они только в Германии платят больше налогов, чем составляет годовой бюджет БКА.

Снейдер по-прежнему молчал, будто его это не интересовало.

– Будь Möerweck & Derwald национальным государством, он стоял бы на... – ван Нистельрой помахал рукой, – на семидесятом месте в списке мировых экономик.

– На семьдесят пятом, – уточнил Снейдер. – И что?

– Ах ты черт, – пробурчал ван Нистельрой. – Вот, значит, о чем речь.

– Да, об этом, – ответил Снейдер. – Итак?

– Möerweck & Derwald работали над усовершенствованием рентгеновской техники, – невозмутимо продолжил Хоровитц. – В начале 70-х они активно занимались научными исследованиями – точнее, радиационной биологией, чтобы изучить воздействие лучей на живые ткани, с целью выпустить на рынок более эффективные рентгеновские аппараты.

– И что с этим не так? – спросил ван Нистельрой с таким выражением лица, словно в любой момент готов закрыть расследование этого дела.

– Для этого нужно знать, на что влияют рентгеновские лучи, – сказал Хоровитц. – Они наносят вред не всей клетке, а только ее ядру. Но именно в нем находится наследственное вещество, ДНК. Рентгеновские лучи могут не только вызвать рак, но и спровоцировать общие изменения в живом организме.

– Да, это трагично. И что?

– Рентген открыл это излучение в 1895 году. Двадцать восемь лет спустя он умер от рака кишечника. А Мари Кюри умерла в 1934 году в результате облучения. С тех пор пытаются открыть диапазон энергии

рентгеновских лучей, который был бы не опасен для человеческого организма. Но сделать это до сих пор не удалось, хотя с 30-х годов в лабораториях проводятся фундаментальные научные исследования на мышцах и клеточных культурах.

– Еще раз, – раздраженно буркнул ван Нистельрой. – Как это касается нашего дела? В чем вы обвиняете людей в концерне? Что они проводили эксперименты на людях?

– Во всяком случае, это может быть причиной того, что скелеты детей окостенели сильнее, чем обычно бывает в таком возрасте, – ответил Снейдер.

Ван Нистельрой сложил ладони перед лицом, оперся на них подбородком и задумался. Никто не решался нарушить молчание.

– О'кей, – сказал он наконец. – Мы еще не предали это огласке, и с настоящего момента делу присваивается гриф секретности. Больше никаких контактов с коллегами. Вы все будете докладывать только мне лично. Сейчас это расследование официально курирую я. Понятно?

Все кивнули.

– И еще кое-что. – Ван Нистельрой поднял руку. – Если мы связываемся с этим концерном, нам нужны неоспоримые факты. Не предположения какой-то сумасшедшей монахини, а неопровержимые доказательства, которые мы сможем предъявить Генеральной прокуратуре министерства юстиции! Мы должны раскрыть все, точно знать, *кто* был вовлечен – от мелкого лаборанта до крупного шефа в руководстве, – чтобы этого хватило для железного обвинения. Кроме того, у нас еще два дня, чтобы предотвратить два последних убийства, прежде чем пресса нас окончательно разорвет.

– Честно говоря, я сомневался, что ты дашь нам зеленый свет, – признался Снейдер.

Ван Нистельрой кивнул.

– Я тоже, – откровенно сказал он. – Но, вместе с тем, мне надоело, что БКА постоянно упрекают в замалчивании, укрывательстве, коррупции и взяточничестве, – не выдержал он. – При нормальных обстоятельствах я бы действительно прекратил расследование на этой точке. Но ты и твои люди – то, что нужно для такого дела. Осуши это болото.

– Уже не в первый раз, – заметил Снейдер.

Ван Нистельрой сделал глубокий вдох.

– Хорошо, но прежде чем продолжишь, тебе следует еще раз поговорить с монахиней.

На этот раз Снейдер решительно помотал головой.

– Мой самый большой враг не эта монашка, а время, – возразил он.

– Но она наш единственный источник информации, – настаивал ван Нистельрой. – Ты *должен* ее наконец-то сломать!

– Вчера я поставил этой женщине ультиматум, что это последний мой разговор с ней, – напомнил Снейдер. – После того как почти раскусила трюк с прессой, она не скажет мне ни слова.

– И кто тогда должен ее допрашивать? – вырвалось у Кржистофа. – С Хоровитцем, Тиной, Марком или со мной она вряд ли будет говорить. Она нас даже не знает.

В дверь постучали.

Пока все обернулись к двери, Снейдер посмотрел на наручные часы. *Раньше, чем я думал!*

– Войдите! – недовольно крикнул ван Нистельрой.

Дверь открылась.

– Она будет говорить с монахиней, – заявил Снейдер.

Сабина Немез появилась в дверном проеме и вошла в кабинет. Ее шея была синяя.

Мартинелли подскочила на стуле.

– Сабина!

От Снейдера не ускользнул и блеск в глазах Крюгера.

– Я думал... – пробормотал компьютерный «фрик».

– Доброе утро, – устало произнесла Сабина. – Я прилетела во Франкфурт первым рейсом.

Все, кроме ван Нистельроя, удивленно уставились на Снейдера.

– С большим давлением нам удалось добиться, чтобы Немез покинула Австрию и пока осталась на службе без правовых последствий, – объяснил он. Ван Нистельрой кивнул в подтверждение, хотя было видно, что ему это тяжело далось. – Мы вот-вот раскроем всю подоплеку убийств, и мне нужен каждый человек в моей команде. В конце концов после долгих дискуссий в Австрии с этим согласились министр внутренних дел, БКА и Федеральное ведомство по охране конституции и борьбе с терроризмом.

Немез кивнула, выглядела она при этом ужасно. Наверняка провела в Вене не самую приятную ночь и не сомкнула глаз между допросами.

Снейдер поднялся, налил свежий дымящийся кофе в стаканчик и сунул его Немез в руку.

– Готовы к разговору?

Немез кивнула.

Он коснулся ее плеча.

– Хорошо, тогда разделаемся с этим.

Глава 52

Сабина вошла одна в комнату для допросов и села за стол напротив Магдалены. События последних пяти дней отразились на них обеих.

Белоснежные волосы монахини были свежeweымыты, но это не могло скрыть душевного и физического изнеможения, которое читалось на ее лице.

– Вы одна? – спросила она.

– Да, Снейдера вы больше не увидите.

Монахиня кивнула, будто поняла.

– Насколько вы продвинулись в вашем расследовании?

– Я познакомилась с вашей дочерью, – сказала Сабина вместо ответа. Вообще она была готова голову отдать на отсечение, что следующий вопрос будет: «И как у нее дела?» Но она ошиблась.

Монахиня осталась абсолютно спокойной.

– Прошлой ночью у меня кольнуло сердце. Это было очень странное чувство. У вас есть дети, фрау Немез?

Сабина не ответила.

– Знаете, – продолжила монахиня, – я всю ночь не сомкнула глаз. Как мать, которая тревожится за маленького ребенка, когда у того жар. Хотя я никогда этого не переживала. Я никогда не была матерью. Стала ею всего несколько месяцев назад.

Сабина молчала. *Пусть женщина говорит!*

Монахиня подняла глаза.

– Вчера ночью случилось что-то ужасное, да?

Сабина кивнула.

– Министр Хирш, его шофер и телохранитель были убиты.

– И моя дочь тоже, да?

Сабина сжала губы и затем кивнула. Ей все еще больно говорить и глотать.

– Но ее не убили, она покончила с собой.

Магдалена рассматривала синюю шею Немез, затем ее взгляд словно прошел сквозь Сабину и устремился в пустоту.

– Почему вы не предотвратили ее смерть?

Действительно, почему?

– Она хотела умереть. Никто не мог этого предотвратить, – ответила Сабина, хотя у нее не было причины оправдываться. Впрочем, она вполне могла поставить себя на место монахини. Сабина знала, каково это – терять любимого человека.

– Смерть моей дочери на *вашей* совести... – заявила монахиня с неожиданной грустью в голосе, – это как если бы вы собственноручно ее убили.

– Вы тоже убили! – напомнила монахине Сабина твердым голосом, игнорируя боль в горле. – Мне представить вам отчет по вашей вендетте со всеми сопутствующими жертвами?

Монахиня молча смотрела на Сабину.

– Вы действительно думали, что провернете это, не принося никого в жертву? – продолжила Сабина. – Втянуть собственную дочь в эту историю было не *моим*, а *вашим* решением. Так кого вы хотите теперь упрекать?

Монахиня лишь кивнула; казалось, она приняла ситуацию.

– Нет никого без вины и злобы. Иначе мы были бы ангелами. – Она подняла взгляд. – Возможно, вам тоже когда-то придется принести жертву, фрау Немез.

Если бы ты знала... Сабина сжала кулак, чтобы сдержать дрожь, и наклонила голову набок.

– Это было предупреждение?

– Возможно. – Затем монахиня замолчала.

Нельзя допускать, чтобы разговор становился слишком личным, – решила Сабина.

– Что означает подсказка Hell7? – сменила она тему.

Монахиня ненадолго задумалась.

– Так как вы не спросили меня о значении *MörDer*, полагаю, что хотя бы *это* вы уже выяснили.

– Что означает Hell7? – повторила Сабина.

Монахиня молчала.

– Кто сообщники вашей дочери?

– Я дам вам последний добрый совет... это даже скорее просьба: поторопитесь, иначе кому-то еще придется умереть, потому что я не могу и не буду этому препятствовать. – После этих слов она откинулась на стуле и принялась перебирать пальцами бусины четок.

Сабине хотелось вырвать у нее из руки четки. Но прежде чем она успела что-нибудь сказать, дверь распахнулась. Краем глаза она увидела, что Снейдер все-таки вошел в комнату.

Он остался стоять за Сабиной, и в зеркале она видела, как он сверху вниз смотрел на монахиню.

– Надеюсь, вам ясно, что смерть вашей дочери – только начало. Я собственноручно уничтожу всех, кто вам помогает.

В голосе Магдалены появилась злоба:

– Убийство тоже значит в вашей должностной инструкции?

– Вы думали, мы будем сидеть сложа руки и наблюдать, как убивают ваши помощники? – крикнул Снейдер. – Мы не клуб скаутов, а БКА!

– Это угроза?

– Воспринимайте как хотите. В конце концов я или арестую всех ваших пособников и сообщников, или – если это будет неизбежно – убью, потому что такова моя работа. И Господь меня простит, потому что это *его* работа.

Монахиня хотела что-то сказать, но Снейдер оборвал ее:

– Идемте, Немез! Это пустая трата времени. Мы получили новую информацию.

Глава 53

– Что это за фейк с новой информацией? – спросила Сабина, когда они вышли из комнаты.

В смотровой стояли Марк, Тина и Кржистоф, которые до этого следили за разговором с монахиней.

– После того как обман с Майбах провалился, я больше не играю краплеными картами, – с горечью заметил Снейдер. – У нас действительно появилась новая информация. – Он обратился к технику: – Оставьте нас ненадолго одних.

Снейдер сел за пульт, остальные остались стоять.

– Вероятнее всего, монахиня не рассчитывала на то, что в данный момент расследования лишится близкого человека или сообщника из узкого круга. Поэтому преимущество на нашей стороне. Они распланировали все на семь дней, и если мы сейчас будем действовать быстро, то успеем спасти шестую и седьмую жертвы.

– Мы хотим *спасти жертвы* или *раскрыть дело*? – Тина задала решающий вопрос.

Снейдер задумчиво посмотрел на нее. Наконец кивнул.

– Каждый может смотреть на это, как хочет. На мой взгляд, одно вытекает из другого. Я хотел бы предотвратить последние убийства, чтобы люди, на чьей совести смерти младенцев, предстали перед судом.

Все кивнули в знак согласия.

– И какая у нас теперь информация? – еще раз спросила Сабина.

В этот момент техник открыл с другой стороны дверь и придержал ее, чтобы Хоровитц мог заехать в комнату на своей инвалидной коляске. У него на коленях лежало несколько распечаток.

– Можно мне чашку какао с медом? – спросил он присутствующих.

– Это тебе не посиделки с какао и пирогом, рассказывай! – поторопил его Снейдер.

Хоровитц кивнул на стеклянную стену.

– Она что-нибудь сказала?

– Нет. Давай уже!

– Да, да, – пробормотал Хоровитц. – Продираясь сквозь запутанную сеть компаний Møerweck & Derwald, я наткнулся на следующую информацию. В то время штаб-квартира их исследовательского института в Вене находилась на только что отстроенной территории UNO-City^[28] – что имело налоговые причины.

– Мы только что оттуда... – вздохнула Сабина.

– Не волнуйтесь, – перебил ее Хоровитц. – Вам не нужно туда возвращаться. В отделе тогда работало более двухсот физиков и биологов, которые занимались изучением безопасного для человека рентгеновского излучения.

Кржистоф помассировал щетинистый подбородок.

– Не очень-то получилось, а?

Хоровитц помотал головой:

– Нет, но бывшего главного радиоонколога и руководительницу отдела развития звали доктор Фреда Ромбуш.

Снейдер хотел что-то сказать, но Хоровитц перебил его.

– Да, она еще жива – и *нет*, пока не пропала бесследно. После ее карьеры в Møerweck & Derwald она работала в различных исследовательских проектах в частной сфере. Доктора Ромбуш дважды номинировали на Нобелевскую премию по физике – первый раз в 1981-м и второй в 2001 году, – но она ни разу ее не получила.

– Исследования радиации? – спросила Сабина.

– Правильно. Кроме того, более тридцати лет назад она имела любовную связь с министром Хиршем, когда он еще был детским врачом. То есть можно исходить из того, что она была вовлечена во всю эту историю.

Снейдер удовлетворенно кивнул.

– А чем она занимается сегодня?

– Ромбуш семьдесят шесть, она все еще работает и пребывает в добром здравии.

– А где она живет? – спросил Снейдер.

– Это... – Хоровитц поднял палец, – не так важно. Вопрос звучит следующим образом: где она будет сегодня вечером?

– И где же она будет сегодня вечером? – пробурчал Снейдер.

Хоровитц помахал распечатанным цветным флаером.

– Сегодня вечером она в качестве приглашенного докладчика выступит на Международном радиологическом симпозиуме в

Констанце на Боденском озере.

– Констанц... – задумчиво пробормотал Снейдер.

– Но это только один из множества возможных следов, – заметила Тина.

– Никто из остальных двухсот физиков и биологов не является целью – это Ромбуш, – кивнул Снейдер после недолгого размышления. – На Констанцском соборе шестьсот лет назад состоялись пока единственные выборы папы на немецкой земле. И можно сказать с почти стопроцентной уверенностью, что именно это место следующая цель нашей монахини – как символический акт.

Сабина покосилась на Снейдера.

– То есть мы поедem на Боденское озеро?

– Нет, – возразил Снейдер. – Мы полетим. – Он посмотрел на Хоровитца. – И на этот раз всей командой.

Глава 54

Им понадобилось чуть больше часа, чтобы на вертолете БКА преодолеть почти триста километров до Констанца, где в обед они приземлились на крыше клиники. Ветер разогнал облака, и в голубой поверхности Боденского озера, – которое Сабина увидела совсем поблизости, – сверкая, отражалось солнце.

Они тут же поехали на лифте вниз. На парковке перед больницей уже ждала машина для прослушки с оперативниками спецподразделения Баден-Вюртемберга, которые забрали Марка с оборудованием и выехали с ним к отелю, где проходил симпозиум.

Уже во время полета Снейдер решил все организационные вопросы, и теперь они встретились с представителями местного ЛКА, чтобы обсудить меры безопасности во время симпозиума. Затем сели в два гражданских автомобиля констанцской полиции и тоже направились в отель.

Снейдер не видел необходимости отменять радиологический симпозиум или хотя бы выступление Фреды Ромбуш. Все должно идти по плану – за одним исключением, которое они обсудили по пути к отелю.

Отель Seaside Resort располагался прямо на берегу Боденского озера, с видом на «остров цветов» Майнау, и выглядел, как американский Гранд-отель из 1920-х годов. Классическая старинная постройка с белым деревянным фасадом насчитывала семь этажей и расширялась книзу. Нижний этаж представлял собой вытянутую веранду со множеством оконных фасадов, кресел-качалок, белых кованых декоративных элементов и деревянных решеток для плюща и роз, которые создавали историческую атмосферу.

Перед отелем находился узкий искусственный пляж с белым песком, пальмами в огромных кадках и плетеными креслами, а также несколькими пирсами, которые – на высоких сваях – далеко уходили в акваторию озера. Десятки лодок стояли там на якоре, покачиваясь на волнах.

Это не только напоминало морское побережье – здесь и пахло, как на море, и средиземноморская атмосфера усиливалась

многочисленными чайками, которые кричали и низко кружились над лодками.

Какая идиллия! – подумала Сабина.

В медико-технической отрасли знали, как и, прежде всего, где устраивать симпозиумы. Но это не удивляло Сабину, потому что ни в одной другой отрасли не было столько денег, как в сфере разработки медицинских аппаратов. Все-таки продолжительность жизни увеличивалась, люди болели, поэтому медицинское обеспечение становилось все важнее.

Кржистоф вышел из машины, ладонью прикрыл глаза от солнечного света и глубоко вдохнул.

– Вау! Поселюсь здесь, когда буду старым.

– Ты уже старый, – прокомментировал Хоровитц, скатившись по рампе из кузова машины.

– Обсудите это в отеле, – перебил их Снейдер. – Для нас забронирован номер люкс. На пути туда постарайтесь выглядеть как отдыхающие гости.

– Не проблема. – Кржистоф взялся за ручки инвалидной коляски Хоровитца и покатил ее в сторону входа. – Пойдемте, сударь, – заговорил он на швейцарском диалекте. – Ваша ванна с лекарственными травами и резиновой уточкой уже готова.

Снейдер кивнул Тине и Сабине, чтобы те следовали за ним.

Они направились к гостиничной парковке, где на зарезервированном месте стоял автомобиль для прослушки – черный автофургон без окон. У машины были констанцские номера, боковины были оклеены пленкой с логотипом компании, выполняющей сантехнические работы. Если бы кто-то позвонил по номеру этой вымышленной фирмы, к телефону наверняка подошла бы приветливая женщина из ЛКА Баден-Вюртемберга, чтобы спросить, где протекает.

Снейдер открыл заднюю дверь кузова и забрался внутрь. Сабина и Тина последовали за ним.

– Быстрее, закройте дверь! – приказал он и огляделся.

Сабина закрыла дверь. Салон выглядел так же, как и в их собственных машинах БКА. Ряд мониторов и видеоприборов, перед ними – прикрепленные к полу вращающиеся стулья. На одном из них сидел Марк. Рядом находилась рабочая поверхность и шкаф для хранения.

Марк сразу же снял наушники и посмотрел на Снейдера.

– Сначала мы стояли в другом месте, но я попросил перепарковать машину, потому что здесь лучше прием и обзор. Кроме того, я заменил некоторые приборы на наши. – Он постучал по своему ноутбуку, специальному компьютеру, на котором у него был прямой доступ к полицейской сети данных.

Практически бесшумная вентиляция едва слышно гудела у них над головой. Снейдер осмотрел все приборы, затем взглянул на пол, где лежали коробки из-под пиццы, обертки от шоколадных батончиков и пустая пластиковая бутылка, которые наверняка принадлежали не Марку.

Оба оперативника спецподразделения Баден-Вюртемберга были не особо счастливы, что Марк так расхозяйничался, но Снейдер кивнул. Очевидно, он считал, что Марк лучше владеет своим ремеслом, чем оба типа лет на двадцать его старше.

– Что такое? – спросил Снейдер одного, который выглядел раздраженным.

– Мы ведем так наблюдение уже десять лет и...

– Можно и десять лет делать что-то неправильно, – прокомментировал Снейдер.

– Да все в порядке, это же не наша операция, – пробормотал второй скучающим тоном. – Нас направили, чтобы мы оказали вам поддержку. Хорошо. – Он поднял руки. – Ладно, как мы можем помочь вам и вашему коллеге?

Сабина и Тина многозначительно переглянулись. Безразличный, немотивированный тон, которым мужчина говорил со Снейдером, был тому наверняка не по вкусу.

– Хотите своей работой в полиции что-нибудь изменить? – спросил Снейдер мужчину.

Полицейский кивнул:

– Да, конечно, я...

– Хорошо, тогда вынесите мусор! – Снейдер указал на пол. – Вероятно, здесь так же, как у вас дома.

Без комментариев, но с мрачными минами оба оперативника собрали мусор с пола и покинули машину.

– Вау, неплохо! – сказал впечатленный Марк, когда дверь за ними закрылась. – Со мной они не были такими отзывчивыми.

– Хватит так глупо улыбаться, – напустился на него Снейдер, хотя у самого уголок рта тоже дернулся вверх.

После того как Марк раздал всем микрофоны и наушники, Снейдер, Сабина и Тина вышли из автомобиля для прослушки и направились через парковку к отелю.

Послеобеденное солнце нещадно палило, заставляя дрожать воздух над асфальтом. С берега до них доносился теплый ветерок, в воздухе парил кайт.

Снейдер ослабил узел галстука и взглянул на Сабину.

– Как вы находите Крюгера?

– Что? Я? – Ее сердцебиение ускорилося.

– Да, вы! Или я говорю невнятно?

– Нет, э-э-э, как я его нахожу? – повторила она. – Ну, мне нужно сначала переспать с ним на эту тему!

– Переспать *с ним* на эту тему? – заржала Тина и, хохоча, толкнула ее локтем в бок.

Сабина покраснела, а Снейдер только покачал головой.

Чертova оговорка по Фрейду!

Весь оставшийся путь Сабина не сказала больше ни слова, а Тина продолжала смеяться.

Дура!

Они дошагали до отеля, поднялись по лестнице и вошли в холл.

– Ваши чемоданы? – спросил швейцар.

– Исчезни! – шикнул Снейдер.

В центре зала журчал фонтан, пахло апельсинами, звучала приглушенная музыка. Все было благородно, ненавязчиво и солидно.

Когда к ним направилась менеджер с заколотыми каштановыми волосами в темно-синем деловом костюме, Тина понизила голос и прошептала Снейдеру:

– Вы лоббист, а мы ваши дочери?

– И не мечтайте, – шикнул Снейдер.

– Мартен С. Снейдер? – спросила дама с профессиональной улыбкой.

Вау! – подумала Сабина. – *Она даже про С не забыла.*

Снейдер кивнул.

– Прошу вас проследовать за мной к ресепшен. – Она надела очки, которые висели у нее на шее, и сунула руку в папку. – Вот ваши

входные билеты и бейджи для симпозиума. Вы от фирмы Dorgex из Вены. Это календарь мероприятий. Все доклады пройдут в отеле.

Снейдер взял билеты, проспект и бейджи и передал Сабине, которая быстро на них взглянула. Dorgex Pharmaceutical GmbH. Указанные ниже имена были вымышленными.

– Номера? – спросил Снейдер, когда они дошли до стойки ресепшен.

Женщина кивнула и огляделась, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

– Мы переселили доктора Фреду Ромбуш и предоставили ей официально съют 705, который расположен дальше всех от пожарной лестницы. Для вас и ваших коллег – съют 605 прямо под номером фрау доктора Ромбуш.

– Отлично. Когда она приедет?

– Ориентировочно в три часа. – Менеджер достала конверт, который лежал за стойкой. – Это электронные ключи для обоих номеров. В вашем – демонтирован детектор дыма и вынесены комнатные растения. К тому же в шкафу вы найдете униформу служащих отеля, а вот ключи для служебного грузового лифта, которые местная полиция затребовала для вас.

Снейдер достал из конверта по одному ключу, а все остальное без комментариев передал Тине.

– В вашем номере вы также найдете миску с голубыми «смартис».

– Очень хорошо.

Женщина откашлялась.

– Просто из любопытства... можно спросить, кто вы и откуда на самом деле?

– Нет, нельзя, – ответил Снейдер.

Сабина тут же вмешалась в разговор:

– Спасибо за вашу предупредительность и внимание.

Женщина взглянула на Сабину, на что та одними губами проартикулировала «БКА».

У женщины округлились глаза.

– Хорошо, тогда мы все выяснили. Лифты находятся вон там.

Сабина, Тина и Снейдер направились к лифту.

– Только голубые «смартис»? – спросила Сабина, когда дверь за ними закрылась и они поехали на шестой этаж. – Почему кто-то

должен был сортировать их для нас? Тем более вы даже не едите сладкое.

– Я выслал полиции список указаний, которые те должны были передать в отель, но времени на проверку не было. Так что если даже самое идиотское и незначительное распоряжение исполнено и в номере действительно лежат только голубые «смартис», я могу исходить из того, что и все остальные пункты выполнены корректно.

– То есть это был просто тест?

– Конечно, или вы думали, что я действительно ем «смартис»? И именно голубые?

Выйдя из лифта, они направились к съезду 605, и Снейдер открыл дверь.

Номера на предпоследнем этаже были огромными, с шикарным видом на Боденское озеро. Хоровитц сидел в инвалидной коляске перед балконной дверью и смотрел вниз на пляж, а Кржистоф лежал на полу перед диваном и делал отжимания.

Рядом с ним на журнальном столике действительно стояла большая миска с исключительно голубыми «смартис».

Глава 55

Снейдер опустился в удобное кресло, положил ноги на журнальный столик, вытер пот со лба и достал из кармана пиджака набор акупунктурных игл и сигаретную пачку.

На счете семьдесят Кржистоф прекратил отжиматься, прыгнул на корточки и затем сел на диван.

– Что мы тут делаем?

Снейдер открыл набор, достал три иглы и вколол их себе в тыльную сторону ладони.

– Мы ждем Фреду Ромбуш.

– Я думал, у нее съют над нами, – заметила Сабина.

– Да – официально, но у персонала на ресепшен есть распоряжение проводить ее в *этом* номер, где мы ее ожидаем.

– А это умный план? – засомневалась Тина. – В расследование вовлечено столько опытных людей, а нам в голову не пришло ничего получше?

Снейдер молчал.

Кржистоф немного подумал.

– Я только что высчитал, что нам троим, – он указал на Хоровитца, Снейдера и себя, – вместе почти сто девяносто лет.

– Невероятно, – пробормотал Хоровитц, проехал от балкона к мини-бару, заглянул в холодильник, открыл упаковку кефира и налил себе в стакан. – И как это знание нам поможет?

– Он хочет этим сказать, что мы старые хрычи, – с закрытыми глазами пробурчал Снейдер, крутя свои иглы.

– Черт, если бы я сейчас мог подняться из инвалидного кресла, то придушил бы его.

– Если бы у меня не раскалывалась голова, я бы сам это сделал.

Кржистоф ухмыльнулся, Хоровитц глотнул кефира, а Снейдер сунул себе в рот косячок. После первой затяжки он громко застонал и запрокинул голову.

Сабина тоже подошла к балкону и посмотрела вниз, а Тина тем временем открыла банку пепси и вылила ее в стакан со льдом.

– Еще кто-нибудь хочет пить?

– Чашку ванильного чая... – простонал Снейдер.

Тина порылась в ящике с чаем, действительно нашла один пакетик и включила чайник. Пока вода булькала, она оглядела съют и сказала:

– Я знаю один анекдот. Встречаются нидерландец, поляк и швейцарец...

– Это длинный анекдот? – перебил ее Кржистоф скучающим тоном.

«Она идет», – внезапно услышала Сабина голос Марка в наушнике. Она быстро посмотрела вниз с балкона в сторону входа, где на ветру колыхались международные флаги. Там стоял черный автомобиль. Багажник был открыт, и швейцар уже достал оттуда два чемодана.

– Фреда Ромбуш идет, – громко сообщила остальным Сабина.

Снейдер приподнялся в кресле.

– Так рано? – Он еще раз затыкнулся, потом погасил сигарету в уже пустой миске – «смартис» Кржистоф только что доел.

Они подождали десять минут, затем услышали, как на шестом этаже звякнул лифт.

По коридору приближался пронзительный скрип чемоданных колес. Электронный замок их съюта зажужжал, и коридорный открыл дверь.

В номер вошла хрупкая дама в черном деловом костюме, темной блузке, с ниткой жемчуга на широком декольте и солнечными очками в крашенных дымчатых волосах.

Сабина никогда бы не подумала, что этой женщине семьдесят шесть лет. Похоже, работа в медицинской отрасли помогала сохранять молодость. Или дело в фитнес-центре, солярии, обезжиренном питании, паре пластических операций и хорошем портном?

Фреда Ромбуш в замешательстве остановилась и озадаченно огляделась по сторонам.

– Видимо, это какая-то ошибка. Кто эти люди? – В следующий момент она поморщила нос. – К тому же здесь пахнет, как в опиумном логове.

– Марихуана, – уточнил Снейдер и направился к ней. – И это не ошибка. У дамы на ресепшен указание – направить вас в этот номер.

– Но он занят. Где мой съют?

– Ваш *официальный* съют находится этажом выше прямо над нами. Но вы в него не пойдете.

– Это какая-то глупая шутка? Кто вы все?

Снейдер показал ей свое удостоверение.

– Мартен С. Снейдер, криминалист-аналитик, специалист по случаям похищения людей и судебный психолог, БКА Висбадена.

– Меня это все не интересует, – повысила голос она, даже не взглянув на удостоверение. – Я немедленно хочу в мой съют!

– Крик усиливает ваш голос, но не аргументы, – на удивление спокойно произнес Снейдер. Потом махнул коридорному, тот поставил оба чемодана в номер и исчез.

– Присядьте сначала, – предложил ей Снейдер. – Хотите джин-тоник, мартини или виски?

– Двойной виски со льдом было бы неплохо для начала, – фыркнула Ромбуш.

– Кржистоф! – Снейдер щелкнул пальцами.

Кржистоф поднялся, открыл бар и смешал напиток. Затем Снейдер подошел к Хоровитцу, который протянул ему папку. Снейдер открыл ее и положил на стол перед Фредой Ромбуш большую глянцевую фотографию.

– Это Вальтер Граймс... по крайней мере, то, что осталось от его лица после кислоты.

Ромбуш поморщилась.

– Я его не знаю.

– Я так и думаю, – возразил Снейдер. – Для вашей информации: в Бруггтале он приводил через черный ход мужчин-клиентов в интернат урсулинского монастыря.

Лицо Ромбуш окаменело.

Сейчас ей станет ясно, о чем идет речь, – подумала Сабина, но продолжала тихо стоять поодаль и наблюдать за женщиной.

– А именно – клиентуру известного Януса. Это Янус – кровь вокруг рта от бамбуковых ростков, которые перфорировали его легкие, – мимоходом заметил Снейдер и положил на стол второе фото. – Акушерка помогала ученицам монастыря при родах. Это она... по крайней мере, то, что осталось от ее лица. – Он бросил на стол третий снимок.

Ромбуш по-прежнему ничего не говорила.

– Я полагаю, вы не были лично знакомы и с Констанс Феличитас, настоятельницей монастыря. Это она... у нее отсутствуют глаза и части лица. – Он кинул следующее фото на стол. – Но министра Ульриха Хирша вы наверняка знаете. Вот так он выглядел, после того как выпущенная в упор пуля разнесла ему затылок. – Снейдер бросил на стол последнюю фотографию. Все снимки лежали в ряд, как обвинительные акты.

Ромбуш демонстративно смотрела в сторону.

– Взгляните на это! – Снейдер постучал по фотографиям.

Ромбуш шумно втянула воздух ртом.

– Почему вы заставляете меня смотреть на эти ужасные фотографии?

– Я вас умоляю, – произнес Снейдер абсолютно спокойным голосом. – От того, кто в ответе за смерть более семидесяти младенцев, – которые подверглись воздействию химических веществ, рентгеновскому излучению, а затем были свалены в яму и закопаны, – я ожидаю чуть меньше смущения, более крепкого желудка и бескомпромиссности. Поэтому поберегите ваши возгласы «О, что это за ужасные фотографии» для прокурора.

– Вы хотите меня арестовать?

– Нет. – Снейдер сел за стол напротив нее и развел руки. – Сначала я хочу спасти вам жизнь. Я и мои коллеги... – он сделал вращательное движение в воздухе, – приложим все усилия, чтобы вы пережили следующие два дня.

Кржистоф подошел к ним и поставил на стол стакан виски со льдом для фрау Ромбуш и чашку чая для Снейдера.

Снейдер тут же сделал глоток и удивленно приподнял одну бровь.

– У них тут чертовски хороший ванильный чай.

Ромбуш проигнорировала виски. Она сухо сглотнула, сначала раздраженно посмотрела на акупунктурные иглы, которые все еще торчали в кисти Снейдера, затем снова взглянула на фотографии.

– Кто это сделал?

– Мы пока не знаем. – Снейдер сделал еще один глоток и отставил чашку. – Но мы полагаем, что вы практически со стопроцентной вероятностью будете следующей жертвой нашего убийцы. Уже пять дней подряд он уничтожает одного за другим. И этот след ведет напрямую к вам. – Он начертил в воздухе воображаемую линию.

Ромбуш молчала.

Снейдер наклонился вперед и понизил голос. Его тон стал серьезным.

– Я сейчас задам вам несколько вопросов, и если у меня появится впечатление, что вы надо мной издеваетесь, пытаетесь меня обмануть или разыгрываете из себя наивную дурочку... – он сделал паузу, – тогда мы с коллегами уйдем и предоставим вас вашей судьбе.

Она улыбнулась ему.

– Вы не посмеете!

Снейдер улыбнулся в ответ.

– Еще как! И уютно сидя завтра утром в своем кабинете в Висбадене – с яйцом на завтрак, чашкой чая и сигаретой, – я открою газету и прочитаю, когда и как вы умерли сегодня вечером. А мне и моему шефу будет на это наплевать. Вы поняли?

Женщина сглотнула, затем медленно кивнула.

– Отлично. Какими исследованиями занимался Møerweck & Derwald в 70-х годах?

Ромбуш глубоко вдохнула, ее грудь поднялась и опустилась несколько раз, прежде чем последовал ответ:

– Вы знаете, что Møerweck & Derwald с десятками бизнес-направлений сегодня в разы крупнее, чем тогда. И одних только адвокатов в юридическом департаменте по всему миру у них столько, сколько у вас сотрудников в БКА?

– Знаем, – перебил ее Снейдер. – Как насчет 70-х годов?

– Это был исключительно медико-технический концерн, который производил в первую очередь рентгеновские аппараты. С 1971-го по 1980-й наш отдел проводил эксперименты в сфере радиационных исследований. Обширное поле деятельности, многие компании этим тогда занимались. МРТ изобрели в 1973-м, УЗИ – только в 1980-м. В то время еще не умели делать снимки с использованием магнитных полей без побочных эффектов.

– Как именно проходили исследования? – спросил Снейдер.

Глянцевые фотографии лежали перед Фредой Ромбуш, как страшная угроза. Она снова уставилась на них, потом зажмурилась, словно хотела выбросить эти картинки из головы.

– Перед действительностью можно закрыть глаза, – заметил Снейдер. – А перед воспоминаниями нет, верно?

Она ничего не ответила.

– Как именно проходили исследования? – повторил он.

Наконец Ромбуш подняла взгляд.

– Сначала наши исследования провалились. Нам не удалось обнаружить диапазон энергии рентгеновских лучей, который был бы не опасен для человеческого организма. Потому что его не существует. Поэтому мы пошли другим путем. Мы искали метод, чтобы при низкой дозе облучения получить более качественное и четкое рентгеновское изображение.

– Каким методом? – не отставал Снейдер.

Она не ответила.

– Какой метод?

Теперь и ее голос стал громче:

– Я руководила отделом развития технологического концерна, который производил рентгеновские аппараты. Я не химик и не биолог. Я знаю только одно: чем моложе ткани и клеточные культуры, тем быстрее они растут и более чувствительны к излучению.

– Конкретизируйте: детские ткани! – потребовал Снейдер.

– Мы работали с пуповиной. – Она подняла руки. – Тогда это было легально! Так мы быстрее добились результатов, что ускорило исследование и продвинуло нас вперед.

– И с младенцами!

– Об этом я ничего не знаю, – быстро ответила она и пожала плечами. – Это вы должны спросить бывших ответственных из Glostermed, а не меня!

По позе Ромбуш Сабина поняла, что та закрывается и больше не будет участвовать в допросе, какая бы угроза ее жизни ни существовала.

– Glostermed, фармацевтический концерн, который производит медикаменты? – уточнила Сабина.

Ромбуш кивнула.

– Møerweck & Derwald разрабатывал рентгеновские аппараты, Glostermed – соответствующий медикамент и контрастное вещество для них. Они занимались биологическими и химическими исследованиями.

Фармацевтическая промышленность!

Снейдер поднял глаза и оглядел присутствующих.

– Значит, Glostermed.

Он кивнул Тине и Хоровитцу, которые тут же достали свои телефоны и начали звонить.

Затем Снейдер снова посмотрел на Ромбуш.

– Хотя вы и не заслужили, чтобы мы спасали вашу задницу, все равно это сделаем. Знаете почему?

Она помотала головой.

– Потому что я хочу посмотреть на выражение вашего лица, когда вы окажетесь на скамье подсудимых. Хорошо, – вздохнул он и поднялся. – Время пришло.

– Можно мне теперь в мой сьют? – спросила Ромбуш.

Снейдер помотал головой.

– Вы останетесь здесь. Вас подменят человеком из БКА, который на вас похож.

– А мой доклад?

– Отменен.

– Что? Вы не можете этого сделать! – воскликнула Ромбуш и тоже вскочила с места.

– Для нас нет ничего невозможного, – отрезал Снейдер.

Ромбуш снова уставилась на иглы в его кистях.

– Вы сумасшедший!

– Возможно, – признался Снейдер. – Чем ближе ты к сумасшествию, тем лучше понимаешь действительность. Вы должны знать это лучше всех присутствующих здесь. – Он развернулся и направился к шкафу. – Кржистоф, отведи ее в соседнюю комнату и следи, чтобы помалкивала и не сбежала!

– Вы ненормальный! Это превышение власти. Я засужу вас, отберу все до последних трусов, – бросила она Снейдеру, когда Кржистоф схватил ее за руку и потащил за собой.

Снейдер проигнорировал комментарий.

– Не забудьте свой виски, – лишь сказал он.

Затем дверь захлопнулась, и Сабина слышала, как Ромбуш шумела в соседней комнате, пока не раздался звук пощечины.

Снейдер вытащил иглы из кистей, убрал их в футляр и раздвинул вешалки.

– Бармен для меня, – сказал он, – горничная для вас. – Он бросил Сабине униформу, состоящую из двух частей. – Должен быть ваш

размер.

Сабина поймала одежду. *Ты серьезно?*

– Я должна это надеть?

Снейдер кивнул, достал из шкафа еще и туфли на каблуках, протянул ей. – С этого момента мы занимаемся фальшивой Фредой Ромбуш этажом выше. Снимите кобуру. Вы получите также сервировочный столик-тележку и сможете спрятать там ваше служебное оружие под сырным колпаком.

Тина с улыбкой отвела телефон от уха:

– «Глок» под колпак.

Да, поулыбайся мне еще! Сабина засопела. Почему Снейдер не выбрал Тину для этой работы?

– И повяжите эту красивую штучку на шею, чтобы не было видно синяков от удушения, – добавил Снейдер.

Вздохнув, она направилась в ванную, скинула кроссовки, разделась и натянула короткую узкую юбку, туфли, блузку с белыми рюшами и повязала вокруг шеи декоративную черную ленту.

Когда она вышла из ванной, Снейдер с восторгом оглядел ее.

– Идеально. Значит, я правильно оценил ваш размер. И умоляю, не делайте такое лицо.

– Если бы я умела делать лица!

– Смешно, Немез. Возьмите себя в руки, это расследование под прикрытием!

– Я понятия не имею, как следует вести себя в роли горничной, – запротестовала Сабина.

– Правильное поведение – это умение отказаться от лишнего, – таинственно произнес Снейдер.

– Это еще что значит?

– Все, начиная с речи и заканчивая декольте. – Он подошел к ней и хотел расстегнуть две верхние пуговицы ее блузки, но Сабина рефлекторно ударила его по руке.

– Извините... но никаких домогательств! – предупредила она.

– Господи боже мой! Расстегните, пожалуйста, хотя бы верхнюю пуговицу.

Сабина сделала, как он сказал, и посмотрела на себя в зеркало над баром.

– Но так я выгляжу слишком наивно.

– По-настоящему умная женщина скрывает свой ум.

– Хотите этим сказать, что для женщины красота важнее интеллекта? – возмутилась Сабина. – Вот от вас я такого не ожидала.

– Немез! – Снейдер прищурился. – Это важно, потому что мужчины видят быстрее, чем думают. Между прочим, вы выглядите потрясающе.

Да кого это интересует...

В дверь постучали, и в следующий момент в комнату вошел коридорный, который катил перед собой сервировочный столик с сырным колпаком, кофейником и сэндвичами.

– Я должен передать вам, что доктор Фреда Ромбуш только что заехала в съют номер 705.

– Отлично. – Снейдер снял пиджак и кобуру с пистолетом. Затем повязал черную бабочку и надел жилетку в золотую полоску, закатал рукава белой рубашки и сверху натянул черные держатели для рукавов. Форма бармена шла Снейдеру.

– Вы круто выглядите, – заметила Тина.

Уголки губ Снейдера дернулись.

– Смотрите не привыкайте.

Тем временем Сабина достала пистолет из кобуры, проверила магазин и положила оружие под сырный колпак.

– Мы можем идти? – спросил Снейдер.

«Еще минутку», – раздался голос Марка в ухе Сабины.

По реакции Снейдера Сабина заметила, что он тоже это услышал.

– Что? – воскликнул он и поправил наушник.

«Я все слышал. Верните Сабину обратно живой и здоровой».

– Если вы меня так об этом просите...

«Это не просьба, – перебил его Марк, – а условие».

На этот раз Сабина не смогла сдержать улыбку.

Глава 56

Подставная Фреда Ромбуш и правда немного походила на настоящую. Маленькая спортивная пожилая дама из ЛКА Штутгарта, которая раньше руководила обучением военной технике. Хотя она уже три года была на пенсии, но все еще имела разрешение на ношение оружия и регулярно тренировалась в стрелковом тире. Кроме того, под блейзером на ней был пуленепробиваемый жилет.

Почему она добровольно согласилась на эту работу, Сабина не могла себе объяснить. Вероятно, ЛКА уговорило ее, предложив соответствующий гонорар.

Только бы все получилось.

Уже битый час Сабина стояла со своей сервировочной тележкой в сьоте рядом с мини-баром, который нельзя было увидеть через балконную дверь со стороны пляжа. Время от времени она поглядывала на двойника Ромбуш. Женщина сидела на диване, преспокойно погрузившись в материалы симпозиума.

Команда криминалистов-техников и токсикологов только что покинула сьот. Сотрудницы, как и Сабина одетые в униформу горничных, обыскали все комнаты. Но безрезультатно. Никаких камер, жучков, взрывчатки, никаких замаскированных смертельных ловушек. Даже бутылки в мини-баре не были вскрыты, и, вероятно, ни орехи в миске, ни приветственный шоколад не содержали яда.

Как бы ни должна была умереть Фреда Ромбуш – если ее смерть вообще планировалась, – это случится не так, как они до сих пор предполагали.

После того как Майбах убила министра Хирша без многодневной подготовки, здесь все могло произойти так же спонтанно. Чем дольше Сабина думала о взаимосвязях, тем меньше ей хотелось спасти дважды нобелевского номинанта Фреду Ромбуш, которую этажом ниже усмирлял Кржистоф.

«По-прежнему ничего?» – раздался вопрос Марка в наушнике Сабины.

– Нет, – ответила она в микрофон, спрятанный под воротничком блузки.

«Где Снейдер?»

– Все еще снаружи в панорамном коктейль-баре, – ответила Сабина.

На седьмом этаже между крыльями с номерами люкс прямо у лестницы находился панорамный коктейль-бар с мягкими диванчиками и библиотечным стеллажом. Снейдер стоял за барной стойкой, смешивал коктейли для гостей – очевидно, он знал много рецептов, – и нажимал кнопку для капучино на кофемашине. С этой центральной точки он видел как лестницу, так и коридоры с лифтами, ведущие к сьютам.

При этом он тоже был на виду у всех, включая убийцу. Но Снейдер придерживался своей философии, что как раз очевидное часто и не замечают.

«Что-то я не слышу мотивации в голосе», – заметил Марк.

– Сказать тебе правду?

«Мне? Буду рад!»

Она помедлила с ответом.

– Мне не очень-то хочется спасти жизнь этой женщине.

Подставная Ромбуш подняла на нее глаза, но Сабина помотала головой и показала рукой на нижний этаж.

– Когда я думаю о том, какие преступления она совершила, прикрываясь наукой, у меня желчь к горлу подступает.

«Разве так не всегда было в ходе истории?»

– Возможно, но ты не видел все те детские скелеты. Что это за монстры, которые так поступают с младенцами?

«Может, Ромбуш не знала, с чем она экспериментировала?»

– Ты издеваешься надо мной? Конечно, она все знала! И такому человеку я должна помогать? – Она помедлила. – Снейдер тоже слушает?

«Нет, я организовал для тебя отдельную частоту».

– Спасибо. – Сабина помолчала. – В самом начале я ненавидела эту монахиню за то, что она сделала, и за то, что люди умерли так ужасно.

«А сейчас смотришь на это иначе?»

– Немного. Я все еще не стану утверждать, что все они заслужили такую смерть, но чем больше узнаю, тем больше понимаю Магдалену и ее дочь. И у меня разрывается сердце при мысли о том, что отчасти

виновна в самоубийстве Майбах. – Голос Сабины задрожал. – Она всего лишь хотела раскрыть правду.

«Но какими методами», – перебил ее Марк.

– Да, верно, кто я такая, чтобы определять правых и виноватых. Для этого у нас есть судьи и законы.

«Просто постарайся воспринимать это как работу, а когда все закончится, возьмем небольшой тайм-аут».

– Чем ты планируешь заняться? – Она хотела, чтобы вопрос прозвучал как бы между прочим, но заметила, что ее сердце забилося сильнее. Господи, как будто подросток.

«Мы могли бы посмотреть на скелеты динозавров в музее, – пошутил он. – Или снова сходить в кино».

– Только на этот раз фильм выбираю я. В конце концов, за тобой должок – это ведь по моему совету тебя взяли в команду.

«Ого! Это ты мне должна, потому что я поймал Майбах. Фильм выберу я».

– Что? Да она прикончила бы тебя и Кржистофа, если бы не я.

«Да, но до этого я выбил у нее из руки оружие. К тому же, что касается фильмов, у меня не такой плохой вкус, как ты всегда говоришь».

– Ладно, ты победил, – сдалась Сабина. – Будем смотреть один из твоих научно-фантастических фильмов о зомби, который почти получил «Оскар». *Мне безразлично, главное, что в кино*, – подумала она.

«Хорошо».

Она представила, как Марк расплылся в улыбке, и тоже улыбнулась. Было так хорошо немного повалить дурака. Затем она снова посерьезнела.

– Что я еще хотела сказать...

«Я должен тебя прервать! – крикнул Марк. – У Снейдера посетитель».

Сабина схватила свою тележку и толкнула ее в соседнюю комнату. Там тоже была дверь, которая вела в коридор. Она выкатила тележку, закрыла дверь и медленно направилась вниз по коридору.

В дальнем конце находился бар. Сабина видела, что Снейдер с кем-то разговаривал, и хотела уже выхватить пистолет из-под колпака. Но это был полицейский в униформе.

– О чем они говорят? – прошептала она.

«Снейдер отчитывает полицейского, потому что не хочет, чтобы на этаже были люди в форме, – ответил Марк. – Момент... я переключу тебя на частоту Снейдера, и ты тоже сможешь слушать».

В наушнике Сабины щелкнуло, потом она услышала голос Снейдера.

«...у вас есть с собой камера?»

«Да, ваш техник отправил меня с ней наверх».

Издалека Сабина увидела, что полицейский держит в руке что-то маленькое. Снейдер взял предмет в руку, чтобы рассмотреть.

«Высокоэффективная цифровая камера с функцией видеозаписи. Неплохо, Крюгер».

«Спасибо», – вмешался в разговор Марк.

«Зачем она вам нужна?» – спросил полицейский.

«Для балкона. Вы не подумали о том, что снайпер может стрелять в комнату из лодки с воды?» – спросил Снейдер.

«О'кей. – Полицейский указал на камеру. – Но разве вам для этого не нужно судебное решение?»

«Нет, – осадил его Снейдер. – Это не наблюдение, которое длится более двадцати четырех часов. Если уж вы настолько мотивированы, отнесите камеру в съют 705. А затем исчезните с этого этажа. Я не хочу видеть здесь никого в полицейской форме!»

«Все ясно». – Мужчина развернулся и зашагал по коридору.

Тем временем Сабина уже вернулась со своей тележкой к главному входу в съют. Двойник Ромбуш подняла глаза, когда она вошла внутрь.

– Все в порядке, – заверила ее Сабина. – Нам принесут камеру для балкона.

Вскоре в дверь постучали.

– Войдите! – крикнула Ромбуш.

Дверь открылась, и вошел полицейский. Теперь Сабина увидела его вблизи. Он был симпатичный, с сухощавым лицом и ясными глазами.

Он огляделся в съюте.

– Вот камера для балкона. Установить ее?

– Нет, спасибо, я сама сделаю. – Сабина протянула руку.

Он передал ей прибор.

Сабина заметила, как натянулась во время движения его рубашка на торсе. Видимо, парень слишком много тренировался в последнее время. Мимоходом она взглянула на его брюки. Они были слишком коротки, минимум на два сантиметра.

Здесь что-то не так.

Ее сердцебиение ускорилось. Незаметно она разглядывала его лицо. Внимательнее, чем обычно, чтобы запомнить каждую деталь.

– Что-то не так? – спросил полицейский.

Сабина помотала головой.

– Вы из Баварии?

Он кивнул.

Сабина улыбнулась.

– Я тоже.

Она заметила тональное средство у него на лице. Правда, только в одном месте на щеке. *Что он пытается там скрыть?*

Она присмотрелась и разглядела.

Родимое пятно! Я такое уже видела!

Вспомнив Майбах, Сабина невольно вздрогнула, и в этот момент полицейский понял, что она увидела.

Их взгляды встретились. Одновременно рука Сабины потянулась к сырному колпаку за пистолетом, но мужчина молниеносно ударил ее по запястью и пнул в колено. Сабина упала на тележку и перевернула ее. Чашки, кофейник, тарелки и сэндвичи полетели в разные стороны.

– Марк, он здесь! – крикнула она в микрофон. – В 705-м!

Полицейский хотел схватиться за пистолет, но двойник Ромбуш уже держала свой в руке и выстрелила. Правда, не попала – пуля разорвала деревянную дверную раму. Щепки посыпались Сабине на голову.

Она поползла по полу, чтобы добраться до своего пистолета, который отлетел на ковер. Тем временем мужчина, пригнувшись, выбежал из номера.

– Снейдер! – крикнула Сабина. – Он...

В коридоре раздался выстрел. Очевидно, Снейдер открыл по мужчине огонь.

Одновременно на этаже поднялся крик, и Сабина услышала, как полицейский убегает по коридору.

– Мужчина побежал в сторону пожарной лестницы. Он вооружен и в полицейской форме! – закричала Сабина в микрофон. – Кржистоф должен выйти на лестницу и отрезать ему путь!

Сабина схватила пистолет, поднялась и одновременно с двойником Ромбуш выскочила в коридор. Снейдер уже стоял перед номером.

– Я его упустил, – пропыхтел он. – Он скрылся на лестнице.

– Мы не побежим за ним? – удивилась Сабина.

Снейдер помотал головой.

– Не будем терять хладнокровие. Может, это только отвлекающий маневр. Внизу достаточно полицейских. Мы останемся вместе на этих двух этажах, рядом с Ромбуш. Это в приоритете! Кржистоф?

«Я на лестнице... но здесь никого нет», – прозвучал голос Кржистофа в наушнике Сабины вместе с гулом других голосов.

Видимо, Марк включил все частоты, чтобы они могли переговариваться между собой.

– Ну? – закричал Снейдер.

«По-прежнему никого!» – крикнул Кржистоф в ответ.

– Проклятье! Тогда он побежал куда-то еще. Крюгер! – крикнул Снейдер. – Сообщите полиции, чтобы они перекрыли все выходы в здании! Наш мужчина вооружен и одет в полицейскую форму.

В этот момент зазвонил телефон Снейдера. Он тут же ответил и слушал пару секунд.

– Дерьмо! – бросил он, убирая телефон. – Это была менеджер отеля. Она только что получила сообщение о заложенной бомбе. Полиция должна эвакуировать всех гостей.

«Что будем делать с Фредой Ромбуш?» – по рации в разговор вмешался Хоровитц с нижнего этажа.

– Она останется в номере, так с ней ничего не случится, – решил Снейдер. – Сообщение о минировании наверняка фейк, чтобы вызвать панику.

В этот момент распахнулась дверь, ведущая на пожарную лестницу, и Сабина вскинула оружие. Но в дверном проеме появился всего лишь Кржистоф. Он удивленно огляделся.

– Куда исчез этот тип? На лестничной клетке его не было!

Снейдер жестом велел Сабине и двойнику следовать за ним. Только они дошли до Кржистофа, включилась пожарная сигнализация.

И завывала так громко, что Сабина понимала только обрывки фраз в наушниках.

– Эта сирена тоже фейк! – крикнул Снейдер.

– А если нет? – прокричал Кржистоф.

– Твою мать! – выругался Снейдер.

«Мы должны выйти отсюда!» – прокричал Хоровитц по рации.

– О'кей, – решил Снейдер. – Но спустите Ромбуш на грузовом лифте для персонала. – Он открыл дверь на лестничную клетку. – Мы тоже будем продвигаться вниз, проверяя каждый этаж.

Глава 57

Хоровитц вынул из уха наушник. Пока работала сигнализация, было бесполезно пытаться что-либо разобрать.

– Похоже, наверху была попытка покушения на двойника, которую Немез сорвала! – крикнул он.

– Я ничего не слышала. С ней что-нибудь случилось? – спросила Мартинелли.

– Насколько я знаю, нет.

Настоящая Фреда Ромбуш стояла рядом с Мартинелли и была такая бледная, словно ее вот-вот должно было вырвать.

Только этого нам еще не хватало! – подумал Хоровитц.

– Эта сирена из-за меня? – прохрипела Ромбуш.

– Мы не знаем, – признался Хоровитц. – Мы даже не знаем, настоящая ли это пожарная тревога. В любом случае у нас приказ спустить вас на грузовом лифте.

Мартинелли тут же вытащила служебное оружие, схватила Ромбуш за плечо и потянула к двери.

Хоровитц тоже покатился к выходу, доставая из кармана пиджака электронную карту для лифта. Мартинелли открыла дверь, и Хоровитц выкатился в коридор. Здесь снаружи сигнализация выла еще громче. К тому же царил настоящий хаос, потому что другие гости бежали из своих номеров в сторону пассажирских лифтов. У некоторых с собой даже были наскоро упакованные чемоданы.

Хоровитц подождал, пока стало посвободнее.

– Сейчас! – Он выкатился в проход и поехал в противоположном направлении. В конце коридора в нише находился широкий грузовой лифт.

«Только для персонала! Не использовать при пожаре!»

Хоровитц уставился на табличку. *Забавно! А как люди в инвалидном кресле должны выбраться из здания?*

Он поднес карточку к считывающему устройству и вызвал лифт. Тем временем подоспели Мартинелли и Ромбуш.

– Встаньте за мной! – приказала Мартинелли, и физик прижалась к стене у нее за спиной.

Перед ними открылась дверь еще одного номера, из которого выскочили последние, замешкавшиеся гости и побежали к пассажирским лифтам. Из другого конца коридора донеслись ругательства, потому что лифт, похоже, уже не работал, и люди бросились на лестницу. Затем они остались одни. В коридоре валялись салфетки, пачка сигарет и растоптанная шляпа.

Лифт звякнул, и двери открылись. Мартинелли направила в кабину пистолет.

Пусто.

Это было квадратное помещение без зеркал, красного ковра, золотой арматуры – с простыми жестяными стенами и потолочным светом.

– Заходите! – приказала Мартинелли.

Ромбуш послушалась. Затем в кабину вкатился Хоровитц, за ним последовала Тина.

Хоровитц посмотрел на панель управления и выбрал минус второй этаж с подземным гаражом и входом для поставщиков.

Дверь закрылась, и кабина, дернувшись, поехала. К счастью, здесь внутри сирена звучала чуть тише. Хоровитц снова вставил наушник в ухо и услышал, как Снейдер, Немез и Кржистоф переговариваются между собой. Похоже, они до сих пор не схватили преступника.

– Мы едем в подземный гараж, – сказал Хоровитц в свой микрофон.

«Понял, – раздался голос Крюгера. – Я распоряжусь, чтобы внизу вас забрала машина тактической оперативной группы. Ни в коем случае не покидайте кабину, пока машина не приедет».

– Да, мальчишка! – пробурчал Хоровитц. *Я делаю это не в первый раз.*

Фреда Ромбуш по-прежнему была бледная как полотно.

– Те выстрелы действительно предназначались мне?

На табло Хоровитц увидел, что они доехали до третьего этажа.

– Наверняка, – ответил он. – Каким способом вы пытались уменьшить дозу рентгеновского излучения?

– Что? – В шоке она вытаращила глаза, порывисто дыша. – Вы хотите *сейчас* узнать это от меня?

Первый этаж.

Хоровитц пожал плечами.

– Ну, пока вы еще живы.

– Это... это... это непостижимо! – выкрикнула она, теряя самообладание.

Мартинелли странно посмотрела на Хоровитца, но тот знал, что делает. Когда люди впадали в панику, у них снимались все логические барьеры. Ими начинал управлять страх, и большинство выкладывало все как на духу.

Минус первый этаж.

– Говорите! – потребовал он.

Но Ромбуш упорно молчала. Неожиданно кабина остановилась между минус первым и минус вторым этажами. *Проклятье, почти добрались до цели.* Табло замигало, затем погас свет. Сначала на потолке, а потом отключились и все индикаторы. В следующее мгновение они оказались в абсолютной темноте.

Ромбуш закричала.

– Glostermed искал химическое вещество, которое усиливало бы действие рентгеновского излучения в организме, – в панике выпалила она, будто это Хоровитц все устроил и мог заставить кабину снова двигаться, если она заговорит.

Хоровитц заметил, как Мартинелли рядом с ним попыталась достать из кармана телефон, чтобы хоть немного осветить кабину, но он остановил ее, схватив за руку.

– Дальше! Еще что? – торопил он.

– Больше я ничего не знаю! – закричала Ромбуш. – Субстанцию вводили внутривенно.

– Она действовала так же, как контрастное вещество для КТ или УЗИ?

– Примерно так. Они экспериментировали с различными химическими веществами, чтобы улучшить качество рентгеновских снимков. Больше я ничего не знаю. Вы должны мне поверить!

В этот момент они почувствовали, как кабину тряхнуло. Решетка на потолке задрожала.

– Там наверху в шахте кто-то есть! – воскликнула Мартинелли.

Ромбуш снова панически вскрикнула.

Глава 58

Проклятье, – подумал Хоровитц. Они сидели как мыши в ловушке, в то время как куница кружила вокруг них.

– Свет! – шепнул Хоровитц.

В следующий момент на телефоне Мартинелли вспыхнул фонарик и осветил кабину ярким лучом. Она положила телефон на пол, и обеими руками сжала рукоятку пистолета, нацелив его в потолок.

Хоровитц оттеснил Ромбуш в сторону.

– В угол! – Теперь и он сунул руку за пазуху, достал малокалиберный пистолет и дозарядил его. У него над головой кто-то залез на решетку. Стальные тросы в шахте заколыхались.

Значит, вот как скрылся мужчина! Не по лестнице, а в шахте грузового лифта.

Хоровитц проехал в инвалидной коляске мимо Ромбуш и попытался просунуть пальцы в щель двери лифта, чтобы разжать обе створки.

Без шансов!

Он не смог раздвинуть двери ни на сантиметр. Но даже если бы это ему удалось, только Мартинелли и Ромбуш сумели бы протиснуться через отверстие и спрыгнуть вниз с высоты в пол-этажа.

Хоровитц тоже навел пистолет на потолок.

– Там наверху... – начала было Мартинелли, но резко замолчала.

Хоровитц не услышал выстрела, но увидел вспышку дульного пламени. Тот, кто стоял сверху, выстрелил.

Пуля задела бедро Мартинелли и вошла в пол. Тина вскрикнула, взмахнула рукой и в движении выбила у Хоровитца оружие. Его пистолет ударился о дверь кабины и, упав, заскользил по полу.

В следующую секунду вентиляционная решетка с металлическим скрежетом была вырвана из креплений и полетела внутрь кабины. Она задела Мартинелли, которая, вскрикнув, упала на пол.

В свете дисплея Хоровитц увидел, что острые края решетки порезали ей плечи и лицо. Тина все равно попыталась поднять руку с

пистолетом, когда в следующий момент высокая темная фигура прыгнула сверху в кабину и сотрясла ее.

Мужчина в полицейской форме!

Без колебаний мужчина наступил на решетку, давил на нее ногами, пока зажатая под ней Мартинелли не перестала двигаться. К тому же пуля, задевшая ее по касательной, разорвала брюки на бедре. Кровь текла из раны на пол.

Хоровитц хотел дотянуться до пистолета, который лежал недалеко от него на полу, но мужчина не выпускал его из вида. С холодным профессионализмом он все держал под контролем.

Тут запаниковавшая Ромбуш снова закричала, заглушая даже звук сигнализации. Полицейский вlepил ей пощечину – женщина замолчала, но у нее отказали ноги, и она сползла на пол. Затем мужчина выхватил у Мартинелли из руки пистолет, сунул его за пояс, быстрым движением вырвал у Хоровитца наушник и вставил себе в ухо.

– У меня есть деньги! – заскулила на полу Ромбуш. – Много денег.

Полицейский кивнул, доставая свое оружие из кобуры открытого типа. К стволу пистолета крепился длинный глушитель.

Как можно незаметнее Хоровитц перегнулся через кресло и пошарил рукой по полу. Его собственный пистолет лежал недалеко от него. *Шесть патронов.* И ему потребуются все без исключения, чтобы обезвредить этого огромного парня. Если он вообще успеет выстрелить.

– Мы можем обо всем договориться. У меня есть деньги! – повторила Ромбуш.

Говори подольше! – мысленно побуждал ее Хоровитц.

– Я знаю, – сказал полицейский, – в два раза больше, чем у Ульриха Хирша. И вы используете их и ваше влияние, чтобы полиция, прокуратура и суды замяли дело и скрыли правду.

– Нет, я...

Мужчина поднял оружие и без колебаний выстрелил ей в лицо.

Хоровитц оцепенел. Он почувствовал брызги крови у себя на лбу.

Однако сумел оправиться от шока, все-таки схватил свой малокалиберный пистолет и прицелился в мужчину. Но тот с молниеносной реакцией выбил оружие у Хоровитца из руки, а Хоровитц почувствовал резкую боль в запястье. Пистолет с грохотом

отлетел в стену и снова оказался на полу, на этот раз гораздо дальше. И Хоровитц понял, что Мартинелли и он тоже закончат с пулей в голове.

Наконец изнуряющая сирена замолкла, и снова включилось электричество. Потолочный светильник вспыхнул, и кабина пришла в движение.

Пока ослепленный мужчина на мгновение зажмурился, Хоровитц выкрикнул в микрофон:

– Мужчина в... – Но слово *гараж* он уже не успел произнести.

Полицейский зажал ему рот, другой рукой схватил за рукав и раздавил микрофон пальцами.

Тут кабина остановилась, и перед Хоровитцем разошлись двери лифта. Перед ними находилась секция подземного гаража для поставщиков. Аварийное освещение окрашивало бетонные колонны в желто-красный цвет, людей нигде не было видно. Как и полицейских машин.

Теперь мужчина зажимал Хоровитцу не только рот, но одновременно и нос – большим и указательным пальцем, – так что ему не хватало воздуха. Затем Хоровитц почувствовал, как к виску прижалась холодная сталь глушителя.

– Ни звука! – прошипел мужчина.

Хоровитц застонал. В отчаянии он схватился обеими руками за колеса своей инвалидной коляски и проехал мужчине по ноге. Тот на мгновение отдернул руку – и Хоровитц со всей силы ударил его локтем в пах.

Как только противник скорчился, Хоровитц выкатился из кабины и принялся изо всех сил крутить колеса. За спиной он слышал, как мужчина, спотыкаясь, покинул кабину и последовал за ним, ускоряя шаг.

Хоровитц, как сумасшедший, мчал к рампе, на которую сверху падал дневной свет. Если полицейская машина все же появится, то заедет вниз по этой рампе.

Но машины все не было, а мужчина в следующий момент уже оказался у него за спиной – схватился за инвалидную коляску и так резко развернул ее, что Хоровитца выбросило на пол. Отталкиваясь руками, Хоровитц пополз на спине, волоча за собой парализованные ноги.

– Стоять! – приказал полицейский.

– Я не могу *стоять*, придурок! – огрызнулся Хоровитц.

Проигнорировав оскорбление, мужчина встал перед ним и направил глушитель Хоровитцу на грудь.

– Вы даже не просите пощадить вас?

– Вы еще молоды. В отличие от вас большая часть успешной и полноценной жизни у меня уже позади. Оставшаяся мне безразлична. Взгляните на меня. Мне семьдесят два, и я уже семь лет сижу в инвалидном кресле.

– У вас хотя бы *была* жизнь – а у тех детей нет. – Мужчина положил палец на спусковой крючок, но медлил, видимо не решаясь хладнокровно убить невинного незащитного инвалида.

Хоровитц воспользовался шансом.

– Почему монахиня, Грит Майбах и вы не рассказали нам все сразу, вместо того, чтобы выдавать всю историю маленькими порциями?

– БКА должно было клюнуть и начать расследование.

– БКА начало бы расследовать и без всех этих убийств.

– Чушь собачья! Да кто поверит старой монахине? – брызжа слюной, выкрикнул он. – Что она может сделать одна против концернов? Против боссов преступного мира, министров здравоохранения, авторитетных радиологов, депутатов ЕС и членов наблюдательных советов фармацевтических предприятий, которые могущественнее правительств, даже могущественнее, чем весь гребаный Евросоюз? Все же танцуют под их дудку.

– Тогда я не понимаю, почему вы не убили всех сразу? – так же громко выкрикнул Хоровитц.

– Чтобы БКА было *вынуждено* провести расследование. Но вместо того чтобы допросить Фреду Ромбуш и выяснить всю подоплеку, вы организуете для женщины личную охрану!

– А теперь вы и меня убьете?

Мужчина положил палец на спусковой крючок.

Хоровитц закрыл глаза, затаил дыхание и заметил, как верхняя часть его тела оцепенела. Он даже почувствовал странное покалывание в ногах. Впервые за семь лет. *Именно сейчас! Что за издевательство!*

– Следовало бы, – сказал мужчина, однако медлил. – Но вы еще не все знаете, и моя миссия пока не окончена.

Хоровитц открыл глаза.

– Вы сказали, депутаты ЕС?

Мужчина кивнул.

– Надеюсь, я не пожалею, если оставлю вас в живых.

Однако выстрел все равно прогремел. Хоровитц вздрогнул. *Так громко?* – пронеслось у него в голове. – *Но у него ведь глушитель.*

Раздались новые выстрелы, но Хоровитц не почувствовал боли. А вот полицейский захромал прочь, видимо раненный в бедро.

Перед освещенной кабиной лифта Хоровитц увидел женский силуэт. *Мартинелли!* Она прислонилась к двери кабины, держа в руке его малокалиберный пистолет, и не переставала стрелять, пока полицейский наконец не скрылся за колонной.

– Мартинелли, нет! – крикнул Хоровитц. Затем он повернулся в сторону убегающего: – Остановитесь! Давайте работать вместе!

В следующий момент Хоровитц услышал рев мотоцикла, почувствовал запах выхлопных газов и жженой резины, затем мощная машина промчалась мимо него в сторону выезда. В тот же момент, когда мотоцикл взлетел вверх по рампе, вниз съехал огромный черный автофургон спецназа. За рулем сидел Марк Крюгер. Видимо, в начавшемся хаосе из-за пожарной тревоги и угрозы взрыва ему не удалось организовать свободную полицейскую машину, поэтому пришлось ехать самому.

В ту же секунду распахнулась тяжелая противопожарная дверь на лестницу. В гараж выбежали Кржистоф, Снейдер и Немез.

Отличный тайминг!

Чуть не получив инфаркт, Хоровитц жадно втянул ртом воздух, повалился на спину и устался в потолок, по которому были протянуты вентиляционные трубы.

Справились, называется.

Убийца ушел – а покалывание в его ногах снова прекратилось.

Глава 59

Часа через три Сабина наконец вырвалась от журналистов, она стояла одна на веранде отеля Seaside Resort и смотрела на заходящее вечернее солнце. Рядом с ней на балюстраде лежала рация, подключенная к полицейской волне. Кроме того, в ухе у нее находился наушник, через который она была связана с Марком в автомобиле для прослушки.

Доктор Фреда Ромбуш была мертва, у Хоровитца шок, у Тины ушибы, ссадины, касательное огнестрельное ранение и тяжелые рваные раны, а настоящий полицейский, который должен был принести им в номер камеру, был найден без сознания в бельевой – связанным, раздетым догола и избитым.

Снейдер и я говорили с убийцей! Ты даже стояла лицом к лицу с ним!

У Сабины все еще были ватные ноги.

Как легко они могли умереть – Снейдер, Тина, Хоровитц или она сама. Но этот парень пощадил их, как и того полицейского в бельевой.

После убийства Ромбуш территория отеля кишела полицией, криминалистами, сотрудниками охраны и служб спасения – симпозиум со всеми дополнительными мероприятиями все-таки отменили. К тому же на месте были представители прессы и телевидения, которые не давали Снейдеру прохода.

Сабина слушала по рации сообщения коллег, которые становились все более безнадежными. Киллер ушел, несмотря на перекрытые улицы и операцию с привлечением вертолетов. Мотоцикл нашли несколько минут назад в кювете недалеко от Боденского озера – всего в паре сотен метров от отеля Seaside Resort, – он был спрятан в кустах под зеленым брезентом. Самого мужчины и след простыл.

Это просто немыслимо!

Но хотя бы у них есть следы его крови для сравнения ДНК.

В наушнике у Сабины хрустнуло.

«Снейдер на пути к тебе», – сказал Марк.

– В каком он настроении? – спросила Сабина.

«Я бы не стал рассказывать ему анекдоты про голландцев». – Затем Марк оборвал связь.

Сабина посмотрела в другой конец веранды. Снейдер только что вышел через открытую двустворчатую дверь столовой на улицу, за ним следовали Кржистоф и Хоровитц, инвалидная коляска которого тоже слегка пострадала. Одно колесо было слегка погнуто и ходило восьмеркой.

Снейдер с непроницаемым лицом встал рядом с ней у балюстрады и тоже посмотрел на озеро.

– У Мартинелли все хорошо, учитывая обстоятельства.

Сабина выключила полицейское радио.

– Что это значит?

– Врачи в клинике Констанца обработали порезы на лице. Две раны пришлось зашить, остальное – ссадины и синяки. – У Снейдера заходили желваки.

– А касательное ранение?

– Не зашивали, только перевязали. К счастью, крупные артерии не задеты.

Он немного преуменьшил, но Сабина не стала выяснять подробности. Она снова подумала о том, что киллер пощадил их всех, кроме Ромбуш. Но что-то здесь все равно было странным.

– Почему он не застрелил Ромбуш через вентиляционную решетку? Зачем он спрыгнул в кабину?

Снейдер немного подумал.

– Я тоже задавался этим вопросом.

Она взглянула на Хоровитца.

– Он хотел поговорить с вами?

Снейдер помотал головой:

– Нет, дело не в том. Ему нужно было в подземный гараж к своему мотоциклу – а мы перекрыли лестницу. Этот путь был его единственным шансом.

– И все равно он улизнул от всех нас, – констатировал Хоровитц.

Снейдер кивнул:

– Он точно знал, что делает. Проехал на мотоцикле пару сотен метров, спрятал его под брезентом и, вероятно, на моторной лодке скрылся по озеру в стороне Швейцарии. – Он указал вниз на берег. – Чуть дальше на берегу Рейнштайга^[29] полиция нашла краденую лодку.

Оттуда около двух километров через старый город до соседнего швейцарского городка Кройцлинген.

Проклятье!

Сабина знала, что между обоими практически сросшимися городами не было пограничного контроля. Даже велосипедисты могли спокойно покидать территорию ЕС.

– Как он сумел пройти через все перекрытые улицы? – спросила она.

– Он знает систему, к тому же изнутри. – На лице Снейдера не отразилось никаких эмоций.

– Вы имеете в виду, он один из нас?

Хоровитц кивнул:

– Это был не простой тип. Думаю, из военных или спецслужб.

– Тогда, возможно, это ему принадлежала идея с бамбуковыми ростками, – добавил Кржистоф.

Снейдер сунул себе в рот сигарету и затянулся.

– Я не могу избавиться от ощущения, что откуда-то его знаю... и его голос показался мне таким знакомым.

Описание примет и фоторобот мужчины, составленные по показаниям Снейдера, Сабины и Хоровитца, были давно разосланы. Международный розыск шел уже час.

Снейдер затянулся косячком и прищурился на заходящее солнце, которое подсвечивало воду перед ними изнутри.

– Эти глаза. Я его знаю...

– Он замазал себе родимое пятно под глазом, – напомнила ему Сабина.

– Такое же, как у Грит Майбах? – пробормотал он. – Думаете, он ее брат?

Сабина кивнула.

– Брат-близнец, – уточнила она. – Я долго об этом думала, и, на мой взгляд, существует только такое объяснение.

Снейдер кивнул:

– Тогда наша монахиня родила близнецов. – Он сказал в свой микрофон: – Крюгер? Мы начинаем поиск.

«Разыскная операция БКА?» – раздался голос Марка в наушнике Сабины.

– Не разыскная операция, а просто внутренний поисковый запрос через международные базы данных, – уточнил Снейдер. – Ищем бывшего полицейского, солдата или агента с родимым пятном на лице. Вырос без родителей. Предположительно, в детском доме.

«Возраст?»

– Тридцать семь лет, – с точностью ответил Снейдер. – Если Грит Майбах и наш киллер действительно близнецы, то у него такая же дата рождения. Девятое мая. – Он повернулся к Сабине. – Будет просто смешно, если мы не идентифицируем его в короткое время.

Девять месяцев назад

Через неделю после их первой встречи в монастыре Томас и Грит снова увидели монахиню. *Магдалену Энгельман*. Так ее звали, но в мыслях Томас, как и прежде, именовал ее только монахиней. В отличие от сестры он не мог называть ее *матерью*. Потому что настоящей матерью она никогда не была – ни тогда, ни сейчас. Для него эта монахиня была по-прежнему чужой женщиной. Хотя она родила его и Грит и спасла от пожара – все равно *бросила* их! Грит не хотела это понимать. Сколько бы он с ней ни спорил.

Помимо этого, у Томаса было еще много вопросов к монахине. Поэтому он явился на встречу в Браунау; в кофейне на пешеходной улице чудесного средневекового городка, где мир, казалось, был еще в порядке. У монахини было только полчаса до возвращения в монастырь, но Томасу этого казалось достаточно.

Послеобеденное солнце теплого бабьего лета светило в немые стекла кафе. Несмотря на хорошую погоду, они сидели не на улице, а внутри, в нише для курения. Там они могли спокойно поговорить, в то время как мимо их окна туда и обратно сновали люди.

– Я до сих пор не могу осознать, что сделали с тобой и со всеми другими женщинами, – прошептала Грит. – И с детьми всех этих женщин. – Следующую фразу она произнесла еще тише: – А другие монахини вообще знают, что мы выжили?

Магдалена Энгельман помотала головой.

– Все думали, что вы погибли при пожаре и похоронены под руинами. Так как настоятельница боялась, что ваши тела обнаружат,

парник не отремонтирован до сегодняшнего дня.

Томас помешал длинной кофейной ложкой свой глясе.

– А почему ты нас отдала? – спросил он, проигнорировав предостерегающий взгляд Грит.

Монахиня сохраняла спокойствие.

– Еще за много лет до вашего рождения ходили слухи, что младенцев забирает какой-то детский врач, а через год возвращает их трупы. Сестры много раз видели по ночам автомобиль. В багажнике лежали покрывала. А в них были завернуты голые трупы примерно годовалых детей.

Томас сглотнул.

– И это были *те же самые* дети?

– По крайней мере, мы так думали. Существовали самые дикие предположения, но что бы там ни было, я знала – с вами это не должно случиться.

– А почему... – начал Томас, но получил сильный пинок под столом.

– В том хаосе, который начался в ночь пожара, – продолжала монахиня, – я смогла спрятать вас в прачечной. Я обложила шкаф и дверь бельем, чтобы никто не услышал вашего плача. Вам повезло, что скорая помощь забрала акушерку с сильными ожогами лица в больницу. И прежде чем настоятельница вернулась на следующее утро после встречи с епископом, я отвезла вас в город.

– В твоей монашеской одежде? – ехидно заметил Томас.

Она проигнорировала тон.

– Я одолжила мирскую одежду акушерки.

– А как ты спустилась в долину? Пешком?

– Дай же ей рассказать! – пристыдила его Грит.

Монахиня с нежностью положила ладонь на предплечье Грит.

– У друга моего брата был «фольксваген-жук». Я позвонила ему, и он меня забрал. Мы сразу поехали к детскому приюту в Браунау.

– Но в записке значилось, что сдала детей некая *В. Кронер*, – снова перебил ее Томас.

– Я ведь не могла указать свое настоящее имя. Беременная монахиня? Кто бы мне поверил? Так что я выдала себя за Вивиану Кронер – акушерку, у которой была корзина с младенцами неизвестной матери.

– А почему?..

– Я знаю, что ты хочешь знать, – перебила она его. – Почему вас разделили? – Она вздохнула. – Я боялась, что акушерка не поверит в вашу гибель. Выписавшись из больницы, она могла начать разыскивать вас вместе с тем детским врачом. Поэтому заклинала заведующую приюта спасти вас. Ради вашей собственной безопасности вас должны были разделить и отправить в разные страны. Только так можно было скрыть ваши следы.

– И конечно, она это сделала без лишних вопросов? – перебил ее Томас.

– Я рассказала ей правду. До нее уже доходили кое-какие слухи – но она все равно была шокирована. – Монахиня сделала паузу. – Она помогла мне, иначе вас, как и всех остальных, через год закопали бы где-то на территории монастыря.

Томас задумался.

– Но почему все это происходило?

– Настоящую причину я не знаю, – призналась монахиня.

– Пока, – добавила Грит. – Но я клянусь, что все выясню! Мы лишь должны раскопать пару детских трупов и положить перед дверью газетных редакций. Тогда все станет явным.

Монахиня вздохнула.

– Это не так просто. Трупы зарыты где-то на территории монастыря, но где точно, я не знаю. Некоторые из монахинь постарше на протяжении многих лет незаметно, ночь за ночью, обыскивали земельный участок, но ничего не нашли и в итоге сдались.

– Я найду способ, чтобы это выяснить, – сказала Грит.

Некоторое время никто ничего не говорил, Томас тоже молчал.

– Мы найдем способ, – наконец пробурчал он.

Тут Магдалена подняла голову.

– Вы понятия не имеете, кто за всем этим стоит. Вы сошли с ума, если такое задумали.

– Мы будем трусами, если не сделаем этого, – возразил ей Томас.

Грит кивнула.

Неожиданно между ними возникло какое-то особое единение душ. Ярость и ненависть, которые Томас испытывал к этой худой женщине с серыми глазами и седыми волосами, вдруг исчезли. Вместо этого он снова почувствовал связь с Грит и немного с Магдаленой,

потому что она излучала такое невероятное спокойствие и проявляла несказанное понимание к нему и его поведению. Как только он мог проклинать ее за все то, что она сделала?

– Поговорите сначала с бывшей заведующей детского приюта в Браунау, – посоветовала им Магдалена.

– Зачем? – спросила Грит.

– В ту ночь я слышала крик троих детей, и в корзине лежали не только вы оба.

– Трое? – повторил Томас.

– В ту ночь родился третий ребенок, – кивнула его мать. – Найдите его.

День седьмой
Гаага, Нидерланды
Четверг, 18 мая

Глава 60

Уладив после случившегося на Боденском озере все бюрократические вопросы с уголовной полицией Баден-Вюртемберга, они смогли выехать в Висбаден только на следующее утро около одиннадцати. Все кроме Тины, которая должна была еще остаться под наблюдением в клинике Констанца и последовать за ними вечером. Однако на этот раз они полетели не на вертолете, потому что пилот не мог так долго ждать. Их забрали три автомобиля БКА и доставили в Висбаден.

Почти на протяжении всей поездки Снейдер говорил по телефону с самыми разными людьми. Один разговор неприятнее другого. Хуже всего был звонок ван Нистельрою, который так наорал на Снейдера, что Сабина слышала каждое слово несмотря на шум транспорта. *«На месте была целая толпа полицейских, и все равно преступник радостно убивает свою жертву? Вы что, совсем ни на что не годитесь?»*

Снейдер начал рассказывать про сообщение о минировании и пожарную сигнализацию.

Когда четыре часа спустя они наконец прибыли в Висбаден, Снейдер позволил им сделать короткую передышку и велел затем собраться у него в кабинете на совещание.

Дирка ван Нистельроя на нем не будет, потому что вместе с пресс-секретарем БКА он займется тем, чтобы более или менее правдоподобно объяснить прессе произошедшие события со всеми сложными связями, уходящими в Австрию и Швейцарию. К тому же позже на этот день было назначено заседание Европола в Гааге. Так что Снейдеру одному придется решать, как им действовать в этот последний день.

После того как переоделась у себя в кабинете, освежилась и проглотила в столовой сэндвич с кофе, Сабина в три часа дня вошла в бюро Снейдера. Как она заметила по свежей заутюженной складке брюк, Снейдер тоже поменял костюм и сорочку. Он стоял у открытого окна и курил сигарету. Хоровитц стучал по клавиатуре своего

ноутбука, а Кржистоф ходил туда-сюда по комнате и разговаривал по телефону.

Когда Сабина вошла и села, Снейдер обернулся.

– У нас осталась только половина этого последнего дня, и если киллер будет придерживаться своего плана, то произойдет еще одно убийство.

Кржистоф закончил разговор и опустился на один из стульев для посетителей.

– Могу предложить один след, – устало промямлил Хоровитц. Он был таким же измотанным, как и все остальные.

Мы не сможем никого спасти, – подсказывала Сабине ее интуиция. Из-за самоубийства Майбах в Вене и убийств министра Хирша и доктора Ромбуш все СМИ заинтересовались их расследованием. Теперь они находились под непрерывным наблюдением.

– В чем дело? – Снейдер сурово посмотрел на нее.

– Ничего особенного, – солгала она и взглянула на Хоровитца: – Какой след?

– На сегодняшний день почти никого не осталось в живых из прежних ответственных лиц в отделе радиационных исследований Møerweck & Derwald. Но след так или иначе ведет к Glostermed. – Он открыл папку на экране. – Доктор Лунгстрём был тогда главным биологом фармацевтического концерна. Он должен был знать все о тех исследованиях с младенцами.

– Где нам его найти? – спросил Снейдер. На его лице тоже читались недосып и усталость.

– Не веришь, но он депутат ЕС и сегодня участвует в конгрессе биологов в Гааге.

– Гаага, – повторил Снейдер и раздавил свой косячок о подоконник. То, что этот след вел именно в его родную страну, не очень-то его обрадовало.

Какое интересное совпадение, что в то же время у ван Нистельроя там встреча, – подумала Сабина. Хотя Гаага – где находилось нидерландское правительство – была излюбленным местом для разного рода встреч и как-никак штаб-квартирой Европола.

– Почему финал должен состояться именно там? – спросил Снейдер.

– Киллер говорил о министрах здравоохранения, авторитетных радиологах, членах наблюдательных советов фармацевтических предприятий и *депутатах ЕС*, – подчеркнул Хоровитц.

– Но эти следы могут вести куда угодно, – простонал Снейдер. – Даже если мы сосредоточимся только на директорах Glostermed и руководящих сотрудниках того времени, нам придется организовать личную охрану для десятка людей.

Очевидно, у него закончились идеи – или подвела интуиция. Впервые за все время, что Сабина его знала.

– У меня тоже есть наводка, – неожиданно заявил Кржистоф, который до этого момента только слушал.

– У тебя? – воскликнул Снейдер.

Все удивленно посмотрели на Кржистофа.

– Уже забыли? Я развожу медикаменты по аптекам и больницам. – Он пожал плечами. – И у меня есть свои источники. Когда мы возвращались с Боденского озера, я набрал кое-кого из них, и мне только что перезвонили.

– И что за наводка? – спросил Снейдер.

– Ганновер, – ответил Кржистоф. – Там живет фрау профессор Вандергаст, бывшая руководительница отдела развития и медицинских исследований в Glostermed, которая в 70-х годах отвечала за так называемый эксперимент со световым полем.

Снейдер наморщил лоб.

– Эксперимент со световым полем?

Кржистоф пожал плечами.

– Абсолютно секретная информация, никто не знал, что это было. Позже Вандергаст была членом наблюдательного совета в различных компаниях, и теперь ей уже девяносто.

– Девяносто? – переспросил Снейдер. – Только не говори мне, что она все еще работает и тоже делает доклады.

Кржистоф помотал головой.

– Она живет в пансионате для престарелых.

Снейдер задумчиво кивнул:

– О'кей, на этот раз я не буду устраивать ловушку для киллера. Будем действовать ломом, – решил он. – Это значит, мы затребуем для Лунгстрёма, Вандергаст и десятка других возможных жертв личную охрану.

– Это не проблема, – сказала Сабина, молчавшая до сих пор. – Но для Лунгстрёма нам нужна нидерландская полиция.

– Я знаю!

Да, что за гребаное дерьмо, – подумала Сабина. После одного совместного дела, которое два года назад привело их со Снейдером в Роттердам, она знала, что местная полиция не особо жаловала Снейдера.

– Я об этом позабочусь. – Снейдер достал из кармана телефон и нажал на кнопку быстрого набора. – Один гудок, второй. – Крюгер, у вас что-нибудь есть? – спросил он.

«Момент... я уже на пути к вам», – услышала Сабина жестяной голос Марка из динамика.

Без комментариев Снейдер оборвал разговор.

Они подождали. Наконец раздался стук в дверь, и вошел Марк. В руке он держал стопку распечаток, из которых по одному листу раздал Снейдеру, Кржистофу, Хоровитцу и Сабине.

Сабина взглянула на цветную фотографию мужчины, с которым столкнулась в Констанце, в сьоте 750. *Ты смотри!* На этот раз без макияжа и с красным родимым пятном под глазом.

– Вы были правы, – сказал Марк. – Та же дата рождения, что и у Грит Майбах, вырос без родителей, правда, в приюте в Регенсбурге. Три года назад был уволен из вооруженных сил. До этого он был...

– ...В БКА! Томас Шэффер. – Снейдер щелкнул пальцами. – Я же говорил, что его знаю! – воскликнул он. – Много лет назад он был студентом в Академии БКА. Тогда носил бороду – вероятно, чтобы скрыть родимое пятно. Посещал курс по профайлингу, но только три семестра.

– Правильно, – подтвердил Марк. – В молодости начал обучаться в БКА, но затем выбрал карьеру в армии.

– Бывший солдат, – нерадостно пробормотал Кржистоф. Очевидно, как бывший польский солдат, он знал, что это означало.

– Я его тогда обучал... – пробормотал Снейдер.

– Почему только три семестра? – спросила Сабина.

– Он был многообещающим кандидатом, даже одним из лучших, поэтому я... – Снейдер помассировал виски, словно пытаясь собрать обрывочные воспоминания, – был к нему строже, чем к другим. Я хотел отшлифовать его и превратить в брильянт. Но, очевидно, это не

пошло ему на пользу. Он не сдал итоговый психологический тест и покинул БКА незадолго до окончания курса.

– Вероятно, по этой причине монахиня хотела говорить только с вами, – сказала Сабина.

– Что? – Снейдер поднял на нее глаза. Похоже, он все еще витал мыслями где-то в облаках.

– Он вырос без родителей. Очевидно, вы значили для него больше, чем предполагали, – были для него своего рода фигурой отца, – уточнила Сабина. – Поэтому его мать была убеждена, что может говорить только с вами. Похоже, он больше никому не доверял.

Снейдер провел рукой по наметившейся щетине на подбородке.

– Вот дьявол! А мы не знаем, по кому он нанесет удар в следующий раз. – Взгляд Снейдера наконец прояснился. – Мартинелли сказала, что, возможно, ранила его в бедро.

– Из моего малокалиберного пистолета, – подтвердил Хоровитц. – При известной сноровке он уже давно сам вырезал себе пулю и проглотил пачку обезболивающих.

Снейдер вопросительно взглянул на Марка.

Тот помотал головой:

– Ни из одной больницы не поступало сообщения о пулевом ранении.

– Проверьте и нидерландские клиники, – распорядился Снейдер. – Возможно, он уже на пути в Гаагу.

– То есть на конгресс, – заметил Хоровитц.

Снейдер кивнул.

– Поэтому ты останешься здесь и организуешь личную охрану для бывших руководителей Glostermed.

– А остальные? – спросила Сабина.

– Наши наводки – это либо Гаага, либо Ганновер. Мы разделимся на две группы. – Снейдер взглянул на нее. – Кржистоф и я полетим в Гаагу, а вы и Крюгер займетесь биологом в интернате для престарелых. – Он подошел к своему письменному столу, открыл папку, достал глянцевую фотографию последних татуировок и положил перед ними на стол.

Hell7.

Сабина и Марк переглянулись, затем посмотрели на фотографию. Седьмая и последняя фотография не имела смысла. Что это должно

было означать?

Hell Seven?

Седьмой круг ада?

Глава 61

Согласно объявлению пилота, Снейдер и Кржистоф должны были приземлиться по расписанию в аэропорту Схипхол в Амстердаме, третьем по величине в Европе, – и у Снейдера каждый раз начинались спазмы желудка, когда он думал о невероятных толпах людей на километровых эскалаторах и пассажирских конвейерах.

Он так спланировал полет, чтобы они отправились тем же рейсом, что и Дирк ван Нистельрой со своей секретаршей и двумя телохранителями, которые сопровождали его в этой поездке.

Ван Нистельроя ожидали на заседании Европола в качестве приглашенного спикера. Пока он отшлифовывал свою речь на ноутбуке, а секретарша со своего планшета снабжала его статистическими данными, Снейдер выпил томатный сок с перцем, солью, табаско и внушительным количеством водки и затем попытался вздремнуть, что ему, однако, не удалось, потому что Кржистоф постоянно докучал ему плоскими полицейскими шутками.

Спустя час и десять минут полет наконец-то закончился, и, пока ван Нистельрой ждал багаж у транспортной ленты, Снейдер и телохранители забрали свое служебное оружие у таможенников. Так как они задекларировали провоз, пистолеты и магазины прилетели тем же рейсом в специальном ящике.

Затем они покинули зал прилета и поймали такси. Расставаясь, Дирк ван Нистельрой с беспокойством посмотрел на наплечную кобуру у Снейдера под пиджаком.

– Что такое? – буркнул Снейдер.

– Нидерландская полиция в курсе нашего дела, доктор Лунгстрём и конгресс биологов проинформированы, – подчеркнуто тихо сказал ван Нистельрой. – Пусть этим займутся коллеги, держись в стороне и только наблюдай. Ты знаешь, они тебя...

– Спасибо, что напомнил, но я и сам не выношу этих *godverdomden Idiooten*^[30].

Ван Нистельрой кивнул со вздохом, затем он и его сопровождающие сели в такси, которое должно было доставить их в

Гаагу. Кржистоф и Снейдер взяли следующую машину. Их цель находилась на противоположном конце города: конгресс биологов.

Конгресс-холл – современное стеклянное строение в форме ярко освещенного вытянутого летящего блюдца – располагался недалеко от порта Схевенинген. Повсюду висели баннеры, посвященные *Science and Research in Modern Biology*^[31]. Все напоминало церемонию вручения «Оскара». Красная дорожка, черные лимузины, толпа журналистов и, разумеется, демонстранты с плакатами и транспарантами, которые, как всегда, протестовали против подобных конгрессов.

Снейдер даже не пытался прочитать все слоганы против опытов над животными и разбазаривания денег налогоплательщиков. *Если бы они знали, что кроме этого творится!*

Вместе с Кржистофом он протиснулся сквозь толпу людей и подошел к огражденной зоне, где показал охраннику свое удостоверение, и тот проводил их к полицейскому.

Тот, в свою очередь, провел Снейдера и Кржистофа через боковой вход в крыло Конгресс-холла, где были размещены VIP-гости. Докладчики пользовались привилегией жить прямо рядом с Конгресс-холлом и попадать в него по стеклянному переходу.

Здесь тоже повсюду стояли охранники. Хотя это скорее было связано с демонстрантами, чем с предупреждением ван Нистельроя о возможном покушении на убийство. Подобное воспринимают всерьез только после того, как что-то случится.

В лаунж-зоне сидело несколько референтов, как Снейдер мог судить по бейджам на блейзерах и пиджаках. Официантка предложила Кржистофу и ему кофе, выпечку и закуски, но Снейдер от всего раздраженно отказался. Словно мир вокруг был в порядке, здесь пахло пирогами, кексами и кофе, а из динамиков раздавалась парализующая синтезаторная музыка, которая, видимо, должна была успокаивать, но заставляла Снейдера еще больше нервничать.

– Я хотел бы поговорить с доктором Лунгстрёмом! – в очередной раз повторил Снейдер начальнику полиции, который только что появился.

– Сначала присядьте и возьмите себе...

– Свои закуски можете засунуть себе куда подальше, – прошипел Снейдер на нидерландском. – У меня за плечами крайне напряженная

неделя, нервный перелет с идиотскими полицейскими шутками, – которые, по моему опыту, к сожалению, были пугающе реалистичными, – и утомительная поездка на такси. И пока мы бездельничаем за кофе и пирогами, где-то, возможно, готовится покушение на убийство.

Полицейский сохранял спокойствие.

– В ходе демонстраций мы регулярно получаем...

– Забудьте про демонстрации! – перебил его Снейдер. – Речь идет о покушении на убийство, которое планирует бывший солдат бундесвера, слетевший с катушек. Фото мужчины мы вам уже прислали. Мы знаем возможную цель – доктор Лунгстрём, и с ним я хотел бы сейчас поговорить, что достаточно важно, если ваше ценное время это позволяет.

Полицейский проигнорировал циничный тон Снейдера и глубоко вздохнул.

– Доктор Лунгстрём находится в здании, но в настоящий момент занят.

– Принимает порорасширяющую ванну у себя в номере?

– Он на важном совещании с организаторами и спонсорами. Его ожидают здесь... – мужчина взглянул на наручные часы, – через час. Затем у него первый доклад.

– Через час? – фыркнул Снейдер. – Тогда сразу готовьте мешок для трупа и убедительные объяснения для семьи.

– Не переживайте, доктор Лунгстрём поговорит с вами. Он уже проинформирован о вас.

Идем прямо сейчас к Лунгстрёму, – казалось, говорил взгляд Кржистофа, но Снейдер покачал головой. *Как по мне, так этот конгресс вообще должен быть отменен,* – подумал он. Только не ему здесь решать!

– Когда его совещание закончится, сразу сообщите мне. Но действительно сразу! А до того времени организуйте для него личную охрану.

– Уже сделали – все хорошо. Вот ваши бейджи посетителей – пожалуйста, прикрепите их так, чтобы они были видны, – и магнитные карты с доступом во все зоны этого здания. Меня уже проинформировали о ваших специальных методах работы, как вы

полтора года назад гонялись за киллером по Роттердаму. Ситуация тогда вышла из-под...

Снейдер резко оборвал его:

– Никогда не критикуйте расследование, в котором сами не участвовали!

Мужчина заскрипел зубами.

– Будьте на этот раз немного сдержаннее – и не испытывайте нашу готовность идти вам навстречу.

Без дальнейших комментариев Снейдер взял карты, передал Кржистофу его бейдж, а свой сунул в карман. Он точно не станет прокалывать иглой нагрудный карман пиджака.

Мужчина приподнял бровь, но выдал только «*Goe-dendag!*»^[32] и исчез.

Высокомерный нидерландский говнюк! – подумал Снейдер, глядя ему вслед.

– О чем ты говорил с этим типом? – осторожно спросил Кржистоф, который, видимо, мало что понял из быстрого и эмоционального разговора на нидерландском.

– Я вежливо попросил о встрече с Лунгстрёмом.

– Ты это называешь вежливо? – У Кржистофа округлились глаза. – Ну, может, по твоим меркам. – Он помахал рукой, затем огляделся. – Думаешь, эти элегантные люди будут против, если я возьму один бутерброд?

Снейдер сделал великодушный жест рукой:

– Угощайся.

Через полчаса – в течение которых публика в лаунж-зоне дважды полностью сменилась и Снейдер несколько раз уточнял, по-прежнему ли приставлена к Лунгстрёму личная охрана, – наконец появился пожилой невысокий мужчина с животиком, говорящем о благосостоянии.

Благодаря имеющимся у них фотографиям, Снейдер тут же узнал в нем доктора Лунгстрёма. Под шестьдесят, редкие светлые волосы, неудачно зачесанные на пробор, рыжеватые бакенбарды, двойной подбородок, узковатый черный смокинг, желтая бабочка, желтые лакированные туфли и очки в желтой оправе. Тип напоминал циркового клоуна.

Дайте мне оптический прицел, и я собственноручно грохну его.

Снейдер толкнул Кржистофа локтем в бок.

– Это он. Идем!

Кржистоф открыл глаза.

– Что?

– Ты здесь для того, чтобы спать или работать? – спросил Снейдер.

– Не знал, что могу выбирать, – ответил Кржистоф и устало огляделся.

Снейдер ничего не сказал. Они поднялись и пошли навстречу Лунгстрёму.

Тот раздраженно закатил глаза, когда увидел направляющегося к нему Снейдера.

– Это вы из полиции?

– Немецкое федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена, – ответил Снейдер и не стал показывать клоуну свое удостоверение. – Где ваша личная охрана?

Лунгстрём прищелкнул языком.

– Я хотел взглянуть на распоряжение судьи, которого, разумеется, не было, поэтому объяснил им, что мне не нужны паяцы и весь этот детский сад, – сказал он по-немецки. – Я уже много лет являюсь гостем на этих конгрессах и знаю отель, холл и все подсобные помещения, как карман своей жилетки. Я полжизни здесь провожу. И каждый год выходят демонстранты, которые думают, что должны...

– Господин Лунгстрём, – перебил его Снейдер. – Мы...

– *Доктор* Лунгстрём! – исправил его мужчина с надменной улыбкой.

Снейдер заметил, как Кржистоф непроизвольно вздрогнул рядом с ним. Снейдер сделал глубокий вдох и выдох. *Сохраняй спокойствие*, – подумал он, но решил действовать иначе.

– А теперь внимательно слушайте меня, вы, шут гороховый! – проорчал он. – Я знаю, что вы сделали, а через несколько часов об этом узнает и весь мир.

Лунгстрём вызывающе поднял подбородок.

– А именно?

– В 70-е годы вы, будучи главным биологом Glostermed, проводили эксперименты над живыми младенцами, – выдавил

Снейдер. – Ввиду этого факта я считаю позором настаивать на звании доктора.

Лунгстрём едва заметно сглотнул, но в следующий момент снова собрался и продолжал играть роль надменного невозмутимого ученого, будто ничего не случилось.

– Знаете, я слышу подобную чушь не в первый раз. Эти голословные обвинения вы можете обсудить с моими адвокатами. Они будут рады стереть вас и ваших шутников из БКА в порошок. Но если вы считаете, что мне необходима охрана, можете приклеиться к ноге. – Он кивнул в сторону буфета. – Сейчас я съем там бутерброд, который разрешаю вам попробовать до меня, затем пойду в туалет, где вы можете смыть за мной, потом освежусь и направлюсь на свой первый доклад. Но пожалуйста... *пожалуйста*... – он сложил руки перед лицом, – сделайте мне одно одолжение, господин Шнейдер, не садитесь в первый ряд, чтобы мне не пришлось видеть ваше невежественное лицо во время доклада.

– Упс... – вырвалось у Кржистофа.

Дайте мне острый нож, и я прикончу его прямо здесь – незаметно и быстро, – подумал Снейдер, прищурился, но промолчал. Появись в этот момент в лаунж-зоне Томас Шэффер, Снейдер отвернулся бы в сторону и отвел глаза в надежде услышать хлопок из оружия с глушителем.

Но Шэффер не появился, когда был так нужен.

После того как Лунгстрём развернулся и направился к бутербродам, Кржистоф подошел к Снейдеру.

– А я всегда думал, что *ты* говнюк. – Затем он понизил голос. – Мне разделаться с ним?

– Нет, но позаботься о том, чтобы у нас были места в первом ряду, – прошептал Снейдер.

Через пять минут они последовали за Лунгстрёмом из лаунж-зоны вниз по лестнице на цокольный этаж, а оттуда в длинный коридор, который вел в Конгресс-холл. Через стеклянную крышу проникал только тусклый сумеречный свет, и переход освещался напольными лампами, как взлетная полоса. *Еще несколько часов, и этот день тоже закончится.*

По дороге в зал Лунгстрём свернул к туалетам.

– Зайди с ним внутрь и проверь, все ли чисто, – шепнул Снейдер Кржистофу.

– Чисто?

– Ты знаешь, о чем я!

Кржистоф последовал за врачом. Тем временем Снейдер заглянул в коридоры, которые паутиной расходились из этой точки. На информационной доске были указаны пути к различным конференц-залам. Только что навстречу ему прошла пожилая дама с чемоданом на колесиках, направляясь в сторону лаунж-зоны.

Если бы я планировал покушение, то совершил бы его здесь! – пронеслось в голове у Снейдера. Несколько возможностей для побега и даже четыре выхода наружу. Один вел на парковку, другой в подземный гараж, третий в плохо освещенный дворик для курения и последний – на прилегающую улицу со стоянкой такси. Мимо проехала машина, и свет от ее фар проник в стеклянный коридор и многократно отразился в настенных элементах.

За дверью, которая вела к стоянке такси, торчали двое полицейских спиной к Снейдеру. Невольно он подумал о том, что в прошлый раз Шэффер переоделся в полицейскую форму.

А кто вообще сказал, что Шэффер один? Может, у него есть сообщник и они действуют вдвоем.

Снейдер осторожно подошел к двери, держа руку на рукоятке пистолета в кобуре, и сзади приблизился к полицейским. В другой руке он держал магнитную карту, которой провел по считывающему устройству, – электрическая дверь запищала и открылась.

Оба полицейских обернулись.

Снейдер убрал руку с пистолета. Ни один из них не был Шэффером. Правда, они двигались с такой медлительностью, что за это время Шэффер смог бы их легко обезоружить и убить.

– БКА Висбадена. Сейчас здесь пройдет гость конгресса, на которого, возможно, планируется покушение, – сказал Снейдер и показал обоим фотографию Шэффера. – Высматривайте этого мужчину.

– Нам уже показывали эту фотографию, – сообщил один из них.

– Другим вашим коллегам тоже?

– Да, всем.

– Но я все равно хотел бы видеть больше сотрудников службы безопасности в этом переходе, – несмотря на свою ярость, Снейдер пытался говорить вежливым тоном. – Это возможно?

– Да, мы немедленно передадим.

Снейдер кивнул, затем зашагал обратно к туалетам. И услышал, как за спиной захлопнулась дверь.

Он чувствовал себя бибиситтером, который должен был сам обо всем позаботиться. Недовольно покосился через стеклянную дверь на дворик для курения. Там в матовом свете фонаря рядом со скамейками стояли цилиндрические пепельницы.

Не сейчас. Потерпи.

Когда они переживут этот день, он вернется в Германию и обкурится у себя дома. На диване в своей гостиной, рядом устроится его бассет Винсент, которого он будет чесать за ухом, – и тогда забудет все, что за последние дни узнал о детях, монастырях, врачах, радиационных исследованиях и фармацевтических концернах.

Тут из мужского туалета раздался глухой звук, будто что-то ударило о стену кабинки. Прежде чем мозг Снейдера успел это по-настоящему зарегистрировать, он уже держал в руке «глок».

– Кржистоф? – крикнул он и оттянул затвор, подавая первый патрон в патронник.

Ответа не последовало!

Снейдер распахнул дверь, вошел в туалет и огляделся. Перед ним была большая комната с многочисленными зеркалами, умывальниками и яркими люминесцентными лампами, свет которых отражался в белом кафеле и золотых аксессуарах. С одной стороны писсуары, с другой – кабинки.

– Лунгстрём? Кржистоф? – крикнул Снейдер.

Держа пистолет наготове, Снейдер ногой открыл первую кабинку. Дверца с грохотом ударилась о стену.

Никого.

Вторая и третья кабинки тоже были пустыми. Но прежде чем Снейдер успел пнуть четвертую дверь, он уже почувствовал металлический запах крови.

Осторожно носком ботинка он толкнул дверь – на полу в красной луже лежал Кржистоф, зажимая ладонью сонную артерию, но кровь

лилась у него между пальцами, видимо, из глубокой раны или пореза. К тому же поляк сплевывал кровь.

Похоже, дело было плохо. У Снейдера сжалось сердце.

Времени вызывать скорую не было. Он положил оружие на пол, снял пиджак и сорвал с себя наплечную кобуру. Затем схватил рулон туалетной бумаги, отвел руку Кржистофа в сторону и, прижав рулон к ране, затянул кожаный ремень кобуры ему вокруг шеи.

Потом снова схватился за пистолет.

– Можешь дышать?

Кржистоф моргнул.

– Ты должен сказать Майе, что...

– Это ты ей сам скажешь, – перебил его Снейдер. – Все не так страшно, – солгал он. – Ты выживешь. – Стоя на коленях в луже крови, он поднял ноги Кржистофа на унитаз. Но тут Кржистоф схватил его за руку. Он хотел что-то сказать, но Снейдер приложил палец ему к губам. – Лунгстрём мертв?

Кржистоф помотал головой.

– Это был Шэффер?

Кржистоф кивнул.

– Я должен передать тебе... – прохрипел Кржистоф, и Снейдер не стал его перебивать, – что у тебя есть время до полуночи... ты должен прийти один.

– Что? – Снейдер был сбит с толку, но в то же время у него появилась надежда. Если Шэффер передал ему это сообщение, то рана Кржистофа не могла быть смертельной. Будучи солдатом, Шэффер должен был знать, куда и как нужно наносить удар ножом, чтобы человек остался в живых.

Снейдер схватился за пистолет.

– Где он ждет?

– У... – веки Кржистофа затрепетали, затем его голова откинулась набок.

Снейдер проверил у него пульс – пусть слабый, но тот был. Он быстро вытащил из кармана брюк телефон и набрал 112.

Сети не было.

Нужно выйти на улицу! Снаружи стояли двое полицейских, которые могли вызвать скорую помощь быстрее, чем он.

– Держись! – сказал Снейдер, хотя Кржистоф вряд ли его слышал. Затем он вскочил и ринулся из кабинки и туалета.

С сотовым в одной руке и пистолетом в другой выбежал в коридор. Оба полицейских все еще стояли за дверью спиной к нему. Когда Снейдер добежал до них, в конце другого длинного пролета он увидел двух мужчин. Высокого худого черноволосого парня в темном костюме и Лунгстрёма, которого нельзя было ни с кем спутать из-за его желтых ботинок. Они наверняка были уже на расстоянии ста метров. Высокий мужчина держал Лунгстрёма под руку – так ходят пьяные, подпирая друг друга. Но для пьяных они передвигались слишком быстро. Еще пара шагов, и они исчезнут за дверью, ведущей на парковку.

Снейдер взглянул на свой телефон. Здесь он ловил лучше. Нажал повторный набор, придавил сотовый щекой к плечу, достал из кармана бренок зажигалку и швырнул ее в стеклянную дверь, чтобы привлечь к себе внимание полицейских.

Затем обернулся и прицелился из пистолета в спину высокого мужчины, который наверняка был Шэффером. *А если нет?* Снейдер помедлил. *Это должен быть он!* Если не повезет, то он промахнется, а если не повезет еще больше – попадет в Лунгстрёма.

Хотя зажигалка с грохотом ударилась о стеклянную стену и полицейские уже открыли дверь, ни высокий мужчина, ни Лунгстрём не обернулись. Наоборот, они только ускорили шаг.

Значит, это точно Шэффер!

Снейдер нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела гулким эхом отозвался в коридорах. Снейдер не стал рисковать и выстрелил мимо. Пуля попала в стену.

– Алло, чем я могу вам помочь? – наконец раздался голос в трубке.

Снейдер хотел выстрелить еще раз, уже точнее, но почувствовал сильный удар в плечо. Затем кто-то пнул ему под колено и повалил на пол.

Полицейские!

– Идиоты! – закричал Снейдер, когда один из них заломил ему руку за спину, а другой с силой выдернул пистолет. Телефон выпал и заскользил по полу.

Прежде чем Снейдер успел возмутиться, какие же тупые оба полицейских, он услышал, как один передал по радиации на нидерландском:

– Мы взяли преступника!

Снейдер поднял глаза. Это были совсем другие сотрудники.

Новая смена!

– Нужно вызвать скорую помощь, – выдавил он, лежа лицом в пол. – В туалете тяжелораненый человек!

Глава 62

Вскоре после того, как Снейдер и Кржистоф уехали в аэропорт, Сабина с Марком отправились на ее машине на Центральный вокзал Франкфурта, а оттуда на междугороднем экспрессе в Ганновер. Поездка на поезде длилась всего два с половиной часа – на машине они добирались бы вдвое дольше. Кроме того, в дороге им нужно было еще кое-что сделать.

Устроившись в отдельном купе, которое они забронировали для себя, Сабина первым делом организовала личную охрану для профессора Вандергаст. Ганноверская полиция хотя и удивилась, когда услышала о возможном покушении на девяностолетнюю старушку в интернате для престарелых, но тут же направила туда команду спецназа, чтобы защитить женщину.

В начале девятого вечера Марк и Сабина наконец-то добрались до места. Они поднялись по лестнице к входу интерната – современной постройки со стеклянными фасадами и крупными светлыми элементами. Заходящее вечернее солнце отражалось в стеклах, так что здание излучало особое спокойствие и умиротворение. Правда, перед автоматической входной дверью по рекомендации Сабины стояли два спецназовца с автоматами. *Зачем рисковать?*

Сабина предъявила свое удостоверение, после чего мужчины хотели пропустить ее и Марка, но она остановилась – в то время как стеклянная дверь продолжала открываться и закрываться.

– Были какие-то проблемы? – спросила она.

Полицейский повыше, с автоматом в руке и наушником в ухе, помотал головой.

– Пока что произошел только крайне драматичный случай защемления межпозвоночной грыжи, одну даму стошнило после ужина, а мужчина упал перед лифтом со своим роллатором. – Сообщая все это, сотрудник и бровью не повел. Казалось, он издевался над Сабиной.

– Не относитесь к этому так легкомысленно, – посоветовала ему Сабина. – В Констанце один из ваших коллег был тяжело ранен.

Мужчина сжал губы и без комментариев проглотил все, что у него вертелось на языке.

– Вы получили фотографию Томаса Шэффера? – спросил Марк.

Оба мужчины кивнули.

– Нам всем прислали его фото на телефон, – сказал другой коллега. – Если он здесь появится, это станет его последней ошибкой.

Не будьте такими самонадеянными!

– Я знаю, вас это ужасно раздражает, но смотрите в оба, это в ваших собственных интересах, – еще раз напомнила Сабина и вошла с Марком в здание.

Перед ними протянулся просторный холл, и, хотя все выглядело таким новым и приветливым, Сабина все равно почувствовала запах больницы и лекарств.

Их тут же встретила заведующая – пятидесятилетняя женщина в спортивных брюках и футболке с Че Геварой, с очками в распущенных волосах и с сияющим, натянуто-любезным выражением лица.

Сабина еще раз показала свое удостоверение.

– Мы хотели бы поговорить с фрау профессором Вандергаст.

Заведующая кивнула.

– Хотя она уже приняла свои лекарства, но еще не спит.

– Она знает, что мы придем?

– Поверьте мне, это не важно и ничего бы не изменило.

Сабина насторожилась.

– Что вы имеете в виду?

– Просто пойдете со мной. – Женщина развернулась и направилась к лестнице.

Пока они следовали за заведующей, Марк взглянул на Сабину и губами проартикулировал «девяносто лет». Держа в одной руке ноутбук, указательным пальцем другой он покрутил у виска, намекая, что профессор Вандергаст не в себе.

– Я, конечно, не знаю, о чем идет речь, но... – заведующая не договорила фразу, поднимаясь по ступеням.

Сабина не отреагировала на скрытый вопрос, а лишь сказала:

– Да?

– ...но фрау профессор Вандергаст у нас уже почти семь лет, с тех пор как открылось это заведение. Она всегда была спокойной незаметной милой женщиной.

– Ее часто навещают?

Заведующая снисходительно улыбнулась.

– У нее никогда не было детей, и родственников тоже не осталось. Когда доживаешь до такого возраста, то и из друзей почти никого больше нет.

– Может, бывшие коллеги? – спросила Сабина. – Она была руководительницей отдела развития одного концерна, и, возможно, у нее еще есть контакты в этой сфере. Все-таки в свое время она получила много призов и наград.

– Поверьте мне, в таком возрасте все это больше не в счет. Время так бежит, почти никто не помнит прежних заслуг.

Печальное окончание жизни. Но в этом вся суть ее непостоянства.

Они поднялись на третий этаж и прошли по коридору, сквозь стеклянный фасад которого виднелся погруженный в оранжевые сумерки ганноверский Старый город с его сияющими фонарями, городскими электричками и автобусами. Странный предзакатный свет царил под темно-синим небом, которое все более угрожающе накрывало город.

Во всем здании было наверняка более пятисот постояльцев. Некоторые обитатели медленно проходили им навстречу со стаканчиком в руке и газетой под мышкой. Сабина и Марк проследовали мимо кофейной зоны и наконец добрались до телезала. Перед ним тоже стоял полицейский с автоматом, которому Сабина без комментариев предъявила свое удостоверение. В рации у него щелкнуло.

Затем Сабина вошла в помещение. Повсюду были расставлены стулья и украшенные цветочными композициями столы, а на стене работал телевизор. Вообще, Сабина рассчитывала, что телезал будет полон и по телевизору будет идти «Холостяк», немецкая версия «Звезд ломбарда» или подобная передача, но в темном помещении на стуле сидела одна-единственная женщина и смотрела вверх на экран. Она с интересом следила за одним из выпусков игры-викторины «Погоня», которую Сабина с сестрой тоже с удовольствием раньше смотрели.

Но так поздно?

Сабина взглянула на настенные часы над входом.

– Эта передача ведь не выходит в такое время? – спросила она заведующую.

Та улыбнулась.

– Это запись. Старая кассета профессора Вандергаст. Она обожает эту передачу и уже несколько месяцев смотрит один и тот же выпуск.

– Один и тот же выпуск? – повторила Сабина. Тут она заметила, что изображение на мониторе немного подрагивало.

– В этой передаче участвовала племянница ее бывшей соседки, – объяснила заведующая.

Сабина наблюдала за дамой, которая как замороженная смотрела на экран. Ее мутные глаза блестели, сухие губы беззвучно шевелились, а покрытые старческими пятнами руки неконтролируемо дрожали. *Возможно, первые признаки Паркинсона.* Несмотря на стоявшую внутри жару, женщина была одета в вязаную кофту, а на коленях у нее лежала подушка. На столике рядом с ней стояла чашка чая и миска с печеньем.

– Профессор Вандергаст потеряла память несколько месяцев назад, – объяснила заведующая, не понижая голоса.

– Но племянницу своей соседки она помнит? – прошептала Сабина. – У нее Альцгеймер?

Заведующая кивнула:

– Тяжелая деменция.

– Может, у нее все же бывают моменты просветления и она вспоминает что-то о работе? – с надеждой спросила Сабина.

Заведующая покачала головой.

– Такого не было уже несколько месяцев. И с каждой неделей ей становится только хуже. К тому же у нее метастазы по всему телу. В таком состоянии химиотерапия невозможна, как и облучение.

Это прозвучало как плохая шутка. *Она много лет занималась радиационными исследованиями – и в итоге такое!*

– Тогда что она вместо этого получает? – спросил Марк.

– Морфий.

Сабина с грустью рассматривала женщину, которая прозябала в этом заведении для престарелых без родственников, друзей и сюрпризов в жизни – просто дожидаясь неминуемого конца.

– Не имеет смысла с ней говорить, – заметила заведующая.

– Я все равно хочу попробовать.

Сабина задернула шторы в комнате, что давно должен был сделать мужчина с автоматом, чтобы этот зал не просматривался с

противоположного здания повыше. Затем пододвинула стул и поставила его рядом с профессором Вандергаст.

– Можно мне присесть?

Вандергаст не отреагировала. Только улыбка скользнула по ее лицу, когда ведущий пошутил и публика засмеялась.

Сабина села.

– Я обожаю «Погоню», – сказала она. – Мой любимчик – Всезнайка.

– А мой – Библиотекарь, – пробормотала Вандергаст, не отрывая взгляда от экрана.

– Да, он тоже хорош. Вообще, мне все нравятся.

– Мне тоже, – прошептала Вандергаст. Наконец она повернула голову в сторону и посмотрела на Сабину, и Сабина заметила, как ее взгляд начал медленно фокусироваться. – Ты моя дочь?

Глава 63

К счастью, перед Конгресс-холлом дежурили две машины скорой помощи на случай инцидентов во время демонстраций. Одна из них отвезла Кржистофа в университетский медицинский центр в Лейдене.

Снейдер понятия не имел, как у того дела, и, сидя в наручниках в глухом кабинете где-то на территории Конгресс-холла, мысленно казнил себя за то, что вообще втянул Кржистофа в эту историю.

Впрочем, в колонии Вайтерштадт Кржистоф уже давно прикончил бы аптекаря-педофила и получил пятнадцать лет за убийство.

Правда, сейчас Снейдер задавался вопросом, что лучше. Умереть от ножевого ранения в шею в надежде на посмертную награду от БКА или сидеть в десятиметровой камере с телевизором и видеофильмами с Джейн Сеймур.

Между полицейскими допросами Снейдеру позволили сделать один звонок. Он выбрал секретаршу Дирка ван Нистельроя, которая как раз до смерти скучала на заседании Европола. Она должна была позаботиться о том, чтобы Кржистоф получил хорошую медицинскую помощь и БКА взяло на себя больничные расходы.

Секретарша пообещала немедленно этим заняться, а потом передала трубку ван Нистельрою. И с этого началась вся неразбериха!

Через тридцать минут – Снейдер по-прежнему сидел один – дверь распахнулась и в кабинет вошел Дирк ван Нистельрой. Без комментариев он сел за стол напротив Снейдера. Его бабочка сидела криво. Он ничего не говорил, но его желваки работали, как будто он пытался разгрызть кусок железа.

– Избавь меня от нравоучений! Я знаю, что мое служебное оружие отправится в нидерландскую камеру вещественных доказательств – опять, – сказал Снейдер. – Но на это у нас сейчас нет времени.

Ван Нистельрой действительно не стал устраивать ему головомойку. Вместо этого положил руки на стол и откашлялся.

– Я говорил с нидерландской уголовной полицией. Очевидно, Томас Шэффер скрылся, взяв доктора Лунгстрёма в заложники. Его разыскивают. Все стоянки такси, аэропорты, автобусные и

железнодорожные вокзалы, станции метро и пригородные электрички находятся под наблюдением.

Снейдер рассерженно покачал головой.

– Они не там ищут. Его там нет.

– А *ты*, конечно, знаешь, где он? – язвительно спросил ван Нистельрой.

– Да, ты должен с ними поговорить – меня они не слушают.

– Меня тоже, – выдавил ван Нистельрой через сжатые губы. – Они хотят как можно скорее избавиться от нас – в чем я даже не могу их винить.

– Ты серьезно?

– Вместо того чтобы действовать в одиночку, ты должен был вызвать подкрепление.

У Снейдера перехватило дыхание.

– У меня не было другого выбора!

– Думаешь, это кого-то интересует? – повысил голос ван Нистельрой.

– Если им удастся от нас избавиться, то Лунгстрём умрет, а Томас Шэффер навсегда исчезнет, – выдавил Снейдер. – Я вижу только одну возможность: избавь меня от нидерландской полиции, достань мне оружие, и я разберусь с Шэффером и спасу Лунгстрёма.

– Забудь об этом! – перебил его ван Нистельрой.

Снейдер подвинулся вперед на край стула и понизил голос, на случай если их прослушивали.

– Я знаю, как мыслит Шэффер. Я его обучал, затем он был в армии. Он работает, как часовой механизм.

Ван Нистельрой помотал головой.

– Он мог убить Лунгстрёма, но не стал. Это была его самая большая ошибка.

– Он не совершает ошибок, – возразил Снейдер. – Он оставил Лунгстрёма в живых, потому что хотел, чтобы я последовал за ним.

– И куда?

– Это знает Кржистоф.

– Его как раз оперируют.

Снейдер сжал руку в кулак.

– Полагаю, Шэффер ждет меня у гаагского яхтенного причала.

– С чего ты так решил?

– На мой взгляд, существует только эта возможность, – размышлял Снейдер. – Предположительно, оттуда он хочет незаметно скрыться по морю или вдоль побережья. Там десятки лазеек, которые полиция не может проверить. А через свои или бывшие военные источники Майбах он отлично проинформирован о различных контрабандных маршрутах наркотиков.

– Чушь! – возразил ван Нистельрой. – В Констанце он уже ушел на лодке по воде. Самое главное правило при побеге: ломай свой шаблон поведения и никогда не повторяйся!

Снейдер ударил кулаком по ладони.

– Именно по *этой* причине Шэффер снова так сделает, – прошипел он. – Потому что никто на это не рассчитывает.

Желваки ван Нистельроя снова заходили. Наконец он прищурился.

– Значит, яхтенный причал.

Снейдер кивнул.

– Там пришвартовано больше всего лодок, – прошептал он. – Быстрые моторные яхты с компасами, навигаторами, радарам и рацией, сигнальными ракетницами и всевозможными интернациональными флагами. Для человека со знаниями Шэффера – просто рай. К тому же на каждой лодке есть медицинская аптечка: он, вероятно, ранен и должен регулярно менять повязку, потому что Мартинелли подстрелила его в Констанце.

У ван Нистельроя задергалось веко, словно он взвешивал все факты, говорившие за или против размышлений Снейдера. Наконец он помотал головой.

– Пусть это и неплохая идея, но нидерландскую полицию она не убедит. – Он поднялся. – Игра закончилась. Я должен отстранить тебя от службы и отвезти в Висбаден.

Снейдер холодно взглянул на него.

– Ты шутишь.

– Нет. – Ван Нистельрой подошел к двери и постучал, после чего в кабинет вошли двое нидерландских полицейских.

Ван Нистельрой подписал несколько формуляров, затем ему выдали загранпаспорт Снейдера. Его служебное оружие останется в Гааге.

Тем временем телохранители ван Нистельроя взяли Снейдера под стражу и под громкие протесты вывели из здания наружу, где уже ждал длинный лимузин. К счастью, коллеги не стали надевать на него наручники.

Через несколько минут вышел ван Нистельрой в сопровождении двух местных полицейских и начальника полиции, с которым Снейдер говорил до этого в лаунж-зоне. Тот передал ван Нистельрою какие-то документы и смерил Снейдера надменным взглядом а-ля «*Я так и думал*».

Снейдер удержался от комментария.

– Дирк, ты совершаешь ошибку! – попытался он еще раз. – Шэффер на...

– Закрой рот! – прикрикнул на него ван Нистельрой и закончил последние бюрократические формальности. Затем мужчины пожали друг другу руки, и нидерландские коллеги удалились.

Телохранители запихнули Снейдера на заднее сиденье лимузина, затем сами забрались в машину, последним устроился ван Нистельрой. Тут Снейдер заметил, что в салоне сидит и секретарша ван Нистельроя. Кроме того, у них был шофер – тот завел мотор, и они выехали с территории Конгресс-холла.

– Дирк, мы должны объяснить нидерландской полиции, что... – закричал Снейдер.

– Да помолчи ты наконец! – урезонил его ван Нистельрой, затем похлопал шофера сзади по плечу. – К гаагскому яхтенному причалу.

Снейдер с удивлением посмотрел на него.

– Я думал...

– Меня не интересует, что ты думал, – перебил его ван Нистельрой. – К тому же ты не единственный, кто умеет комбинировать.

– Что с банкетом после заседания Европола? – спросила секретарша своего шефа.

– Я сделал свой доклад, и мне плевать на ужин и пустой треп у буфета с закусками, – сказал ван Нистельрой. – Если будут звонить, попросите меня извинить. Официально мы едем в аэропорт, но вне протокола мы сейчас схватим убийцу.

– Мы? – повторил Снейдер.

– Ты правильно услышал. – Ван Нистельрой щелкнул пальцами. – Пуленепробиваемые жилеты и ваше служебное оружие! – приказал он, и оба телохранителя сняли свои пиджаки.

– Ты же не собираешься вместе со мной устроить в порту охоту на Шэффера? – запротестовал Снейдер.

– Именно!

– Ты с ума сошел? Ты ведь президент БКА! – снова возразил Снейдер. – Это слишком опасно! – Он посмотрел на секретаршу ван Нистельроя: – Отговорите его!

Та закатила глаза, но ничего не сказала.

– Мартинелли в больнице, Немез и Крюгер в Ганновере, Кржистофа ты только что потерял, а Хоровитц тебе сейчас все равно не сможет помочь, – ответил ван Нистельрой и указал на своих телохранителей. – Своих людей я не могу впутывать за границей... хм... в полулегальную операцию. А вот чем я занимаюсь – это *мое* дело!

Полулегальная – мягко сказано.

– Я не могу принять твою помощь. Позволь мне сделать все одному, – уговаривал его Снейдер.

– Я тебе нужен! Как в старые времена, тогда в Нидерландах, – сказал ван Нистельрой, снял пиджак и надел жилет. – Мы схватим Лунгстрёма, и он предстанет перед судом – это наш единственный шанс.

– Ладно, как в старые времена, – наконец согласился Снейдер, тоже надел жилет и затянул сверху наплечную кобуру.

Глава 64

Ох, – вздохнула про себя Сабина. Сначала она хотела возразить – Нет, я не ваша дочь, а следователь из БКА, – но потом послушала свой внутренний голос и сказала:

– Да, я твоя дочь.

Сабина взяла худую костлявую руку профессора Вандергаст и крепко ее сжала. Глаза Вандергаст увлажнились. Казалось, маленькие заржавевшие шестеренки в ее мозгу возбужденно завращались в поисках информации об этой неизвестной дочери.

Возможно, она всегда мечтала иметь дочь, – подумала Сабина. – Или, может, даже была беременна и либо отдала ребенка, либо потеряла. По опыту собственной бабушки, – которая была больна деменцией и до самой смерти жила на ферме в Баварии, – Сабина знала, что в возрасте снова возвращались старые мечты, детские и юношеские воспоминания. Также всплывали, казалось, давно забытые проблемы, которые срочно требовали решения, – что в случае этого поколения, которое пережило Вторую мировую войну и непростое послевоенное время, было особенно понятно.

Как бы то ни было, Сабина решила, что будет играть новую роль, пока Вандергаст хочет в это верить, хотя, возможно, с терапевтической точки зрения такое поведение было сомнительным. Но эту женщину все равно уже нельзя было вылечить. Ее накачанное морфием тело было полно метастазов, и скорая смерть станет для нее, вероятно, спасением.

Марк встал сзади так, чтобы Вандергаст не могла его видеть, и прислушивался к разговору.

– Как у тебя дела, мама? – спросила Сабина.

– Ах, боже мой, совещания такие утомительные. Все постоянно чего-то от меня хотят. Вчера шел дождь, и крыша протекла. Все было мокрое. Приехали пожарные...

– Дождь? – Сабина покосилась на заведующую интерната для престарелых, но та покачала головой.

– Тебе нравится еда здесь? – спросила Сабина.

– Сегодня мы были в итальянском... – она искала подходящее слово.

– Ресторане? – предложила Сабина.

– Да, а на завтра я забронировала столик в «Хилтоне». – По лицу Вандергаст скользнула улыбка. – Candle Light Dinner^[33]. О... – Она хотела подняться. – Я должна закрыть окно в кабинете.

– Я уже закрыла. – Сабина погладила ее по руке. Действительно, говорить с Вандергаст об исследованиях Glostermed не имело смысла. В ее сознании все перепуталось.

После того как викторина закончилась, Марк перемотал видеокассету в начало. Все вместе они посмотрели передачу второй раз, и Вандергаст комментировала ответы кандидатов.

Через какое-то время зазвонил мобильный Сабины. Не теряя зрительного контакта с Вандергаст, она сунула руку в карман и передала телефон Марку.

Тот ответил на звонок. Сабина слышала, как он несколько раз сказал *да, нет и спасибо*, а затем закончил разговор. Он сунул телефон в нагрудный карман и шепотом сообщил Сабине, что звонил Снейдер.

– Томас Шэффер чуть было не попался в Гааге. Сейчас они едут к яхтенному причалу. – Затем показал большой палец, давая понять, что все в порядке.

Сабина с облегчением опустила плечи. Это означало, что жизнь Вандергаст была вне опасности.

Марк вопросительно кивнул на свои наручные часы. Он хотел прервать этот разговор, но Сабина помотала головой.

– Я еще побуду с тобой, мама, – громко сказала она.

Междугородние экспрессы уходили во Франкфурт пока что каждые полчаса. Они никуда не торопились, и Сабина хотела воспользоваться временем, чтобы побыть с этой женщиной.

Марк кивнул – хотя и без одобрения – и на несколько минут исчез с заведующей. Правда, вернулся, неся в руках поднос с кофе и печеньем. Они принялись за угощение, и все это время Сабина пыталась завести с Вандергаст разумный разговор. Но получала только путаные и несвязные ответы.

Затем они посмотрела «Погоню» в третий раз, и, когда снова прозвучал вопрос: «У мужчины было семь дочерей, а у каждой дочери по одному брату. Сколько детей было у мужчины?» – Вандергаст

неожиданно повернулась в кресле и в замешательстве посмотрела на Сабину.

– Да? – спросила Сабина. – Ответ – восемь: семь дочерей и один сын.

– Ты не моя дочь! – ни с того ни с сего заявила Вандергаст.

Сабина пыталась сохранять спокойствие.

– Это правда, – ответила она и поставила все на карту. – Ваша дочь умерла. В младенчестве, и похоронена вместе со многими другими в розарии одного урсулинского монастыря.

Сабина зафиксировала реакцию на лице Вандергаст, но так же краем глаза заметила, что заведующая хотела вмешаться. Но Марк тут же встал у нее на пути.

– Речь идет о важном расследовании множества убийств, – прошептал он. – Нам необходима свобода действий.

Сабина услышала тяжелый вздох заведующей и тут же снова обратилась к Вандергаст:

– Вы ведь экспериментировали над младенцами в вашем исследовательском отделе, верно?

У Вандергаст округлились глаза, во взгляде появился страх, а затем всплыли воспоминания.

– Младенцы...

Глава 65

Лимузин доехал до яхтенного клуба Схевенинген. Машина с работающим мотором остановилась перед шлагбаумом, и шофер протянул охраннику в открытое окно удостоверение ван Нистельрой. Но это не помогло, так как у них не было ни лодки на причале, ни разрешения на вход на территорию. За шлагбаумом стояла патрульная машина с двумя полицейскими, которые контролировали доступ на причал – жалкая мера, чтобы найти Шэффера.

Тем временем Снейдер и ван Нистельрой бежали, пригнувшись, вдоль забора метрах в ста от автомобиля.

– Видишь! Что я тебе говорил, – прохрипел ван Нистельрой. – Их не пропустят.

– Да, отличный план, – буркнул Снейдер. – Тут в заборе дыра.

В этом месте не работал уличный фонарь и не было дорожных камер.

Совпадение?

Если Шэффер проник на территорию, то, возможно, здесь или в подобном месте. Порт был большим, возможностей достаточно. Во всяком случае, уже интенсивно пахло рыбой, водорослями и ракушками, а издали доносился шум прибоя.

Снейдер и ван Нистельрой пролезли в дыру и, все так же пригнувшись, побежали по траве, пока не добрались до асфальтированной дорожки за кустами, которая вела к пирсам. Там в ряд расположились роскошные яхты, как жемчужины на нити. Сочная желтая луна отражалась в волнах, в некоторых лодках еще горел свет.

– Здесь сотни кораблей, – простонал ван Нистельрой. – Что мы ищем? Если он вообще здесь, а давно не сбежал в Бельгию, в то время как труп Лунгстрёма плавает где-то в воде.

– Сегодня последний день, – напомнил Снейдер. – Он не уйдет, пока не доведет дело до конца.

– И где нам искать? – повторил ван Нистельрой.

– Он хочет, чтобы его нашли *мы*, а не нидерландская полиция, – размышлял Снейдер. – Значит, он должен был выбрать путь, который

мы сможем понять. Наверняка он исходит из того, что мы наизусть знаем его личное дело и способны поставить себя на его место.

– И как? Ты знаешь его личное дело наизусть?

– Нет, конечно.

– А, черт побе... – воскликнул было ван Нистельрой, но проглотил конец фразы.

– Тихо! – шикнул Снейдер, достал телефон и набрал какой-то номер.

Луна освещала влажные лоснящиеся доски перед ними. Нежный туман парил над водой, и волны мягко ударялись о деревянные столбы. Где-то чуть дальше в море плескалась рыба.

Пока шли гудки, они ждали у парусной лодки. В нескольких метрах находились портовые туалеты и душевые, а также аптека, и чуть дальше – несколько ресторанов, пара даже были открыты. Оттуда доносились голоса и звон бокалов.

– Кому ты звонишь? – прошептал ван Нистельрой.

– Хоровитцу. – Снейдер подождал. Когда тот наконец взял трубку, Снейдер не дал ему сказать ни слова. – Слушай! У нас мало времени. У тебя под рукой личное дело военнослужащего Шэффера?

– Момент, – пробормотал Хоровитц, – не могу доехать до письменного стола быстрее: моя коляска вихляет, будто я скатился на ней по ступеням Сакре-Кёр.

Снейдер услышал пиканье открывающегося документа.

– Что тебе необходимо? – спросил Хоровитц.

– Поищи в данных Шэффера что-нибудь связанное с морем, побережьем, яхтами или парусными лодками. – Снейдер услышал стук по клавиатуре. – Ну как, нашел что-нибудь?

– Момент... он служил солдатом в Кувейте, это в Персидском заливе, снайпером в Судане на Красном море и в Ливии на Средиземном море. Кроме того, на борту Care Ray он участвовал в операции в восточной части Средиземного моря, во время которой было уничтожено сирийское химическое оружие.

На такую обширную морскую идиллию Снейдер не рассчитывал.

– У него когда-нибудь была лодка?

– Нет, по крайней мере, здесь не указано.

– Права на управление судном?

– Да, даже шкиперская лицензия, но лодка на его имя не зарегистрирована.

– Дом на озере?

Стук по клавиатуре.

– Нет.

– Круизы или отпуск на море?

Снова стук клавиш.

– Насколько я здесь вижу, только в горах. Очевидно, он любитель Альп.

– Так мы не продвинемся вперед, – выдавил Снейдер. – Мне нужны зацепки, которые помогут нам найти на яхтенном причале определенное место или лодку. – Он представил себе растерянное выражение лица Хоровитца и быстро добавил: – У Шэффера есть татуировки? Морские мотивы? Украшения? Какие-нибудь намеки на корабли или лодки?

– Отрицательно, – ответил Хоровитц, – хотя я сомневаюсь, что это было бы указано в личном деле военнослужащего.

– У него есть друзья, связанные с водой? Спасатели, капитаны, гребцы, судостроители, пловцы, водолазы, рыбаки, инструкторы по плаванию?

Хоровитц застонал.

– Я ничего здесь не нахожу. Дело достаточно тонкое.

– Это ж надо, – пробормотал Снейдер. Возможно, он ошибся. – Про родственников спрашивать бесполезно, потому что он вырос в приюте...

– Верно. Хотя, подожди... мне кое-что бросилось в глаза, – пробормотал Хоровитц.

– А именно? – Снейдер раздраженно взглянул на наручные часы. Одиннадцать вечера – оставался всего час отведенного им срока, затем седьмой день истечет, труп Лунгстрёма всплывет где-нибудь, и след навсегда будет потерян.

– Майбах и Шэффер – дети монахини, – начал Хоровитц. – Значит, Зено Энгельман – дядя Шэффера.

– И что?

– Может, Зено и Шэффер контактировали?

– И что? – повторил Снейдер.

– Разве Кржистоф тебе не рассказал?

– Что именно? Нет! Кржистоф сейчас в реанимации.

– Ох! – Хоровитц был поражен. – Когда Кржистоф и я разговаривали с Зено в Марбурге, он рассказал нам, что всегда хотел наняться на норвежское рыболовецкое судно и поплыть от Ставангера через острова Шпицберген до Арктического океана на ловлю крабов.

– Рыболовецкое судно! Это оно! – Снейдер оборвал разговор и убрал телефон в карман брюк. – Мы ошиблись местом, – сказал он ван Нистельрой. – Нам нужно к причалу, где стоят рыболовецкие лодки. – Он уже хотел направиться в другую сторону, но ван Нистельрой удержал его за рукав.

– Подожди, мы не ошиблись.

– С чего ты взял?

– Он сам нас нашел. – Ван Нистельрой указал на красную лазерную точку у себя на груди.

Снейдер замер. Стараясь не вертеть головой, он поискал источник лазерного луча и нашел его в нескольких сотнях метров в конце одного пирса.

– Не доставай пистолет из кобуры, – прошептал он. – Шэффер наверняка использует прибор ночного видения на своем оптическом прицеле и наблюдает за каждым нашим шагом, с тех пор как мы тут появились.

– Я и не собирался палить как сумасшедший, – ответил ван Нистельрой. – Очевидно, он хочет, чтобы мы пришли к нему.

С дико колотящимся сердцем Снейдер двинулся вперед. Ван Нистельрой последовал за ним.

– У тебя сейчас хорошая возможность развернуться, – предложил Снейдер.

– Забудь! Если ты напортачишь, я всегда смогу заявить, что ты сбежал, а я тебя здесь поймал.

Они зашагали вдоль набережной, удаляясь от ресторанов, и прошли мимо электроцита для лодок, крана, заправочных колонок с газом и дизелем, а также контейнеров для утилизации отработанного масла и туалетных баков. Затем они ступили на покачивающийся на воде плавучий причал, который выводил в открытое море.

– Ты прав, что он хотел с тобой поговорить, – согласился ван Нистельрой.

– Почему ты сейчас так решил?

– В противном случае он уже давно бы нас пристрелил.

– Это так же утешительно, как змеиный укус, – прошептал Снейдер, хотя ему вовсе не нужно было говорить шепотом, потому что они и так были одни. Все яхты в этой части порта стояли в темноте. Только красный свет лазера иногда вспыхивал над водой. Они упорно шли за светом к его исходной точке.

– Ты можешь незаметно достать свой телефон? – спросил ван Нистельрой.

– Нет. И я не стал бы пытаться на твоём месте – Шэффер обучен на снайпера.

Причал разветвился и сузился. Наконец они добрались до его края. Под ногами о дерево бились волны. Здесь, в стольких метрах от суши, была пришвартована одна-единственная большая яхта. Devil of the Seas^[34] – в лунном свете Снейдер сумел разглядеть название на борту. *Промахнулись мы со своей теорией о маленьком рыболовецком судне.* Позади лунный свет отражался от выступающих волнорезов, а еще дальше в темноте мигали красные и зеленые буи на границе фарватера.

Наверняка Шэффер уже замкнул накоротко системы на борту и мог за секунды завести мотор Devil of the Seas, чтобы скрыться. К тому же он непременно удостоверился, что собственники не появятся этой ночью на борту, – а, возможно, ночуют в отеле где-то далеко от берега.

Когда они остановились на краю пирса рядом с яхтой, с верхней рубки до них донесся голос:

– Если к нам кто-то приблизится – не важно, на суше или на море, – Лунгстрём умрет, а я скроюсь.

Хотя Снейдер видел только силуэт мужчины, он узнал голос Шэффера. Тот же голосовой регистр, только на этот раз немного взволнованный.

– Я это понял. Мы здесь одни, – заверил его Снейдер.

– Кто ваш сопровождающий?

– Дирк ван Нистельрой, мой шеф.

– Он отстранит вас от дела, а БКА получит указание скрыть все доказательства.

– Нет, этого не случится. Вы можете ему доверять, он на нашей стороне. – Снейдер сделал паузу. – Лунгстрём еще жив?

– Да. – Ствол винтовки лежал на плексигласовой облицовке кокпита, и лазерная точка целилась Снейдеру в грудь. – Бросьте ваши пистолеты в воду, – потребовал Шэффер.

– Я не могу.

Лазерная точка угрожающе переместилась на грудь ван Нистельроя.

– Бросайте!

– Мы не можем этого сделать, – теперь сказал и ван Нистельрой. – Мы полицейские. И не расстанемся с оружием. Но я обещаю вам, что мы не притронемся к нему, пока будем благоразумно говорить – тогда со всеми нами и с доктором Лунгстрёмом ничего не случится. Это мое предложение. Оно более чем справедливое, и на большее вы не можете рассчитывать.

Шэффер раздумывал. Наконец он сказал:

– Согласен. Но держите руки внизу и не делайте резких движений.

Снейдер сделал глубокий вдох и выдох. Его плечи медленно расслабились.

– Мы уже знакомы с вами. Вы были моим студентом. Почему не пришли ко мне? – спросил Снейдер. – Зачем все эти ужасные убийства?

– Вы уже выяснили, что сделали с моей матерью.

– Мы могли бы все обсудить, – добавил Снейдер.

– Вы, как и я, отлично знаете, что вам никогда не поручили бы официального расследования. Вас бы заставили замолчать, – ответил Шэффер. – А сейчас вы уже почувствовали, что за всем этим стоит и как далеко простираются щупальца спрута.

– Да, я уже понял, но это было бы возможно и без всех этих трупов, – настаивал Снейдер.

– О нет! – возразил Шэффер. – Вы сами рассказывали нам в академии историю про лягушку. Помните?

Да, черт возьми. Идиотская история про лягушку была притянута за уши, но Снейдер понял намек. Он лишь кивнул. Между тем его глаза настолько привыкли к темноте, что ему казалось, он видит ствол винтовки с оптическим прицелом, за которым стоял Шэффер.

Ван Нистельрой взглянул на Снейдера.

– Какая история про лягушку?

– Если бросить лягушку в горшок с кипящей водой, она тут же выскочит, – ответил Шэффер вместо Снейдера. – А если посадить лягушку в холодную воду и постепенно нагревать ее, то лягушка умрет, потому что не заметит этого и останется сидеть в воде.

– И что? – спросил ван Нистельрой, который, очевидно, не понял морали.

– Если бы я вывалил БКА сразу всю информацию, следователи отказались бы от дела и ничего бы не предприняли, – интерпретировал Шэффер. – А если втянуть в историю такого человека, как Снейдер, так, чтобы он сначала не знал, какие масштабы примет дело, он не отступится, потому что с определенного момента просто не может иначе. – Он сделал паузу. – Тогда вы называли это *техникой небольших манипулятивных шагов*.

Ван Нистельрой вопросительно посмотрел на Снейдера. Тот кивнул, затем взглянул на Шэффера.

– Но сравнение неудачное, потому что для этого не нужны были убийства.

– Вы же не верите, что раскрыли бы все это без убийств? – крикнул Шэффер.

Снейдер промолчал. Возможно, Шэффер был прав. Но сейчас было уже слишком поздно, и они никогда это не узнают.

– Я не настроен на психологический сеанс с вами, – ответил Снейдер. – Я хочу поговорить с Лунгстрёмом.

Красная точка снова переместилась к Снейдеру и замерла у него на груди.

Неужели Шэффер действительно выстрелит? Он не был слетевшим с катушек киллером, иначе убил бы Мартинелли, Хоровитца и Кржистофа. И тем не менее рискнет всем, чтобы довести до конца свою безнадежную миссию.

Снейдер прикинул, успеет ли вытащить пистолет из кобуры, дозарядить его, прицелиться в силуэт Шэффера и нажать на спусковой крючок. *Минимум две секунды*. За это время Шэффер выстрелит пять или шесть раз. Три в него – в плечо, грудь и голову, – а потом в ван Нистельроя. Наверняка оружие у него с глушителем. В конце прикончит Лунгстрёма пулей в голову, выбросит труп за борт и обратится в бегство по морю. Вероятно, у Шэффера есть счета за

границей, чтобы скрыться в стране, которая не выдает преступников в Германию, Австрию, Швейцарию или Нидерланды.

Куба, Мальдивы, Гватемала или Филиппины, – спонтанно пришло Снейдеру в голову. Вероятно, Гватемала, потому что там есть высокие горы.

– Лунгстрём! – повторил Снейдер.

– Хорошо, – наконец согласился Шэффер. – У вас ровно сорок минут, чтобы до полуночи убедить меня, что Лунгстрём и все остальные, кто был связан с убийством детей, попадут в СМИ и предстанут перед судом.

– Тогда не будем терять времени, – поторопил Снейдер.

Шэффер сделал шаг в сторону.

– Поднимайся!

Снейдер услышал стон. Затем появился Лунгстрём. Снейдер узнал его по черному смокингу и желтой бабочке, которая переливалась в лунном свете. Тот с трудом поднялся на ноги. По его неловким движениям Снейдер заметил, что руки у него связаны впереди.

Резким движением Шэффер сорвал у него со рта клейкую ленту с кляпом.

Лунгстрём втянул воздух, закашлялся и вцепился обеими руками в релинг. Затем посмотрел вниз на пирс. И очевидно, узнал Снейдера.

– Спасите меня! – выкрикнул он.

Что это вдруг!

– Где вы были? Этот мужчина сумасшедший! – добавил Лунгстрём.

Снейдер сжал кулак. *Из-за тебя Кржистоф, возможно, никогда не выйдет из больницы!* Пора начинать выставлять счета – людям, из-за которых он терял свое время.

В этот момент Снейдер заметил, насколько у него мало мотивации спасти жизнь этому типу. Но Лунгстрём знал все факты о покровителях и закулисных фигурах, и только из-за этого он *должен был* пережить сегодняшнюю ночь.

– И что сейчас? – спросил ван Нистельрой.

– Вы задаете вопросы, Лунгстрём отвечает, – сказал Шэффер. – И если у меня появится ощущение, что он говорит неправду, я выстрелю ему в ногу.

– Что? – заверещал Лунгстрём. – Что это значит? Добрый полицейский, злой полицейский? Вы надо мной изде...

Раздался приглушенный хлопок. Доски закрипели, в разные стороны полетели щепки, и в следующий момент Лунгстрём страдальчески вскрикнул.

Снейдер пытался наблюдать за сценой без эмоций. Очевидно, Шэффер держал в другой руке пистолет, из которого только что выстрелил Лунгстрёму в ступню. *Жаль красивые желтые ботинки.* Но не трагично, учитывая, что могло случиться в следующий момент.

– Хватит орать! – пригрозил Шэффер. – Иначе следующая пуля угодит тебе в икру или колено.

Снейдер услышал, как Лунгстрём сжал зубы и, хрипя, проглотил свою боль.

– Почему Glostermed проводил эксперименты с младенцами? – быстро спросил Снейдер, пока еще что-нибудь не случилось.

Лунгстрём молчал.

Шэффер вдавил ствол пистолета врачу в спину.

– Давай отвечай!

– Мы исследовали рентгеновские лучи, – ответил Лунгстрём.

– Почему с *младенцами*, подонок! – крикнул Снейдер. – В этом вопрос.

– Мы больше не могли работать с клеточными культурами. Для следующей фазы исследований в качестве объектов для опытов нам были нужны живые организмы со здоровыми кровеносными сосудами.

– И почему именно *младенцы*, а не взрослые люди? – спросил Снейдер.

Лунгстрём молчал, но Шэффер так сильно вдавил ему ствол в спину, что тот вскрикнул.

– Потому что с молодыми радиочувствительными тканями можно было быстрее получить результаты.

– Дальше! – подгонял Снейдер.

– В отличие от более взрослых людей костный мозг у младенцев содержится еще во всех костях, поэтому химические контрастные реагенты оседали лучше. Для исследования это было на вес золота.

– Это был эксперимент со световым полем?

– Да, его часть. Младенцев было легче достать, легче использовать и легче утилизировать. В этом вопросе руководство

концерта не церемонилось. Речь шла о миллиардной прибыли!

У Снейдера внутри все сжалось; чем дольше он слушал Лунгстрёма, который говорил о детях, как о товаре, который можно было заказать и доставить на грузовике в желаемом количестве, тем хуже ему становилось. Он пытался истолковать тень на лице Шэффера. Если Лунгстрём будет продолжать в таком же холодном расчетливом и безэмоциональном тоне, Шэффер мог просто нажать на спусковой крючок – и тогда все кончено.

Правда, если Лунгстрём *не будет* говорить, ему тоже конец. Тупиковая ситуация.

Снейдер глубоко продохнул.

– А почему вы не тестировали контрастное вещество на мышах?

– На мышах? – прыснул Лунгстрём. – Вы вообще знаете, что это означает?

– Нет, объясните мне.

– После скандала с «Контерганом» в начале 60-х годов все знают, что медикамент может работать для беременной шимпанзе, но не для человека, – объяснил Лунгстрём. – Мы должны были перестраховаться.

Что за подонки!

– Мы уже знаем, что только часть младенцев была из монастыря, – вмешался в разговор ван Нистельрой. – Откуда другие младенцы? Кто стоит за всем этим?

– Я не знаю.

Раздался хлопок, и Лунгстрём вскрикнул.

– Я правда не знаю! – закричал он.

Очевидно, Шэффер выстрелил ему в другую ногу.

– Мы понятия не имели, откуда материал. Я клянусь. Я был всего лишь главным биологом; профессор Вандергаст была руководительницей отдела развития Glostermed. Она должна это знать! Поговорите с ней.

– Этим сейчас как раз занимаются мои коллеги, – заверил Снейдер, хотя сообщение предназначалось скорее для Шэффера, чтобы тот сохранял спокойствие.

– Дело давно погашено давностью, – возмутился Лунгстрём.

– Убийство не имеет срока давности, – снова включился в разговор ван Нистельрой. – Но генеральная прокуратура, возможно,

предложит вам сделку. У вас сохранились документы с тех пор?

– Glostermed их полностью уничтожил в начале 80-х, когда выяснилось, что разработка безопасных рентгеновских лучей невозможна.

– Это плохо, – холодно произнес ван Нистельрой. – Для вас!

– По крайней мере, назовите нам имена ваших коллег и руководителей, – настаивал Снейдер.

– Что это вам даст? Те, кто знал об эксперименте со световым полем, будут все отрицать.

– Говори! – приказал Шэффер, и Лунгстрём сумбурно выдал фамилии и должности, которые пришли в голову.

Фамилий было больше, чем рассчитывал Снейдер, и гораздо больше, чем он опасался. Среди них некоторые высокопоставленные личности из высшего общества. Наконец Лунгстрём, тяжело дыша и охрипнув, замолчал.

– Теперь передайте его нам! – потребовал ван Нистельрой.

– Есть еще кое-что. – Шэффер продолжал держать винтовку в руке и лазером целиться Снейдеру в грудь. Однако он отложил пистолет и свободной рукой принялся что-то печатать на телефоне.

Дисплей загорелся и осветил резкие черты лица Шэффера. Снейдер слышал тихое пиканье, в следующий момент в кармане его брюк зажужжал сотовый.

– Сообщение от вас? – спросил он.

– Да, – ответил Шэффер. – Можете его открыть.

Снейдер застыл на месте.

– Откуда у вас мой номер?

– С вашей старой визитки.

Карточка, которая была у монахини.

– И что вы мне прислали? – спросил Снейдер.

– Я записал нашу небольшую беседу с Лунгстрёмом. И только что отправил копию вам и в редакции пяти самых крупных информационных агентств.

Сейчас было уже все равно. После самоубийства Майбах пресса все равно стояла у них над душой.

– Я сейчас достану свой телефон, – предупредил Снейдер, собираясь потянуться к карману брюк.

– Доставайте, – велел Шэффер и свободной рукой повернул ключ зажигания рядом с джойстиком.

В следующий момент мотор яхты начал кашлять. Лодку затрясло, она выпустила облако выхлопного газа, и вода вспенилась.

Он хочет уйти!

– Нам нужен Лунгстрём! – громко потребовал ван Нистельрой, чтобы перекрыть шум мотора.

Между яхтой и причалом не было трапа, а тросы были закреплены слишком слабо.

Теперь, когда у нас есть все подтверждения, он казнит его на наших глазах и скроется, – пронеслось в голове у Снейдера. Вместо того чтобы потянуться к карману брюк, он медленно просунул руку под пиджак.

– Не делай этого! – шикнул ван Нистельрой, который, видимо, догадывался, что задумал Снейдер. – Оно того не стоит.

– Одна лишь запись бесполезна. Лунгстрём нужен нам живым, – пробормотал Снейдер, уже нащупав рукоятку «глока».

Глава 66

– Младенцы в розарии... – повторила Вандергаст и посмотрела Сабине в глаза. – Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот восьмидесятый, – солгала Сабина. – Руководство Glostermed направило меня в ваш отдел... – Сабина сделала паузу, чтобы понаблюдать за реакцией женщины. Вандергаст, полная ожидания, смотрела на нее. – Каковы последние результаты ваших исследований на младенцах? Уже есть какой-то прогресс?

Глаза Вандергаст загорелись гордостью.

– Впервые – с чрезвычайно малым количеством энергии в киловольтах и коротким временным интервалом в миллисекундах – нам удался отличный рентгеновский снимок. – Неожиданно ее речь стала логичной и отчетливой, она без затруднений подбирала слова.

Все-таки странная болезнь Альцгеймер. Хотя нервные клетки в мозге отмирали, иногда бывали моменты, когда давно прошедшие события проступали в памяти так ясно, словно имели место всего несколько часов назад.

– Тогда я вас поздравляю. – Так как было непонятно, сколь долго продлится этот редкий момент, Сабина хотела продолжить разговор без перерывов. – Что означает Hell Seven?

– Hell Sieben, – повторила Вандергаст, правда по-немецки и с другой интонацией – не как английское слово, означающее *Ад*, а намного мягче^[35].

Сабина повторила с ее интонацией.

– Что означает Hell7?

– Это... – Вандергаст нахмурила лоб. – Вы не знаете?

Краем глаза Сабина заметила, как заведующая снова хотела вмешаться и прервать разговор, но Марк остановил ее мягким движением.

– Hell7 – это контрастное вещество седьмой серии опытов в рамках экспериментов со световым полем, – пояснила Вандергаст как нечто само собой разумеющееся.

Теперь нахмурилась Сабина.

– И эта серия опытов была успешной?

Вандергаст кивнула:

– Рентгеновские снимки стали светлее, изображение идеально резким.

Тут Сабина поняла значение Hell7. Это было химическое *осветляющее* контрастное вещество для получения более качественных рентгеновских снимков при низкой дозе радиации в греях. И в то время как Möerweck & Derwald улучшал рентгеновские аппараты, Glostermed продавал бы для них медикаменты.

– Почему мы не выпускаем Hell7 на рынок? – спросила Сабина. – Давайте как можно скорее его запатентуем, – предложила она.

Тут взгляд Вандергаст изменился и снова стал испуганным.

– Вы еще не знаете?

– Нет... – ответила Сабина. – А в чем дело? Я пока не дочитала ваш последний отчет.

– Контрастное вещество имеет побочные эффекты.

– Что... случилось с младенцами? – спросила Сабина.

Вандергаст глубоко вздохнула.

– Hell7 – отличный препарат, который обеспечивает точные результаты, мы уже хотели выпустить средство на рынок под названием Vivi-Raxin, – но младенцы потом умерли.

У Сабины резко пересохло во рту.

– От чего?

– Контрастное вещество абсолютно безвредное, но в комбинации с рентгеновскими лучами вызывает полиорганную недостаточность и в течение нескольких дней приводит к смерти.

Теперь мы разрешили эту загадку.

– К смерти... – повторила Вандергаст, тяжело дыша. Это воспоминание оказалось для нее слишком тяжелым.

– Я должна это прекратить! – наконец вмешалась заведующая.

Проклятье! Сабина заскрипела зубами. Все шло так гладко.

В этот момент в телезал вошел пожилой мужчина с оспинами – в белом халате и с наушниками. Он проигнорировал их и целенаправленно зашагал к кулеру, из которого налил себе в стакан горячей воды.

Марк недовольно посмотрел в его сторону, и заведующая направилась к мужчине, чтобы объяснить, что помещение вообще-то уже закрыто. Но тот, казалось, не слышал – разорвал упаковку, с

бесконечным спокойствием несколько раз опустил в стакан пакетик чая, добавил сахар и перемешал.

Пока заведующая говорила с мужчиной, Марк кивнул Сабине, чтобы она продолжала.

– Фрау профессор... – прошептала она, а внутри у нее все сжалось. Против воли она представила себе, как в рамках опытов на младенцах месяцами испытывали различные химические вещества. И как в итоге эти бедные малыши один за другим умерли.

Ее охватил ужас. Рука этой женщины, которую она только что держала и мягко поглаживала, оказалась лапой демона. Но Сабине был нужен ответ еще на один, последний вопрос.

Откуда привозили других младенцев, которые были не из монастыря?

Но Вандергаст – очевидно, смущенная паузой – с каждой секундой все подозрительнее смотрела на Сабину, словно начинала догадываться, что находится вовсе не в 1980 году. Поэтому Сабина сформулировала вопрос скорее косвенно.

– Нам нельзя прекращать исследования. Нам нужно больше... – Сабина понизила голос, – подопытного материала. У вас есть идеи на этот счет?

– Я уже много раз пыталась объяснить это руководству. – Взгляд Вандергаст просветлел, словно она наконец-то увидела в Сабине союзницу. – Родильных домов в Загребе, Бухаресте и Варне недостаточно. Доктор Хирш тоже так считает. Мы знаем одного детского врача в Марокко. Оттуда мы могли бы получать остальных пробандов, которые нам необходимы, чтобы улучшить Hell7.

Загреб, Бухарест и Варна. Доктор Хирш действовал не только в Браунау. От этой мысли Сабине совсем поплохело, ее ладони взмокли.

Она заметила, как Марк положил руку ей на плечо. *О'кей, теперь довольно,* казалось, говорил этот жест.

Сабина кивнула. Да, она достаточно узнала.

Марк протянул ей телефон. Он записал весь разговор, и запись все еще шла. Из-за душевного состояния Вандергаст суд не признает пленку, но, по крайней мере, она поможет добраться до еще живых закулисных деятелей Glostermed, которые участвовали в поставках «материала для исследований».

Сабина взяла мобильный. Тут ей пришел в голову еще один вопрос. Она подняла телефон.

– Сколько всего... *пробандов*... вы использовали для ваших исследований?

– Прочитайте отчеты.

Сабина сомневалась, что они еще существовали.

– Сколько?

В этот момент к ним подошла управляющая. Мужчина в наушниках наконец-то покинул телезал со своим чаем и теперь беседовал с охранником снаружи.

– Сколько? – не сдавалась Сабина.

– Пятьдесят в этом году.

Только пятьдесят? А что с остальными? Их было минимум семьдесят четыре. Но тут Сабина осознала, что Вандергаст говорила только про этот год.

– А до этого?

Вандергаст задумалась.

– Должно быть... несколько сотен... о... – ее взгляд изменился, – я должна закрыть окно в кабинете.

Сабину охватил неопиcуемый холод.

Несколько сотен!

Вандергаст повернула голову.

– Вы моя дочь?

– К счастью, нет. – Сабина поднялась. У нее были ватные ноги, на лбу выступил холодный пот. *Несколько сотен!* Дрожащими пальцами она остановила запись.

– Мы закончили, – сказала она управляющей, затем повернулась к Марку. – Пожалуйста, поедem скорее обратно в Висбаден, – прошептала она, потому что не могла гарантировать, что не свернет шею этому монстру рядом с ней в первый же удобный момент.

Тут Сабина почувствовала резкий запах мочи. Она посмотрела вниз на Вандергаст. Подушка съехала у нее с колен. А на штанах Вандергаст расхотлось мокрое пятно, и уже закапало на пол.

Еще и это!

– Позаботьтесь о ней, пожалуйста, – попросила Сабина управляющую. – Личная охрана остается.

Но, откровенно говоря, в душе она надеялась, что с этой женщиной все же что-то случится, прежде чем ее сожрет рак.

Глава 67

Снейдер коснулся пальцами рукоятки своего «глока».

– Я должен это сделать.

Он видел, как Шэффер снова взял свой пистолет, но на этот раз приставил ствол к затылку Лунгстрёма. Из-за тряски и вибрации яхты красная лазерная точка беспокойно дергалась между Снейдером и ван Нистельроем.

– О'кей, – шикнул ван Нистельрой.

Краем глаза Снейдер заметил, как рука ван Нистельроя напряглась. Он тоже был готов.

Шэффер вдавил ствол пистолета Лунгстрёму в затылок.

– Сделайте же что-нибудь! – закричал тот в панике. – Вы не понимаете, этот мужчина убьет меня...

Снейдер и ван Нистельрой одновременно выхватили свои пистолеты из кобуры. Ван Нистельрой выстрелил на долю секунды раньше. Видимо, его пистолет был уже дозаряжен. Затем грохнул выстрел из оружия Снейдера.

Тело Шэффера дернулось назад, причем Снейдер не мог сказать, кто из них двоих попал. Одновременно выстрел Шэффера ушел мимо головы Лунгстрёма в ночное небо, а очередь из винтовки раскромсала деревянный причал и подняла брызги воды. Затем винтовка со стуком перевалилась через плексигласовую облицовку на нижнюю палубу.

В отличие от пистолета Шэффера на винтовке не было глушителя. Эти выстрелы, как и выстрелы из оружия Снейдера и ван Нистельроя, были наверняка слышны не только патрульным полицейским у входа, но и на много миль в море.

Мотор взревел, заставляя пениться воду за кормой. Яхта несколько раз с силой ударилась о покрышки на причале, и тот содрогнулся.

Пока ван Нистельрой менял позицию, чтобы лучше прицелиться в рулевую рубку, Снейдер запрыгнул с причала на палубу яхты. С пистолетом на изготовку он побежал вдоль релинга по левому борту к корме.

Ему навстречу по лестнице на четвереньках полз Лунгстрём с окровавленными ногами. Снейдер проигнорировал его, переступил через него и побежал вверх по ступеням.

Рулевая рубка была полукруглой, и оборудование походило на приборную панель небольшой спортивной машины. На полу лежал Шэффер.

Тут яхта дернулась, так что Снейдера отбросило на джойстик. Опять взревел мотор. Штурвала не было, как и ключа зажигания – видимо, Шэффер замкнул систему накоротко. Снейдер нашел выключатель и заглушил машину.

Теперь яхта снова спокойно покачивалась на волнах, и Снейдер опустился на колени к Шэфферу. Одна пуля попала ему в плечо, вторая в лицо. Кровь блестела в лунном свете. Он уже не дышал, пульс тоже не прощупывался.

Снейдер закрыл ему глаза. По необъяснимой причине он подумал о детях в розарии. Теперь они все воссоединились – Майбах, Шэффер и остальные.

Затем он поднялся и посмотрел на причал.

– Все в порядке! – крикнул он вниз.

Лунгстрём тем временем добрался до нижней палубы и попытался подтянуться за релинг.

Ван Нистельрой сунул пистолет в кобуру, затем крепко пришвартовал яхту к причалу и тоже выпрямился.

– Какой-то сумасшедший, – выдавил Лунгстрём. – Спасибо, что спасли меня от него.

– На вашем месте я не был бы так уверен, что этот вариант для вас лучше, – сказал ван Нистельрой и подал Лунгстрёму руку, чтобы помочь ему спуститься с яхты.

На берегу вспыхнула мигалка полицейской машины, затем включилась сирена. Одновременно с моря подошла патрульная лодка с поисковыми прожекторами.

Нет, для Лунгстрёма это определенно не лучший вариант, – подумал Снейдер. Потому что не важно, каким будет наказание после сделки с генеральной прокуратурой, Снейдер позаботится о том, чтобы все в тюрьме знали, что сделал Лунгстрём.

Четыре месяца назад

Холодным январским утром Магдалена Энгельман сидела в скудно обставленной гостиной чужой квартиры на окраине Браунау, уставившись на фотографии и газеты, которые лежали перед ней на столе. Больше часа она с нарастающим ужасом слушала, что Грит и Томас выяснили за последние пять месяцев.

Магдалена была шокирована, ее сердце охватил холод.

– Откуда вы знаете обо всех этих ужасах? – наконец спросила она, после того как ее дети закончили свой рассказ. – Об исследованиях с рентгеновскими аппаратами, химических веществах и экспериментах над детьми?

– Следуй по пути денег, и ты найдешь правду, – ответила Грит. – Прошлое министра Хирша привело нас к медицинской технике и в итоге к фармацевтической индустрии. В конце концов мы нашли бывшего химика из Glostermed, который рассказал нам, что, по его мнению, тогда произошло.

– Тогда идите в полицию, – предложила Магдалена.

Грит сухо рассмеялась.

– Он не повторит своих показаний и будет все отрицать в суде. Он боится – тех, кто стоит за экспериментом со световым полем.

– И поэтому мы убьем всех этих людей, – добавил Томас.

Магдалена глубоко вздохнула и принялась рассматривать фотографии и газетные статьи.

– Значит, это ваш план?

Вальтера Граймса, свою акушерку и настоятельницу она хорошо знала, но был еще старый Янус, которого она видела всего пару раз, и министр Хирш, который раньше, еще будучи детским врачом, тоже иногда появлялся в монастыре.

Кроме того, имелись фотографии доктора Фреды Ромбуш, которая в прошлом работала в Mörweck & Derwald, доктора Лунгстрёма, профессора Вандергаст, а также еще один снимок Хирша вместе с другими сотрудниками Glostermed.

– И вы хотите всех этих людей просто так... убить? – потрясенно повторила Магдалена. У нее пересохло во рту. – Как вы могли подумать, что я такое одобрю?

– Разве ты не слышала, какие преступления они совершили? – спросила Грит.

– Я слышала, – ответила Магдалена. – Но у вас имеются только утверждения этого химика. А есть доказательства для всех ужасных обвинений?

– Недостаточно, чтобы привлечь кого-то к судебной ответственности.

– Но достаточно, чтобы хотеть убить всех этих людей? – недоуменно возразила Магдалена.

– Да. – Взгляд Грит оставался жестким. – Даже если на основе улики дело дойдет до обвинения, все снова будет замято.

– Я не верю.

– Не будь такой наивной, – возразила Грит. – Нет ни жертв, ни потерпевших. Кому интересно все это поднимать? Кому это выгодно? Никому! Мы единственные выжившие, и о нашем существовании никто не знает.

Магдалена молчала. *Потерпевшие есть.* Некоторые из старых монахинь были еще живы – но, как и Магдалене, за все эти годы им удалось стереть из памяти воспоминания о тех событиях.

– Знаешь, кто все эти люди сегодня? – Грит ткнула в фотографии и статьи. – У них достаточно денег, чтобы откупиться, и в итоге ничего не произойдет.

– А что с насильниками? – спросила Магдалена.

– До них мы не доберемся, – признался Томас. – К сожалению. Об этих событиях нет никаких свидетельств. Мы можем наказать только тех, кто несет главную ответственность за случившееся.

– Я считаю, мы должны их убить, – с ненавистью заявила Грит.

Они хотят отплатить той же монетой.

Томас кивнул, соглашаясь.

Магдалену охватила бесконечная грусть.

– Если вы убьете этих людей, то не будете ни на йоту лучше тех, на чьей совести погибшие дети.

– Но мы можем решить это только так, – сказал Томас. – Нашим способом. Мы этому учились, для этого нас готовили.

– А потом? – Магдалена провела рукой по фотографиям. – Пара виновников умрет, вы будете удовлетворены, но дело никогда не будет раскрыто! – Она подняла глаза. – И мир так ничего и не узнает.

– А хоть бы и так, – ответила Грит.

– Тогда у меня нет другого выхода, кроме как идти в полицию, – сказала Магдалена.

– Отлично! – фыркнул Томас. – И они будут охотиться на нас, чтобы защитить этих выродков.

– Но им придется выяснить причину ваших поступков, – возразила Магдалена.

Они молчали какое-то время.

– А это возможность, – наконец согласилась Грит.

Магдалена улыбнулась. И решила пойти на компромисс.

– Если все эти виновные люди умрут, значит, так и должно быть. Такова Божья воля, потому что ничего лучше они не заслужили. Но не больше семерых. И вы должны дать полиции хотя бы один шанс спасти их, чтобы привлечь к суду.

Томас кусал нижнюю губу.

– Но хотя бы первый должен в это верить, и все должно выглядеть по-настоящему безжалостно, – настаивал он.

– Зачем такая жестокость? – спросила Магдалена.

– Без первой жертвы у полиции не будет сильной мотивации продолжать расследование и копать глубже. Чем brutальнее, тем больше шумихи в СМИ.

Магдалена протянула руки и коснулась ладоней своих детей, по щеке у нее скатилась слеза.

– Всего несколько месяцев назад я узнала, что вы живы и что у вас все хорошо. А теперь вы снова хотите поставить все это на карту?

Грит взяла ее за руку.

– Полиция ничего не узнает о нашем существовании и о том, что мы как-то связаны друг с другом.

– Именно. – Магдалена убрала руку и вытерла слезы. – Поэтому я добровольно сдамся и сообщу полиции о предстоящих убийствах.

– Зачем? – вырвалось у Грит.

– Чтобы защитить вас. Я возьму всю вину на себя.

– И ты правда веришь, что полиция тебя послушает? – пренебрежительно воскликнула Грит.

– Попробовать стоит.

– Чушь собачья! – воскликнула Грит. – Да что могут сделать эти флегматики из уголовной полиции?

– Не они, – задумчиво произнес Томас. – Мы обратимся сразу в БКА, и в немецкое! Я там учился. И знаю, как они думают и работают. Тогда у меня был наставник, который научил нас парочке интересных психологических приемов. Он – то, что нужно, для такого расследования.

– Ах, как здорово. И кто же это? Чак Норрис? – цинично подколола Грит.

Вместо ответа, Томас достал портмоне, вытащил из него помятую пожелтевшую визитку, тщательно вытер с нее рукавом свои отпечатки пальцев и пододвинул по столу к Магдалене.

Комиссар уголовной полиции Мартен С. Снейдер, – стояло на ней. – Криминалист и судебный психолог, Федеральное ведомство уголовной полиции, Висбаден.

– Ты можешь доверять только этому человеку, – внушал ей Томас. – Я готов руку дать на отсечение, что он не позволит себя подкупить и ничего скрыть.

– О господи, все это становится слишком сложным. – Грит удрученно опустила руки.

– По крайней мере, сложнее, чем просто убить всех этих людей, – заметила Магдалена. – Но я знаю того, кто может помочь вам с планированием. Он математический гений. Мой брат Зено.

– Мама, он слепой! – воскликнула Грит.

– Для того, чтобы быть умным, не нужно видеть, – возразила Магдалена. – Он в состоянии просчитать на столько ходов вперед, о которых остальные даже не думают. – Она уверенно кивнула. – Он живет в Праге и наверняка вам поможет.

Грит все еще смотрела на нее с сомнением.

– Со знаниями Томаса об этом Снейдере, – как тот мыслит и действует, – и гениальностью Зено вы сможете разработать эффективный план, – попыталась убедить их Магдалена. Может, таким способом ей удастся спасти жизнь хотя бы кому-то из этих людей – и защитить своих детей. – Но в реализации ни Зено, ни я не сможем вам помочь. Вы справитесь вдвоем?

Тут на лестничной клетке раздались шаги. Магдалена подняла глаза. Насколько она знала, в этом ветхом старом доме жило мало людей.

Они затаили дыхание, когда шаги приблизились.

Грит и Томас переглянулись.

Шаги остановились перед входной дверью.

– Вы еще кого-то ждете? – спросила Магдалена.

В дверь позвонили, и Магдалена вздрогнула. *Нас кто-то выследил?* Все закончилось, не успев начаться?

Грит поднялась, прошла в прихожую и открыла дверь. Магдалена слышала только приглушенное бормотание, затем Грит вернулась в гостиную. За ней проследовал мужчина с золотисто-рыжеватыми волосами, примерно того же возраста, что и Грит, – и остановился в дверном проеме.

Магдалена изучала мужчину, которого никогда до этого не видела. У него было угловатое лицо, рыжеватая борода, а вокруг шеи обмотан серый шарф.

– Проходи, садись, – сказал Томас, поднялся и крепко пожал мужчине руку. Незнакомец сел.

– Мы только что изменили наш план, – объяснила ему Грит. – Все усложняется. Но вместе мы, возможно, справимся.

– *Von*^[36], – сказал мужчина грубоватым голосом. – Можно? – спросил он затем с французским акцентом и вытащил из кожаной куртки портсигар.

Томас кивнул, мужчина включил электронную сигарету и выпустил в потолок облако дыма.

Магдалена невольно застыла, ее сердце бешено колотилось. *Кто этот мужчина?*

– Тебе не нужно бояться, – объяснил ей Томас. – Он на нашей стороне. Это Сезар Дюран. Он живет во французской части Швейцарии, но для расследований специально переехал в Берн. Он работает внештатным журналистом, преподает в школах мигрантам-сиротам и говорит на четырех иностранных языках.

– *That's correct, c'est vrai, è vero, eso es correcto,* – с улыбкой подтвердил мужчина. – Раньше у меня были контакты с радикальными анархистами, но в последние годы я немного успокоился.

– И он вырос в женевском детском доме, – добавил Томас. – Мама, Сезар – это третий ребенок, которого ты спасла в ту ночь.

День восьмой

Финал

Пятница, 19 мая

Глава 68

Снейдеру пришлось пережить двухчасовой допрос нидерландскими коллегами, прежде чем он смог сунуть себе в рот самокрутку.

В отличие от него разговор Дирка ван Нистельроя с уголовной полицией продлился всего пятнадцать минут. Со своим неотразимым шармом, он быстро объяснил иностранным коллегам, что этим делом занималось немецкое БКА, и они со Снейдером вмешались, потому что медлить было нельзя. А именно по той причине, что нидерландская уголовная полиция – несмотря на предупреждение БКА – не справилась ни с охраной Лунгстрёма на конгрессе, ни с поисками Шэффера. После этого у иностранных коллег закончились аргументы.

К счастью, прогулка по яхтенному причалу обошлась для Снейдера без больших потерь, так как – за исключением двух пулевых ранений в ступни – с Лунгстрёмом ничего не случилось, А ведь все могло закончиться по-другому, и тогда шарм ван Нистельроя не помог бы.

Нидерландская уголовная полиция снова конфисковала их оружие, взяла для проформы отпечатки пальцев и отправила труп Томаса Шэффера на вскрытие в Институт судебной экспертизы в Амстердаме. Наверняка Снейдеру придется еще приехать на подробный разговор с нидерландской генпрокуратурой, но пока ему разрешили покинуть страну. Однако уезжал он один, так как ван Нистельрою нужно было уладить бумажные дела, а Кржистоф должен был еще несколько дней оставаться в Лейденском университетском медицинском центре в Гааге.

Когда Снейдер навестил последнего сразу после операции, Кржистоф со слабой улыбкой поднял три пальца, и Снейдер в трех кратких предложениях сообщил ему, как все закончилось. Затем Снейдера с полицейским эскортом доставили в амстердамский аэропорт Схипхол. Коллеги проводили его до гейта, чтобы убедиться, что он действительно улетел.

И Снейдер с превеликим удовольствием это сделал. Его ранний рейс во Франкфурт вылетал в начале пятого, и он зашел на борт

незадолго до взлета. Другие пассажиры уже сидели на своих местах. Между проходами располагался широкий ряд с четырьмя сиденьями, Снейдеру нужно было туда.

Он протиснулся на свое место. Рядом с ним у прохода сидел пожилой мужчина лет шестидесяти, который вполне профессионально играл в тетрис на своем телефоне. С другой стороны расположилась молодая мать с сыном не старше семи лет, который крутился и постоянно пинал Снейдера по ноге.

– Прекрати, мужчине это не нравится.

Как пить дать, – подумал Снейдер и хотел закрыть глаза.

– Если ты немедленно не сядешь спокойно, папа рассердится, когда будет встречать нас во Франкфурте.

Если он давно уже не обратился в бегство.

Бортпроводник попросил парочку у окна поднять шторы иллюминатора и напомнил мальчику и его матери, что ребенок должен быть пристегнут, а столик перед ним поднят.

– Почему? Я могу держаться за столик, – визжал мальчик. – И почему дурацкая шторка должна быть поднята. Снаружи все равно темно!

Хорошо, что они забрали у меня пистолет, – подумал Снейдер.

– По причинам безопасности, – терпеливо отвечал стюард.

– Но почему?

– Такие правила.

– Но почему это так?

– Смотри. – Бортпроводник дал мальчику цветной леденец, который тот тут же уронил на пол.

Снейдер огляделся. Салон был полон, и он не мог пересесть на другое свободное место.

– Мама, почему та женщина впереди слепая?

Снейдер ненадолго закрыл глаза, но теперь снова их открыл. В переднем ряду, наискосок от них, действительно сидела слепая женщина в солнечных очках, с повязкой на рукаве и тростью.

Мальчик снова пнул Снейдера по ноге.

Ты тоже сейчас ослепнешь!

Наконец они взлетели – и как только оказались в воздухе, мальчик по-настоящему распоясался. Сосед наклонился к Снейдеру и прошептал в ухо:

– Вам этот мальчик тоже действует на нервы?

– Да, но, к сожалению, у меня забрали все средства, и я не могу ничего предпринять. – Снейдер приподнял полу пиджака и показал пустую кобуру.

Мужчина уставился на него.

– Вы из полиции?

Снейдер кивнул.

– Ну, может, вам в голову придет что-нибудь еще.

Когда мальчик, крутясь, локтем попал Снейдеру в плечо, тот наклонился к ребенку.

– Ты хотел знать, почему шторы должны быть подняты? – прошептал Снейдер.

– Скажи мне, дедушка! – выкрикнул мальчик, развалился в кресле и снова пнул Снейдера.

– Чтобы стюарды видели, когда в нас врежется другой самолет, – ответил Снейдер.

Мальчик уставился на него с открытым ртом. Двух зубов у него не хватало.

– А если при столкновении в корпусе самолета появится трещина, – продолжал Снейдер, – весь воздух мгновенно высосет из салона. Сиденья вырвет из креплений, и их вместе с людьми выбросит наружу. Столик перед тобой тоже может оторваться, он полетит тебе в голову и перережет глотку. Тогда это будет выглядеть так... – Снейдер показал мальчику на своем телефоне фотографию из одного дела. – Видишь! Поэтому столик должен быть поднят.

Мать в ужасе смотрела на Снейдера. Мальчик тоже. Наконец он закрыл рот, и по щеке у него покатила крупная слеза.

В этот момент самолет попал в зону турбулентности, и его сильно потрянуло. Но мальчик сидел спокойно, не дергался, смотрел перед собой и не говорил ни слова.

Мужчина рядом со Снейдером молча улыбнулся и показал ему большой палец. Затем продолжил играть в тетрис.

Через полчаса, – за которые Снейдеру удалось немного подремать, – запищал его телефон. Приоткрыв один глаз, он покосился на экран. Сеть Wi-Fi на борту была такой слабой, что понадобилось несколько минут, прежде чем сообщение загрузилось полностью. Речь

шла о судебно-медицинском отчете. Очевидно, патологоанатомы работали всю ночь.

Мальчик рядом с ним лежал, положив голову матери на плечо, – оба спали. Седой мужчина с другой стороны все еще играл в тетрис.

– Работа? – пробормотал мужчина.

– Да. – Снейдер вздохнул, поднял телефон так, чтобы мужчина не видел экрана, и открыл документ.

Это был итоговый отчет вскрытия всех жертв. По содержанию желудков можно было заключить, что Януса привязали к кровати с бамбуковыми ростками в тот же день, когда убили его работниц, заживо закопали в лесу настоятельницу Констанс Феличитас и разделались с ее сиделкой. В тот же самый день, когда из квартиры похитили акушерку и привязали к часовому механизму на бернской Цитглогге.

В четверг 11 мая.

Снейдер тут же выпрямился в кресле. Его пульс ускорился.

Все в один и тот же день!

Значит, преступления в Баварии, Бруггтале и Берне были совершены не по очереди, как они до этого предполагали, а в одно и то же время. В уме он еще раз прошелся по всем фактам и подумал о заметках, которые нацарапал в Берне на салфетке.

Вот куда закралась логическая ошибка!

Между тем он настолько хорошо узнал монахиню, что был уверен – она не участвовала лично ни в одном убийстве. Но двух человек слишком мало для такого сценария. Одних Грит Майбах и Томаса Шэффера не хватило бы. Им должен был помогать как минимум еще один человек. *Но кто?*

Краем глаза Снейдер увидел, как стюард приближался к ним по проходу с тележкой, раздавая пассажирам напитки. Правда, жажда была сейчас наименьшей из его проблем.

– Плохие новости? – спросил мужчина рядом с ним, откинувшись назад и попытался заглянуть в экран Снейдера.

Еще какие!

– В чем там дело?

– Не сейчас, – оборвал Снейдер все вопросы.

– Могу я хотя бы угостить вас напи...

– Не сейчас!

Стюард остановил тележку рядом с ними и протянул слепой даме, сидевшей в переднем ряду наискосок от них, пластиковый стаканчик с колой. До этого дама водила пальцами по книге. *Шрифт Брайля!*

Стюард пытался поставить стаканчик рядом с книгой, но случайно опрокинул его, и кола вылилась женщине на платье.

– О, черт! – вырвалось у соседа Снейдера, который тоже наблюдал за этой сценой.

Но женщина не вскочила, она даже не вздрогнула, не вскрикнула – казалось, просто хотела уйти в себя.

Никакой мимики, удивленного или рассерженного лица, просто застывшее выражение, пока стюард тысячу раз извинялся и пытался все вытереть.

– Вот бы мне такое спокойствие, – пробормотал сосед Снейдера.

Невольно Снейдер вспомнил, что рассказывал ему Хоровитц о встрече с братом Магдалены Энгельман в Марбурге. Хоровитц описал Зено очень живым, с сильно выраженной мимикой и жестикуляцией – совсем не таким, как эта женщина, которая была определенно слепой, что он понял по книге со шрифтом Брайля.

– Что-то случилось? – спросил его сосед. – Вы внезапно стали таким задумчивым...

Снейдер не ответил. Мысли завертелись у него в голове.

Что, если Зено Энгельман всего лишь симулировал свою слепоту? Или его прооперировали и он снова может видеть?

А что, если это он и был третьим сообщником, который определенно должен существовать?

Снейдер вспомнил описание Зено со слов Хоровитца. Под шестьдесят, седой венчик волос, хитрые глаза, мускулистое тело, приятный, но категоричный и самоуверенный голос.

Затем Снейдер медленно повернул голову и уставился на своего соседа, который с самого взлета осторожно пытался расспросить его о работе.

Просто совпадение?

Мужчина вполне подходил под описание брата Магдалены. Хотя Снейдер не знал как, но с соответствующими компьютерными знаниями, вероятно, можно было даже зарегистрироваться на место рядом с ним.

Снейдер пытался не выдать своих мыслей.

– Можно выйти? – спросил он соседа, так как мать и сын рядом с ним спали.

– В настоящий момент это невозможно, – вмешался в разговор стюард. – Тележка...

– Тогда отодвиньте ее в сторону! – потребовал Снейдер. – Мне срочно нужно в туалет.

С недовольным видом бортпроводник отодвинул тележку назад.

– Туалеты находятся в задней части...

– Спасибо!

Седой мужчина поднялся, и Снейдер протиснулся мимо него в проход. Шагая в дальний конец салона, он уже набирал номер Хоровитца по внутренней сети Wi-Fi.

Надеюсь, он услышит звонок.

Снейдер добрался до туалетов, открыл кабинку, вошел внутрь, запер дверь, ногой опустил крышку унитаза и сел сверху.

В трубке щелкало и потрескивало. Связь была достаточно плохой.

– Да, черт возьми, что такое? Который час? – пробормотал Хоровитц сонным голосом.

– Слушай! Мне нужна фотография Зено Энгельмана.

– Это ты, Мартен?

– Нет, папа римский! – закричал Снейдер. – Это срочно! Проснись, открой дело и пришли мне фото Зено Энгельмана на мобильный.

– У тебя нет Интернета?

– Я в самолете на высоте 12 000 метров и не смогу подключиться к базе данных БКА через Wi-Fi на борту.

– Хорошо, хорошо, сделаю.

Снейдер положил трубку и стал ждать сообщения с фотографией.

Глава 69

Удостоверившись, что личная охрана профессора Вандергаст будет на месте по крайней мере до утра, Сабина и Марк покинули интернат для престарелых. На вокзале Ганновера они зашли в забегаловку с суши, которая была открыта и после полуночи.

Так как Сабина все еще была жутко взволнована разговором с Вандергаст, она заказала себе жасминовый чай, чтобы успокоить нервы. Но уже знала, что не сможет сегодня сомкнуть глаз. Погруженная в свои мысли, она листала газеты, которые лежали на стойке и крупными заголовками сообщали об убийстве министра в Вене и теракте на Боденском озере. К тому же по телевизору шли новости. *Полиция блуждает в потемках.* Сабина раздраженно отодвинула бульварные газеты в сторону. Следующий ночной экспресс будет только в три ночи, и они прибудут во Франкфурт около шести утра.

За пятнадцать минут до отправления поезд уже стоял на платформе, и они вошли в вагон. По предложению Марка они взяли билеты в первый класс. Резервировать места в это время не было необходимости. Поезд на две трети был свободен.

Вагон-ресторан был неисправен и закрыт. *Плевать!* Сабина все равно хотела немного поспать.

Пока поезд выезжал с вокзала, Марк перевел свое кресло в почти горизонтальное положение, вытащил наушники из сумки для ноутбука и устроился поудобнее со своей подушкой под шею.

Сабина уставилась в темноту за окном, наблюдала, как мимо проносились дома и уличные фонари. В приглушенном свете купе она видела в стекле и свое отражение, которое время от времени дрожало и расплывалось.

В том же вагоне сидело еще несколько человек – женщина с двумя большими чемоданами, которая постоянно поглядывала на наплечную кобуру Сабины; молодой человек с рюкзаком, который положил ноги на противоположное сиденье и пытался спать; мужчина средних лет с рыжеватыми волосами, читавший крупноформатную французскую газету, и пожилая дама, раскладывающая на своем столике пасьянс.

Ночные путешественники.

На дисплее Сабина заметила, что поезд, едва покинув Ганновер, ускорился до 233 километров в час. Через полчаса они будут уже в Гёттингене – их следующая остановка.

Сабина коснулась ногой Марка, и он снял наушники.

– Что ты слушаешь? – спросила она его.

– «Ловушку» – радиодетектив из 60-х годов.

– Такое старье?

– С голосами Дитмар Шёнхер и Зигфрида Ловитца, под них я хорошо засыпаю. – Он протянул ей один наушник. – Хочешь попробовать?

– Спасибо. – Она помотала головой.

– Но у тебя ведь тоже есть аудиокниги в машине?

– Да, но не детективы, они у меня и так каждый день, – ответила она. – Мне нужно что-то воодушевляющее и оптимистичное – Хорнби, Спарк или Яуд, – тогда мне кажется, что мир снова в порядке.

– Говорят, они супер, но я не очень люблю комедию. – Он скривился. Затем его тон снова посерьезнел. – Хочешь поговорить об этом деле?

– Нет. Может, позже. Спи спокойно. – Она виновато пожала плечами, потому что потревожила его.

– Если что, разбуди меня. – Марк снова надел наушники, устроился на сиденье и закрыл глаза.

Какое-то время она рассматривала Марка, его резковатые черты, длинные ресницы, затем снова уставилась в окно. Да, ей действительно нужно было с кем-то поговорить. Но не с Марком, ему она не хотела открываться. По крайней мере, что касалось этого дела. У него не было братьев или сестер и собственных детей, поэтому она сомневалась, что он поймет ее предосудительные мысли относительно Вандергаст.

Как можно было так бессердечно и расчетливо экспериментировать с живыми младенцами? Она даже не хотела представлять, где и как маленьких крикунов держали месяцами. Они научились ползать? Какими были их первые слова? Против воли эти жуткие мысли постоянно лезли Сабине в голову. Ей хотелось просто задушить эту старую женщину шнуром от шторы.

Успокойся!

Ее руки дрожали. Грит Майбах сделала единственно правильное – попыталась избавить мир от этих выродков.

Ей нужно было с кем-то поговорить. Со своей сестрой. И чтобы им никто не мешал.

Поезд остановился в Гёттингене, потом в Касселе – на станциях почти никто не зашел и не вышел, – и они снова тронулись в путь. Сабина взглянула на Марка, который безмятежно спал в наушниках, а затем покинула свое место.

В конце поезда находился вагон-ресторан. Дверь была заперта, на табличке было написано «Не работает». Внутри было темно. Только иногда через окна проникал свет фонарей, мимо которых они проезжали, и освещал пустые столы, стулья и стойку.

Сабина вытащила отмычку из набора и вставила ее в дверной замок. Через несколько секунд тот был вскрыт. Она вошла в вагон-ресторан, закрыла за собой дверь и села на барный стул у стойки. Тишина и темнота действовали на нее успокаивающе. Были слышны только стук колес по рельсам и дребезжание ящика с минеральной водой, который стоял на кухонной стойке.

Сабина уставилась на свой телефон. В конце концов отправила своей сестре эсмэс.

«Ты не спишь?»

Через две минуты пришел ответ.

«Ты с ума сошла? Сейчас четыре утра. Что случилось? Тебя ранили?»

Сабина улыбнулась – в первый раз за долгое время – и почувствовала, что разговор с Моникой пойдет ей на пользу. Она набрала номер сестры, которая ответила сонным голосом после первого же гудка.

Они разговаривали полчаса, хотя говорила, в основном, Сабина, а Моника внимательно слушала. Несмотря на запрет разглашать информацию о текущих расследованиях, Сабина рассказала, какие преступления совершали и допускали Вальтер Граймс, акушерка и настоятельница в урсулинском монастыре. О том, чем занимался министр Хирш и что в итоге Фреда Ромбуш и профессор Вандергаст делали с младенцами.

– И все это ты выяснила за семь дней? – спросила Моника, когда Сабина закончила свой длинный монолог.

– Дети монахини, – сказала Сабина, не называя имен обоих, – многое для нас подготовили.

– Одна эта предварительная работа чего стоит! – пробормотала Моника.

И необходимое для нее время!

И тут Сабину охватило странное чувство. *Здесь что-то не так!* Если не принимать во внимание монахиню – все это вообще реально организовать вдвоем?

Тут она услышала звук входящего звонка по второй линии.

– Слушай, мне нужно заканчивать, – сказала Сабина. Возможно, это было что-то важное. – Спасибо, что поговорила со мной.

– О, хорошо, тогда я смогу еще часик...

Сабина уже положила трубку и взглянула на дисплей. Звонок был от Тины. *В такое время?*

– Алло? – удивленно ответила она.

– Ты еще не спишь? Какое совпадение, – тоже удивилась Тина.

– Где ты? – спросила Сабина.

– Скорая помощь еще вечером отвезла меня в Висбаден. Я накачана обезболивающими, как аптека, и не могу заснуть.

– Я...

– Слушай! – перебила ее Тина. – Я хотела позвонить Снейдеру, но сначала он не ответил, а теперь у него занято.

– Что случилось? – спросила Сабина.

– В бюро я еще раз проверила в системе все документы по делу и увидела, что мы получили мейл из университетской клиники Берна. Вивиана Кронер, акушерка, недавно пришла в сознание.

– Врачи смогли стабилизировать ее шейный отдел позвоночника?

– Что? Это сейчас не важно! – возбужденно воскликнула Тина. – Она рассказала дежурной медсестре, что в ту ночь, когда монахиня родила близнецов, на свет появился еще и третий ребенок. Та, другая мать, молодая послушница, тоже пережила пожар в парнике, но покончила с собой на следующее утро. Повесилась в колокольне.

– Ты это проверила?

– Да, это правда. Вскрытия не было. Вероятно, чувство вины стало причиной самоубийства.

С содроганием Сабина уже догадывалась, что это могло означать.

Время на подготовку!

– В любом случае тогда были спасены *трое* детей, – торопливо проговорила Тина. – Ты понимаешь, что это значит?

Да, она понимала.

Они срочно должны были связаться со Снейдером!

Глава 70

Ожидая сообщения от Хоровитца, Снейдер вышел из туалета и посмотрел вдоль прохода в сторону кабины пилотов. Постепенно облака приобретали нежно-оранжевый оттенок, и в салон попадали первые лучи солнца.

Некоторые пассажиры начали потягиваться.

Бортпроводник только что закончил развозить напитки и хотел продвинуть свою тележку мимо Снейдера в заднюю часть самолета.

– Там сидит слепая женщина, – прошептал Снейдер.

Стюард вопросительно взглянул на него.

– Та, которой вы опрокинули напиток на платье, – пояснил Снейдер. – Вы можете привести ко мне эту женщину?

– Прошу прощения?

Снейдер показал ему свое служебное удостоверение.

– Я должен поговорить с ней. Это срочно.

– Но что мне ей сказать? – спросил бортпроводник. – Может, она спит...

– Важный звонок на бортовой телефон, или что главная стюардесса хочет поговорить с ней и предложить компенсацию за недоразумение с напитком – да что угодно. Просто приведите ее сюда!

Стюард направился вниз по проходу.

Снейдер наблюдал, как он с минуту говорил с женщиной, затем та поднялась и со своей тростью последовала за ним в заднюю часть самолета.

Тем временем Снейдер заметил по давлению в ушах, что самолет начал снижаться. Со звуковым сигналом вспыхнули индикаторы «Пристегните ремни». Капитан включил громкую связь и рассказывал что-то про погоду во Франкфурте – как всегда, из-за шума и треска понять можно было только половину.

Затем появился стюард с женщиной.

– Этот мужчина из полиции и хотел бы с вами поговорить.

– Но вы сказали, что я... – начала женщина.

– Это был предлог, чтобы мы могли спокойно поговорить, – перебил ее Снейдер. – Меня зовут Снейдер, я из БКА. Возможно, вам

это покажется странным, но у меня есть вопрос, ответить на который можете только вы. Правда, не в присутствии моего соседа по ряду.

Женщина посмотрела мимо Снейдера.

– Как я могу вам помочь?

– Может ли абсолютно слепой человек устанавливать зрительный контакт с людьми, с которыми говорит? И демонстрировать мимику в эмоционально возбужденном состоянии?

– Я не понимаю вашего вопроса, – в замешательстве сказала женщина. Она все так же смотрела мимо Снейдера.

– Я наблюдал за вами, – объяснил Снейдер. – Вы кажетесь – и я не имею в виду ничего плохого – безэмоциональной. Так вот, может ли незрячий человек проявлять мимикой эмоции и устанавливать зрительный контакт?

– Вы хотите уличить кого-то в том, что он притворяется слепым?

– Именно.

– Ну, сложно сказать. – Она подумала. – Люди как я, слепые от рождения, часто кажутся другим безэмоциональными, как вы сформулировали. В отличие от нас люди, которые раньше видели и ослепли позднее, научились использовать мимику лица.

Это все объясняет!

Зено ослеп лишь в возрасте двадцати лет.

– Большое спасибо, – сказал Снейдер. – Вы мне очень помогли.

Значит, брат монахини действительно мог быть слепым, а его сосед вовсе не Зено. В любом случае *должен быть* еще один сообщник. Снейдер уставился на свой мобильный. Только что пришло сообщение с вложением.

– На борту есть воздушный маршал?

Стюард помотал головой.

– Сотрудник службы безопасности?

– Нет.

– В случае чрезвычайной ситуации на борту есть оружие?

– Тоже нет.

– О'кей, спасибо. – Снейдер протиснулся мимо обоих и пошел к своему месту.

Может, все это только ложная тревога.

Когда он добрался до своего ряда, фотография наконец-то загрузилась.

Снейдер уставился сначала на изображение, потом на мужчину.

Глава 71

Трое детей, – подумала Сабина и завершила разговор с Тиной. Она уже хотела набрать номер Снейдера, как услышала шорох за дверью.

Подняла глаза. В вагоне-ресторане все еще было темно, лишь иногда его освещали огни станций и вокзалов, мимо которых они проезжали. Но в соседнем вагоне горел свет, и Сабина увидела силуэт высокого мужчины, который стоял перед дверью и пытался ее открыть.

Свет карманного фонарика ослепил Сабину, и ее рука непроизвольно потянулась к пистолету в кобуре.

– Какого черта вы здесь делаете? – спросил мужчина.

– Вы проводник? – ответила Сабина.

– Кондуктор. – Мужчина опустил фонарик. – А вы?

Теперь Сабина заметила черный галстук и мобильный терминал с билетопечатающим аппаратом у него на поясе.

– Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена. Хотите взглянуть на удостоверение?

– Да, но сначала я хотел бы знать, что вы здесь делаете. Дверь была заперта.

– Прошу прощения, – извинилась она. – Я ее открыла. Мне нужно было уединенное место, чтобы поговорить по телефону.

– По работе?

– Да.

– О'кей, уберите руку с оружия и покажите мне ваше удостоверение.

Сабина так и сделала и протянула ему служебное удостоверение. Он подошел ближе, осветил на документ, затем ей в лицо. Когда он снова опустил фонарик, Сабина разглядела его униформу и кепку.

– Спасибо, – сказал он. – Какие-то проблемы в поезде?

Сабина ответила отрицательно.

– Можно взглянуть на ваш билет?

Сабина показала ему билеты – свой и Марка.

– Мой коллега в переднем вагоне, в первом классе. Он в наушниках.

– Я видел, он спит.

– Пожалуйста, не будите его, – попросила Сабина. – У нас был напряженный день.

Кондуктор кивнул и прокомпостировал оба билета.

– Вход в это помещение запрещен. На кухне вагона-ресторана нет электричества, но если хотите – оставайтесь здесь. – Он вернул Сабине билеты, выключил фонарик и пристегнул его к поясу. – Когда покинете вагон, сообщите мне, чтобы я мог запереть дверь.

– Хорошо, спасибо.

Он развернулся и вышел из вагона.

В этот момент поезд начал тормозить. Они въехали на вокзал Фульды, недолго постояли и снова тронулись. Насколько Сабина помнила по информации на мониторе, с этого момента поезд поедет до Франкфурта без остановок – осталось около часа. Сабина достала телефон и уже хотела позвонить Снейдеру, но услышала, как дверь снова открылась.

– Если вы не возражаете, я бы хотела поговорить по телефону без свидетелей... – пробормотала она, не оборачиваясь, но замолчала, когда реакции не последовало.

Сабина быстро развернулась на барном стуле и подняла глаза. В дверном проеме стоял не кондуктор, как она думала. Вместо него Сабина увидела словно вырезанный ножницами силуэт другого мужчины. Дверь за ним закрылась.

– Это отделение обычно закрыто, – объяснила она. – Вагон-ресторан не...

– Не тратьте слова впустую, – прокричал мужчина. – Оставайтесь на месте и ни звука. Если схватитесь за оружие, мне придется вас застрелить.

Сабина оцепенела. Она не была уверена, но ей показалось, что мужчина держал в руке пистолет. Сердце у нее бешено заколотилось.

– Положите телефон на стойку и пододвиньте ко мне.

Мужчина был сумасшедшим?

– Вам нужен мой кошелек? – спросила Сабина. – Я...

– Только смартфон, фрау Немез, – ответил он. – И не двигаться!

Сабина замерла, когда услышала свою фамилию.

– Давайте же!

Она подтолкнула мобильный к другому концу стойки, тот заскользил и ударился о ящик с минеральной водой. Когда мужчина схватил телефон, она разглядела в свете экрана седой венчик волос.

Это был пожилой мужчина, как минимум шестидесяти лет. И его голос звучал грубо. Он никак не мог быть третьим ребенком Магдалены Энгельман.

Но тогда кто это?

Глава 72

– Что-то случилось? – спросил мужчина, положил телефон с проигранной партией в тетрис на столик перед собой и выжидательно посмотрел на Снейдера. – Вы хотите на свое место?

Снейдер ничего не сказал, лишь взглянул на него, а затем снова на фотографию Зено Энгельмана, которую прислал ему Хоровитц.

Только если это не какая-то ошибка.

– Нет, все в порядке, – ответил Снейдер.

Это не он!

Мужчина, сидевший рядом со Снейдером, выглядел абсолютно иначе.

Но это означало, что возможный третий сообщник – тот, кто до сих пор не попадал в их поле зрения.

Глава 73

Седой мужчина убрал телефон Сабины в карман пиджака и указал на нее стволом своего пистолета.

– А теперь ваше оружие! – потребовал он. – Медленно, двумя пальцами достаньте его из кобуры.

Сабина послушалась.

– И что сейчас?

– Это вы еще узнаете. Давайте!

Сабина держала «глок» большим и указательным пальцами за рифленую рукоятку.

– Бросьте за стойку!

Она выполнила указание, и пистолет с грохотом упал на кухонный пол.

– Встаньте и пройдите в дальний конец вагона! – потребовал мужчина.

– Что вы собираетесь делать?

– Идите!

Сабина послушалась и дошла до задней части вагона-ресторана. Дальше идти было некуда.

– Откройте дверь в туалет!

Сабина выполнила и это требование. Дверь была незаперта и открылась внутрь.

Трясаясь по шпалам, поезд пронесся через вокзал, на долю секунды свет фонарей проник через грязное окно в туалете.

У мужчины было рябое от оспин лицо, и – как она теперь разглядела – ему было намного больше шестидесяти. *Это лицо!* Она его уже где-то видела.

– Кто... вы? – спросила Сабина.

– Не притворяйтесь такой наивной! – Мужчина с пистолетом на изготовку загнал ее в туалет. – Я слышал, о чем Вандергаст говорила с вами.

– Что? – Сабина была сбита с толку. А потом вдруг поняла, где уже видела этого мужчину. Ее словно холодной водой окатило. – Вы были в пансионате для престарелых в Ганновере. Мужчина с чаем!

Наушники оказались просто фейком. Во время разговора с заведующей вы нас подслушали.

– К сожалению, у Вандергаст иногда бывают моменты просветления. Было умно выдать себя за ее дочь, чтобы выяснить всю информацию.

– Даже если вы уничтожите мой сотовый и убьете меня, вам это все равно ничего не даст. Заведующая пансионатом для престарелых и мой коллега тоже слышали этот разговор.

Марк! При этой мысли Сабину бросило в холодный пот. Она надеялась, что тот действительно спал, а не был уже давно мертв.

– О них я позабочусь позже, – ответил мужчина. – *Prima quae prius*. Сначала самое важное.

Это могло означать только одно: что Марк был еще жив. Сабина с облегчением вздохнула. Тут она отметила кое-что другое.

Латынь!

– Вы медик, – предположила она. Но как он узнал о них и Вандергаст? Благодаря прессе?

Внезапно Сабина догадалась.

– Вы брат доктора Ульриха Хирша! Председатель в Федеральном ведомстве лекарственных средств. Вы встревожились из-за смерти брата в Вене и самоубийства его киллера. А убийство Ромбуш в Констанце окончательно вас насторожило.

– А вы соображаете быстрее, чем я думал.

– Когда профессор Вандергаст назвала фамилию Хирша, она имела в виду вовсе не вашего брата, а *вас!* Ваш брат просто забирал детей и отвозил их к *вам*. Это *вы* были связующим звеном с фармацевтической отраслью! Вам пришла идея продавать младенцев?

Мужчина помотал головой.

– Моему брату – он знал, что фармацевтическая промышленность заплатит самую высокую сумму. – Молча он потянулся за новым рулоном бумаги.

– Но это вы объединили рентгенографию с фармацевтическим концерном?

Ничего не говоря, он надел рулон туалетной бумаги на ствол пистолета.

– Все ваши попытки бессмысленны! – прокричала Сабина сквозь шум дребезжащих сцеплений.

– Это и не было запланировано, – ответил он. – Я хотел разделаться с Вандергаст. Было бы так просто довести эту старую женщину до инфаркта соответствующим медикаментом, но вы со своим разговором опередили меня. – Он поправил рулон бумаги, навел на Сабину пистолет, вытянул руку и выстрелил.

Не растерявшись, Сабина успела ударить его по руке, но в тот же момент почувствовала, что пуля попала ей в плечо – силой удара Сабину откинуло сначала к стене, а потом на пол. Несмотря на рулон бумаги в качестве глушителя и грохот сцеплений, она чуть не оглохла от выстрела в туалете. Однако сомневалась, что кто-то еще услышал этот шум в конце поезда.

Теперь мужчина стоял над ней, широко расставив ноги.

– Вам это не сойдет с рук! – прохрипела Сабина.

– Вы сами понимаете, что я не могу оставить вас в живых с этим знанием, – сказал он и снова навел на нее пистолет, целясь в голову. Его палец лег на спусковой крючок.

В этот момент большая тень швырнула его в сторону. Прогремел выстрел, пуля прошла мимо, попала в зеркало, и осколки посыпались вниз. Выпавший пистолет заскользил по полу.

В неровном свете мелькающих фонарей Сабина смогла разглядеть, как с Хиршем боролся какой-то мужчина и пытался вдавить ему в шею отбитое горлышко бутылки с острыми краями. Незнакомый мужчина – не Марк и не кондуктор.

Сабина прижала ладонь к плечу и почувствовала, как вокруг пульсирующей раны расходится липкая влага. Запах собственной крови ударил ей в нос.

Краем глаза она увидела, как Хирш, хрипя, лежал на полу, а незнакомец вдавливал ему в глотку разбитую бутылку из-под минеральной воды.

– Я из полиции, – выдавила Сабина. – Этот мужчина нужен мне живым.

– У вас есть все необходимые доказательства, – прохрипел незнакомец с легким французским акцентом. – И мы оба знаем, что совершил этот мужчина. К тому же он пытался вас убить. Он действительно заслужил остаться в живых?

Сабина попыталась подняться, но резкая боль пронзила ее от плеча до груди. Тяжело дыша, она осталась лежать на полу.

– Кто вы?

Мужчина посмотрел в ее сторону, и она узнала его лицо. Это был рыжеволосый парень из ее вагона, который читал французскую газету.

Хирш с подергивающимися ногами лежал на полу, а из его сонной артерии пульсирующими волнами вытекала кровь – в это время мужчина обыскивал пиджак Хирша, пока не нашел то, что искал.

Телефон.

– Он мне нужен, – прохрипела Сабина.

– Я знаю. – Он сунул телефон ей в карман джинсов, затем надавил ладонью на рану.

Сабина заметила, что он в перчатках.

– Кто вы? – повторила она.

– Вы допрашивали Грит Майбах в Вене, затем она выпрыгнула в окно, – сказал он. – Но я вас не упрекаю. Вы с самого начала пытались во всем разобраться.

Это третий ребенок, который был спасен в ту ночь! – пронеслось в голове у Сабины.

– Почему вы здесь? – выдавила она через сжатые зубы.

– Я уже несколько дней следую за Хиршем по пятам.

– Несколько дней?

– Я хотел знать, что он задумал, и призвать его к ответу. А когда он поехал в Ганновер, я понял, что он собирается к Вандергаст. Мне нужно было помешать ему, чтобы у вас была возможность все выяснить.

– Но почему вы... – Сабина стиснула зубы, – в поезде?

– Я видел вас в доме для престарелых, а потом заметил, что Хирш следует за вами.

– Вы бы в любом случае убили Хирша?

– Конечно, нет... – Он замялся. – Это никогда не входило в план.

В конце концов, я, как и вы, хочу, чтобы все было раскрыто. Но я никогда не думал, что мы будем работать вместе и я вам помогу. Из вас бы получилась чертовски хорошая журналистка. – Он улыбнулся, потом прочистил горло. – Это не сквозное ранение. Пуля застряла в плече. Вы выживете. – Он хотел подняться.

– Подождите! – сказала Сабина и схватила его за руку. – Когда и где вы работали вместе с Майбах и Шэффером?

Он помедлил, но затем наконец кивнул.

– В первый раз мы встретились в Браунау – там, где все началось. В квартире недалеко от дома Вальтера Граймса. Пока Граймс чистил свою дорожку от снега, Грит и Томас решили его убить.

– А затем вы позвонили ему с предоплаченного телефона и заманили на пустующую лакокрасочную фабрику в Висбадене.

– Вам необходим врач!

– Только после того, как я все узнаю, – выдавила она. Перед глазами у нее потемнело. Боль пронзала ее при каждом резком движении вагона.

Мужчина сидел рядом с ней на корточках, все еще зажимая рану ладонью. Между тем Хирш перестал хрипеть, а его ноги больше не дергались.

– Да, мы заманили Граймса в Висбаден. Мы сказали ему, что знаем, что он делал в бруггтальском монастыре сорок лет назад. После этого он много раз звонил Вивиане Кронер в Берн. Они хотели выяснить, кто или что стоит за этим сообщением. Угроза? Шантаж? И наконец он приехал на поезде в Висбаден, где Грит схватила его и доставила на фабрику.

Несмотря на боль, Сабина вдруг все ясно себе представила. Пока Шэффер готовил в Германии ловушку для Януса, Майбах занималась в Австрии настоятельницами, а этот мужчина в Швейцарии – акушеркой. Только так все вставало на свои места.

– Вы были в Берне, верно?

Он не ответил.

– Я... – начала Сабина.

– Вам нужен врач, – перебил он ее и поднялся. Затем потянулся и дернул стоп-кран.

Через несколько секунд Сабина почувствовала, как поезд с пронзительным скрежетом начал снижать скорость.

Хирш хладнокровно убил бы ее, но этот незнакомец спас ей жизнь. Инстинктивно Сабина выползла по осколкам из туалета и коснулась бутылки, которая торчала из горла Хирша, чтобы на стекле остались ее отпечатки.

– Что вы делаете? – удивленно прошептал он.

– Уходите!

Мужчина сначала колебался, но в следующий момент все же скрылся.

Глава 74

Через три четверти часа Сабина наконец-то лежала с повязкой на носилках, и ее закатывали в кузов машины скорой помощи.

Они находились где-то на запасном пути маленького заброшенного вокзала за много километров от Франкфурта. Рядом с поездом стояли патрульные машины, уголовная полиция, катафалк и автомобили скорой помощи. Никому из пассажиров нельзя было покидать поезд, поэтому они с любопытством прижимались лицом к стеклам, чтобы взглянуть на машины спецслужб. Ко всему прочему, на месте была и телевизионная группа, которая вела прямой репортаж о «происшествии в поезде».

Одна журналистка хотела взять у Сабины интервью, но Марк и врач вмешались и не позволили.

Теперь Марк сидел на вертящемся стуле рядом с Сабиной в машине скорой помощи. Двери закрылись, и машина тронулась. Марк хотел что-то сказать, но тут зазвонил телефон Сабины.

– Можно? – Марк вытащил телефон из кармана ее джинсов и озвучил имя на дисплее. – Это Конни.

– Моя младшая племянница... дай мне ее, пожалуйста. – Обезболивающие и успокаивающие средства уже начали действовать. Во рту у нее пересохло, а по телу разливалось чувство безразличия.

Марк взглянул на врача, который недовольно нахмурился, на что Марк прошептал *«только недолго»* и поднес телефон Сабине к уху.

– Тетя Бина? – услышала она возбужденный голос Конни.

Сабину вдруг охватило чувство тепла и близости.

– Да, что случилось? – спросила она слабым голосом.

– Мы ели хлопья на завтрак, и вдруг мама закричала из гостиной.

Мы побежали к ней и увидели тебя в утренних новостях по телевизору. Тебя ранили! Как ты себя чувствуешь?

– Да, все в порядке, просто небольшая рана в плече.

– Ты поймала в поезде мерзкого преступника, да?

– Да, типа того, – устало ответила она и не смогла сдержать улыбку.

– А блондин, который был рядом с тобой, твой коллега? – с любопытством спросила она.

– Он тебе нравится? – ответила вопросом на вопрос Сабина. От улыбки у нее даже заболело плечо.

– Мама, Керстин и Фиона считают его классным.

– А ты?

– Да, ничего, – ответила Конни скромным взрослым тоном.

Врач озабоченно покачал головой, Сабина кивнула и подняла руку.

– Еще секунду... – прошептала она, затем обратилась к Конни: – Хочешь поговорить с ним? Я передам ему трубку, – и протянула телефон Марку.

– Э-э-э, алло? – сказал он.

Сабина не слышала, что рассказывала Конни, но у ее племянницы язык был хорошо подвешен, и, казалось, она насмерть заговорила Марка.

– Да, все, что рассказывала ваша тетя, правда, – наконец вставил он и подмигнул Сабине. *Все три у аппарата*, – просигнализировал он ей и оттопырил три пальца. – Ну, вот послушай! Мы всегда носим пуленепробиваемые жилеты, когда работаем под прикрытием... Нет, не могу сказать, это под строгим секретом, но в вертолете у нас всегда с собой приборы ночного видения и тепловизоры. – Он кивнул Сабине.

О, какой стыд!

Она хотела забрать телефон, но Марк отвел руку.

– Конечно, собаки-ищейки тоже с нами... что? – вдруг воскликнул он и заулыбался. – Я вас умоляю! Конечно ваша тетя умеет обращаться с оружием средней дальности.

О господи, я сейчас умру от стыда! Сабина снова заулыбалась.

– Хотите приехать к нам в Висбаден, чтобы навестить вашу тетю?

Нет! Сабина замотала головой.

– О'кей, все ясно, тогда я покажу вам академию, стрельбище и паркур для тренировок, – пообещал Марк. – Разумеется, у меня есть время. И Мартена Снейдера я тоже вам представлю... Ой, простите, вы, конечно, правы... Мартена С. Снейдера.

Он подмигнул Сабине.

Эпилог

Две недели спустя

Рука Сабины лежала в поддерживающей повязке, а синяк на шее так пока и не сошел. Еще неделю ей придется провести на больничном, а затем пройти длительную реабилитацию с программой для восстановления мышц – однако этим солнечным субботним утром она все равно пришла в БКА.

Они с Марком провели для ее племянниц обещанную экскурсию по Федеральному ведомству уголовной полиции. Сначала посетили аудитории академии, затем осмотрели тренировочные паркуры в прилегающем лесу, стрельбище, бассейны для водолазов и учебные залы для симуляции сценариев преступлений.

Затем в отделе криминалистической техники наблюдали, как сверяют отпечатки пальцев с электронной базой, чтобы идентифицировать подозреваемого. Арсенал и камеру вещественных доказательств Сабина им не показала – только комнату для допросов и архив на самом нижнем этаже. Все это время Моника ждала в столовой, завтракая и читая газету.

Теперь они стояли в холле перед столовой; Конни, Керстин и Фиона с бейджами посетителей на футболках, каждая с пачкой брошюр в руках.

– Что понравилось вам больше всего? – спросил Марк.

– Туннель для стрельбы! – в один голос закричали они.

Я так и думала. Сабина улыбнулась про себя. Так как она сама была не в форме, Марк показал им, как проходит тренировка по стрельбе – девочки могли наблюдать, стоя за стеклянной стеной. Правда, до этого Марк заменил картонные манекены на цветные фигуры инопланетян, которые специально смастерил у себя в висбаденской квартире с одним коллегой. Через десять минут от инопланетян остались только разноцветные клочья, повисшие на бечевке. И по его широкой улыбке Сабина поняла, что это доставило ему такое же удовольствие, как и девочкам.

Марк взглянул на часы.

– Так, экскурсия подошла к концу. Два часа, – вздохнул он. – Боюсь, мне пора вернуться к работе.

– Спасибо, – сказали Марку девочки.

– С удовольствием был рад показать вам все.

Сабина снова улыбнулась. Вот *ее* девочки не поблагодарили, но это не страшно. Она посмотрела на Марка, и их взгляды встретились.

Потом оба заулыбались.

Конни потянула Сабину за рукав.

– Это твой новый друг? – прошептала она, но достаточно громко, и Марк услышал.

Новый друг! Как будто у нее их много было. Сабина ничего не ответила, но почувствовала, что покраснела.

– Ну, по крайней мере, мы скоро пойдем в кино, – сказал Марк и посмотрел на Сабину. – И на этот раз фильм снова выберу я.

Сабина закатила глаза. Странный вкус Марка был просто непостижим. Но хотя бы ресторан для ужина ей можно было выбрать самой.

Теперь Конни посмотрела на Марка.

– Ты верный?

– Конни! – шикнула Сабина. – Хватит уже!

Керстин и Фиона расплылись в улыбке. Эти три девчонки были такими любопытными! Наверняка они тянули жребий, кто задаст этот вопрос.

Но Марк оставался невозмутимым. Он оперся о колени и нагнулся к Конни, которая для своих девяти лет была еще маловата ростом.

– Знаешь, сложно найти ту самую женщину, которой будешь верен, – сказал он и перешел на шепот: – Но твоя тетя – эта женщина, только псст... никому не говори!

К счастью, в другом конце холла – там, где находились переговорные, – запахнулась дверь. Оттуда вышли Тина, Снейдер и главный прокурор. Тина, которая все еще немного хромала, выглядела измотанной. Снейдер щелкал суставами пальцев и хмурился. После того как они попрощались с прокурором, тот вернулся в кабинет, а Снейдер и Тина направились в их сторону.

– Это Снейдер, – шепнул Марк девочкам.

Они с открытым ртом уставились на него, потому что сейчас впервые окажутся лицом к лицу с ним.

– Слушайте, – быстро зашептала Сабина, потому что считала необходимым напомнить детям пару вещей. – Снейдер ворчун, который живет в уединенной мельнице на краю леса. Он питается только ванильным чаем и марихуаной и иногда выходит наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Он ненавидит детей.

– И еще он ненавидит тропические растения, они лишают его кислорода, чтобы думать, – добавил Марк. – К тому же он, как вампир, не любит солнечный свет. Но больше всего он ненавидит других людей, и у него аллергия на все, что не такое, как он.

– Так что не удивляйтесь, если он вас сейчас обидит, – завершила короткий инструктаж Сабина.

Оба подошли к ним.

– Это Тина Мартинелли, – громко представила Сабина свою коллегу.

– А вы, должно быть, Конни, Керстин и Фиона. – Тина пожала руку каждой девочке.

Все три уставились на Тинины пирсинги и татуировку, которая тянулась по шее из-под черной футболки, а также на черные волосы, бритые с одной стороны и доходящие до плеча с другой.

– А вы главный комиссар уголовной полиции Мартен Сомерсет Снейдер, – заявила Конни.

Снейдер удивленно посмотрел на девочек. Очевидно, он не рассчитывал на то, что Сабина рассказала им, что означает С его второго имени.

Ох!

Снейдер наклонился к девочкам и протянул им свою длинную руку.

– А вы совсем не такие страшные, как всегда говорила ваша тетя. – С презрительной улыбкой он рассматривал их. – Экскурсия хотя бы была интересной?

Девочки кивнули.

– Когда вырасту, я тоже пойду в полицейскую школу, – заявила Конни и вытянулась, чтобы казаться выше.

Снейдер прищурил один глаз и ткнул в нее указательным пальцем.

– Я буду обучать тебя в академии – и гарантирую, если ты это переживешь, то станешь одной из лучших в БКА, как твоя тетя. – Он посмотрел на Сабину, затем снова на девочек. – Так, что-то еще?

– Да, я должна вас об этом сейчас спросить, – сказала Конни, – потому что уже не решусь заговорить с вами во второй раз.

Снейдер скептически оглядел девочку.

– Да, охотно верю. Так что же ты хочешь знать, наглая девчонка?

– Я слышала, что вы очень... э-э-э, *особенный*, – дипломатично начала Конни.

Сабине хотелось провалиться сквозь землю.

– Возможно, – ответил Снейдер и оттопырил три пальца. – Итак, кратко, что ты хочешь знать?

– У меня только один вопрос. Какие качества нужны, чтобы стать таким, как вы?

– Самодисциплина, – ответил Снейдер и кивнул. – Это единственный способ выдержать всех идиотов в этом здании.

– Можно мне ваш автограф? – воскликнула Конни, пока ее сестры обдумывали это заявление.

– Конечно. – Снейдер вытащил ручку из нагрудного кармана, взял один из флаеров, которые Конни держала в руке, и быстро нацарапал на нем пару слов.

«Для Конни – Мартен С. Снейдер».

У Конни от удивления округлились глаза.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Взгляд Снейдера скользнул по бейджу на ее футболке, затем он постучал себя по лбу.

– Инстинкт, интуиция и умение сопоставлять.

Лишившись дара речи, Конни уставилась на него.

– Так, думаю, на сегодня достаточно, – сказала Сабина.

В этот момент дверь переговорной снова распахнулась. На этот раз в холл вышел доктор Лунгстрём – на костылях, в сопровождении своего адвоката и полицейского. За ним последовала Магдалена Энгельман, которую тоже сопровождали двое полицейских. Лунгстрёма увели прочь, а монахиня под присмотром полицейских направилась к ним. Видимо, она хотела сказать пару слов Снейдеру, прежде чем ее отправят в следственный изолятор.

Снейдер покосился на монахиню, затем нагнулся к девочкам.

– А теперь лучше проваливайте! Желаю вам дождливых выходных.

Девочки вежливо попрощались, затем коллега отвел их в столовую.

– Он вовсе не такой мерзкий, как все говорят, – уходя, прошептала Конни своим сестрам. – Вообще-то очень милый, да?

Затем они были уже вне пределов слышимости.

Да, у сегодняшней молодежи толстая кожа, – подумала Сабина.

Монахиня подошла к ним, посмотрела на Сабину, Тину, Марка и потом перевела взгляд на Снейдера.

Хотя последние две недели Сабина и не была на службе, но она писала отчеты, три раза давала показания и в целом следила за расследованием. Поэтому была в курсе дела.

Представление доказательств в делах об убийствах было закончено, но расследование против Mörweck & Derwald и Glostermed в связи со смертью младенцев только началось. У БКА были показания Лунгстрёма и Вандергаст, и каждый день добавлялись сведения от новых подозреваемых. К тому же СМИ ежедневно освещали скандал в новостях. И так люди, участвовавшие в тех махинациях, один за другим привлекались к ответу.

Сабина узнала, что Лунгстрёму предъявят обвинение только по нескольким пунктам, но генеральный прокурор уже заявил, что в этом деле будет действовать по всей строгости закона, несмотря на армию адвокатов, которую выдвинули обе фирмы.

Что касается Магдалены Энгельман: она признала себя виновной, и ее будут судить за подстрекательство и пособничество в убийстве нескольких лиц.

В конце концов, она все же добилась того, чего хотела, – подумала Сабина. Ценой жизни своих детей. Правда, третий помощник монахини был еще жив, о чем знала только Сабина. Следствие против возможных сообщников Майбах и Шэффера было остановлено, потому что официально все убийства совершили они вдвоем.

Кто бы это ни был – тот, кого монахиня в ночь пожара вынесла из монастыря и с кем Сабина повстречалась в поезде, – он спас ей жизнь и помог сохранить доказательства. *Тебе лучше всего залечь на дно там, откуда ты пришел.* Сабина лишь надеялась, что ему хватит ума

никогда не навещать в тюрьме женщину, которая спасла ему жизнь. Это цена, которую ему придется заплатить, чтобы остаться нераскрытым. Но он наверняка умен.

– Вы хотели что-то сказать мне с глазу на глаз, – обратилась к Снейдеру монахиня, пока оба полицейских ждали ее чуть поодаль.

Снейдер кивнул.

– По крайней мере, не в присутствии адвокатов и коллег-полицейских. – Он помассировал точку на виске, затем понизил голос. – Два дня назад я получил от судмедэксперта результат сравнения ДНК. У нас есть не только подтверждение, что Томас Шэффер и Грит Майбах были вашими детьми, но мы также выяснили, кто с большой вероятностью их отец. – Он сделал паузу. – Вы хотите это знать?

Сабина затаила дыхание. Краем глаза она увидела, что Марк и Тина были удивлены не меньше ее.

Монахиня долго смотрела на Снейдера, затем кивнула.

– Янус старший?

Снейдер приподнял брови.

– Не знаю, принесет ли это вам чувство удовлетворения, но я могу гарантировать, что с бамбуковыми ростками в теле он умирал медленно и мучительно.

Монахиня сжала губы.

О, черт, – подумала Сабина. Старый Янус не только направлял своих клиентов в монастырь, но и самолично пользовался этой монахиней.

– Ваши дети это знали? – спросил Снейдер.

Монахиня помотала головой.

– Я предполагала, но никогда не говорила с ними об этом.

И они, не ведая, убили собственного отца.

– Если вы хотите, мы сокроем эту информацию, – предложил Снейдер.

– Спасибо.

– Прощайте. – Снейдер даже протянул ей руку, и это рукопожатие длилось дольше, чем при обычном прощании.

Затем монахиню увели. Снейдер задумчиво посмотрел ей вслед, и в его взгляде – если Сабина правильно интерпретировала – действительно было немного восхищения смелостью этой женщины.

Затрезвонивший телефон Снейдера разорвал непривычную тишину, но он отклонил звонок, даже не взглянув на дисплей.

Вскоре зазвонил и сотовый Сабины – новым, более броским рингтоном.

Sometimes, I feel I've got to... tom-tom... run away...

Она ответила – это был президент БКА. Пока слушала его лаконичное сообщение, иногда вставляя короткое «да», Снейдер продолжал смотреть вслед монахине, которую коллеги вывели через дверь-вертушку наружу.

Наконец Сабина отняла сотовый от уха и оглядела присутствующих.

– Дирк ван Нистельрой хочет поговорить с нами. – Она посмотрела на Снейдера. – Со всеми и немедленно, в его кабинете.

Когда Сабина, вслед за Снейдером, Тиной и Марком прошагала мимо секретарши ван Нистельроя и вошла в кабинет шефа, она увидела, что Хоровитц и Кржистоф были уже там.

Кржистоф, с повязкой на шее, устроился на стуле перед письменным столом ван Нистельроя. Рядом в новой инвалидной коляске сидел Хоровитц – на этот раз все-таки с электрическим мотором, наверняка она была оплачена из бюджета БКА.

Как только они расселись на четырех свободных стульях рядом с Кржистофом и Хоровитцем, ван Нистельрой смерил их строгим взглядом.

– На этот раз мы отделались немалой кровью, – начал он.

Сабина знала, на что он намекал. Не только на задержание Майбах и ее самоубийство в Вене, но и на смерть Шэффера в Гааге и множество жертв, которых они не сумели спасти. К тому же генпрокуратура проверила обстоятельства «самообороны» – в деле о смерти брата министра Хирша в экспрессе, следовавшем во Франкфурт, – и прекратило расследование против Сабины.

– На наше счастье, даже иностранная пресса пишет благосклонные репортажи о нашей следственной работе. – Он бросил на стол номер бернской газеты. *«Фармацевтическая отрасль и депутаты ЕС в безвыходном положении!»* – гласил заголовок.

Сабина покосилась на статью. И кое-что вспомнила.

«Из вас бы получилась чертовски хорошая журналистка».

Похоже, она знала автора.

– Почему вы улыбаетесь, Немез?

– Простите, – быстро ответила она и сделала pokerное лицо. – Ничего такого.

– Ну что мне с вами делать? – вздохнул ван Нистельрой и посмотрел на них. Его взгляд ненадолго остановился на повязке Сабины, затем переместился на ссадины у Тины на лице, которые уже заживали, потом на новую коляску Хоровитца и перевязанную шею Кржистофа. В целом группа все еще выглядела немного потрепанной.

– Все-таки мы были хорошей командой, – сказала Тина.

– У нас в БКА достаточно хороших команд и групп, – ответил ван Нистельрой.

– Но ни одной по-настоящему эффективной для экстремальных случаев, – заметил Марк.

Ван Нистельрой поднял руку.

– Больше никогда меня не перебивайте, это был риторический вопрос! – Он покачал головой. – Эти особые полномочия были разовым экспериментом.

– Но особые условия требуют и особых мер, – вмешался Хоровитц.

– А если подумать, кто за всем этим стоял, то мы неплохо справились, – добавил Кржистоф. – Не в последнюю очередь благодаря вашей помощи. Вы вполне...

– Стоп! Я не хочу больше ничего об этом слышать, – ван Нистельрой поднял руку. – На этом эксперимент завершен, и продолжения не будет.

Все молчали, только Снейдер, который до сих пор ничего не сказал, прочистил горло.

– Я буду работать только с особыми полномочиями и с этой командой, – заявил он. – Тебе решать.

Ван Нистельрой мрачно уставился на Снейдера и долго смотрел на него, потом на столе щелкнуло переговорное устройство. Это была его секретарша.

– Звонок, которого вы ждали.

– Переключите, – сказал ван Нистельрой, дождался звонка и поднял трубку. Представившись, он какое-то время слушал. С каждой секундой его лицо все сильнее мрачнело.

Сабина не слышала ничего, что говорил собеседник ван Нистельроя, но наконец президент БКА кивнул.

– Да, господин министр иностранных дел, я знаю, что полиция и судебная власть в Восточной Европе до сих пор очень коррумпированы. И я также знаю, что там по-прежнему пропадают немецкие граждане, но в настоящий момент я не могу направить туда особую кома... – Он замолчал. – Да... да... конечно, я понимаю, что в этом случае необходима помощь БКА, – спустя какое-то время сказал он. Затем поднял глаза. – Но разумеется, если вы настаиваете, при необходимости я могу направить группу... так точно... через пару недель они будут в полной готовности... большое спасибо. – Ван Нистельрой попрощался и положил трубку.

Снейдер наморщил лоб.

– О чем речь?

Взгляд ван Нистельроя прояснился, и Сабина впервые заметила у него такую же презрительную улыбку, как у Снейдера.

– Согласен, – наконец сказал ван Нистельрой и ухмыльнулся. – Надеюсь, загранпаспорт ни у кого не просрочен.

Благодарность

Сначала я хочу поблагодарить моих тестовых читателей Хайдемари Грубер, Гюнтера Суду, Веронику Грагер, Габи Вильхальм, Романа Шляйфера, Роберта Фройхофера, Барбару Круссиг, Себастьяна Астера, Дагмар Керн, Юргена Пихлера, Лотара Лёзера и Ульрике Шиссер за их неустанную поддержку.

Также я благодарю моего гениального редактора Веру Тиленхаус, креативную команду издательства Goldmann, моего пресс-секретаря Ирми Кайс, Романа Хоке и его великолепное литературное агентство AVA International в Мюнхене и еще раз мою жену Хайдемари, которая уже много лет берет на себя организацию авторских чтений.

Части романа были вдохновлены рассказом «The Beautiful Uncut Hair of Graves»^[37] Дэвида Моррелла из его сборника «Black Evening»^[38] – автора, которого я почитаю с юности и чьи короткие рассказы советую каждому, кто любит мрачные истории.

Кроме того, этот роман не состоялся бы без помощи следующих людей: доктора медицины Хельмута Нидерэкера из Берндорфа, профессора, доктора медицины Кристиана Яковски из Института судебной медицины при медицинском факультете Бернского университета, а также доктора медицины Лотара Лёзера, анестезиолога и врача скорой помощи.

Я благодарю магистра естественных наук Беньямина Шрёдера из Института физической химии Гёттингенского университета имени Георга-Августа и доктора Маркуса Галяйтнера за консультации по химическим вопросам.

Адвоката доктора Герду Малер-Хуттер из Берндорфа, прокурора доктора Франка Хеллера из Берлина, а также первого главного комиссара уголовной полиции в отставке Ханса Буша из БКА Висбадена за консультации в правовых и технико-криминалистических вопросах.

Дьякона и организатора похорон Ханнеса Лаферля за разговоры о смерти и погребении, Штефана Вагнера за ИТ-консультации, Германа Вильхальма за его объяснения, как устроена моторная яхта, Бьорна Пайперта из тату-салона «Фарбенкульт» в Гладенбахе за его

«блестящие» идеи и Мартена Мульдера за то, что он расширил репертуар ругательств Снейдера.

Также я благодарю сестру Марину Циттеру из ордена Святой Урсулы в Вене за знакомство с ее монастырем, а также магистра Вольфганга Пасета из римско-католической церкви в архиепархии Вены.

Хочу сказать спасибо Руди Саттлеру из Берндорфа. Он ездит на велосипеде, сидит в Интернете, катается на лыжах, руководит институтом массажа – при этом он незрячий и делал корректуру тех частей романа, где речь идет о слепоте. Тут же я хотел бы поблагодарить Ахима Буха, который уже столько лет озвучивает мои аудиокниги.

Я благодарю также доктора Бассиля Амир-Ленера и инженера Маттиаса Пауля из Института радиационной онкологии земельной клиники в Винер-Нойштадт, которые вместе со мной разработали используемую в романе теорию радиационных исследований и придумали Hell7. Многое в романе выдумано – но патер Михаэль Хасс действительно существует.

Спасибо, что снова мог расследовать и убивать для вас...

notes

Примечания

1

Доброе утро (*нидерл.*).

2

Проклятье (*нидерл.*).

3

Черт возьми!»! (*нидерл.*)

4

Человек, ввозящий нелегальных мигрантов.

5

Understatement (*англ.*) – преуменьшение, недосказанность.

6

Дурак, болван (*нидерл.*).

7

Чертов идиот (*нидер.*).

8

От *нем.* Engel – ангел.

9

Какого черта! (*нидерл.*).

10

Услуга за услугу (*лат.*).

Мерзавец, негодяй (*нидерл.*).

Нет! (*польск.*)

Емкость для шаров.

Спасти президента (*англ.*).

Pool boy (*англ.*) – чистильщик бассейна.

Буквально с *англ.* «палочка и ручка», стиль также называют хенд-поук (hand роке, от *англ.* рука и протыкать).

Убийца (*нем.*).

Нехорошо! (*нидерл.*)

Seehund (*нем.*) – дословно «морская собака».

Образ действия (*лат.*).

Земельное управление уголовной полиции (*нем.*).

Хорошо! Черт возьми, хорошо! (*нидерл.*)

Дурак (*нидерл.*).

Иногда я чувствую, что мне нужно убежать (*англ.*).

Порочная любовь (*англ.*).

Немецкий музей достижений естественных наук и техники.

Нагорье на западе Германии.

«Город ООН», Венский международный центр, где размещаются многие организации ООН.

Туристическая пешеходная тропа, маршрут в Германии протяженностью 320 км, проходит по «романтической» долине Рейна, в основном вдоль восточного берега реки.

Чертовы идиоты (*нидерл.*).

Наука и исследования в современной биологии (*англ.*).

Хорошего дня! (*нидерл.*)

Вечер при свечах (*англ.*).

Морской дьявол (*англ.*).

Hell (*нем.*) – яркий, светлый.

Хорошо (*φρ.*).

«Прекрасные нестриженные волосы могил» (*англ.*).

«Черный вечер» (*англ.*).